

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

ИСАЕВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

**ФИТОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант – доктор
филологических наук,
профессор
Сергеев Виталий Иванович

Чебоксары – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ФИТОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	14
1.1. Обзор фитонимических исследований (арборетум и дендронимия)...	14
1.2. Языковая картина мира, языковая картина мира человека, фитонимическая картина мира, мифологическая картина мира.....	34
1.3. Серия лексическая: «растения» как концептосфера.....	37
1.4. Концепт, концептосфера в антропоцентрической парадигме как универсалия языковой картины мира.....	54
ГЛАВА 2. ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОТАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	70
2.1. Синхронная реконструкция структуры фитонимов.....	70
2.1.1. Тематическая группа слов как микросистема. Синхронная реконструкция тюркских слов со значениями «дерево», «лес».....	72
2.1.2. Структура тюркского корня по данным синхронной реконструкции.....	81
2.1.3. Развитие корня.....	89
2.1.4. Структура тюркских слов, выражающих понятие «дерево».....	99
2.2. Фономорфемная характеристика ботанической лексики нетюркских (алтайских) языков.....	121
2.2.1. Открытый слог в двусложных словах в языках различных систем.....	125
2.2.2. Словообразовательная структура слов со значением «лес» в монгольских языках.....	130
2.2.3. Словообразовательная структура слов со значением «дерево» (видовое название) в монгольских языках.....	135
2.3. Структура слов со значением «лес» в тунгусо-маньчжурских языках.....	142

2.4. Фономорфемная характеристика ботанической лексики неалтайских языков.....	153
2.4.1. Морфемная структура слов со значением «лес» в уральских языках.....	153
2.4.2. Морфемная структура слов со значением «лес» в индоевропейских языках.....	160
2.4.3. Морфемная структура слов со значением «дерево» (видовое название) в русском языке.....	168
2.4.4. Структурный состав фитонимов в кавказских языках (адыгская группа).....	171
ГЛАВА 3. ИЗОСЕМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И УСТОЙЧИВЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СИГНАЛЫ В ФИТОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЯДА ЯЗЫКОВ	175
3.1. Изосемические фитонимические конструкции: когнитивная характеристика.....	175
3.1.1. Локальная изосемическая модель.....	177
Подкласс «1:1».....	177
Подкласс «1:2».....	181
3.1.2. Мифологическая изосемическая модель.....	184
3.1.3. Изосемическая модель «родо-видовые соотношения».....	187
3.1.4. Изосемическая модель «фитоним как часть множества».....	190
Подкласс «1:1».....	190
Подкласс «1:2».....	193
3.1.5. Атрибутивная изосемическая модель.....	196
3.1.6. Изосемическая модель «фитоним как производимая продукция».....	198
Подкласс «1:1».....	198
Подкласс «1:2».....	201
Подкласс «1:3».....	203
Подкласс «1:4».....	212

3.1.7. Изосемическая модель «фитоним как вид абстракции».....	213
3.1.8. Изосемическая модель «одушевление фитонимов как принцип».....	215
ГЛАВА 4. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИТОНИМОВ В ФОЛЬКЛОРНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ, В ПАРЕМИОЛОГИИ И ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ.....	220
4.1. Базисные номинанты-фитонимы в паремиологическом пространстве русского и чувашского языков.....	220
4.2. Бинарные композиции пословиц со значением «растительный мир» – образная основа паремий в паремиопространстве.....	227
4.3. Флористические текстовые единицы в художественном дискурсе.....	232
4.3.1. Лексико-грамматические особенности фитонимов.....	232
4.4. Символическое значение флористических текстовых единиц в творчестве русских и чувашских писателей (Фитонимы с символической семантикой).....	237
4.5. Категории локальности и темпоральности во флористических текстовых единицах.....	257
4.6. Антропоморфизм флорем.....	262
4.7. Ключевые устойчивые единицы-фитокомпоненты в русском и чувашском языках. Ключевые фразеологические единицы-фитокомпоненты, объективирующие фитонимическую картину мира.....	266
4.8. Эмоционально-аксиологический компонент в семантике флористических фразеологических единиц.....	271
4.9. Компаративные флористические фразеологические единицы в системе русского и чувашского языков.....	276
4.10. Лингвокультурологическая характеристика состояния субъекта, ситуации флористическими фразеологическими единицами.....	279

ГЛАВА 5. АССОЦИАТЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «ФИТОНИМЫ»	287
5.1. Методы анализа данных ассоциативного эксперимента	287
5.2. Комплексное исследование данных ассоциативного эксперимента	302
5.3. Определение национально-культурного компонента семантики слов-фитонимов	318
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	353
Список сокращений и условных обозначений	361
Литература	361
Приложения	406

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В сопоставительной лингвистике последних десятилетий стали заметно превалировать антропоцентрические тенденции изучения национальных языков как части духовной культуры человека. Это стало характерным и показательным индексом исследований целого ряда лингвистов: Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова и др. Антропоцентричность выступает как регулярная константа любого языка, это закономерно вызывает необходимость проведения типологических и сопоставительных исследований в разноструктурных языках, позволяющих выявить универсальные и специфические их признаки.

Новая парадигма подхода к рассматриваемым явлениям связана с анализом феномена междисциплинарного характера, с поиском концептуальных категорий исследованиями в области лингвокультурологии. Это является определяющим признаком теоретических изысканий лингвокультурологов (В.В. Красных, В.А. Маслова и др.), этнолингвистов (А.А. Потебня и др.), лингвофольклористики. Такая методология вытекает из языковой картины мира (ЯКМ) (Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия и др.), национальных стереотипов мышления. Фактор фитонимического значения представляет собой универсальное номинативное поле национальной языковой картины мира, в которой воплощается лингвокультурологический кодекс, действующий на оси «язык – культура – этнос». В фитонимических единицах отражается культурно-исторический, социально-общественный, профессиональный и бытовой опыт носителей языка. Однако до сих пор весь пласт фитонимической картины мира в рассматриваемых нами языках не был предметом специального исследования. Комплексный лингвокультурологический анализ выступает как один из путей глубинного познания содержательной стороны сопоставляемых языков, раскрывает закономерные связи между их уровнями, рассматриваемыми на срезе фонолингвистических

и экстралингвистических факторов.

Объектом исследования – фитонимических единиц ряда разноструктурных языков, функционирующих в фольклорных и художественных текстах, а также в повседневной речевой практике. **Предмет** исследования – структурно-семантическая, фonomорфологическая организация данного пласта и её функциональные особенности в языковом дискурсе.

Цель исследования – характеризовать на основе сравнительно-сопоставительного и типологического анализа фитонимов ряда структурно отдалённых друг от друга языков (не только русского и чувашского, но и других) их типологическое сходство и различия, выявленные в маркировке фитонимической картины мира.

Цель исследования определяет следующие его **задачи**:

- выявить особенности национальной языковой картины мира и проанализировать степень изученности фитонимической картины мира в разнотипных языках;
- рассмотреть сопоставимый корпус фитонимов не только русского и чувашского, но и алтайских, финно-угорских, индоевропейских и кавказских языков;
- на основе сравнительно-сопоставительного подхода исследовать фитонимы разноструктурных языков, придерживаясь правил, основываясь на адекватной, выверенной методике исследования;
- сравнить и сопоставить названия предметов как денотативно-референтные единицы языка (слоги, фонетические слова, морфемы, лексемы включая в круг рассмотрения преформантов и детерминативов);
- поставить во главу угла феномен корневых морфем и реляционно-деривационных формантов (расширителей корня);
- проанализировать структурно-семантические и деривационные свойства фитонимов в чувашском, русском, алтайских, финно-угорских, индоевропейских и кавказских языках и выявить универсальное, характерное

для всех исследуемых объектов;

- обосновать теорию двух-, трехбуквенности корня и выявить адекватный структурный состав фитонимов;

- проанализировать характер языковой образности фитонимических фразеологических единиц;

- при сопоставительном рассмотрении паремийного материала русского и чувашского языков учесть особую, определяющую роль отчетливо выраженной национально-культурной семантики фитонимов одного языка, сопоставляемого с другим языком, как базового начала выявления изосемантических рядов, выявить и корпус семантических корней слов;

- провести анализ фитонимических единиц (ФЕ) в мифологическом аспекте (дискурсе);

- исследовать особенности использования фитонимических текстовых единиц как средств художественной поэтики писателя;

- определить символику фитонимов в языковой культуре и ее отражение в творчестве русских и чувашских писателей;

- раскрыть возможности использования методологии ассоциативного эксперимента для анализа фитонимической картины мира, проанализировать функционирование соответствующей картины мира в реакции-высказывании.

Источниками исследования послужили научные издания по фитонимической тематике, русские и чувашские энциклопедии и следующие словари: «Фразеологический словарь русского языка», «700 фразеологических оборотов русского языка», «Русский фразеологический словарь», «Словарь русских пословиц и поговорок», «Словарь устойчивых сравнений русского языка». Материалом для настоящего исследования также послужили собрания сочинений русских и чувашских писателей, словарные статьи из словарей В.И. Даля, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова и других словарей.

Эмпирической базой диссертации являются 2120 единиц фитонимической лексики, полученные методом выборки из русских и

чуваших ботанических словарей, более 15 тысяч пословиц и поговорок, организованных в ассоциативно-вербальные блоки вокруг наиболее активных в паремиологическом пространстве компонентов. Для иллюстрации функционирования фитонимических единиц использованы данные ассоциативного эксперимента (АЭ), реципиентами которого выступили студенты вузов и учащиеся общеобразовательных школ Чувашской Республики.

Теоретической и методологической базой создаваемой концепции исследования являются труды как отечественных, так и зарубежных языковедов в области теоретической лингвистики (Е.С. Кубрякова и др.), когнитивной лингвистики, специалистов по лингвистической типологии, теоретической семантике, по словообразованию и теории номинации (Л.В. Щерба, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Е.С. Кубрякова и др.): Ю.Д. Апресян, Т.Г. Винокур, Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, А.К. Шагилов, J. Pokorny (Ю. Покорный).

При решении поставленных задач приоритетными стали синхронно-сопоставительный, семантико-номинативный, статистический и сопоставительно-типологический **методы исследования**, а также метод фразеологической идентификации, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа, метод лингвистического прогнозирования. При структурной организации собранного фитонимического материала был использован полевой метод, способствующий квалификации фитонимического дискурса как упорядоченной системы. При сборе и обработке данных плодотворными стали метод сплошной выборки лингвистический эксперимент, статистическое описание. Для демонстрации специфики ключевых слов использовались приемы лексикографического описания, собственно стилевой анализ художественного текста, а также ассоциативный метод.

Достоверность полученных результатов обеспечивается

качественной и количественной репрезентативностью выборки информантов (участниками эксперимента стали 1720 респондентов – школьников и студентов); большим объемом экспериментального материала (всего проанализировано в разных аспектах 28 314 ассоциативных реакций).

Научная новизна работы заключается в том, что это первое исследование, посвященное всестороннему изучению фитонимической картины мира (ФКМ). В диссертации осуществляется многоаспектный и комплексный подход к анализу особенностей ФКМ. Впервые уделено внимание сопоставительному изучению данного фрагмента ФКМ, представленного в ряде разноструктурных языков (русский, чувашский и др.). В диссертационном исследовании представлен опыт сопоставительного изучения соответствующего ядерного фрагмента ряда языков с учетом структурно-семантических и номинативных особенностей фразеологических единиц; на основе применения интегрально-дифференциального подхода показана национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом-фитонимом; проанализированы функциональные особенности фитонимов в фольклорном дискурсе, определены новые параметры и составляющие фитонимического паремиологического пространства; рассмотрены и проанализированы флоремы текстовых единиц и их функциональные возможности в эстетическом мире русских и чувашских писателей; на их основе охарактеризованы функциональные особенности фитонимов в идиостиле мастеров художественного слова. ФКМ исследуется в новом ракурсе, а именно на материале ассоциативных реакций.

Теоретическая ценность работы заключается в выявлении особенностей ФЕ с фитокомпонентами в неродственных языках. Результаты исследования внесут свой вклад в дальнейшее развитие теории фольклорного, паремиологического, фразеологического дискурсов. Используемый в диссертационном исследовании метод анализа (образно-мотивационный, фольклорный и фразеологический аспекты) ФКМ может быть применен при изучении других языковых картин мира. Полученные результаты также

будут способствовать выработке методики проведения лингвофольклористического анализа.

На материале ФКМ выявляются смысловые приоритеты ЯКМ писателей, определяется функциональная значимость наименований растений в построении художественного текста. Выводы, полученные в результате исследования, углубляют представление о своеобразии художественного языка того или иного писателя и способствуют решению ряда проблем в области авторского идиолекта.

Теоретически значимым является использование ассоциативного поля, широко применяемого в когнитивной лингвистике.

Практическая значимость. Основные положения исследования, его выводы могут быть использованы в лекционных курсах по лингвокультурологии, лингвофольклористике, на практических занятиях по анализу художественного текста, при создании словарей художественной лексики писателя.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сопоставительный анализ фомоморфологических, номинативных особенностей фитонимов в разносистемных языках позволяет выявить дифференциальные признаки, наблюдаемые в ходе категоризации фитонимического пространства.

2. Фитонимические фразеологические единицы отличаются особой природой, проистекающей из нерасторжимого единства цельно- и отдельно-оформленности компонентов фраземы, такими дифференциальными признаками являются компаративность, аксиологичность и т.п.

3. Стереотипы фитонимов могут определить закономерную связь между информацией, заключенной в фольклорных текстах, и объемом информации выбираемой идиомы, актуальной для современной языковой ментальности.

4. В фитонимическом паремиологическом и фразеологическом пространстве могут быть установлены постоянные и переменные величины и

границы их подвижности, ибо статическое и динамическое проявляются в паремике в разных аспектах, на разных уровнях.

5. Флоремы в составе текстовых единиц представляют особый уровень стратификационного механизма языка.

6. Флоремы в произведениях русских и чувашских писателей выступают как индекс продуктивного способа развития семантики, отражающий своеобразие видения мира автором.

7. ФКМ как универсальная и базовая картина мира объединяет в себе когнитивные процессы и универсалии языка.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Полученные результаты соответствуют формуле специальности 10.02.20 «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» по следующим указанным в паспорте определениям: «разработка и развитие языковедческой теории и методологии на основе изучения генетически связанных родственных языков и установления соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве»; «изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними»; «исследование и описание языка через его системное сравнение с другими языками с целью пояснения его специфичности»; «выявление различий между сравниваемыми и сопоставляемыми языками».

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации нашли отражение в опубликованных 42 работах: в 5 монографиях, в 2 учебно-методических пособиях, в 15 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования научных результатов диссертации на соискание учёной степени доктора наук, и 20 статьях в научных сборниках. Освещались на международных (Россия, Казахстан, Турция); всероссийских (г. Чебоксары, г. Стерлитамак, г. Улан-Удэ) и региональных (г. Чебоксары) конференциях. По итогам опубликованных работ имеется 9 цитирований в системе РИНЦ и 2 индекса Хирша.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, условных обозначений, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения. Общий объем диссертации составляет 414 страниц.

ГЛАВА 1. ФИТОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. Обзор фитонимических исследований (арборетум и дендронимия)

В середине 50-х гг. XX в. отечественные языковеды стали пристальное внимание уделять сравнительно-историческому изучению отдельных тематических групп лексем.

В чувашском языкознании научное описание флористической лексики (народных названий растений) впервые было проведено М.И. Скворцовым. В небольшой по объёму статье автор рассмотрел структурно-семантические особенности некоторых названий растений, особенности их многозначности, разновариантности [270. С. 264–275]. Выводы М.И. Скворцова дают плодотворную почву для исследования рассматриваемых единиц, особенно для уяснения сути взаимоотношений полисемии и равновариантности. Наиболее полный свод чувашских растений содержится в «Русско-чувашском словаре названий растений, произрастающих на территории Чувашии» А.Д. Плетневой-Соколовой, А.Н. Львовой и К.С. Дмитриевой [224]. В 1965 г. в печати появился «Определитель высших растений Чувашской АССР» З.М. Кудановой [143], в котором представлено описание 1014 видов дикорастущих и культурных растений. Однако вышеуказанные словарь и определитель являются в основном трудами прикладного характера, они более всего дают эмпирический материал, представленный на оси описания.

Лексико-семантическая группа «флора» отчасти получила отражение в статьях Г.А. Дегтярёва «О номинации трав в чувашском языке» [64], «Названия дикорастущих растений в низовом диалекте чувашского языка» [63] и в его монографии «Чувашская народная агроботаническая терминология» [65]. Добротный этот труд адресован как специалистам, так и

широкому кругу читателей, он посвящен изучению ономазиологической структуры и особенностей территориального распространения (лингвогеографического аспекта) чувашской народной терминологии, связанной с земледелием. Основное внимание автором уделено её «ботанической» части, а именно: названиям культурных растений и сорных трав, обозначениям морфологических частей и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур. Работа Г.А. Дегтярёва представляет теоретическое исследование, указывающее ключ к анализу факторов номинации, что, конечно, органично связано с феноменом новых исследовательских начал.

Этимологическим исследованиям в области чувашской флористической терминологии положила начало статья Ю. Дмитриевой «Названия деревьев в чувашском языке» [82], за которой последовала целая серия статей по этому вопросу. В течение 20 лет по флористической тематике ею опубликовано одиннадцать научных статей, на основе которых в 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию в виде научного доклада под названием «Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка. Названия высших растений». Наработки автора легли в основу монографии «Чувашские народные названия дикорастущих растений (сравнительно-исторический и ареальный аспекты)» [84]. По признанию исследователя глава 1 («Названия деревьев и кустарников») этой работы отличается от имевшейся ранее статьи на эту тему большим объемом использованного материала, а также его систематизацией. Сравнительно-исторический, ареальный, описательный и ономазиологический методы, применяемые Ю. Дмитриевой при исследовании флористической номенклатуры, позволяют успешно решать поставленные задачи, а при рассмотрении происхождения названий деревьев ею использован так называемый палеолингвистический метод, суть которого, как пишет она, «заключается в том, что анализ совпадающих названий растений из общего словарного фонда родственных языков позволяет реконструировать

первоначальные формы, проследить их распространение и на основе этого установить примерное расположение народов, говорящих на исследуемых языках» [84. С. 11]. В целом, работа представляет значительный этап в сравнительно-историческом изучении чувашских фитонимов, трудно поддающихся этимологизации и тем самым весьма в этом смысле интересных, и означает, по сути, обретение новых парадигм пласта лексики.

В своем исследовании Ю. Дмитриева делает вывод, что происхождение большинства названий дикорастущих деревьев в чувашском языке тюркское, тем не менее среди них есть достаточное количество собственно чувашских наименований. Число нетюркских заимствований невелико, и они проникли в чувашскую лексику из языков соседних или исторически контактировавших с чувашами народов. Ядро тюркской чувашской фитонимической лексики составляют пратюркизмы. Целый ряд кыпчакских заимствований в чувашской флористической лексике говорит о длительности взаимодействия болгар и кыпчаков.

Особенностью этимологических изысканий Ю. Дмитриевой в большинстве случаев является перечисление разных точек зрения по поводу того или иного слова. Для наглядности возьмем фитоним *тирек* «тополь», с которого начинается описание пратюркизмов в монографии. Описание фитонима *тирек* занимает пять разных по объему пунктов. Во-первых, приводится информация о том, что тополь и его разновидности на территории Чувашии представлены в небольшом количестве, поэтому чувашаи чаще всего называют это дерево русским словом *тополь*, однако употребляют и тюркское *тирек*. Здесь же указано, что в северо-западных говорах чувашского языка его называют *тар йӱӳс* (*тар йывӳсси*). В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина зафиксировано еще одно название – *пир йывӳсси*. В пункте втором приведены другие названия из данного словаря: *тирек йывӳс*, *тирек йывӳсси* «осокорь», то же дерево называют *кирек йывӳс*, *тирек*. В третьем пункте даны тюркские соответствия названия этого дерева с разнообразной семантикой: «тополь», «фруктовое дерево», «осокорь»,

«черный тополь», «дерево» (общее название), перен. «опора, защита»; «высокий (о человеке)», «пихтовое дерево», «осина» [18. Т. 14. С. 65–66]. В данном случае словарь Н.И. Ашмарина, как и в других отраслях лингвистики, не только дает прагматично-эмпирический материал, но и нацеливает на поиск новых парадигм, которые можно плодотворно использовать в ходе этимологического анализа фитонимов или, как показывает практика, для адекватной квалификации ареальных явлений, позволяет углубить идеи номинирования как факт языка.

В четвертом пункте указывается, что тюркское название тополя в чувашском языке не зафиксировалось и, что *тирек* – заимствование из татарского.

Пятый пункт содержит сведения о культовом значении тополя; информацию о том, что калм. *терэг*, удм. *täreg* «ива-чернотал» были заимствованы из тюркских языков.

Думается, был необходим и шестой очень важный пункт, где могла быть представлена точка зрения на такую этимологию слова *тирек*: **тер* – именная основа (или *тер-* – глагольная основа) + аффикс *-ек*. Этимологический корень **тер* (**тар*) может иметь значение «дерево», а аффикс *-ек* – *может придать* уменьшительно-ласкательное значение.

Известный чувашский этимолог В.Г. Егоров чув. *тар* сравнивает с индийским *тар* «пальма» [94. С. 231]. Не случайно поэтому профессор М.Р. Федотов *тар* (*тар йывăçси*) считает родственным с общетюркским *тирек* ~ *тирăк* ~ *терăк* «тополь». Автор приводит чаг. *тар* (< индийским) «род пальмы», есть еще дерево под названием *тар*, все ветви которого находятся на вершине... [319. С. 176–177]. Мнение же Л.В. Дмитриевой о том, что *тар* «пот» + *йывăçси* «дерево его» [70. С. 200], ошибочно.

Особое место в этом ряду принадлежит монографии В.И. Сергеева, в главе 3 («Процесс объективизации (предметизации)») которой семантический сдвиг представлен в таком виде: «предмет → предмет») подчеркивается, что семантическая структура слова выявляется в контексте;

в связи с этим обосновывается принцип: чем шире сочетаемость слова, тем оно многозначнее. Автор имеет целью показать, что «зовут деревом все, что из него сделано: древка, ратовище и т.п.». Изучением материала «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина и на основе результатов лингвистических экспериментов автором выявлено около 30 значений слова *йывăç*. Монография В.И. Сергеева наталкивает на мысль, которая проистекает в чем-то из «словаристической» концепции Н.И. Ашмарина, – о том, что крайне важно учитывать и контекст того или иного фитонима, и характер его сочетаемости. Безусловно, создание семантического словаря явилось бы важным подспорьем для дальнейших изысканий.

Гипероним *йывăç* «дерево» может заменить любое видовое название дерева: *юман йывăç* «дерево дуб», *çăка йывăç* «дерево липа» и т.д.

Квалифицируя слово *йывăç* как эврисемичное, т.е. «сверхмногозначное», автор построил гипотезу о неизвестности числа значений данного словесного знака [261].

Стоят чуть в стороне от задач структурной лингвистики, тем не менее важны для лингвистики работы Н.И. Егорова. Целый ряд их посвящен дохристианской чувашской картине мира, в том числе и языковой. Автор высказал соображение оправданное о необходимости работ убедительно природу расшифровывает и доводит до нас образ мирового древа (*ама йывăç*) и самого мироздания народа, где образцовым считается синхронное взаимодействие главного объекта (*ама йывăç*) с другими, не менее важными объектами, но венцом этой организации, которая иерархически организует все это, является «дерево жизни» [96].

Монографических исследований об этимологизации названий деревьев и растений в тюркских языках немного (кроме работ Ю. Дмитриевой [84], Г.Г. Саберовой [243] и Р.Г. Ахметьянова, у которого в этимологическом словаре [15] фитономический пласт лексики представлен в общей лексической номенклатуре). В другой работе Р.Г. Ахметьянова [16] этимологическим анализом охвачено более 300 лексических единиц,

относящихся к названиям объектов материальной культуры и общих для татарского, башкирского, чувашского, марийского и удмуртского языков, представлены также некоторые наименования окультуренных растений.

Стоит обратить внимание на работу К.М. Мусаева «Лексикология тюркских языков» [190]. В разделе «Сравнительно-синхронное изучение лексики алтайских языков» он предпринял опыт рассмотрения в сравнительно-синхронном плане некоторых слов, обозначающих названия деревьев и их основных частей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. В монографии есть специальный раздел «Структура и семантика корня», но автор в названиях деревьев не особо обращает внимание на этот аспект.

Интересен опыт Н.Б. Бургановой [37]. Правда её работа имеет узкие рамки и посвящена татарским народным названиям растений. Диалектная флористическая лексика рассмотрена автором с разных точек зрения и представлена в следующих группах: 1) дикорастущие травянистые растения (съедобные, лекарственные, кормовые и т.д.); 2) разные народные названия одних и тех же растений; 3) одинаковые названия разных растений; 4) названия растений с точки зрения словообразования; 5) различие более древних и относительно поздних названий и заимствований.

В плане исследования названий растений в алтайских языках следует особо отметить работу Л.В. Дмитриевой. В её статье «Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках» [71] материал выходит за рамки тюркских языков. По признанию автора, «необходимо исследовать аналогичные названия в других (во всех родственных тюркских) и алтайских языках – монгольских и тунгусо-маньчжурских» [71. С. 159]. Автор приходит к такому заключению: «Рассматриваемая растительная лексика образуется в тюркских языках двумя путями: чаще всего присоединением к основам (обычно глагольным, реже именным) различных аффиксов, а также словосочетанием. Подбор аффиксов в каждом конкретном случае определяется смыслом. Однако чаще встречаются

аффиксы, образующие имена со значением уменьшительности» [71. С. 159]. Следовало бы, на наш взгляд, дополнить данный вывод, указав: также со значением собирательности, путем присоединения к именным основам.

Интересна статья Л.В. Дмитриевой «Названия растений в тюркских и других алтайских языках» [70]. Она приводит материал к трем группам названий: анатомия растений; деревья, кустарники и ягоды; злаки и травы. Лексические данные помещены в трех языковых отделах: 1 – тюркский, 2 – монгольский, 3 – тунгусо-маньчжурский. Материал в каждом моменте изучения даёт в виде схем – перечней названий, которые сгруппированы по однокоренным словам в их основных вариантах, с указанием буквальных значений для целого ряда наименований. В статье рассматривается около 140 наименований растений, наиболее распространенных у тюркоязычных народов и хорошо им известных, и свыше 35 названий, относящихся к их анатомии. Автор отмечает, что в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках названия растений образованы двумя способами: присоединением к глагольной основе (реже к именной) аффикса или сочетанием двух или более слов; в тюркских названиях встречаются аффиксы, образующие имена со значением уменьшительности, что характерно и для славянских и латинских названий. Статья содержит также богатый и полезный материал – список названий растений в алтайских языках.

Следующее этимологическое изыскание Л.В. Дмитриевой под названием «Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках» [69] начинается с толкования *ī-*; *īḡač* // *jīḡač-jaḡač* // *~ aḡač* «дерево». Автор недоумевает: «Если в *īḡač* основа *ī-* «дерево», то аффикс *-ḡač* не требует увеличительного значения. В памятниках и в современных языках он образует отглагольные имена орудия, инструмента, признака, редко – отыменные с уменьшительным значением (последнее в основном в памятниках)» [69. С. 137]. Примеры из памятников позволяют автору делать вывод о том, что «формы без йотированного начала и без

аффиксации древнейшие, нейотированные формы с аффиксом *-γač* старше таковых с йотированным началом. Вероятно, поэтому считают *j-* в *jīγač//jaγač* протезой... или ареальным явлением, не объясняя при этом происхождения формы *aγač*, если в основе его лежит *i* (*>iγač*). Может быть, в *aγač* проявилось действие регрессивной ассимиляции гласных (*iγač > aγač*), обеспечившее легкость произношения? Однако кое-что вызывает и недоумение: непонятно, почему тюрк. *ī* «дерево» должно было дать новое тюркское же обозначение дерева» [69. С. 138]. Ответ здесь прост: слово *aγač* утратило присущее ему уменьшительное значение.

В этой же тематической серии, что и «Названия растений в алтайских языках», Л.В. Дмитриевой опубликован ряд статей в журнале «Советская тюркология» и в сборнике «Языки народов Сибири».

Примечательна работа Б.В. Болдырева, на материале эвенкийского языка описавшего перечень аффиксов, имен существительных, обозначающих растения. Автор рассматривает следующие продуктивные суффиксы:

-кта: *болгикта* «кедр-стланик», ср. *болгич* «кедровник»;

-г: существительные с этим суффиксом обозначают названия зарослей трав, деревьев и кустарников: *октаг* «заросли тальника»; как общий элемент -г содержится в суффиксах: -лиг, -киг, хиг, -саг, -каг, -ваг, -маг: *мбсаг* ~ *мбхаг* «группа деревьев»; фонетической разновидностью суффикса -г является -к: (*ирэк* ~ *ирэг* «лиственничный лес», ср. *ирэктэ* «лиственница»), который в качестве общего элемента имеется в показателях -бэк, -нак, -кик: *каригинак* «березовая роща»; фонетической разновидностью суффикса -г также является формант -нг: *ахйнг* «ельник», ср. *ахйкта* «ель»;

-вун: *лакамавун* «вяз»;

-ки: *нелики* ~ *неликэ* ~ *нелик* «высохшее дерево»;

-кун: *мбхакун* «лес из крупных деревьев»;

-са ~ ха: *мбса* ~ *моха* «лес» [33].

Большинство из рассмотренных суффиксов присоединяется к именной

основе и образует существительные с собирательным значением.

Представляет интерес монография И.М. Стеблин-Каменского «Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений», в которой предметом комплексного исследования служат названия культурных растений Памиро-Гиндукушского региона. Названия огородных, плодовых культур, других съедобных растений рассмотрены автором в историко-лингвистическом аспекте, но широко используются этнографические, исторические, историко-культурные, этноботанические и этимологические данные. В работе впервые на конкретных примерах анализируется связь возникновения этих терминов с историей земледелия на Памире, определены три пути проникновения названий культурных растений в памирские языки. Ученый большую часть названий культурных растений в памирских языках считает заимствованиями и относит к словам культурного круга [284; 285]. Другая статья этого же автора, посвященная флористической терминологии, называется «Флора иранской прародины: этимологические заметки» [285].

В русском языкознании флористическая лексика изучена В.А. Меркуловой. В монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений» [181] автора интересуют слова с затемненной этимологической структурой. Ряд статей В.А. Меркулова посвящает изучению принципов этимологии названий растений [180]. В статье «Несколько диалектных названий растений» автор пишет, что иногда представляют интерес и такие слова, после которых нет пометы «неясно» и словообразовательная структура которых проста и понятна. Как она признаётся «неясность возникает лишь при более внимательном взгляде на семантические отношения производного и производящего, и простая этимология оказывается нуждающейся в дополнительной аргументации» [179. С. 153]. Наибольшую трудность представляют в плане этимологического анализа слова, утратившие по каким-либо причинам родственные связи и подвергшиеся разного рода искажениям и

контаминации. «Сложнее дело обстоит с заимствованиями, воспринятыми при непосредственном контакте двух языков» (Там же).

В.А. Меркуловой принадлежит также статья «К этимологии слова *пихта*» [178]. Её мнение расходится с мнением А. Преображенского, считающего, что «пихта – дерево *Pinus sibirica*; *пихтовый* (диал. сибирск. *пихтарь* – пихтовый лес) заимствовано из немецкого *Fichte* «ель», а также «сосна, пихта»; заимствование народное». Ранее такую мысль высказывал Матценауер: *пихта* рус. *Pinus picea* «ель», «сосна» из нем. *Fichte*. Того же мнения и придерживался М. Фасмер, ссылаясь на Преображенского и Матценауера [317].

Первое возражение автора заключается в следующем: пихтой в русском языке называется дерево *Abies sibirica*, а не *Pinus sibirica*, как полагает Преображенский, и не *Pinus picea*, как утверждает Матценауер. Кроме того, *Fichte* в немецком языке «ель», в некоторых регионах – «сосна», но не является обозначением пихты.

Во-вторых, если предположить, что наличествует заимствование из немецкого языка, то оно могло произойти или через польское посредство, или прямо из немецкого языка. Но в других славянских языках, в том числе и в польском, слово *пихта* не зафиксировано. К тому же прямое заимствование из нем. *Fichte* дало бы в русском *фихта*.

В-третьих, дерево *Abies sibirica* – пихта встречается на территории России в северо-восточных областях и в Сибири. В тех же областях отмечено наличие следующих дериватов: *пихтарник* «пихтовый лес»; *пихтач* «пихтовые деревья», «пихтовый строительный материал», *пихтарь* «пихтовая роща», а в Архангельской области встречается форма *пифта* ($x \sim \phi$).

По мнению В.А. Меркуловой, русские могли заимствовать слово *pīhk*, *pīhki* в значении «большой густой лес» или «сосняк», «сосна» из западнооринских языков. В олонецких и архангельских говорах *пихта* встречается в значении «мелкая еловая заросль» (*пиха* «бор») легко могло быть перенесено на название дерева *пихта*. Ср. в финских языках: *pīhk* –

«большой густой лес», *pihku* «сосна», *pihka* «смола». В последнем примере *pihka* (где *-ka* воспринимается как суффикс уменьшительности, т.е. *tihka* «мелкий частый молодой лесок», «густой мелкий лес») из фин. *pihka* [92]. Выделяя суффикс *-ka* в качестве показателя уменьшительности, автор В.А. Меркулова ни слова не говорит об оставшейся части слова – корне.

Интересно, что Г.А. Богатова обратила внимание на историю существительного *древесина*. Слово *древесина* возникло в начале XIX в. как узкоспециальный (ботанический) термин. Несмотря на «древние» показатели – составные части слова (корень *древес-*, включающий древний основообразующий формант *-ес-*, и один из старейших славянских суффиксов *-ин-*), история существительного *древесина* не так стара и относится к XIX в.

Другие славянские языки при наименовании древесины использовали чаще всего ту же самую словообразовательную модель или, по крайней мере, одну из составляющих ее частей: укр. *деревнина* «древесина»; белорус. *драўніна*; чеш. *drevovina*; словац. *drevovina* «целлюлоза», *drevina* бот. «древесина», но *drevo* техн. «древесина»; болгар. *дървесина*, но польск. *drewnik* «древесина, целлюлоза» и *drewo* техн. «древесина, лесоматериалы».

Термином *древесина* примерно до 40-х гг. XIX в. пользуются лишь в научных трудах по ботанике. В трудах иного назначения даже сами ботаники предпочитали слово *дерево* или неполногласный вариант его *древо*, первоначальной основой последнего в праславянском языке считалось *drevo*. Вместе с неполногласным *древо* из памятников церковно-богослужебной письменности попала на русскую почву основа *древес-* [90].

Г.А. Богатова почему-то форму *древес-* считает корнем и притом глагольным, но тут же указывает, что *-ес* – основообразующий формант. Естественно, корнем слова, как указывают этимологи, является *дер-* < индоевроп. **dru* «дерево».

Происхождение названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых

географических терминов в мансийском языке исследовано Е. Ромбандеевой. По её мнению, манси исключительно точно и метко отмечают характерные особенности древесных объектов, их предназначение и пригодность в хозяйственной деятельности человека, что позволяет утверждать, что предки народа манси, внимательные и наблюдательные к окружающей среде, природе, умели верно определять ценность предмета [239].

Многие этимологии названий деревьев у Е. Ромбандеевой напоминают народную (ложную) этимологию. Например, в её объяснении *ульпа* «кедр» от манс. *унлуп* «древний, вековой» или *унль* «прочный, устоявший», а *-па* – суффикс причастия, букв. «древнейший», «устоявшийся»; ср. *унлуп вёр* «могучий древний лес». На самом деле *-па* не может быть суффиксом причастия, ибо *унль* – прилагательное, а не глагол; а *-па* самостоятельное слово со значением «дерево»; ср. мар. *пу* «дерево, дрова»; ср. мар. Г. *люлты* «ольха». В словах *лямйив* «черемуха», *пацарйив* «рябина» также есть полнозначное слово *ййв* «дерево», напоминающее первую часть чувашского слова *йывăç* «дерево». В названии *мăсыс ййв* «можжевельник» *ййв* пишется отдельно, и словосочетание мотивировано так: *мăсыс* от манс. *мă* «земля», *сыс* «спина», «поверхность земли», *ййв* «дерево»; этот кустарник низкорослый, как бы прижимается к земле (к «спине» земли), букв. «земли спины дерево».

Композитное образование названий ягод: например, *суйтил* «брусника» от манс. *суй* «бор», *тил* «ягода», букв. «боровая ягода».

По мнению автора, в фитонимах содержится всесторонняя характеристика реалии: ствол, ветвь, качество древесины и т. д. Наиболее многочисленны номены, характеризующие качество древесины, его содержимое: 1) «дерево с длинным голым стволом с ветвями лишь наверху» – *тарыг* «сосна», от манс. *тăрыг* «журавль». Сосна – дерево светолюбивое, тянется вверх, ее нижние ветки сохнут и ломаются, поэтому ствол снизу голый, а на верхней части ветки сохраняются зелёными. Издалека сосна действительно напоминает журавля – птицу на длинных ногах. Отсюда

название сосны (оригинальный образец народной этимологии); 2) «дерево, обладающее липкой серой» – *нюлы* «пихта», от манс. *нюлт-ункве* «клясться, давать клятву». В старину серу пихты применяли при спорах по установлению чести и достоинства человека. Сера пихты липкая. Если участники спора в чём-то неправы, то грех к ним прилипает вместе с серой пихты навсегда: не смыть грех, как и серу пихты; 3) «дерево, имеющее большие размеры» – *нйнк* «лиственница», от манс. *нйнк-ункве* «быть видным, могучим», «виднеться». В регионе расселения манси это дерево действительно видное, могучее, прочное, высокое.

О флористической терминологии на материале бурятского, монгольского и калмыцкого языков рассуждает Ц.Б. Будаев: «Анализ флористических названий в монгольских языках показывает, что они даются по следующим признакам растений: а) по цвету: *улаагана* «красная смородина» (от основы *улаан* «красный»); б) по форме; в) по вкусу; г) по месту и времени появления; д) по лечебным свойствам; е) по производному действию» [36]. В статье указаны не только мотивированные названия растений, но и немотивированные: монг. *жодоо* «пихта»; монг. *сухай*, бурят. *хухай* «тамариск»; бурят. *шасаргана*, монг. *чацаргана* «облепиха». Элемент *-гана* встречается в словах *улаагана*, *шасаргана*, *чацаргана*, *шэвээт хялгана* «ковыль-волосатик», но образ, положенный в основу этих слов, стерся и забыт. Автор надеется, что «дальнейшее развитие науки о языке должно вскрыть внутреннюю структуру, характер связи между первоначальным смыслом подобных слов и их внешним оформлением»; ср.: *алтан хаггана* «карагана карликовая», *алтаргана* «карагана мелколистная»; *балишаргана* «чемерица»; фонетические варианты: *-гэнэ* (*зэргэнэ* «хвойник»), *-гоно*: (*носоргоно* «репейник»).

Среди аффиксов (суффиксов), образующих названия растений, автор называет: *-лзай* (*-лзой*), *-аахай*, *-лдай*, *-лж(о)*: *улаалзай* «лилия узколистная», *халаахай* «крапива»; *боролж* ~ *боролжо* «береза кустарниковая», *шаралдай* «сурепица».

Ц.Б. Будаев отмечает, что флористическая терминология пополняется за счет заимствований из русского, тибетского и тюркских языков. Общемонгольскими он считает слова: монг. *хус*, калм. *хусм*, бурят. *хуһан* «береза»; монг. *хуш*, калм. *хошун мод*, бурят. *хуша* «кедр»; монг., бурят. *алим*, калм. *альмы* «яблоко». К статье в качестве приложения дан краткий словарь бурятско-русских названий растений с приведением монгольских и калмыцких соответствий [36].

Интерес представляет статья А.С. Львова «Славянские слова с корнем *chal-/chol*». Слова *халуга*, *haluga* в форме единственного числа известны в ряде современных славянских языков со множеством значений: «густой лес», «бурьян», «пропасть-ущелье», «хворост», «морская трава», «частый кустарник», «водоросль» и т.д. В русском языке: *холудина* «жердь», *холудье* «мелкий лес», «кустарник», «хворост». Автор допускает, что *холудье* в прошлом *cholodie*, т.е. образовано так: основа *chalon-* + суф. *-d-* + суф. *собирает. -ie*. Этимологически неясное *chalupa* «хижина, изба» относится сюда же, образовано присоединением к корню *chal-* суффикса *-up-a*, что характерно для западноевропейских языков. От корня *хал-* /*холл-* образованы: *халушина* «длинная палка», *захолустье* «чаща в лесу», «глухое место в лесу», *холудье* «кустарник», «мелкий лес» и т.д. Во всех этих словах автор обнаруживает корень *хал-* /*хол-*; *chal-* /*chol-*, который первоначально мог обозначать кустарниковое растение, по-видимому растущее у воды, гибкое, пригодное для строительства шалаша, хижины, изготовления плетенок и т.д.

Здесь вопрос вызывает одно: А.С. Львов почему-то корень *хал-* /*хол-* везде дает как глагол, хотя и говорит, что этот корень мог означать «кустарниковое растение», т.е. он представлен как именной корень, а не как глагольный.

Далее автор пишет, что славянское *chal-* /*chol-* не имеет соответствий в других индоевропейских языках в том виде, в каком этот корень зафиксирован в приведенных выше словах. Однако в своем первичном значении («прибрежное, легко гнущееся кустарниковое растение») этот

славянский корень, несомненно, близок к лат. *salix* «ива». Автор допускает, что *chal-* / *chol-* могли восходить к **sōl-* / **sel*, и тут же пишет: «Отметим, что слова с корнем *chal-* / *chol-* зафиксированы только в формах имени. Это понятно, т.к. от непроемных основ слов, являющихся названием растений, глагольные формы образуются исключительно редко, притом исторически поздно и обычно имеют переходное значение, подобно русскому глаголу *дубить*» [49. Ч. 2.С. 628]. Сказано оригинально.

А.С. Львов считает, что корень *chal-* / *chol-* в результате контаминации мог дать вариант *gal-* / *gol-*. В итоге он приходит к убеждению, что славянский корень *chal-* / *chol-* возводится к лат. **sōl-* / **sel* > *salix* «ива» [158]. Но в русском слово *ива* в древности не являлось названием *salix*, ср. *ивка* «дубровка», сербохорв. *ивица* «тж», чеш. *jíva* «тис», латыш. *ģīva* «черемуха», а в греческом это «рябина» [95].

Нельзя не обратиться к монографии А.К. Шагирова «Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков», в которой в разделе «Слова, связанные с растительным миром», в позициях 109–122 даны этимологии слов *орех, слива, груша, колючка, просо, нива, яблоко, кустарник, пихта, дерево* (как материал), *бук, зерно, дуб, каштан, лес*. Для нас интерес представляют названия деревьев и сами слова *дерево* и *лес*. Как и во всех языках, одно и то же слово или его дериваты могут означать и «лес», и «дерево»: адыг. *мэзы*, каб. *мэз* «лес», в убых. *мыдзэ* «ель», абх. *а-мза* «сосна»; абх. *а-бна*, абаз. *бна* «лес», каб. *банэ* «колючка, кустарниковые растения», убых. *бынэ* «лес» могло быть заимствовано из абхазо-абазинской подгруппы; абх. *а-пса*, абаз. *пса*, адыг. *псэйы* «пихта»; убых. *псы* «ель»; *псыс* «древесина ели»; *псыгъуыны* «ель (дерево)», где *гъуыны* – «дерево»; тут же автор приводит ложную этимологию: «У Дирра мы находим *бзыгъуыны* «кипарис», где *гъуыны* – «дерево». В первой части *пезгъуыны* (ср. у Месароша *псыгъуыны*) усматривается *псэ* «рыба». По мнению автора, последнее могло быть использовано из-за внешней формы дерева»; адыг. *пхъэ*, каб. *пхъэ*, убых. **мышъ(э)*, абх. **мхъа* «дерево (как материал),

древесина»; адыг. *тфэ́йы*, каб. *тхуей* «бук»; ср. абх. и абаз. *пичыйэ* «бук»; адыг. лит. *пчэ́йы*, каб. *бжсей* «чинара»; адыг. **чыы*, каб. **жы*, абаз. **джъы* «дуб»; в адыгских языках лексема вычленяется из *чыыгы* / *жыг* «дерево», первоначально означавшего «желудь» – «семя (плод) дуба» [340].

Близко по теме к нашей работе исследование Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [49], где авторами рассматриваются проблемы сравнительно-исторического (диахронического) языкознания в сопоставлении с типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.

Первую часть работы занимает описание индоевропейского праязыка, охватывающее широкий круг фактов и дающее достаточно полное представление о характере этого языка в его динамике и типологическом соотношении с другими языковыми системами. Особый интерес вызывают вопросы, касающиеся структуры индоевропейского корня. По мнению авторов, «корневая морфема определяется как та сегментная часть словоформы, которая остается после вычленения аффиксальных элементов в реконструированных архетипах соотносимых друг с другом слов родственных языков» [49. Ч. 1. С. 215].

Вторая часть монографии посвящена формально-семантической реконструкции праязыковой лексики и очерчиванию на этой основе картины культурно-исторических реалий среды обитания племен – носителей праязыковой системы. Праиндоевропейская лексика представлена по семантическим группам. Исследуются фрагменты индоевропейской культуры, а также культурно-исторические связи индоевропейской лексики с широким кругом языков Древней Евразии. Семантический словарь общеиндоевропейских лексем построен не в алфавитном порядке, а по смыслу: в группы, объединены слова с общей семантикой. Каждая словарная статья семантического словаря демонстрирует не только формальные соответствия между родственными словами индоевропейских диалектов, но и связывает их с явлениями материальной и духовной культуры. На этой

основе проводится реконструкция и для общеиндоевропейского уровня. Особую ценность и значимость для реконструкции экстралингвистических факторов исторического существования носителей определенных языков приобретает формально-семантический анализ лексики, отражающей в принципе все основные моменты исторического существования носителей этих диалектов и языков.

В понятие исторического бытия носителей диалектов и языков включается как экологическая среда (фауна, флора, географическое окружение и климат) и их обитание и движение в этой среде, так и их культура в широком смысле (материальная и духовная). Семантическая реконструкция лексем из диалектов того или иного языка позволяет представить картину жизни и быта носителей родственных диалектов на определённых исторических этапах.

Четвертая глава («Индоевропейские названия растений. Хозяйственное использование растений и их ритуально-культовая роль у древних индоевропейцев») второй части монографии Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова («Индоевропейский язык и индоевропейцы») начинается с описания лексем со значениями «дерево» и «дуб». Общеиндоевропейское слово (хет. *taru*, рус. *дерево*, *древо*, алб. *dru* «дерево», лит. *derva* «сосна», «смола», др.-ирл. *daur* «дуб», др.-сакс. *trio* «дерево», «бревно»). Далее авторы приводят семантическое развитие лексемы со значением «дерево», «дуб»: «дерево» ~ «древесина»; «дерево, дуб» ~ «прочный, верный, надежный»; «вера, убеждение»; «дерево, дуб» ~ «изделия из дерева, дуба»; «дуб, желудь».

Аналогичным образом рассмотрены названия: *береза*, *бук*, *граб*, *ясень*, *осина*, *тополь*, *ива*, *ветла*, *тисс*, *пихта*, *ель*, *сосна*, *ольха*, *ореховое дерево*, *кизил*, *вишня*, *тутовое дерево*, *шелковица*. Далее описанию подверглись культурные растения и злаки: *виноград*, *зерно*, *ячмень*, *пшеница*, *просо*, *рожь*, *овес*, *лен*, *конопля*; кустарники: *вереск*, *роза*, *шиповник*.

Слова *буква*, англ. *book*, нем. *Buch* связаны с особым сакральным значением бука в германской традиции, т.е. с использованием букового

дерева и гладкой его коры как материала и средства для письма, что и отражено в приведенных выше словах. Германское слово *bōka* «буква» заимствовано славянскими языками: ст.-слав. *bukŭ* «буква». Связь названий деревьев – *береза*, *бук*, *граб* – с терминологией письма указывает на технику письменности и изготовление материалов для письма в древнейших индоевропейских культурах.

Переносы «ясень» → «бук», «бук» → «дуб» входят в систему семантических сдвигов мотивированных специфическими экологическими и культурными условиями.

Лексемы типа *abse*, *apse* «осина» заимствованы из индоевропейских языков тюркскими языками: *ансак* ~ *аспак* «осина, тополь».

Названия типа русского *ива* в ряде языков обозначают другие деревья: «тис ~ ива» (др.-чеш.); «черемуха» (лит., латыш.), «виноградная гроздь» (лат.), «рябина» (греч.).

Во многих индоевропейских языках значения «яблоко» и «яблоня» выражаются одним и тем же словом. Сопоставляя хет. *šam(a)lu* «яблоко» с группой индоевропейских слов со значениями «яблоко» и «яблоня», авторы считают их соотносимыми с общеиндоевропейской основой **šam(a)lu* «яблоко». В тюркских языках древнеиндоевропейское **am1u* «яблоко» дает историческое **алма*.

По признанию авторов, семантический словарь индоевропейских реконструкций является, в сущности, индоевропейским этимологическим словарем с расположением лексем не в алфавитном порядке, а по семантическим группам [49. Ч. 2.]¹.

Современная урало-алтаистика представлена новыми работами ученых московской школы компаративистов по данной тематике. В реконструкции мира пратюрков по языковым данным явно выделяется своей изначальной заданностью

¹ Этимологизация и морфемный состав фитонимов приводятся, естественно, в этимологических словарях и исследованиях чувашского [94; 319], татарского [15], тунгусо-маньчжурских [280], русского [317; 341], марийского [56], коми [157], осетинского [1], адыгских языков [339], а также в исследовании М.М. Маковского [162].

значительный языковой материал о растениях [90; 91; 92; 204; 205; 206].

Ученые-русисты Ю.Е. Березкин [28], В.В. Напольских [195], Т.А. Агапкина [2], И.М. Денисова [66], И.А. Морозов [186] в рамках специальной темы номера в журнале «Этнографическое обозрение» опубликовали статьи под общим названием «От культа деревьев к мировому древу и обратно: новые подходы и концепции», где систематизирован и обобщен материал о мировом древе, обозначены причины возникновения мифологических конструкторов, идеализации, обожествления, канонизации образа. И актуальны эти знания в рамках определенного времени и определенной стадии развития каждого этноса.

Интерес представляет работа нового типа – мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков, где дана мотивированная, полумотивированная, немотивированная фитонимическая лексика. В этом словаре представлена номенклатура наименований растений двух языков, обозначены особенности внутренней формы слова, типов мотивированности. Здесь же показаны результаты исследования языкового сознания носителей русского и английского языков [244].

Региональные разработки проблематики по сравнению вышеуказанными работами кажутся легковесными, тем не менее очень важны для изучения современных тюркских языков. Важны они как для классического языкознания, так и для новых направлений, в том числе когнитивистики и этнолингвистики.

На современном этапе в научный оборот введены новые материалы по фитонимике. В рамках апробации основных положений диссертационного исследования нами была проанализирована флористическая терминология различных языковых групп. Даны фономорфологические характеристики ботанической лексики тюркских, алтайских, уральских, индоевропейских языков. Также рассмотрены такие вопросы, как развитие корня слов, открытый и закрытый слоги, словообразовательная структура слов со значением «дерево», «лес». Приведены регулярная многозначность и

изосемантические ряды слов, относящихся к флористической терминологии. Представлены семантические переходы «дерево» ↔ «лес», «дерево» → «часть дерева», «дерево» → «демоническое существо» и т.д. [108; 109; 110]. Описаны совокупность концептов растительного цикла – деревьев, кустарников, наиболее распространенных на территории Чувашии и в средней полосе России. Рассмотрены универсальные и национальные концепты, связанные с флорой, присущие чувашской, русской культурам и культурам тюркоязычных народов [109].

Настоящая тема получила развитие в нашей работе «Ассоциативный эксперимент на материале чувашских дендронимов». Её прикладное значение заключается в том, что она призвана показать возможности проделанного нами эксперимента и приоткрывает фрагмент языковой картины мира молодого поколения чувашей [111].

В диссертации А.Б. Семеновой представлена системная структурно-семантическая интерпретация фитонимов карачаево-балкарского языка, определена роль фитонимии в формировании языковой картины мира, выявлены и описаны основные принципы номинации и способы образования фитонимов карачаево-балкарского языка, а также словообразовательные модели фитонимов [257].

Лингвистику, изучающую природу, в частности фитонимы, можно разделить на три условные категории: 1. Структурная лингвистика, которая подходит к этой проблематике с точки зрения формального строения образующих её компонентов как в плане выражения, так и в плане содержания. 2. Этимологическая составляющая, когда происходит попытка выявления закономерностей возникновения, развития и превращения в неизменность языковых номинаций, языкового классификационного сходства, изменений номинаций под влиянием внешних факторов, т.е. других языков. 3. Изучение языковой картины мира. За этим скрываются региональные, этнические приуроченности – образы, представленные в мифах. Объединение этих образов в рамках единого концепта сродни

попытке расшифровать идентификационные основы этноса. Данное направление получило развитие в науке в целом с конца XX в. и существует поныне. Эти исследования являются междисциплинарными, т.е. идет взаимодействие лингвистики с этнологией, психологией и т.д.

1.2. Языковая картина мира, языковая картина мира человека, фитонимическая картина мира, мифологическая картина мира

Языковая картина мира (ЯКМ) – факт национально-культурного наследия. Язык и есть одна из форм фиксации этого наследия; она же – исторически сложившаяся в сознании носителей языка (т.е. языкового коллектива) и отраженная в языке система образов и представлений человека об окружающей его действительности, способ концептуализации действительности, обозначение репрезентированной в языке реальности.

В лингвистике появление понятия языковой картины мира и в особенности возрождающейся ныне языковой картины мира человека является симптомом возникновения гносеолингвистики – теории познания, раздела лингвистической философии, изучающего возможности познания, исследующего источники, формы и методы познания личности (человека), развиваемого на антропологических началах. Понятие «языковая картина мира человека» (ЯКМЧ) позволяет глубже решить вопрос о соотношении а) языка и действительности, б) языка и мышления, в) языка и человека, как сложного процесса интерпретации человеком мира и мира человека. Картина мира человека представляет собой центральное понятие концепции антропоцентризма в лингвистике и в целом человека как *homo sapiens*, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть в общей теории человека. Общей теории человека в сфере наук пока нет. Проблема человека интенсивно исследуется в ряде социальных, философских и гуманитарных наук. С отсутствием общей теории о человеке связан тезис в следующей формулировке «Человек как общая проблема современной

науки». В различных науках существуют различные определения человека: homo sapiens (человек разумный), homo faber (человек созидающий), homo loquens (человек говорящий), homo ludens (человек играющий), homo sociologicus (человек социологический), homo psychologicus (человек психологический), homo agens (человек действующий), но нет среди них homo linguistucus – человек в языке. Об этом красноречиво сказано в статье Т.Г. Винокура «Речевой портрет современного человека»: «В последнее время чрезвычайно большую популярность приобрели формулы, которые соединяют понятие «человек» с понятиями окружающего мира: «человек и природа», «человек и культура», «человек и технический прогресс», «человек и социальные нормы» и т.п. Забыто (или отодвинуто на второй план) лишь глобальное, предопределяющее все остальные соединения «человек и язык». Сейчас, начиная комплексное изучение человеческого феномена, мы должны отдавать себе отчет в том, что формула «человек и язык», будучи ключом к исследованию самых разных аспектов биологически и социологически значимой действительности, созидающей мир, восходит к наукам филологического цикла: «Лингвистика прежде всего говорит человеку о нем самом»... Человек – носитель языка – имеет в этом случае право выступать главным объектом анализа...» [44. С. 361–370]. В различных философско-антропологических концепциях сущность человека обычно раскрывается путем противопоставления его другим существам: животным, птицам, а в трансцендентальных концепциях также различным сверхчеловеческим существам (богу, ангелам, демонам, дьяволам).

Человек определяется как символическое существо, а иногда и как «животное символическое», «растение символическое», и его портрет, образ и характеристика должны быть даны символическими языковыми знаками: морфемами, словами, словосочетаниями, синтагмами, основанными на антитезе: человек большой, высокий – человек маленький (внешний фактор), человек умный – человек дурной (внутренний фактор), что помогает раскрытию диалектики человеческого тела и души. Поскольку «всё познается

в сравнении», при «сопоставлении» портрета человека мы не отмежевываемся от сравнения и метафоры (скрытого сравнения).

В формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека: ощущение, восприятие, мышление и самосознание. Отражение внешнего мира проявляется в формах деятельности человека действующего. Картина мира человека формирует стратегию цели жизни не только отдельного индивидуума, но и общества в целом. К тому же она, в свою очередь, служит универсальным ориентиром человеческой деятельности, определяющим общее течение всех процессов в обществе, всю его социокультурную жизнь.

Фитонимическая картина мира (ФКМ) входит в более широкую картину мира по формуле «человек и природа», а природа охватывает формулы и «человек-животное», и «человек-машина» (по концепции Ламетри). ФКМ связана и с мифологической картиной мира (МКМ), ибо по аналогии с собой первобытный человек признавал существование души у животных, растений и предметов неживой природы.

Анимизм [*< лат. anima – душа*] считается одной из разновидностей конкретного проявления мифологии, представления об окружающем мире как о живом, одухотворённом существе, фитонимическая картина мира (ФКМ) отчасти проявляется в мифологической картине мира (МКМ) в образе мирового дерева (*ама йываџ*). В мифическом (мифологическом) мировоззрении сакральное [*лат. sacer (sacri) – священный*] пространство является смыслоразличительным образованием, обладающим наибольшей ценностью. Максимально сакральной точкой пространства, космоса, вселенной является центр мира, представляемый в виде мирового дерева. У многих народов в образе мирового дерева выступает *дуб (юман)*. Люди, животные, растения, согласно анимизму, наряду с чувственно воспринимаемой стороной обладают особым активным, независимым от телесной природы началом – душой. Мировое дерево является атрибутом среднего мира, обиталищем людей.

Мифологическая модель мира является антропоцентричной. Человек,

описывающий структуру космоса, ставит себя в его центре, в том самом месте, где совершался акт первотворения. Словесно это изображается так. В период начала Вселенной была только вода (Мировой океан). Первой из водной пучины появилась вершина горы (*Мировая гора – Ама ту*), на ней выросла *ама йывайс* (букв. «мать-дерево»). В древнем мифологическом мировосприятии дерево (мировое дерево) становится религиозным объектом (культ поклонения деревьям). В мифологии выделяют следующие группы растительных культов: 1) система «камень – дерево – алтарь», составляющая подлинный микрокосм на самых древних стадиях религиозной жизни во многих странах мира; 2) дерево как образ Космоса; 3) дерево как космическая теофания; 4) дерево как символ жизни, неистощимого плодородия, абсолютной реальности, источник бессмертия (дерево жизни); 5) дерево как центр мира и опора Вселенной; 6) мистические узы между деревьями и людьми (деревья рожают людей; дерево как хранилище души предков человека; брак деревьев, присутствие деревьев при церемониях инициации и т.д.); 7) дерево как символ воскрешения растительности, весны и «возрождения года» и т.д.

В нашем исследовании ограничимся описанием языковой картины мира растений и только отчасти охватываем названия деревьев, кустарников (включая названия леса) с фономорфемной, семантической точек зрения.

1.3. Серия лексическая: «растения» как концептосфера

В словарях лингвистических терминов даны следующие определения. **Тематическая группа** (англ. lexical set) – ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю [12. С. 118]. **Серия лексическая** (группа тематическая) – ряд слов, объединяемых общностью родового значения, т.е. таких слов, которые обозначают разновидности одних и тех же предметов: деревья и цветы [12. С. 402].

Тематическая группа слов, объединенных по признаку общности их

лексического значения. Так, общий признак «лесной массив» служит основанием для объединения в одну тематическую группу существительных *лес, дубрава, роща, бор* [283. С. 641]. Лес – один из основных типов растительности, представленный деревьями одного или нескольких видов. *Дубрава* – дубняк, дубовый лес. *Роща* – небольшой лиственный лес. *Бор* – сосновый лес на песчаных и каменистых почвах. *Ельник* – еловый лес.

Тематическая группа «растения» образует несколько подгрупп. Первая (I) подгруппа – **деревья** *арборетум*, или *дендронимы*, со значением «древесные растения», т.е. многолетние растения с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону.

Вторая (II) подгруппа – **кустарники** – низкорослые многолетние растения с древовидными ветвями, с твердыми разветвленными побегами, не имеющие главного ствола; высотой 0,8–6 метров, с продолжительностью жизни 10–20 лет.

Кустарнички – низкорослые многолетние растения с одревесневающими побегами высотой 5–60 сантиметров возрастом 5–10 лет (клюква, багульник, виды вересковых, ива).

Третья (III) подгруппа – травянистые растения, т.е. **травы**, – небольшие растения с однолетними мягкими и тонкими зелеными стеблями.

Четвёртая (IV) подгруппа – **цветы** – травянистые растения, в пору цветения имеющие яркие, часто ароматные, распускающиеся из бутона головки или соцветия.

Пятая (V) подгруппа – **ягоды** – небольшие сочные плоды кустарников, кустарничков и травянистых растений: (ягоды крыжовника, малины, черники, клюква).

Шестая (VI) подгруппа – **грибы** [греч. *mykēs* «гриб», отсюда микология – наука, изучающая грибы]. Грибы – удивительные растения, даровой продукт природы, одно из самых интересных и таинственных явлений природы. Первым микологом считается итальянский ботаник П. Микели.

Лишайники относятся к VII подгруппе и составляют группу низших

растений, образованных симбиозом гриба (аскомицета или базидиомицета) и водорослей (зеленой, редко желто-зеленой и бурой)). Размножение бесполое; около 26 тысяч видов, свыше 400 родов. К восьмой (VIII) подгруппе относятся **мхи** – моховидные, бриофиты – отдел высших растений; многолетние растения, характеризующиеся групповыми формами роста: дерновники, куртинки, подушки. Используют в медицине (обладают антибиотическими свойствами). К IX подгруппе относятся **водоросли** – группа низших водных растений, обычно содержащих хлорофилл. Тело водорослей – таллом [греч. *thallos* – зеленая ветка], тело низших растений (водорослей, лишайников) не расчленено на стебель, листья, корень. В симбиозе с грибами образуют лишайники. К X подгруппе относим **бахчевые культуры** с подвидами: а) травянистые возделываемые растения: капуста, укроп, кинза, кирсалат, сельдерей; б) корнеплодные (морковь, репа, свекла); в) плодоносные (томаты, помидоры). К XI подгруппе относятся **зернобобовые растения** с подвидами а) бобовые (семейство двудольных растений, имеющих плод (боб)). Насчитывается около 17 тысяч видов и 700 родов по всему земному шару. К культурным относятся горох, фасоль; зерновые – пшеница, рожь, овёс, кукуруза, рис.

Растения, растительность (флора, от лат. *floris* (род. пад. от *flos*) – исторически сложившаяся совокупность видов растений (греч. *phytòn* – растение). В нашей работе мы используем новый термин – флорема, болезненно принятый некоторыми чувашскими лингвистами.

Флорема нами понимается как совокупность слов, относящихся к различным тематическим подгруппам, объединённых общим семантическим компонентом – «растительный мир» с их несовпадающей лексической, грамматической и словообразовательной разновидностью. Нами выявлено 11 подгрупп фитонимов. Флорема в этом смысле приравнивается к текстовым единицам.

Растения (флора)² – одно из царств органического мира. Главное

² Флора – совокупность всех видов растений (от лат. *flora* < собств. имя *Flora* –

отличие растений от других живых организмов (людей и животных) – способность к автотрофному питанию, т.е. самопитанию. Гетеротрофы используют для своего питания готовые органические вещества, к ним относятся люди, животные, некоторые растения, грибы [275. С. 1104].

Из одиннадцати подгрупп серии лексической (тематической группы «растения») предметно значимыми мы признаем первые две: I – деревья; II – кустарники, которые лингвокультурологом В.А. Масловой отнесены к концептосфере «явления природы» [173. С. 160–171]. В концептосфере отдельно рассмотрены видовые названия деревьев: *дуб, берёза, осина, ель, верба, берёза, вяз* и др. На этой основе и на основе других концептов сделано такое определение термина «концептосфера»: «Концептосфера – совокупность концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителями языка» [173. С. 34].

Если исходить из того, что главным элементом языковой картины мира является **концепт** как факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженной в языковой форме, как единица человеческого знания о мире, то термины «концептосфера» и «тематическая группа слов» ни по каким параметрам не синонимичны. Концепт рождается на базе семантики слова в полном объёме его содержания, включая и коннотацию, и конкретно-чувственные ассоциации. Концепт насыщен интеллектуальным содержанием и социально-культурным опытом, аккумулирует в себе разнообразные ассоциации, мнения, вбирает в себя многочисленные индивидуальные и групповые, общественные впечатления о данном предмете и явлении. Если для «тематической группы» важно только значение слов, входящих в этот лексический ряд, то для «концептосферы» важен концепт – значение, актуализируемое в сознании как информационная функция другого, актуализирующего его концепта [201. С. 120]. Например, *дуб* как член тематической группы «дерево» крупное лиственное дерево семейства буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями [209. С. 177]. В языковой картине

в древнеримской мифологии – богиня цветов, весны и юности).

мира дерево, как концепт и как родовое название является природным символом (например, дуб – одно из сакральных (священных) деревьев, связанных с верой, религиозным культом, обрядом, ритуалом).

В чувашской мифологии *юман*, (*юман йывăç*) – название божества [18. Т. 4. С. 323]; у башкир *имән* «дуб» – мифологизированное дерево, способное наделять человека силой и здоровьем, имеющее мужскую символику [327. С. 107].

В концептосферу «растения, растительность» (флора) входят названия лесных массивов: *вӑрман* – *лес* – множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами [208. С. 317]. Лес – один из основных типов растительности, господствующий ярус которого образован а) деревьями одного вида [275. С. 704] (*юманлăх* – *юмансар* – *дубрава*; *хурӑнлăх* – *хурӑнсар* – *березняк*, *берёзовая роща*: *çăкалăх* – *çăкасар* – *çăка вӑрманĕ* – *липняк*, *липовая роща*, *чӑрӑшлăх* – *ельник* и т.д.; *ката* – *кустарник*, *мелколесье*; *туйра* – *молодая дубрава*; б) лесной массив, образованный из нескольких видов деревьев: *раща* (диал. *ӑрахча*) – *роща* – небольшой, чаще лиственный лес, участок леса, состоящий обычно из одновозрастных деревьев лиственной породы).

Посадка леса (деревьев) – это символ сознательного и рукотворного бессмертия, (существует поверье, что – если во сне рубить лес, то это к покойнику *Тӗлӗкре вӑрман кассан сын вилет тет* [18. Т. 5. С. 321]. Как в чувашской мифологии *вӑрман*, так и в башкирской *урман* «лес» – чужая, неосвоенная, опасная территория; хаос [327. С. 325]. Как в чувашском, так и в башкирском языках сохранились реликты обожествления леса, поклонения ему, положительного отношения к нему: чув. *Вӑрман – çур пӗрт* «Лес – половина дома»; башк. *Урманым – ярты туным* «Лес – половина моей шубы».

Сравним названия лесных духов в чувашском и башкирском языках:

чув.: – *вӑрман пуçĕ* – название духа, властитель леса;

– *вӑрманти* – название лесного духа;

– *вӑрман тури (торри)* – леший [18. Т. 5. С. 321–323];

башк.: – *урман анасы* – дух леса, досл. мать леса;

– *урман бәреһе, эйәһе* – бес леса, хозяин леса;

– *урман кешесе* – дух леса;

– *урман пәрие* – дух леса;

– *урман тәңреһе* – божество леса, одно из двенадцати божеств.

В русской культуре *лес* знаменует динамический рост (ср. чув. *Вӑрман нек ҫӳллӗ пул* «Будь высоким, как лес»), природное умирание, связанное с листопадом, и регенерацию – возобновление, возрождение, восстановление, связанное с весенним пробуждением природы.

Лес – это место тайн и опасностей, посвящений и испытаний и в то же время символ убежища (ср. чув. *Вӑрман – ҫур пӳрт* «Лес – это половина дома»; *Вӑрман ҫур тӑлӑп теҫҫӗ* «Говорят, лес заменяет полтулупа». *Ҫын аш-чикки – хура вӑрман* «Чужая душа – дремучий лес» (ср. рус. *Чужая душа – потёмки*)).

Описывая концепты «дерево» и «лес», мы сталкиваемся с коллективной мудростью народа (*Ўсрёмёр-ҫке пурё пёрле – вӑрмансенчи йывӑҫ нек* «Росли мы в семье своей, как деревья в лесу» – о том, что так же, как в непогоду деревья опираются друг на друга, чтоб не сломаться, люди во время невзгод поддерживают друг друга). Лес – покровитель, жизненная среда для людей, для многих птиц и зверей. Лес – источник древесины, ксилемы (греч. *хύλον* – срубленное дерево – древесина). Имея важное климаторегулирующее, почво- и водозащитное значение, лесной покров Земли является одним из факторов устойчивости биосферы и требует постоянной заботы о его сохранении и возобновлении.

А. Концепт «дерево» в мифологической картине мира [175. С. 105–120; 18. Т. 1. С. 118].

Мифологическая картина мира (МКМ) была первой попыткой и стремлением древних людей обобщить и объяснить различные явления

природы и общества. Содержание мифа всегда было связано с реальностью, с жизнью людей, но отражение этой жизни в их сознании не всегда было реальным. Наивное, недоразвитое, непросвещенное сознание не располагало достаточным знанием для рационального обоснования своих взглядов.

Природа эмпирического сознания объясняется практической жизнью древних людей, так как трудовая деятельность требовала, чтобы в их сознании были элементы тождественного отражения действительности, определенные знания об окружающем мире. Древние люди стояли лишь в преддверии этого пути, они довольствовались тем, что непознанное в их сознании заменялось вымышленным, мифическим миропониманием. Задача мифа состоит в том, чтобы дать человеку какое-то (пусть неверное, лжеподобное) объяснение. Наука, изучающая мифы, их возникновение, содержание, распространение, называется мифологией. Не только у отдельного народа, но и у каждого человека есть свойственное только ему, его внутреннему миру мировосприятие – система собственных образов, символов и личных парадигм.

Мифы отражают мир-двойник, мир в котором человеку легче ориентироваться.

Мифологическая картина мира в то же время является и духовной картиной мира (ДКМ), которая характеризует мир в его нравственно-теоретическом измерении, объединяя духовно-теоретическое и духовно-практическое.

В эпоху Античности систематизирующим и главным принципом картины мира стал космос. Космос – это абсолютное тело, прекрасное и божественное.

Картина мира не может оставаться нейтральной по отношению к самому homo sapiens, она задевает духовный мир человека и является ориентиром в его повседневной жизнедеятельности, поэтому человек стремился создать для себя простой, понятный и доступный его пониманию образ окружающего мира.

Мифологический образ мирового дерева (чув. *Ама йывăç*) – это образ самодостаточный (имеющий вполне самостоятельное мифологическое значение), а поэтому во многом канонический (истинный), поскольку отражает стратегическую мифологическую реальность. Мировое дерево (*ама йывăç*) было первой реальной попыткой сознательного отношения человека к себе и окружающему миру, попыткой объяснить тайны природы на свой лад, в соответствии с собственным миропониманием. На самом деле деревья были реальностью: корни в подземном мире, ствол дерева находится в жизни земной, а крона (разветвленная часть дерева с его листвой) тянется в небо (к Богу). Миф о мировом дереве – это нечто постоянное, всеобщее, как будто и закономерное явление, встречающееся у многих народов мира.

Согласно чувашским космологическим представлениям, вертикальная структура модели мира состоит из трех миров: среднего (*вăтам*), т.е. земного (*çĕрти*), верхнего (*çŷлти*) (небесного) и нижнего (*аялти*) (подземного). Средний мир – *вăта(м) тĕнче* – представлен образами *Ама йывăç* «мировое дерево» и *Ама ту* «Мировая гора» как космическими опорами.

Вăта(м) тĕнче – средний мир – в мифологическом понимании чувашей это люди, животные и растения около мирового дерева, растущего на – Мировой горе *Ама ту*, а на вершине Мирового дерева находится золотой дворец Всевышнего (Бога). Во времена начала (хаоса) во Вселенной была только вода, потом появилась *Ама ту* – Мировая гора – и на её вершине выросла *Ама йывăç* (букв. мать-дерево) – мировое дерево. Небо (*çŷл, çŷлти тĕнче*) держится на вершине *ама йывăç*.

В мифологическом восприятии древних дереву (*йывăç*) присущи священные силы. Дерево для понимания первобытного человека как космос, т.е. как образ Космоса, как космическая теофания и теософия.

Мировое дерево (*Ама йывăç*) может проявляться в виде собственно дерева, например, чув. *юман* «дуб» выступает как божество [18. Т. 4. С. 323]; башк. *имән* «дуб» – мифологизированное дерево, способное одаривать людей силой и здоровьем; как в чувашском, так и в башкирском дуб олицетворяет

мужское начало.

В индоевропеистике известна связь названия божества с названием дуба, это особенно проявляется в названии бога грома – *Перун*. Дуб считается священным деревом. В тех странах, где растет дуб, он мыслится как огромное мифическое дерево.

Обращает на себя внимание сравнение названия дуба в форме среднего рода древнего инактивного класса у древних индоевропейцев в виде **t'oru* с чув. *Турă* «бог», тогда как сам дуб не среднего рода (древнего активного класса) назывался **p^herk^h-u-s*, т.е. *Перун* [49. Ч. 2. С. 612–619].

У индоевропейцев проглядывается связь названия божества с названиями дуба и скалы (ср. чув. *ту хысакё*). В Передней Азии и в Закавказье дуб широко распространен, имеется несколько разновидностей дуба: «кавказский дуб», «горный дуб», «высокогорный дуб». В Абхазии «дуб» и «гора», в частности горный перевал, считаются местом, где произносится особенно важная клятва.

Обнаружение в греческом языке основы **t»(o)ru* позволяет реконструировать её со значением «горный дуб», как растущее дерево (Там же. С. 618–619).

Люди издревле поклонялись дубам и горам, культ которых имеет тысячелетнюю историю. Обожествляя горы, человек наделял их самыми чудодейственными силами и в отношении к ним соблюдал множество всевозможных запретов. В Центральной и Восточной Азии мифическую гору *Сумеру* считали центром космоса (ср. чув. *Ама ту*), в ней видели священную обитель богов. В алтайской мифологии *Мировая гора* также называется *Сумеру* (влияние буддизма).

По мифологическим представлениям древних, существовали горы и горы в верхнем и в нижнем мирах. На горе верхнего мира (ср. чувашские *Турă тăвё* «Божья гора», *Сётлĕ ту* «Молочная гора») находится обиталище богов, там текут медовые и молочные реки, сама гора находится посреди молочного озера. В чувашской мифопоэтической традиции *Ама ту* «Мировая

гора» – выступает как прародительница всего мира, мать всего сущего во Вселенной. *Ама ту* – явная причина бытия, природы и общества.

Ввиду того, что достоверной этимологии чувашского теонима *Турă* «бог» нет [319. Т. 2. С. 252–253], вероятно присутствие в этом слове элемент *ту* «гора» или *тур*. Е.А. Малов писал, «что название Бога у чуваш, кажется, указывает на халдейское слово *Тор* «бык» [165. С. 252] , но *тур* имеет значение также «горный кавказский козел» (ср. чув. *ту качаки* «горный козел»). Обратите внимание на определение *ту* «горный» и + *качаки* «козёл её». В чувашском языке есть метафорические названия *тор качаки* – название птицы козодой и *Тур тăвайкки* – название возвышенного места [18. Т. 14 С. 150–151].

Б. Человек во флористико-языковой картине мира

Во флористико-языковой картине мира связь «человек и растение» выражена в модели *аса* «самец» + фитоним и *ама* «самка» + фитоним.

Мифоязычная картина мира (МЯКМ) невозможна без феномена человека, без мира его мыслей. Человек как живой организм свое бытие связывает с растениями и животными, которые тоже считаются живыми организмами. Неразрывная связь человека с растительным миром замечена давно не только философами, но и лингвистами. Например, французский философ, врач Жюльен Офре де Ламетри написал трактат «Человек-растение». В этом произведении человек превращен в растение в буквальном смысле слова. Автор заметил поразительное сходство между растительным миром и миром людей [146. С. 247–261]. В сочинении «Человек-машина» он рассматривал человеческий организм как самозаводящуюся, подобно часовому механизму, машину [Там же. С. 183–244].

В чувашском языке мы обнаружили связь человека и растения в композитах, образованных по модели *аса* «самец», «отец» + фитоним, *ама* «самка», «мать» + фитоним.

а) *Ама* + название фитонима [18. Т. 1. С. 187.].

Ама йывăç: Хуралта ама йывăç кĕрсен хуралтă телейлĕ пулатă тет;

кѣлет пулсан тырă-пулăран татăк пулмасть, пурт пулсан хуйхă курмасçĕ
«Если при постройке попадет дерево-матка, то, говорят, это строение будет счастливым; если это амбар, то в нем не будет переводиться хлеб, а если изба – то (живущие в ней) не будут испытывать горя». Н.И. Ашмарин пишет: «Каково оно бывает, я пока не знаю» (Там же). *Ама кикен* – чемерика (чемерица), у которой «лепестки без плодов, длинного стебля нет». *Ама кикен* – *вăрăсăр, лапсăркка, тăрăсăр кикен*, т.е. чемерика без семян, кудрявая, без верхушки. *Вăрăллă ама кикен нумай пулсан хĕл сивĕ килет теççĕ* «Если будет много чемерики-матки с семенами, зима будет холодной».

Ама кишĕр «морковь с мягкой серединой» дает семена на второй год, когда посадят корни. *Ама кишĕр* – *тăрăсăр, амаланса (туратланса, сарăлса) каять* «Ама кишĕр без верхушки, ветвится и широко раскидывается».

Ама курăкĕ (хупаххи) – мать-и-мачеха – растение с широкими листьями, растет по овражкам, на склоне берегов.

Ама кăшман – редька в первое лето.

Ама пултăран «борщовник-матка». *Ама пултăран парка ўсет, çулçисем сарлака пулаççĕ* «Борщовник-матка растет густо, листья у него бывают широкие». *Ама пултăран* – *вăрăсăр, çулçi лаптак, сарлака* «Борщовник-матка бывает без семян, листья плоские, широкие».

Ама çури корĕк – *ама çури хупаххи* «мать-и-мачеха».

Ама чечек – женский цветок (растение; новое слово). *Вăл хупăсен айшĕнче чечекĕн икĕ чи кирлĕ яналисем лараççĕ: пĕри – аса чечек, тепри – ама чечек* «По этим покрывалам находятся две самые важные части цветка: мужской цветок и женский».

Ама хуп – липовая кора (лубок), очищенная от верхнего черного слоя, с продолговатым продольным отверстием, образовавшимся от росшего насквозь сучка или от болезни дерева. По мнению чувашей, если сделать колыбель (зыбку) из такого лубка, то будет много детей и они не будут умирать. *Ама хуп* – букв. лубок женского пола.

Ама хурăн (хорăн) – берёза с серёжками. *Хорăн лартнă чухне ама хурăн*

лартсан лайах «Всего лучше сажать берёзку с сережками».

Ама шур аръм – полынь без стебля, имеющая только листья, лежащие на земле; выжимки из неё пьют против лихорадки [18. Т. 1. С. 185–193].

б) *Аса* + название фитонима.

Определения «аса» или «ама», поставленные при названиях растений, вовсе не указывают на их действительные половые отличия, рассматриваемые в ботанике, а только служат выражением общего впечатления, производимого на наблюдателя внешним видом растения [18. Т. 2. С. 117]. В названиях животных с элементом *ама* или *аса* выражены половые различия, ср. *кушак ами* «кошка», *кушак аси* «кот», *йытй ами* «сука», *йытй аси* «кобель».

Однако, реестровое выражение *аса съл* дано в переводе «колодец мужского пола» (Там же. С. 123), в таком случае *ама съл* – колодец женского пола, хотя Н.И. Ашмарин пишет, что значения этих выражений не знает.

Аса кикен – *аса кикен вяръм пулатъ, вяръм патак нек* «Чемерика (чемерица) бывает высокая, с высоким стеблем, похожим на палку». *Аса кикен* цветет, *ама кикен* не цветет.

Аса пичче курйкё – какое-то растение.

Аса кишёр – морковь, у которой корнеплод небольшой, лишь зачаток; сразу в 1 год дает стрелку с семенами; морковь с жёсткой серединой, семян с нее почему-то не собирают.

Аса кайшман – редька, см. *ама кайшман*.

Аса кёнси – очень крепкое растение, ствол которого представляет собою полый цилиндр. *Аса кёнси* – козловка – несъедобное растение.

Аса хаймайш – какой-то тростник (видимо, рогоз). *Аса хаймайш пулас-мён, кўл варринче ўсес-мён, вырйсла савана касйлас-мён* [18. Т. 2. С. 116–125].

В. Показатели собирательности, уменьшительности и ласкательности, увеличительности как толчок к размышлению при толковании их деривативности в фитонимах.

Если взять русские дериваты-фитонимы типа: *березняк* – берёзовый

лес, *сосняк* – сосновый лес, *ельник* – еловый лес, *ивняк* – заросли ивы, *дубняк* – дубовый лес, то видно, что суффиксы *-няк*, *-ник* демонстрируют системную продуктивность, т.е. тип синхронного слоообразования. Посредством суффикса *-няк*, *-ник* от названий деревьев в русском языке образуются производные существительные со значением «вид леса».

Производные такого типа с собирательным значением выявляются и объясняются на основе слоообразовательного процесса, который можно назвать синхронной реконструкцией слоообразовательного акта. Интересно то, что синхронная реконструкция слоообразовательного акта не является построением ни чисто гипотетическим, ни диахроническим. Это явление мы продемонстрируем далее в ходе исследования связанных корней (основ) фитонимов.

Обращаясь к текстам различных языков, мы можем показать, что производное с собирательным значением может быть представлено как результат определенной формальной операции по видоизменению мотивирующих слов в желаемом семантическом направлении. Например, в чувашском языке аффикс *-лӑх* (*-лӑх*), в тюркских языках *-лык* (*-лик*), присоединяясь к названиям деревьев обозначает место, изобилующее фитонимами, обозначенными корнями слов: *сӑкалӑх* ~ тат. *юкалек* «липняк»; *хурӑнлӑх* ~ тат. *каенлык* «березняк»; *ӗвӑслӑх* ~ тат. *усаклык* «осиновая роща» и т.д.

В русском языке наряду с производными *березник*, *березняк* «берёзовая роща» имеется диал. арх. *березовня* – урочище, порастающее лесной порослью; от слова *берёза* имеются дериваты: *берёзка* (уменьш.) – молодая берёза (*берёз-к-а*); *берёзонька* (уменьш.-ласкат. *берёз-оньк-к-а*), *березина* (*берез-ин-а*) – одна берёза (одно дерево) на корню или срубленное.

В русском языке почти каждое название дерева подвергается деривационно-семантическому изменению по схеме:

название	I → производное с собирательным значением
	II → производное с уменьшительно-ласкательным значением

дерева	III → производное с увеличительным значением
Ср.:	I → дубняк, дубник, дубрава... «дубовый лес»; ср. дубьё
дуб	II → дубочек → дубнячок – маленький дуб (ср. чув. туйра) III → дубьё – стройматериалы из дуба
вяз	I → вязник II → вязок III → ?вязина
ель	I → ельник, ельничек (соб.-уменьш.), ельняк II → ёлка, ёлочка III → ельня – хвойная поросль, со старыми пнями и корнями
ива	I → ивняк II → ивина, ивка, ивушка III → ивьё?
кедр	I → кедрач, кедровник (собр.) – лес из кедровых деревьев II → кедрик – небольшое кедровое дерево III → ?
клен	I → кленовник, клянный, кленовик, кленяк II → кленок, кленина, кленочек III → ?
липа	I → липняк, липник II → липка, липонька, липочка, липина III → липица
можжевель	I → можжевельник, можжевельник II → можжевельина, мужжевельина III → можжуха, можжуха – сушеные можжевельниковые ягоды
ольха	I → ольшняк, олешиник, ольховник, олешняк, ольховник II → ольшанка III → ?
пихта	I → пихтарник, пихтовник, пихтач II → ?

III → ?

сосна	I → <i>сосняк, сосенник</i>
	II → <i>соснячок, сосенка, сосёнка</i>
	III → ? <i>соснина</i>

тополь	I → <i>топольник</i>
	II → <i>тополёк, тополёчек</i>
	III → ?

черемуха	I → <i>черёмушник</i>
	II → <i>черемушка</i>
	III → ?

яблоня	I → <i>яблонник</i>
	II → <i>яблонька</i>
	III → ?

Ср. лес (собр.) – множество деревьев на большой площади

лес	I → <i>лесопарк, лесотундра</i>
	II → <i>лесочек, лесок, лешишко, лесина</i>
	III → ?

О полисемантическом суффиксе *-ин-* и его производных *-щин-*, *-овщин-*, *-унин-* в русском языке с собирательным, усилительным значениями подробно рассказано в монографии В.И. Максимова «Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке» [163. С. 60–220].

В данном разделе мы привели примеры названий деревьев с суффиксами не только на *-ин-*, но и на *-ник*, *-няк*, *-ач* в тех же значениях. В словообразовательной модели «название дерева + суффиксы *-ник*, *-няк*, *-ач*» преобладает значение I – собирательности (собирательной множественности): *буковина* – буковая роща; *кондовина* – кондовые деревья; II – единичности, выделительности (один предмет из ряда одинаковых) *ивина* – одно дерево ивы; уменьшительности: *ёлка*, *олочка*, *кленок*, *кленочек*; III – с увеличительным (усилительным) значением: *березина*, *лесинина*, *деревина*, *раkitина*, *дубина*, *вязина* (в фольклоре: *Под дубом, под дубом, под дубиною. Под вязом, под вязом,*

под вязиною).

Принципиально важным является выяснение стилистической окраски этих суффиксов, которую получают экспрессивные формы с собирательным, уменьшительным и усилительно-увеличительным значениями от нейтральных производящих основ деревьев. Иногда мы наблюдаем наложение полисемии суффикса, например, *-ин-*: *ивина* – одно дерево ивы, *ивина* – ивняк; *лозина* – в значениях «лоза», «ивовый куст» и «ивняк».

При поморфемном членении русских слов *грушевина*, *кленовина*, *ольховина* исходные слова – названия деревьев – налицо: *груша*, *клен*, *ольха*, суффикс *-ев (-ов)* четко представлен в прилагательных *груш-ев-ый*, *кленовый*, *ольховый*; суффикс *-ин-* имеет выделительное значение. Но при поморфемном членении слов *малина*, *калина* наличие суффикса *-ин-* (с выделительным или уменьшительным значением) ни у кого не вызывает сомнения, но корни *мал-*, *кал-* остаются связанными.

В слове *осина* выделяют корень **ос* (ср. укр. *осика*, болг. *осика*, чеш. диал. *оса*) + суффикс *-ин-* с выделительным (уменьшительным?) значением. М. Фасмер приводит праславянскую форму в виде **opsa* [317. Т. 3. С. 159].

Маслина (масл(о) + *-ин-*) – вечнозеленое дерево и кустарник и съедобный плод его, где корень слова *масл-* не является названием дерева. Старославянское *маслина* представляет словообразовательную кальку с греческого *elaia* (маслина), от *elaion* «масло» + суф. *-ia* ~ рус. *-ин-*, возможно, со значением единственности (ср. одна ягода маслины) или усилительности.

В диалектах русского языка бытует слово *калинина* «дерево калина» наряду с лексемой *калина*. Ср. *малинина*, *малининка* «одна ягодка малины» с уменьшительно-ласкательным значением. *Малинник* – малиновый кустарник, *малиняк* «куст малины» [62. Т. 2. С. 292].

Во второй главе нашей работы слова *малина*, *калина* со связанными корнями *мал-*, *кал-* отнесены ко второй (II) группе связанных корней в названиях деревьев. С трудом верится, что слово *калина* (название дерева и

плода) образовано от основы *каль* «грязный, чёрный». В связном корне **кал*, судя по суффиксу *-ин-*, предусматривается слово со значением «дерево, кустарник».

В тюркских языках в слове *агач* ~ *ыгач* «дерево» восстанавливают корень *ы, ĭ* → (*i*) со значениями «растение, кустарник, семя, посев» + аффикс *-γаĭ* с увеличительным значением [252. С. 72]. Если учесть турецкую и гагаузскую формы *а:γ* (< *аγа* + *-ĭ*) и, возможно, чувашскую *йывă* ~ *йăвă* (густой), то анлаутный *-ç* предстанет как уменьшительная форма. По данным Э.В. Севортыяна, древнейшие формы уменьшительности на *-ч* (*-ç*), *-ш* исторически имели также увеличительное значение (Там же).

В словах *орман*, *урман*, *върман* «лес» < тох. *ор* (*or*) «дерево» + аффикс (?) *-ман* имеет интенсифицирующее и увеличительное значение (Там же. С. 473).

В тунгусо-маньчжурских языках суффикс *-γ* образует существительные с собирательным значением: эвенк.: *ирэγ*, *ирэктэγ* «лиственничник» от *ирэктэ* «лиственница»; *мōсаγ*, *тōhāz* «роща» от *мō* «дерево»; *асйктаγ* «ельник, пихтач» от *асйкта* «ель».

В ульчском, орокском, нанайском вместо эвенкийского суффикса *-γ* (*-z*) выступает элемент *-сал*: *мосал* «лес» от *мо* «дерево».

Суффикс *-кта* / *-ктэ* в названиях *наликта* «багульник», *болгигта* «кедровый стланик», *дивэктэ* «берёза (карликовая)», *дулгигта* «ольха», в современных языках уже членится лишь этимологически. Например, *дихакта* «ельник» < от **диха*?

В орочских существительных-фитонимах вычленяется суффикс *-наи* с уменьшительно-собирательным значением: *исинаи* «лиственник» от *иси* «лиственница»; *чабанаи* «берёзовая роща» от *чаба* «берёза». Суффикс *-наи* тождествен по значению эвенкийскому суффиксу *-мкура*: *супирэмкурэ* ~ *суптимкурэ* «куст», «шиповник», где *супин* «заноза шиповника»; *одомкура* «багульник».

Суффиксу *-мкура* в орочском соответствует показатель *-ңкура*: *сиксэңкурэ* «сирень». Суффиксы *-мкура*, *-ңкура* и *-ктура* – фонетические

разновидности одного и того же суффикса.

Эти лишь предварительные наброски к исследованию морфемного состава фитонимов в языках различных систем, запланированного во второй главе работы, и к описанию явлений изосемантизма, заложенных в третьей, четвертой и пятой главах диссертации.

1.4. Концепт, концептосфера в антропоцентрической парадигме как универсалия языковой картины мира

В последние годы термин *концепт* стал одним из активно употребляемых в лингвистике. С ним в языкознании особенно тесно связаны два направления – когнитивная лингвистика и лингвокультурология. По существу, главным предметом исследования в обеих этих областях является семантика – семантика слов, словосочетаний, дискурсов, высказываний, предложений, текстов, которая образует ядро концепта. Совокупность концептов – концептосфера – отражает специфику сознания и миропонимания этноса – носителя того или иного языка.

Из отдельных концептов формируется картина мира, т.е. мировидение, мировосприятие, в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый «концептуальный» рисунок, на основе которого человек осмысливает мир. Понятие картины мира (в том числе и языковой картины мира) строится на изучении представлений человека о мире. Картина мира – реальное человеческое сознание. Мировидение каждого этноса воплощается в картину мира. Знание о мире – картина мира, которая лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык при этом выполняет миссию познавательного процесса. Говорящие на разных языках могут иметь близкие концептуальные картины мира, в этом мы убеждаемся на примерах концептосфер «Флора» и «Фауна». Общечеловеческое, национальное и личностное присутствуют в концептуальной картине мира. Считается, что концептуальная картина мира шире и гораздо богаче, чем языковая картина мира. Но, тем не менее,

концептуальная картина мира «привязана» к языку и преломляется через языковые формы. На ее формирование влияют не только язык, но и традиции, религия, природа, воспитание, обучение и ряд других социальных факторов. Языковая картина мира – национальная картина мира и выявляется в языковых уровнях разной степени. Языковая картина мира является основным звеном концептуальной; это общекультурное достояние нации (этноса), она многоуровневая, от нее зависит коммуникативное поведение людей, понимание окружающего (внешнего) мира и внутреннего состояния человека.

Концептосфера «флора» содержит большой потенциал для изучения национальной культуры. В данной работе рассматриваются универсальные и национальные концепты, связанные с флорой, присущие чувашской и русской культуре, с привлечением примеров из других, родственных и неродственных языков. В каждом национальном языке есть национальный образ живого существа, которое отражает черты духовности нации. К живым существам мы относим: 1) человека (person); 2) животных (creature); 3) растения (plant).

Объединить эти три группы в один подкласс со значением «живые существа» позволяет наличие в содержательной структуре лексико-семантических вариантов – общих компонентов, являющихся доминантами; 1) человек – живое существо, обладающее даром речи и мышления и т.д., 2) животное – живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и т.д., 3) растение – растущий живой организм и т.д. В семантической структуре этих слов присутствует признак (компонент) «живой», в силу этого они объединяются в подкласс со значением «живые существа». Слова *человек*, *животное*, *растение* следует считать гиперонимами (т.е. словами с более широким значением), а слова с более узким значением – гипонимами.

Определённую дискуссию вызывает в научной литературе вопрос о тождественности или нетождественности концептов в разных языках. Для тех, кто не видит большого расхождения в содержании слов «понятие» и «концепт», рациональное зерно любого понятия может быть передано средствами любого языка. Более распространенным в настоящее время является мнение, что

концепты в разных языках и культурах не совпадают, так как при формировании концепта или понятия в основу положены разные стороны тех или иных процессов и явлений, хотя нельзя исключить и определенную общность.

В понятие концептосферы В.И. Убийко вкладывает широкое содержание: он разграничивает суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты. Суперконцептом является, например, концепт «человек». Макроконцептами, лежащими в основе концептосферы «внутренний мир человека», являются «душа» и «дух». Они подразумевают чувственную сферу внутреннего мира (концепт «чувство»), ментальную (концепт «ум»), императивную (концепт «воля»), нравственную (концепты «добро» и «зло») сферы как единое целое. Взаимодействие концептов осуществляется как в плане деривационных отношений, парадигматических и синтагматических связей, так и посредством вербализующих их лексем [311. С. 52]. С точки зрения В.И. Убийко, концепт представляет собой объемное ментальное образование, вбирающее в себя не только инвариант значений репрезентирующего гнезда и одноименного семантического поля [312. С. 3]. Так, в комплексном функционально-ситуативном словаре «Концептосфера внутреннего мира человека» представлены исходные лексемы, их дериваты, антонимические и синонимические ряды и лексическая сочетаемость.

Своеобразное толкование концептуальной системы дает Р.И. Павлиёнис, для которого концептуальная система являет собой основной контекст интерпретации неязыковых и языковых текстов. По его мнению, концепты – это смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания. Ученый подчеркивает значение тех концептуальных структур, которые репрезентируют мнение индивида о мире. Опираясь на методологические установки логического анализа языка и теории речевых актов, ученый отмечает, что только с учетом этого носители языка способны распознавать иллокутивные намерения других носителей языка и определять иллокутивное содержание употребляемых ими языковых выражений [214; 215].

Язык сам по себе не выражает никаких смыслов, существующих

независимо от концептуальных систем, так как выразить – это символически репрезентировать содержание одной концептуальной системы с тем, чтобы данная символизация была интерпретирована в какой-либо другой или той же концептуальной системе для того, чтобы такая символизация стала объектом «радикальной интерпретации» [361; цит. по: 214. С. 386].

Отдельный концепт реализуется только в рамках концептуальной системы языка в целом, и вне системного подхода немислимо представить ни содержательные пласты, ни специфику отдельных концептов. Французский постструктуралист, характеризуя современную эпистему, пишет: «Для того чтобы слово могло сказать то, что оно говорит, необходимо, чтобы оно принадлежало к первичной, основополагающей и определяющей его грамматической целостности». Современные исследователи концептов выступают преемниками идей И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, для которых системность языка является его фундаментальной характеристикой. Отдельный концепт в изолированном виде, вероятно, может быть описан или интерпретирован в известных пределах, однако сама по себе вербальная формулировка не может исчерпать соотносимого с ним содержания.

Свободное владение языком – это не только обладание навыками кодирования концептов. «Символическая фиксация концептов дает возможность манипулировать ими, манипулируя языковыми знаками, и тем самым строить новые смысловые структуры, которые без языка не могли быть построены, и соответствующие “картины” мира» не могли быть образованы в концептуальной системе», – пишет Р.И. Павилёнис [214. С. 386]. Следовательно, усвоение языка предполагает коммуникативную ориентацию в такой системе. В зависимости от уровня образованности, профессии, сословно-классовых характеристик языковой личности и т.д. восприятие и использование концептов не могут быть однозначными. В какой-то мере можно утверждать, что посредством языка и происходит социализация уникальных «картин мира», сформированных в индивидуальных концептуальных системах, т.е. благодаря языку в значительной мере адаптируется экзистенциальный опыт индивида,

сугубо индивидуальное преобразуется в нечто intersubъектное, объективированное, возможно, даже объективное.

Таким образом, язык – не концептуальная система, а средство ее строения и конструирования, плацдарм разворачивания концептуальных систем, отличающихся рядом качественных характеристик. «Концептуальная система в таком понимании – это не совокупность правил употребления языковых выражений и не свод «энциклопедических знаний о мире», а система взаимосвязанной информации, отражающая познавательный опыт индивида на самых разных уровнях (включая довербальный и вербальный) и в самых разных аспектах познания, осмысления мира: наиболее абстрактные концепты в такой системе концептуально связаны с концептами, отражающими наш обыденный опыт как часть одной концептуальной системы» [214. С. 387].

Исследователь может изучить мир и человека как часть этого мира и узнать, какой информацией может он обладать о том, что происходит вокруг него. Крупнейший представитель аналитической философии XX в. Куайн утверждает: «...то единообразие, которое объединяет нас при коммуникации и в наших убеждениях, есть единообразие полученных в результате обучения, накладываемых на хаотичное субъективное многообразие связей между словами и опытом. Единообразие появляется там, где оно имеет социальную значимость» [141. С. 24].

Художественный концепт способен создавать определенное «эмоциональное и эстетическое напряжение», чего чаще всего лишены концепты познания. Вероятно, поэтому в структуре художественного концепта, кроме собственно общих и индивидуальных познавательных смыслов, можно выделить также эмотивно-оценочные: негативные и позитивные, или аксиологические, перцептивные и т.д.

В современной науке выделяют, по крайней мере, два типа концептов в соответствии с аспектом рассмотрения данного феномена: концепт как единица лингвокультурологии и концепт как объект когнитивно-семантического анализа.

Однако эта общая классификация требует более мелкого рубрицирования.

Ю.С. Степанов предлагает рассматривать два важных типа концептов: концепты, представляющие собой «рамочные понятия», и концепты – «понятия с плотным ядром». Рамочные концепты, по мнению исследователя, имеют «некоторый основной, актуальный признак (или некоторую небольшую совокупность таких признаков), который, собственно, и составляет главное содержание концепта. Возникновение концепта... «коллективного бессознательного» или «коллективного представления» – результат стихийного, органического развития общества и человечества в целом. ...Далее эти концепты, собственно – их «рамка», могут «примериваться», «накладываться» на то или иное общественное явление, в данных случаях – на то или иное общество (причем другие исключаются), на ту иную социальную группу (причем другие также исключаются). Здесь мы имеем дело с другим процессом, который вряд ли можно назвать «органическим» или стихийным. Это есть процесс социальной оценки, подведения под норму, под норматив, процесс, связанный с сознательной деятельностью общественных сил и даже с их борьбой» [287].

Мыслительные картинки сугубо индивидуальны, они основаны на конкретном жизненном опыте человека. Так, исследователь рассуждает: «...один носитель языка может ассоциировать лексему *дорога* с проселочной дорогой к дому, где знаком каждый бугорок и выбоинка, другой «мысленным взором» видит широкую автостраду, ведущую к аэропорту, но общая схема «протяженье»... будет включаться в состав семемы этого слова» [19. С. 28]. Концепт-фрейм, по мнению исследователя, «имплицитно включает комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств» (Там же. С. 29). Исследователь приводит пример со словом *больница*. В этом случае фрейм будет включать такие компоненты, как приемный покой, палаты с кроватями для больных, врачи и медсестры и т.д. Сценарий, как считает А.П. Бабушкин, это развернутый в динамике концепт. Сценарий состоит из этапов, так как в нем есть завязка, кульминация сюжета и развязка.

Логически конструируемые концепты в типологии А.П. Бабушкина

абсолютно лишены образного начала, они далеки от чувственного человеческого опыта. Смысл таких концептов равен их словарному толкованию. Калейдоскопические концепты, напротив, сопряжены с когнитивными метафорами, через призму которых постигается сущность абстрактного имени (Там же. С. 55–57).

Рассуждая о названных типах концептов, А.П. Бабушкин подчеркивает, что «эти типы носят универсальный характер, а национальная специфика концептов заключается в различии их содержания при тождестве их типов» (Там же. С. 57).

По признакам яркости и оценочности В.И. Карасик выделяет яркий, неяркий, положительный, отрицательный лингвокультурные типажи. Поскольку лингвокультурный типаж – это ментальное образование, он также является концептом, следовательно, в его структуре можно выделить образную, понятийную и ценностную составляющие [116; 117].

О.А. Дмитриева, изучающая лингвокультурные типажи (ЛТ) России и Франции XIX в., дает общее определение этого термина («языковая личность в ракурсе лингвокультурологии выступает в качестве лингвокультурного типажа» [72. С. 56] и указывает, что «коммуникативное поведение ЛТ регулируется ценностными приоритетами, стереотипами, архетипами». Из этого, следует, по мнению исследователя, что черпать материал для изучения лингвокультурных типажей необходимо на основании анализа паремий и афоризмов, сюжетов литературы, ассоциаций слова и речения, юридических норм общества, данных опросов, анкетирования и других источников» (Там же. С. 57).

Подробную классификацию типов и видов концептов лингвокультурологии разработала М.В. Пименова. Концепты были разделены исследователем на три категориальных класса: 1) базовые концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира (космические, социальные и психические (духовные) концепты; 2) концепты-дескрипторы, квалифицирующие базовые концепты, среди которых выделяются дименсиональные концепты (концепты измерений: размер, объем, глубина,

высота, вес и др.); качественные концепты, выражающие качество (тепло – холод, целостность – портативность, твердость – мягкость); количественные концепты, выражающие количество (один, много, мало, достаточно – недостаточно); 3) концепты-релятивы, реализующие типы отношений, среди которых отмечаются концепты-оценки (хорошо – плохо, правильно – неправильно, вредно – полезно); концепты-позиции (против, вместе, рядом, близко – далеко, современный – несовременный); концепты-привативы (свой – чужой, брать – отдавать, владеть – терять, включать – исключать).

Далее М.В. Пименова конкретизирует каждый из классов базовых концептов. Например, среди психических (духовных) концептов исследователь выделяет концепты внутреннего мира (душа, дух, сердце); концепты характера (азартность, терпение, благодушие, гордость, грубость, доверчивость, счастье, злость, грусть, страдание, верность, тоска, тревога, любовь); ментальные концепты (знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание) [222. С. 81–82].

Представитель когнитивно-семантического направления И.А. Стернин, выделяя в структуре концепта базовый слой, или ядро, к которому прирастают дополнительные когнитивные слои, «отражающие определенный результат познания внешнего мира, т.е. результат когниции», разграничивает три типа концептов. К ним он относит: 1) одноуровневые, состоящие только из базового слоя (*желтый, зеленый, соленый, ложка, чашка, тарелка* и т.п.); 2) многоуровневые, имеющие, помимо базового слоя, когнитивные слои, отличающиеся уровнем абстракции (ср.: *грамотный* – базовый слой: «образованный человек»; когнитивные слои разной степени абстракции: «умеющий читать и писать»; «умеющий хорошо читать и писать»; «умеющий эффективно общаться» и т.д.); 3) сегментные, состоящие из базового слоя, окруженного несколькими сегментами (ср.: концепт *толерантность* – базовый слой: «терпимость, сдержанность»; сегменты: «политическая толерантность», «научная толерантность», «бытовая толерантность», «административная толерантность» и т.п.) [288. С. 59–61].

Предметом анализа когнитивной лингвистики служат концептуализация и категоризация накопленного опыта, описание способов концептуальной организации знаний и вербализации их в языке. Языке – это отражение реальной действительности, условий жизни народа и отдельного человека, особенностей мышления и восприятия ими реальности. Характер восприятия действительности носителями разных языков обусловлен особенностями взаимосвязи языка и культуры.

В языковой картине мира менталитет того или иного этноса актуализируется в ключевых концептах, изучение которых позволяет заглянуть в сердцевину национальной культуры. Язык, как важнейший компонент культуры, выражает этническую самобытность, необычность восприятия мира и склада мышления народа. «Можно считать лексическую единицу некоторого языка “ключевой”, если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком», – отмечает Д.Н. Шмелёв [342. С. 11], и, конечно же, речь не идёт о постижении всей национальной культуры во всем ее многообразии, однако вполне возможно увидеть в языке отражение каких-то существенных моделей и паттернов, встроенных в национальную культуру и воспринимаемых носителями национального языка как нечто естественное. Такие представления как само собой разумеющееся, не являются предметом рефлексии носителями языка в обычных условиях языковой коммуникации. Они, как Д.Н. Шмелев пишет, находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая значениями слов, носитель языка одновременно привыкает к ним, а будучи свойственными всем носителям языка, они оказываются определяющими для культуры, пользующейся этим языком (Там же. С. 12). Существенные особенности языка и культуры раскрываются при сопоставлении с фактами другого языка и культуры. Для индивида, находящегося в рамках одной культуры и языка, привычный для него способ восприятия мира представляется единственно реальным, соответствующим действительности.

Выявление специфичных концептов, отражающих и формирующих

образ мышления народа, продолжает оставаться актуальной задачей лингвокультурологов. Они отмечают, что значения большого количества лексических единиц, на первый взгляд имеющих эквиваленты в других языках, при детальном изучении лексической семантики оказываются как бы включающими лингвоспецифичные конфигурации идей.

Ключевой концепт любой языковой картины мира – *человек*, и без анализа его не представляется возможным описание культуры этноса, так как любая реальность в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит она миру артефактов или природному миру, – может быть оценена в первую очередь через ту роль, которую играет по отношению к этой реальности человек. В чувашской картине мира человек выражается словом *этем*, *сын* в татарской – *кеше*; в английской – *man*.

«В культуре нет ни “чисто материальных”, ни “чисто духовных” явлений, – констатирует Ю.С. Степанов, – предмет как предмет культуры создается и своей материальной предметностью, и своим отношением к другим предметам», [287. С. 697]. Именно по этой причине слово *сердце* в разных языках представляется какместилище человеческих чувств и противопоставляется голове какместилищу разума, интеллектуальных способностей. Анализ культурной наполненности концептов часто основывается на выявлении внутренней формы слов и идиом, т.е. учитывается мотивированность значений слов, связанная с пониманием отношений между словесными элементами языковой системы.

Обозначение отдельных предметов внутреннего и внешнего мира глубже проникает в чувственное восприятие, фантазию, эмоции и, благодаря взаимодействию их всех, в народный характер вообще, потому что здесь поистине природа едина с человеком, вещественность, отчасти действительно материальная, – с формирующим духом. В этой области, соответственно, ярче всего просвечивает национальная самобытность.

Аттестация языка как средства общения неотделима от рассмотрения его функций во внутриэтническом измерении. Взаимный детерминизм языка

и культуры отчетливее всего выявляется в пересечении языка и бытового уклада, языка и социальной структуры, языка и искусства. Наличие языка – необходимое условие материального и духовного бытия во всех сферах социального пространства. Язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт практической деятельности в традиционных и привычных для этноса формах. Язык «представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывающийся тип жизни во всем его разнообразии и диалектической противоречивости» [296. С. 5]. С этих позиций концептуальное оформление в языке того пространства, внутри которого протекает будничное, повседневное существование членов этноса, чрезвычайно важно для лингвокультурологии, стремящейся выделить наиболее значимые культурные схемы, охарактеризовать культурное пространство этноса через описание ключевых культурных концептов.

Та картина мира, которая складывается в языке этноса, в известной мере детерминирована прагматическими моментами и возникает главным образом как ответ на практические потребности человека, и основные виды трудовой деятельности, традиционный уклад быта продолжают оказывать определенное влияние и при изменении ценностных ориентаций. Как отмечает В.А. Маслова, «по всей вероятности, совокупность предметно-образно-эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек встречается чаще, чем с другими, в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности... Претендуя на абсолютную истину, знания данного типа могут сколь угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще – квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта» [172. С. 69].

Большинство ученых соглашается с идеей о наличии структуры у концепта, признавая условность данного положения, и говорит о его

полевой организации, при этом в структуре концепта выделяют единицы разных уровней, границы которых, безусловно, весьма расплывчаты.

И.А. Стернин в структуре концепта выделяет ядро и периферию. Ядро, по мысли исследователя, будут составлять базовый слой и совокупность когнитивных слоев или сегментов; периферию – интерпретационная часть, которую составляет «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [288. С. 61].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают, что концепт включает три составляющие: понятийную, образную, ценностную [117. С. 78]. Понятийная – это языковая фиксация концепта; образная – полученные через органы чувств характеристики предметов, явлений; ценностная сторона – определяющая для выделения концепта.

Мнение о трехкомпонентной структуре концепта разделяет и С.Г. Воркачев. Исследователь подчеркивает, что «понятийная составляющая... отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта, образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, значимостная составляющая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [47. С. 80].

Для большинства лингвокультурологов наличие именно ценностной составляющей отличает лингвокультурный концепт от других ментальных образований. Так, представители волгоградской школы концептуальной лингвистики подчеркивают: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип» [117. С. 77]. Ученые приводят пример с выделяемыми исследователями-когнитивистами

З.Д. Поповой и И.А. Стерниным концептами, обозначающими специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., для которых нет языкового обозначения (ср. нет таких лексем: *носороговод* или *крысовод*). Когнитивисты делают вывод, что не все концепты имеют прямые номинации, лингвокультурологи же вовсе будут отрицать наличие таких концептов. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин пишут: «Для лингвокультурологии концепты *носороговод* и *крысовод* не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения отношения к подобным феноменам» (Там же. С. 77).

Если рассматривать лингвокультурные концепты сквозь призму оппозиции «универсальное – специфичное», то в их структуре можно выделить три компонента.

Универсальный компонент концепта – это «семантические признаки, общие для всех общих реализаций концепта, которые образуют его понятийную основу» [47. С. 87]. В этой понятийной основе заложено то общее в концепте, что присуще всему человечеству.

Национальный компонент концепта – «семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка или с менталитетом национальной языковой личности» (Там же).

Индивидуальный компонент концепта – такие когнитивные признаки, которые обусловлены сугубо индивидуальным опытом человека (изучение таких структурных компонентов особенно важно при исследовании художественных концептов).

Однако не все концепты имеют такое содержание. Те из них, которые присущи одной языковой и культурной общности, содержат только общенациональный и индивидуальный компоненты. Таким, например, является концепт *юродство* в русской культуре, которое представляет собой форму добровольного безумия «ради Христа», добровольного отречения от мирских благ во имя особой миссии – служения Богу и людям.

Термин *концептосфера* был впервые применен Д.С. Лихачевым

в статье «Концептосфера русского языка». Исследователи довольно быстро ввели термин в научный обиход, отмечая разные оттенки его значения. В.А. Маслова понимает под концептосферой «совокупность концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка» [170. С. 34]. В качестве иллюстрации исследователь приводит пример концептосферы православного русского сознания, отмечая, что «генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами Слово, Творец, Истина, Добро, Благо, Мир, Свобода, Польза, Человек, каждый из которых обладает сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания» (Там же).

Представители семантико-когнитивного подхода к изучению концептов З.Д. Попова и И.А. Стернин употребляют термин *концептосфера* как «упорядоченную совокупность концептов народа, информационную базу мышления» [227. С. 26]. Эти исследователи отмечают, что концептосферу составляют не случайно собранные концепты, это совокупность единиц, находящихся друг с другом в системных отношениях.

Ученые говорят о некоей изоморфности структуры самого концепта и целой концептосферы. В.А. Маслова отстаивает положение о полевой структуре концептосферы: «В структуре концептосферы есть ядро (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта), приядерная зона (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и периферия (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные значения, а периферия – индивидуальные» [170. С. 35].

Концепты, связанные с системными отношениями, образуют некие ментальные пространства в рамках одной концептосферы.

Термин *ментальные пространства* используется в работе профессора Тамбовского университета им. Г.Р. Державина В.Б. Гольдберг «Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека». Автор

статьи отмечает, что данный термин был заимствован из работ Ж. Фоконье и М. Тернера, посвященных изучению ментальных пространств. Исследователи под ментальными пространствами понимают «небольшие концептуальные объединения “пакеты”, создаваемые по мере того, как мы думаем и говорим» (перевод В.Б. Гольдберг). Однако авторы сосредоточиваются, по словам В.Б. Гольдберг, лишь на изучении причинно-следственных отношений между концептами, которые создают основу ментального пространства. Отечественный исследователь утверждает, что в основе формирования ментального пространства может находиться не только причинно-следственная связь, но и другие типы концептуальных связей. «В зависимости от этого будут различаться типы ментальных пространств» [55. С. 7]. Далее автор выделяет разные типы концептуальных связей: метонимическую связь (отношения части и целого), фазовые связи, связь «тяготение», реминисцентные связи, автонимические связи, градуарные связи, полярные связи, мотивирующе-целевые связи и т.д.

Действительно, смысловые единицы одной концептосферы могут образовывать ментальные пространства на основе отношений включения (например, *ум – знание, мудрость – опыт – возраст* и т.п.), отношений антонимичности (*ум – глупость, свет – тьма* и др.), *причинно-следственные отношений (преступление – наказание, грех – вина)* и т.д.

В настоящее время активно изучаются единицы разных ментальных пространств.

Выводы. В первой главе диссертационного исследования освещены такие вопросы, как обзор фитонимических исследований, языковая картина мира, языковая картина мира человека, фитонимическая картина мира, мифологическая картина мира, серия лексическая «растение» как концептосфера. Указано, что тематическая группа «растения» включает в себя несколько подгрупп: деревья, кустарники, кустарнички, цветы, ягоды, грибы, лишайники, мхи, водоросли, бахчевые культуры, зерно-бобовые культуры – всего 11 групп. Здесь же дано определение термина *флорема*, что неодинаково понимается в лингвистике. Подчеркивается, что в диссертации

анализируются названия деревьев и кустарников, которые обозначены как концепты, а совокупность концептов составляет концептосферу.

Особое внимание уделено синхронному деривационно-семантическому анализу названий деревьев в русском языке по схеме: I – производное с собирательным значением, II – производное с уменьшительно-ласкательным значением и III – производное с увеличительным значением, что дает основание говорить об аналогичном анализе в диахроническом плане.

Концептосфера «растения» содержит большой потенциал для изучения национальной культуры.

С точки зрения того, что «язык – не концептуальная система, а средство её строения и символической репрезентации», рассмотрены работы Р.И. Павилёниса, В.И. Убийко, Ю.С. Степанова, А.П. Бабушкина, В.И. Карасика, М.В. Пименова, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина.

Эти исследователи единодушны в том, что «картина мира, которая складывается в языке этноса, в известной мере детерминирована прагматическими моментами и возникает главным образом как ответ на практические потребности человека и основные виды трудовой и умственной деятельности. По их мнению, концепты, связанные с системными отношениями, образуют некие ментальные пространства в рамках одной концептосферы.

Концептосфера «флора» является наименее исследованной отраслью лингвистики. Поскольку двуязычные словарные статьи дают лишь общее представление о значении слов, а энциклопедические словари – о понятии, к анализу следует привлечь разнообразные источники: научные, поэтические, художественные, философские, культурные, публицистические, паремиологические, мифологические и т.п.

ГЛАВА 2. ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОТАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

2.1. Синхронная реконструкция структуры фитонимов

Язык в любом хронологическом срезе – структура динамическая. Это значит, что в каждую данную эпоху в языке имеются черты старого – отжившие свой век элементы, сохранившиеся в виде реликтовых явлений, напластавшиеся в виде новых ветвей на старой кроне. В свете теории непрерывного развития языка это вполне объяснимо.

В своей известной работе «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «...хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» [167. Т. 12. С. 711].

Сказанное К. Марксом Р.А. Будагов интерпретировал так: «... хотя все языки подчиняются общим законам бытования и исторического движения, расхождения между ними обнаруживаются в самом процессе их же развития» [34. С. 32].

Здесь важно то, что подчеркивается факт развития языков, а вместе с тем и совершенствование их. Природа и специфика языка таковы, что он не может быть в изоляции от общества данной эпохи, поэтому мы можем говорить о совершенствовании языка в процессе его исторического развития. Подлинная специфика языка обнаруживается в связи языка с мышлением людей, потребностями общества и культурой народа. Учитывая это, как и А.Ф. Лосев, мы не можем согласиться с Ф. де Соссюром в том, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассмотренный в самом себе и для себя» [155. С.123].

Если же «язык есть непосредственная действительность мысли,

а мысль и язык фактически совершенно нерасторжимы и вливаются в общее (безбрежное) море действительности» [329. С. 4–5], действительность же явление динамическое, то исследователь, учитывая всю важность синхронного состояния языка, вместе с тем должен уметь его анализировать и в движении, связать диахронию с синхронией, видеть результаты и перспективу такого движения.

Остановимся на значении термина «реконструкция», который до сих пор многими исследователями понимается как «основной прием сравнительно-исторического языкознания, состоящий в воссоздании не засвидетельствованных в памятниках письменности прошлых языковых фактов, которые известны по письменным памятникам или же по живому употреблению в речи» [13. С. 383].

Используя термин *синхронная реконструкция*, мы тем самым принимаем во внимание, что это также своеобразный методический прием сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, позволяющий восстановить структуру слова путем сравнения и сопоставления современных лексем различных языков на морфемном уровне. При синхронной реконструкции мы можем наблюдать непосредственно необозримые процессы, которые происходили в ходе развития языка, и воспринимаем конкретные формы слов в виде конечного продукта определенного акта деривации. Вместе с тем синхронная реконструкция непосредственно соприкасается с диахронной, т.е. при синхронной реконструкции имеем дело с динамическими моделями синхронных состояний языка, которые в свою очередь представляют результат исторических преобразований, т.е. теоретические обоснования синхронной реконструкции основываются и в синхронии, и в диахронии. Но тот факт, что эти «данные» представлены в современных языках, вынуждает нас говорить о синхронной реконструкции, т.е. о языковых данных, выстраиваемых на одной временной плоскости. Таким образом, изучая язык как исторически развивающееся явление, мы соприкасаемся с проблемой устойчивости,

стабильности языка во времени.

2.1.1. Тематическая группа слов как микросистема. Синхронная реконструкция тюркских слов со значениями «дерево», «лес»

На современном этапе изучения лексики вопрос о ее системности не перестал быть дискуссионным. Поэтому лексикологи должны обратить внимание на специфические особенности лексической системы. Небезынтересны в этом отношении так называемые тематические группы, которые, по мнению ряда исследователей, представляют собой лексические микросистемы. Задача лингвиста – исследовать языковые связи внутри этих групп.

Важность исследования лексики по тематическим группам, таким, как термины родства и свойства, части тела, названия животных и растений, подчеркивается В.И. Цинциус. Она пишет: «Особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что при объединении отдельных слов в тематические группы удастся выявить наиболее характерные для данных семантических разрядов словообразовательные модели. Это в свою очередь облегчает и ускоряет дальнейший ход работы над словарным материалом, связанный с этимологическими изысканиями. Структуры лексических моделей типичны, устойчивы, и фактор аналогии при этимологических штудиях имеет доказательный характер» [329. С. 4–5].

Действительно, изучение лексики языков по тематическим сериям позволяет лексикологу улавливать структурную общность обозреваемой группы слов, в результате исследователь получает возможность реконструировать исходный облик того или иного слова, выявить корневую морфему и выяснить роль деривационных морфем. Семантический аспект выявленного корня «экстрагируется из разнообразных значений дериватов, которые возникают при словообразовании». При исследовании тематической группы лексики мы сталкиваемся с семантическими классами слов, т.е. с гнездом слов одного корня, поэтому важным оказываются вопрос

о семантической филиации данного гнезда слов. Вот в основном тот круг проблем, который возникает при исследовании семантических классов слов, в данном случае ботанической лексики языков как микросистемы.

Обратимся к характеристике лексем со значением «лес» в общетюркском масштабе. Начнем с простой констатации фактического материала, который в дальнейшем станет тем фундаментом, который перекинет «мост» от содержания к форме или от формы к содержанию, т.е. простая констатация фактов является не формальным этапом в нашем исследовании, а целенаправленной работой в области выявления синонимического ряда или эквивалентов лексем со значением «лес», «дерево».

Изучение истории синонимических групп слов в сравнительно-историческом и сопоставительном плане представляет собой одну из важных задач не только лексикологии, но и семасиологии. Не менее важным является и то положение, что «история слова, являющегося членом лексико-семантической группы, не может быть изучена в полном ее объеме без учета истории этой группы» [320. С. 538]. (Многозначные слова представлены только в одном, интересующем нас значении. – Ю.И.)

I. Слова с разнообразными деривационными аффиксами

Др.-тюрк. *орман*, башк. *урман*, сал. *ормон*, кирг., туркм. диал. *ормон*, узб. диал. *урмон*, чув. *вӳрман*; чув. диал. *вӳрмон* «лес»;

зап.-сиб. тат. *urmannek* «лес» [151. С. 136];

башк. *урманлык* «лес, лесная местность»;

башк. диал. *йурмэ* «дремучий лес» [164. С. 243];

кумык. *орманлык* «лес, лесистая местность»;

караим. *орманлык*, ног. *орманлык* «лес, лесистая местность»;

ср. башк. *орманлык* «большой лес» [235. Т. 1. С. 1078];

кирг. *орман-токой*, *орман-жыгач*, *токой-орман* «лес»;

алт., карач.-балк. *агач*, хак. *агас*, каз., к.-калп., ног. *агаи* «лес», «дерево»; алт. *агаи* «лес на ровной местности» [185. С. 115];

карач.-балк. *агъач* «лес»;

др.-тюрк. *jïyačlıg* «лесистое место», тат., бараб., кумык., туркм., *агачлык*, тур. *agaçlık*, к.-калп., ног. *агаишлык* «лес, роща»;

др.-тюрк. *arıy**, *arıy semäk* «лес», тоф. *арыг*, тув. *арыг* - *арга* «лес»; хак. *арыг* «роща, чаща, заросли», якут. *арыы* «лесная чаща», «остров», «поле», «луг»; тув. *арга* «горный лес» [88. С. 22], алт. *арка* «лес на любой стороне горы»; *арыг* «сосновый лес» [235. Т. 1. С. 272], *арык* «лес, роща» [252. С. 188];

якут. *арал* «лесок»;

тув. *арыскан* «чаща, дремучий лес» [185. С. 141];

алт. *арал* «лес» [252. С. 167]; *арыл* «смешанный лес», *арлык* «лесная чаща, валежник»;

др.-тюрк. *bïk* «лес, чаща», «заросли», *bök* «лес, роща»;

др.-тюрк. *bišä* «роща, лес»; иран. *биша* «лес, роща»; азерб. *мешä* «лес» ср. гаг. *мешä*, тур. *meşe* «дуб» [211. С. 163];

кирг. *токаі* «лес в низменностях» [235. Т. 3. С. 1147];

кирг. *токой* «лес», к.-калп. *тогай*, туркм., уйг. *токай* «лес» [211. С. 163];

башк. *балкан* «гора, покрытая лесом, горный лес» [235. Т. 4. С. 1499];

кирг. *манкит* «густой лес» (Там же. С. 2020); *шал* /ср. *кокшаал* «мертвый лес» [189. С. 290];

осм. *кору* «парк, лес, подлежащий охране», «загон для охоты» [235. Т. 2. С. 555];

тур. *koru* «лесок, роща»;

алт. *таралак* «тайга, кедровка» [185. С. 301];

тат. диал. *былагай* «лесистая местность» [297. С. 99];

тат. диал. *булэк* «мелкий лес» (Там же. С. 110);

тат. *алан* «березняк, перелесье» [252. С. 135];

крым.-тат. *dağ* «лес, гора» [235. Т. 3. С. 1611; 254. С. 118; 192. С. 85; 70. С. 163];

тур. диал. *gür* «лесистая местность; местность, покрытая

кустарниками»;

башк. диал. *шарлык, шырлак* «чаща»;

башк. диал. *мелем* «лес молевой»;

тат. диал. *муль* «лес, сплавляемый бревнами» (отдельно) [297. С. 257];

тат. диал. *куралык* «место, где растут молодые деревья»;

азерб. *алмалык* «место, посаженное яблонями», «яблоневый сад»;

туркм. *даз* «лес», ср. башк. *дазлак* «лесные»; ср. *тас* «болезнь деревьев» [192. С. 162];

тат. диал. *килэклек* «кустарник», *килэк* «участок в лесу» [297. С. 245];

азерб. *чубуклук* «хворостняк» («хворост на корню, мелкий лес»), *балталык* «общественный лес» [235. Т. 4. С. 1503]; *пöләк* «кустарник» (Там же. С. 1304);

башк. *балышта* «еловый лес» (Там же. С. 1498–1499);

каз. *талды* «заросшее кустарником место в степи» [202. С. 406];

якут. *бөлкөй* «рощица» [279. Т. 1. С. 109]; *äpämä* «мелкий и частый кустарник» [235. Т. 1. С. 760]; *jыш* «горы, покрытые лесом», «чернь» (по-сибирски и «тайга») [235. Т. 3. С. 497]; ср. др.-тюрк. *jіс* «нагорье с долинами, удобными для поселений» [88. С. 268]; *jілгин* «низкий хвойный лес в степи» [235. Т. 3. С. 521];

якут. *тайга* - *тыа* «тайга», «лес»; ср. *таја* «кустарник» (Там же. С. 815); *тарымал* «дубрава, роща» (Там же. С. 849); ср. *тармал* «тж» (Там же. С. 874); *какшак* «густой лес»; ср. *какшал* «сухое дерево»; *какшал* «куча леса, нанесенная водою» [235. Т. 2. С. 67–68];

алт. диал. *шаал* «молодая поросль» (лит. *чаал*) [185. С. 347];

осм. *кори* (кору) «парк, лес»; *хурмалык* «пальмовая роща» [235. Т. 2. С. 1735];

чув. диал. *кәриша* «ивняк», «ивовая роща» [18. Т. 7. С. 188];

узб. *чакалак* «лес»;

узб. *дарактзор* «лес»;

тув. *эзим* «лес, тайга»;

тув. *ыяш* «лес» (лесоматериалы);

азерб. *тахта-шалбан* «лес» (досл. «доска-бревно»);

карач.-балк. *чегет* «густой, дремучий лес»;

кирг. *чер* «густой, дремучий лес, чаща», «непроходимые заросли»;

якут. *тиит* «лес», «лиственница», «заболонь»;

тур. *kilizman* ~ *kilizmen* «место, поросшее тростником», «тростниковое болото» от *kiliz* «камыш» [250. С. 198];

чув. *вӑрман* (*орман*, *урман*); тат. касим. *čätərmanlā* «кустарник», алт. *čidīrman* «чаща деревьев», хак. кач. *čidīrban* «место, поросшее густой мелкой растительностью», кирг. *čidīrman* «чаща, густые заросли» (ср. кирг. *čidīr* «хруст», «пажитник», тат. *čätər* «хворост» > мар. *čätər* и т.д.) [151. С. 136].

II. Формант *-ман* в данных примерах, на наш взгляд, по функции равнозначен аффиксу *-лык*, когда последний оформляет имена с собирательным значением. При этом нужно учесть, что *-ман* в приведенных выше примерах ничего общего не имеет с аффиксом *-ман* с орудийным значением или со значением действующего лица или признака.

Видимо, в словах типа *орман* / *вӑрман* элемент *-ман* носил отыменный характер, в связи с этим нужно ставить вопрос о сложности слова *орман* < *ор* + *ман*. В композите *орман* (*вӑрман*), который мог функционировать в виде парного сложения *ор-ман*, соединены два полнозначных синонима (исторически!). Косвенным доказательством этого служат: а) былое существование первого элемента *ор* (ср. тох. *ор* «дерево» – «лес»; чув. диал. *вӑр* – «поросль» – «лес»;) в качестве полнозначного слова [18. Т. 5. С. 310]; б) участие элемента *-ман* в качестве корнеслова: *манкит* «густой лес» [235. Т. 4. С. 2020]; ср. чув. *Манкал* «назв. леса около д. Шуркасы Алик. р-на» [18. Т. 8. С. 195]. Вполне возможно, что во втором компоненте азербайджанского парного слова *тахта-шалбан* «лес» присутствует тот же элемент в виде *-бан* (*м* ~ *б*). По данным Р.Г. Ахметьянова, это слово имеет вариант на *а*: ст.-кыпч. *арман* «большое дерево», *арманлык* «лес» [17. С. 43].

III. Слова с аффиксом *-ан*, *-ам* (*-ем*, *-эм*): чув. *йӓлӓм* «заволжский

сосновый бор», «заливные, пойменные луга»; башк. диал. *мелем* «лес молевой»; ср. башк. *билэм* «делянка в лесу». Видимо, *-ам* (*-ем*, *-эм*) нужно сопоставить с формантом *-а/и* со значением места или его признака и считать их фонетическими вариантами; ср. общетюрк. *алан* /*аклан*, *жалан*, *йалан* с гаммой значений: якут. «березняк» [216. В. 1. С. 84], тат. диал. *алан* «узкая и длинная местность, длинное широкое поле, поросшее тальником, березняком или ельником, негодное для покоса, с плохой травой, или... и вовсе лишенное растительности». Видимо, к этой группе примыкает и тув. *эзим* «лес (сплошной)». Доказано, что общетюрк. *одун* «дерево, хворост, полено, дрова, столб» и т.д. относится к образованиям такого типа [250. С. 172]. В тюркологии есть такое мнение, что аффиксы *-ан*, *-ун* являются показателями множественного числа [345. С. 88].

IV. Слова с аффиксом *-кан*: *балкан* «горный лес»; тув. *арыскан* (*ар-ыс-кан*) «чаща, дремучий лес»; видимо, к ним же примыкает чаг. *йилгин* «низкий хвойный лес» [235. Т. 3. С. 521]. Возможно, что при помощи этого аффикса в тюркских языках образуется ряд ботанических терминов: *tuturgan* «рис», *böjyrmken* «ежевика», *kümürgän* «горный лук», *тозаган* «одуванчик», *уаригән* «лепесток» [250. С. 313, 316]. По мнению Э.В. Севортяна, корни в этих словах неясны и нуждаются в этимологическом изучении. Возникает вопрос: не родствен ли аффикс *-кан* аффиксу коллективной множественности *-гун* в словах *балкан*, *арыскан*, *йилгин*?

V. Производные на *-агай* (*-ахай*). В нашем списке имеется лишь один пример: тат. диал. *былагай* «лесистая местность» [297. С. 99], морфемный состав которого на первый взгляд очевиден, но вполне вероятно, что по структуре сам аффикс составной. Э.В. Севортян допускает возможность сравнения этого аффикса с кыпчакским уменьшительно-ласкательным *-кай*. *Бы-лаг-ай* – такое расчленение выглядит более правдоподобным. Аффикс *-агай* (*-ахай*) считается непродуктивным, он образует существительные и прилагательные от основ прилагательных и существительных [250. С. 180–181]. Если учесть, что аффикс *-лаг* считается семантически обособившейся

фонетической разновидностью аффикса *-лык* [345. С. 106], то нетрудно догадаться, что и в слове *былагай* он образует имя со значением места совокупного расположения предметов, и рассматриваемую лексему следует ставить в ряд таких слов, как азерб. *отлаг* «пастбище», узб. *кушлак* «место, изобилующее птицами» и т.д. Видимо, аффикс *-агай* (*-ахай*) представляет собой результат слияния (нагнетания) двух однозначных аффиксов *-лаг* + *-ай*, где последний в тюркских языках является разновидностью аффикса *-эј* и образует имена со значением места: азерб. *кунэј* «солнечное место», тур. *кизэј* – *кизај* «север» от *kuz* «тенивая сторона» [250. С. 180].

VI. Производные на *-дак* / *-даг* имеют значение места:

диал. *бардак* «заросли, заросли тростника» [253. С. 66]. К словам такого типа относятся азерб. *отлаг* «пастбище, выгон» от «трава», азерб. *овлаг* «место, изобилующее дичью» [250. С. 218–221]. Следует сказать, аффиксы *-лаг* ~ *-дак* (*-даг*) являются, возможно, фонетическими вариантами аффикса *-лык* [345. С. 106], ср.: *таралак* «тайга», *чакалак* «лес».

VII. Аффиксы *-ык* / *-ыг* в словах *арык*, *арыг* «лес, роща, горный лес» могут быть фонетическими вариантами аффикса *-лык* (ср. *арлык* «лесная чаша»).

VIII. Производное на *-зор* (чув. *-сур*, *-сор*, *-сар*): узб. *дарахтзор*, *олмазор*; чув. *юмансар*, *хурӑнсур*, *хурӑнсор* (диал. *хорӑнсор*). Аффикс *-зор* в тюркских языках считается иранским заимствованием, по значению он равен аффиксу *-лык*, когда последний имеет значение места, отличающегося изобилием однородных предметов.

IX. Производные на *-а/з/* и *-а/р/*: к.-калп. *алаз* «редко растущие деревья»; якут. *алас* / *-алаа/с* «поле, окруженное лесом». Видимо, как и аффикс *-а/н*, аффиксы *-а/з/*, *-а/р/* являлись раньше показателем собирательной, коллективной множественности: ср. туркм. *даз* «лес».

X. Производное на *-ды*: каз. *талды* «заросшее кустарником место в степи» [202. С. 406] ср. *тал* (*-дал*) «дерево», «ивняк, тальник» [254. С. 131]. Образования типа *талды* – явление редкое. Не исключена возможность того, что аффикс *-ды*

в слове *талды*, восходит к аффиксу относительных прилагательных *-лы* со значением обладания, т.е. *таллы* > *талды*; ср. *агачлы* «с деревьями», «имеющий древесные насаждения», каз. *шанды жол* «пыльная дорога», кирг. *шаардык бак* «городской сад», но при этом нельзя игнорировать мнение многих исследователей о том, что аффикс *-лы* восходит к первоначальному *-лыг* со значением собирательной множественности [250. С. 53–54; 128. С. 105–106, 263. С. 3–6].

XI. Производное на *-чын*: *кырчын* «кусты тальника» [235. Т. 2. С. 758]. Существительные с аффиксом *-чын* в тюркских языках встречаются в виде исключения [345. С. 104]. Можно предположить, что тюрк. *-чын* восходит к монг. *-чин*, выражающему собирательное множество.

По данным Э.В. Севортяна и А.М. Щербака, аффиксы *-лык*, *-ман*, *-(а) н*, *-кан*, *-агай (-ахай)*, *-дак*, *-ык (< -лык?)*, *-зор*, *-(а)з*, *-(а)р*, *-ды*, *-чын* в большинстве случаев образуют существительные от различных имен (хотя при этом наблюдаются и глагольные основы) [250; 345].

Большинство приведенных деривационных морфем бытует в современных языках в качестве живых словообразовательных формантов, а те, которые трансформировались и потеряли свою продуктивность, легко восстанавливаются исторически и являются также носителями словообразовательных значений.

Следует отметить, что эти словообразовательные аффиксы в большинстве случаев выражают собирательную множественность. Ср. также *jîş* «горный лес», где *-ş* – аффикс собирательности [128. С. 72]. Ср. чув. диал. *йүс* «дерево», лит. *йывăс*, др.-тюрк. *î* – «кустарник», «лес», «дерево», «растение» [88. С. 216].

Аффиксы являются единицами, противопоставленными полнозначным компонентам производного. Если же на данном этапе развития языка производное слово превратилось в непроизводное (процесс опрощения), то восстанавливать былую форму поможет не только этимологический, но и морфемно-словообразовательный анализ. Мы пока не проводим строгий этимологический анализ, а полагаемся на явление этимологической рефлексии.

Как и в случае со словообразовательными аффиксами, выделим несколько групп предполагаемых корневых морфем (табл. 1). В морфологической структуре слова именно в корневых морфемах содержится основное лексическое значение. Это положение было живым и с исторической точки зрения, т.е. при обращении слово теряет свои прежние смысловые связи, в результате чего из мотивированного названия того или иного предмета объективной действительности превращается в немотивированное. Основными причинами, вызывающими процесс опрощения, являются: 1) семантические и фонетические изменения; 2) архаизация родственных слов (с последующим полным выпадением всех их из употребления) [100. С. 28].

В общей системе словообразования любого языка опрощение играет огромную роль, ибо благодаря ему лексика обогащается новыми корневыми словами.

Порядок расположения фитонимов во всех схемах, таблицах произвольный. Поскольку синхронную реконструкцию фитонимов (т.е. членимость слов по составу) производится справа → налево, то мы сначала выявляем деривационные морфемы, а их расположить в алфавитном порядке нецелесообразно. Оставшаяся часть: радикалоиды (связанные корни) определяются по детерминативам на этой основе выявляются «р»-группа, «л»-группа и т.д. Расположение этих радикалоидов по алфавиту ничего нового не приносит.

Таблица 1.
Структурный состав тюркских слов со значением «лес»

«р»-группа		«л»-группа
I. <i>ор, ур, айр</i>	II. <i>ар, ыр, ер</i>	III. <i>ал, ыл, ил, ай, ол, ул</i>
<i>ор + ман</i>	<i>ар + -а</i>	<i>ал + -аз</i>
<i>ур + -ман</i>	<i>ар + -ык</i>	<i>ал + -ар</i>
<i>ор + -мон</i>	<i>мар</i>	<i>ал + -ан</i>
<i>ур + -ман</i>	<i>бар + -дак</i>	<i>вал</i>
<i>ор + -ман</i>	<i>ар + -га</i>	<i>бал + -кан</i>
<i>айр + -ман</i>	<i>ар + -ыг</i>	<i>бал + -талык</i>
<i>айр + -ахча</i>	<i>ар + -ал</i>	<i>бал + -ышта</i>

<i>кор + -и</i> <i>кӱр + -ша</i> <i>кур + -алык</i> <i>јур + -мэ</i> <i>giür</i>	<i>дар + -ахтзор</i> <i>ар + ка</i> <i>ар + -ы</i> <i>ар + -ыл</i> <i>ар + -лык</i>	<i>шал</i> <i>тал</i> <i>тал ды+-</i> <i>йӱл +-ӱм</i> <i>был +-агай</i>
«р»-группа		«л»-группа
I. <i>ор, ур, ӱр</i>	II. <i>ар, ыр, ер</i>	III. <i>ал, ыл, ил, ӱл, ӧл, ул</i>
	<i>ар + -ыскан</i> <i>тар +- ымал</i> <i>тар + -мал</i> <i>тар + -алак</i> <i>ар + -ама</i> <i>шар + -лык</i> <i>шыр + -лык</i> <i>кыр + -чын</i> <i>чер</i>	<i>ныл +-лӱх</i> <i>бул +-эк</i> <i>пӧл +-ӱк</i> <i>бӧл +-kӧi</i> <i>мэл +-эм</i> <i>мул</i> <i>йилгин</i> <i>бил +-эм</i> <i>кил +-эклэк</i>
«й»-группа		«г»-группа
IV. <i>ой, ай уй</i> в сложных образованиях	V. <i>ман, бан, дан</i> в сложных образованиях	VI. <i>аг, ак</i>
<i>ой</i> <i>уй</i> <i>ой + -уур</i> <i>тай + -а</i> <i>тай + -га</i> <i>туй + -ра, toyrag</i>	<i>ман +-кит</i> <i>ман + -кал</i> <i>чытыр + -ман</i> <i>лаш + -ман</i> <i>шыдыр + -бан</i> <i>си + -дан</i>	<i>агаи</i> <i>агач</i> <i>багча</i> <i>таг, шор. шат</i> <i>аклан аз</i> <i>акта эзим</i>

2.1.2. Структура тюркского корня по данным синхронной реконструкции

Морфемную структуру приведенных выше лексем мы не случайно начали анализировать с аффиксальных морфем, т.е. со словообразовательных аффиксов. Наличие словообразовательных аффиксов, относительно легко

выделяемых и на данном этапе развития тюркских языков, говорит о том, что в слове должен быть и корень. «...Корень есть знаменательное сочетание звуков, которое остается по выделении из слова всех остальных знаменательных сочетаний и по устранении звуковых случайностей» [21. С. 141–142].

Поскольку мы исследуем этот вопрос с точки зрения современных научных концепций, то вполне можем столкнуться с «омертвевшими» корнями, которые так или иначе не исчезли бесследно. Лишившись лексической самостоятельности, имея только звуковую материю, они и по сей день незримо присутствуют в языке и продолжают жить в той или иной форме в основе вновь образованных «корневых» слов. Здесь уместно привести цитату основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса: «Материя и форма родного языка только тогда могут быть понятны, когда прослеживают его возникновение и постоянное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки» [166. Т. 14. С. 327].

Таким образом, понятие «корень» – историческое, поэтому «он [корень] может быть понят и раскрыт только путем сравнительно-исторического исследования фактов изучаемого языка с соответствующими фактами родственных языков» [22. С. 44–45]. В настоящее время, как правило, выделяют корни не на основе анализа слов одного языка, а при сравнении материала родственных языков [23. Ч. 1. С. 100]. То же самое положение должно быть пригодным и для служебных морфем. Отметим к тому же, что этот важнейший разряд морфем чрезвычайно полезен и при установлении родства слов различных языков.

Проблема структуры корня в тюркских языках до сих пор окончательно не решена [21. С. 145]. Исследователи-тюркологи и алтаисты занимались в основном вопросами структуры глагольного корня, а вопрос о структуре именного корня так или иначе оставался в стороне.

Н.А. Баскаков уже в своей ранней работе «Ногайский язык» утверждает, что только односложный корень в виде С + Г + С является типом древнейшей структуры корня, т.е. «типичным корнем для тюркских языков» [22. С. 44–45]. Этой концепции он придерживается во всех своих работах, где говорится о структуре корня в тюркских языках.

Ср.: 1. «Типичным корнем для каракалпакского языка (и других тюркских языков) является корень, состоящий из С + Г + С» [23. Ч. 1. С. 100].

2. «...Все типы первообразных корней представляют собой варианты основного типа: С + Г + С» [21. С. 145].

3. Почти полное отсутствие корней типа СГ и наличие подавляющего количества корней типа СГС в каждом конкретном тюркском языке – как в современном, так и в древнем – и статистические данные соотношения их с корневыми морфемами других типов подтверждают, скорее, точку зрения о характерной для тюркских языков структуре корня, состоящей из «закрытого слога с начальным и конечным согласным, т.е. о структуре типа СГС».

Нужно признать, что структура тюркского корня является предметом дискуссии. Проблема фонематического состава тюркского корня и направление его эволюции от СГС > /С/ГС > /С/Г/С/ или Г > СГ > СГС остается до настоящего времени спорной и неразрешенной.

На основе исследований Н.А. Баскакова, Б.М. Юнусалиева, Э.В. Севортяна, А. Зайончковского и В. Котвича академик А.Н. Кононов приходит к такому выводу: «Что касается весьма распространенного в современных тюркских языках корня типа согласный + гласный + согласный, т.е. СГС, то следует иметь в виду, что морфемный или морфологический анализ в большинстве случаев определяет третий элемент, (т.е. конечный согласный) как залоговый показатель (при глагольных корнях) или как словообразовательный аффикс (при именных корнях). Следовательно, речь идет о грамматическом синкретизме древнейших глагольно-именных корней-основ, обстоятельно разработанном

А.Н. Кононовым, Э.В. Севортяном и Б.М. Юнусалиевым» [128. С. 76].

По мнению А.Н. Кононова, кратчайшей формой тюркского корня является корень, состоящий:

- 1) из одного гласного: *ī* «растение»; *ō* «думать»; *ū* «сон»; *ü* «мочь»;
- 2) согласного и гласного: *pā-* ~ *ba-* «связывать», *sā-* «считать», *tīi* «цвет», *jā* «лук (оружие)»;
- 3) гласного и согласного: *āj* «луна», *aj-* «говорить», *at-* «лошадь», «бросать», «кидать».

И.В. Кормушин, опираясь на высказываемые в индоевропеистике мысли о необходимости «хронологической стратиграфии» праязыкового состояния, предполагал, «что на разных этапах праязыкового состояния существовали корни типа СГ (1-й этап), которые впоследствии получили приращение (2-й этап), после чего уже у некоторых корней произошло падение второго согласного» [131. С. 11]. Иными словами, указанные выше гипотезы, «может быть, и не являются взаимоисключающими» [160. С. 6].

Совершенно прав И.В. Кормушин, когда говорит, «что разрешение подобных вопросов требует постоянного увеличения количества фактов и всесторонней проверки гипотез» [131].

Основной спор возник вокруг формулы СГ и СГС в глагольных корнях. Конечные согласные *g, k, l, r, p, t, š, č, s ~ z* в трехфонемных (СГС) корнях считаются залоговыми показателями, которые войдя в состав корневых морфем, образовали базу – новый тип корня, не поддающийся в сознании носителей языка разделению на составляющие элементы [128. С. 78].

Возникает вопрос: как быть с теми же финальными согласными, когда они наличествуют в именных корнях? Ведь считать их залоговыми показателями нельзя!

В этом плане исследование А.Т. Кайдарова «Структура односложных корней и основ в казахском языке» является первым опытом рассмотрения фономорфосемантической структуры моносиллабов на обширном материале конкретного тюркского (казахского) языка. Всесторонний анализ

односложных самостоятельных корней и основ (ОКО) позволил автору распределить их по структурным типам в диахронном и синхронном планах их развития, определить их гомогенность или гетерогенность, устойчивость или вариабельность, разложимость или неразложимость, первичность или производность, самостоятельность или этимологическую затемненность и т.д. [114]. Автор отмечает отсутствие среди тюркологов единого взгляда на границы корня, основы слова и дает корню такое определение: «... тюркский корень есть наидревнейшая и исторически реальная единица языка, сохраняющая свою суть, несмотря на постоянные фоно-морфo-семантические изменения, происходящие в процессе агглютинативного развития строя тюркских языков. Он может структурно совпадать с первообразным словом, если оно не превышает одного слога. Во всех остальных случаях тюркский корень выступает как производная единица языка, где корень отражает в себе состояние статики, а слово – динамики» (Там же. С. 24).

Многосложные корни вслед за Л.А. Покровской А.Т. Кайдаров призывает называть основами, хотя еще не все они на современном этапе изученности тюркских языков поддаются разложению, т.е. выделению в них словообразовательных или иных формантов: «...исконно тюркская корневая морфема характеризуется преимущественной односложностью своей структуры, а двусложными могут выступать чаще основы, представляющие собой дальнейшее агглютинативное развитие корня» [114. С. 26].

Слово – историческое явление, и его природа может быть объяснена только закономерностями его структурного развития.

А.Т. Кайдаров далее пишет: «Членение односложных корней-основ (имен и глаголов) на более мелкие лексико-грамматические элементы в тюркологии считается относительно новой, но уже имеющей своих сторонников постановкой вопроса, на которую до недавнего времени многие смотрели скептически. Между тем этот вопрос на сегодняшний день не только вызывает интерес исследователей, но и является объектом самого

пристального практического осмысления» (Там же. С. 27).

Фоно-морфо-семантический анализ односложных корней и основ (ОКО) в казахском языке в сравнении с фактами других тюркских языков позволил исследователю сделать следующие выводы:

1. Корпус моносиллабов в казахском языке составляет около 3 тысяч единиц. Ровно половину этого числа ОКО составляют несамостоятельные (консервированные, этимологически затемненные и мертвые) корневые элементы, выявленные и вычлененные гипотетически на основе поморфемного, системного, сравнительно-исторического анализа и реконструкции.

2. Выделено 6 типов односложных корней-основ в казахском языке, образующих ядро всей базисной лексики и служащих первоосновой сложного исторического процесса словопроизводства: Г, СГ, ГС, ГСС, СГС, СГСС.

3. Существование в тюркских языках, в том числе казахском, шести указанных классических типов ОКО следует признать исторически реальным. Несмотря на свою малочисленность, на данном этапе развития тюркских языков структурные типы Г, СГ, ГС являются наиболее древними, отражающими пратюркское состояние развития тюркских языков... В результате длительного исторического процесса агглютинации и обрастания СГ и ГС грамматическими элементами возникли и получили широкое развитие ОКО типа СГС, ГСС и СГСС.

4. ОКО в рамках существующих фонологических, морфологических и семантических закономерностей тюркских языков характеризуется как структурно изменчивая, зыбкая и переменная величина.

5. В структуре ОКО казахского языка представлены все лексико-грамматические разряды, но подавляющее большинство составляют имена и глаголы.

6. Этимологическая прозрачность или самостоятельность тюркского корня, о которой часто говорится в научной литературе, носит

относительный характер.

Мы убеждены в том, что глубокое зондирование, выявление и научное исследование всего корпуса моносиллабов в отдельных тюркских языках дает возможность тюркологам не только установить общность и гомогенность корневой лексики этих языков, но и полнее раскрыть природу тюркского корня, определить его статус и типы, особенность его исторического развития.

Наша работа носит в целом аналитико-синтетический характер, и в ней применяются методы поморфемного анализа и членения, включения и моделирования, статистики и описания.

Из составленной нами сравнительной таблицы (табл. 1) видно, что мы имеем дело со связанными корнями именного типа ГС и СГС: во-первых, 1) корень *ор/ур*, состоящий из ГС, и 2) корень типа СГС: *вӑр/ман kor-и, кур*; во-вторых, ГС: *ар/ӑр*; СГС: *мар, бар, тар, шар, йал, был, бул, бол, пыл, мол, мул, йил, бил, кил*; четвертый пункт – ГС: *ой,уй*; СГС: *тай, туй*.

Сразу же следует отметить, что выделенные нами корни ГС *ор, ар, ал* не основаны на явлении этимологической рефлексии, а являются результатом научного морфемного анализа, который подтверждалось раньше изысканиями этимологического порядка:

орман < *ор* + *-ман* [252. С. 472-473];

алан < *ал* (*а:л*) + *-(а/н /* (Там же. С. 135);

арча < *ард* + *-ча* (Там же. С. 182);

агач ~ *ыгач* < *ы* + *-гач* (Там же. С. 72).

Что касается чувашского корня *вӑр* (СГС) в слове *вӑрман* «лес», то большая часть исследователей склонна видеть в анлаутном звуке *в* протезу, т.е. этот звук считается неэтимологическим [114]. Другие же разделяют мнение о том, что большинство начальных согласных в тюркских языках являются этимологически древними, исконно присутствовавшими на ранних стадиях развития консонантизма, исчезающими по мере затухания и ослабления анлаутного консонантного элемента [366. S. 167; 346. С. 179; 368. S. 65].

Согласно этой теории, протетический *в* в слове *вйрман* «лес» является исконным.

Согласно теории Н.А. Баскакова, корни типа ГС < СГС тесно связаны с проблемой так называемых протетических согласных в анлауте [23. С. 55; 86; 241. С. 214], т.е. выпадение начального согласного в корне типа СГ является результатом редукции начального согласного.

Если допустить, что протетическими согласными в тюркских языках считаются лишь четыре согласных звука: *b, j, h, c'* [346. С. 179], то нужно отметить, что явление редукции распространяется и на другие согласные, которые до сих пор не считались протетическими; ср.: *бол* – *бул* – *ол* «быть»; *кеӊ* «широкий» [88. С. 298] и *ен* – чув. *ан* «ширина»; *şiri* – «портиться» – *iri* «гнить». Хотя Н.А. Баскаков придерживается мысли, что СГС представляет собой древнейшую структуру корня, тем не менее он заявляет, что такая «типичная структура тюркского корня... *никогда* (курсив наш. – Ю.И.) не была общей и единой для всех корневых морфем в тюркских языках... Таким образом, в любом хронологическом срезе существовали и существуют ныне не только корни первичные и типичные для тюркских языков, т.е. состоящие из СГС, но и иные по своей структуре...» [21. С. 158, 172–173; 23. С. 175–176].

Со своей стороны укажем, что в древности в тюркских рунических памятниках единой структуры корня не было. Возможно, первоначально преобладали корни типа СГ и ГС. Не исключена возможность, что для праязыкового состояния тип корня из одной гласной фонемы также не был исключением. Наши предположения основываются на следующих фактах:

1. В тюркских рунических памятниках сохранились кратчайшие реликтовые Г-формы тюркского корня, т.е. пережиточные корни прошлых эпох: *ö-* «думать», *й-* «мочь», *ї* «растение», *ї* «запах», *й* «сон», *й* «тереть, растирать», «мелкий», *а-* «остановиться (о крови)»; ср.: *и* «сон», *и-* «сесть» [114. С. 13].

2. Мы поддерживаем точку зрения, что типу трехэлементного корня СГС в тюркских языках предшествует тип слога с конечным гласным и что для тюркского праязыка было характерно преобладание открытого корня

типа СГ. Но в алтаистике бытует и другое мнение. Например, В. Банг, Б.Я. Владимирцов [45. С. 157] и другие считают основы СГС более поздними, образовавшимися из СГСГ благодаря отпадению гласного.

Опираясь на результаты тюрко-монгольских параллелей, авторы приходят к выводу о том, что как для монгольского праязыка, так и для тюркского было характерно преобладание открытых слогов в двусложных (СГСГ) словах.

Противоположное мнение было высказано польским исследователем В.Л. Котвичем, который формы более краткие считал первородными [134. С. 36–40; 295; 301; 366. Т. 7. С. 34]. Доказательством того, что для пратюркского языка было характерно преобладание открытого корня, служат примеры основ типа СГС, в которых конечным согласным выступает формант, выполнявший в свое время определенную грамматическую функцию, но позднее ее утративший и в силу этого вошедший в состав нового корня-основы. Конечный согласный в корнях типа СГС выступал в качестве залогового показателя при глагольных корнях и в качестве словообразовательного форманта при именных корнях.

Таким образом, появляется возможность утверждать, что и первый согласный в корнях типа СГ в период своего появления, возможно, играл такую же словообразовательную роль, как и конечный согласный в корнях типа СГС. Не исключена возможность, что в корнях типа ГС согласный выполнял грамматическую или словообразовательную функцию.

2.1.3. Развитие корня

Показательна в этом отношении лексема *ī*, зафиксированная в ДТС в значении «растение». Но есть предположение, что основным значением *ī* было «дерево (растущее)» [112. С. 137; 252. С. 72]. Былое существование однофонемного корня типа Г ни у кого не вызывает сомнений, ибо этот компонент широко употреблялся и в сочетаниях типа *ī īuaś* «всякая

растительность», *i tariγ* «посевы злаковых культур», *i taš* «заросли и скалы» [88. С. 216]; *i iyač* «деревья и кустарники» [165. С. 452] и в производном *iyač* [88. С. 218] присутствует корень *i* «растение».

В производном слове, по мнению исследователей, корень типа Г «обрастает» справа: *i + yač*-, где *-yač* < монг. **kazi* «ветвь, сук» > *kači* «тж», т.е. получается первоначально парное слово, где компоненты коррелятивны по значению: «дерево + ветка». «Обрастание» корня *i* слева хорошо видно на примере *jigi jiyač* «густое дерево», где *j* (протеза) + *iyač* «дерево». Форма *jiyač* отмечена в памятниках XI в. (Там же. С. 260, 265). Что представляет собой первый компонент *ji* в сочетании *ji jiyač* пока остается невыясненным. В ДТС это сочетание почему-то дано в словарной статье на *ji* «шов» с последующей отсылкой на *jigi, igi* «густой», т.е. *jigi ayač* «густое дерево» (Там же. С. 260). Н.А. Баскаков считает, что этот элемент мог возникнуть двумя путями: 1) *jigi* > *ji* «густой, частый, плотный» с переходом по прогрессивной гармонии *ji- ayač* > *y- ayač*, а затем лексикализировался с самостоятельным значением *y* «растение, дерево», но остался в прежнем усилительном значении в сочетании *y-taryγ* «густые посевы», *y-taš* «частые скалы» и т.д.; 2) либо как парное слово *ji = iyač* «густое дерево» из *jik ~ jig*, «веретено» [88. С. 260, 261] и *ig* «веретено, ось, древко», *og, igi* «древко стрелы», *čaγx igi* «колесная ось».

Иными словами, из слова *jik~ jig* «веретено, древко», которое первоначально, как и слово *ayač* «дерево, бревно», имело значение «живое растущее растение или дерево» и только позже синонимы *jik ~ jig* > *ik ~ ig* и *ayač* > *jiač* приобрели значение «ось, древко, веретено» и пр., так же как *ayač* > *jiač ayač* > *jyač* помимо общего значения «дерево» приобрело значения «срубленное дерево, бревно, ось, рукоятка, черенок» и пр. [21. С. 148–149].

Такое объяснение слишком запутанно. Предположить, что *ji* – то же самое, что и *i*, т.е. «дерево, растение»? Сужение *i > i* получилось, видимо, под влиянием протезы *j*. В таком случае *ji jiyač* буквально «дерево +

дерево»(употреблялось для показа множества – густоты чего-либо); ср.: чув. *зын-зын паян* «народу сколько сегодня»; *ял-ял витёр тухрёмёр* «проехали несколько деревень»; *тём-тём хэва* «густой ивняк».

Не соглашаясь с предложенной Э.В. Севортяном этимологией слова *агач*, Р.Г. Ахметьянов пишет следующее: «В узбекском просторечии нами зафиксирован вариант *жоғғош* (при литературном *ёғоч* «дерево», «деревянный». В узбекском языке и его говорах геминация согласных возникает при регрессивной ассимиляции сонорных согласных... Отсюда следует, что корень слова *жоғғош* < *јағғош*, по всей вероятности, ранее оканчивался на какой-нибудь сонорный согласный.

Первичным значением этого корня **jan*, **jau* было, вероятно, не «травя, травинка», а «роща, лес посреди степи». В диалектах сибирских татар *анган* означает «дубрава», возможно, в рукописи было *ангац*. Древние тюрки жили в лесостепной зоне. Для кочевника, всадника дерево в степи было, скорее, не большой травинкой, а маленьким лесом, и аффикс *-ғаш* в данном слове выступал в своем, уменьшительном значении. Значение *жоғғош* «6-7 или 8-9 км» – это расстояние, с которого можно видеть гущу деревьев или одинокое большое дерево. В тунгусских языках лес на равнине называется *ayin*, *ayı* (*ayinkan* «житель лесов»; *-kan* – аффикс, образующий названия лиц по месту жительства). Сравнение с тунгусским корнем объясняет вариативность первого слога в тюркском названии дерева: *ayı*, *ayin*, *ajın* в разных тюркских диалектах давало *ay* / *yü* / *jan* / *jau*. Аффикс *-гач* в слове *агач* < *anғаш*, *ainғаш* выступил, скорее всего, в собственном уменьшительно-ласкательном значении («деревце»). У сибирских татар к слову *агач* прибавляют еще один аффикс уменьшительности-ласкательности и получается *агачак*, *агачык*, *агашык*» [17. С. 27–28].

В слове *jış*, *йыш* «горный лес», «чернь» [254. С. 44]; «нагорье с долинами, удобными для поселений» [88. С. 268] центральной корневой морфемой является *ı* «дерево, растение»; анлаутный *j* не что иное, как протетический звук, который участвует и в слове «дерево, лес», а ауслаутный

- $\hat{s}$ (в рукописных памятниках наблюдается перебой $\hat{s} \sim s$), который возник под иноязычным (китайским?) влиянием, считается аффиксом собирательности (?) [128. С. 72]. Это наглядный пример «обрастания» первичного корня типа Г с обеих сторон: $C \leftarrow \Gamma / j \leftarrow i$; $\Gamma \rightarrow C (i \rightarrow \hat{s})$. В итоге получается корень типа СГС: $j\hat{i}\hat{s}$ «горный лес». В памятниках рунической письменности этот корень выступает в составе словосочетаний как производный, не разложимый на части: $\check{c}u\check{y}ai\ j\hat{i}\hat{s}$ «название местности» [88. С. 156]; $k\ddot{o}gm\ddot{a}n\ j\hat{i}\hat{s}i$ «Кегменская чернь»; $\ddot{o}t\ddot{u}k\ddot{a}n\ j\hat{i}\hat{s}$ «Отюкенская чернь»; $qad\ddot{i}rqa\check{n}\ j\hat{i}\hat{s}$ «Кадырканская чернь». Чередование корневого гласного $i \sim a$, видимо, способствовало появлению нового слова $ja\hat{s}$ «зелень» в значении «растительность, растения», отсюда идет семантическая деривация «зелень /растение/ → зеленый». Слово $ja\hat{s}$, как и $j\hat{i}\hat{s}$, встречается в парном сочетании $ot\ ja\hat{s}$ «трава, зелень», $ja\hat{s}\ ju\hat{s}$ «всякая зелень» (Там же. С. 245, 312, 373, 393, 403).

Аналогичную картину мы можем наблюдать и на примере $\check{c}ip$ «прут, тонкая гибкая ветвь». Если исходить из семантического сдвига «дерево → ветка», «дерево → ствол», «дерево → стебель» (т.е. «растение» → «часть его»), то в составе $\check{c}ip$ нетрудно обнаружить корень i «растение». Следующая ступень развития корня представляется в виде $\Gamma + C$: $i\check{p}$, сохранившийся в якутском языке как реликтовое явление, $yn\ (n)$ «стебель», где конечное n в слове играло в свое время словообразовательное значение: i «растение», «дерево» → «ствол» (ср. тат. бараб. san «ствол»). Возможно, «обрастание» корня слева преформантом $\check{c}$ ($\sim \hat{s}$) придало корню уменьшительное значение: «ствол → стебель», но корень типа СГС утратил все смысловозначительные признаки согласных фонем (морфем)-прилепов, превратился в устойчивый тип корня, и в таком виде этот корень мог присоединить к себе аффикс $-ik$ уменьшительного значения: $\check{c}ipik > \check{c}ibik$ «стебель, прут, тонкая гибкая ветвь» [88. С. 147, 150]. В развитии корня наблюдаются следующие чередования: $\check{c} \sim \hat{s}$: $\check{c}ip \sim$ тув. syn «тж», $i \sim a$: $\check{c}ip$ -хак. san , тур. sar «тж»; $p \sim b$: $\check{c}ip \sim$ карач.-балк. $чэб$ в том же значении; значение «стебель» сохранилось в корневых

элементах: тув. *сын*, тур. *sap*, карач.-балк. *чэб*, тат. том. и хак. *сан*, якут. *ун*; то же значение содержат производные с аффиксом *-ак*: каз., карач.-балк., кирг., ног., тат. *сабак*, башк. *хабак* «стебель».

В чувашском языке уменьшительный аффикс *-ак*, обретая добавочный гласный (возможно, *-а* – уменьшительная форма) в конце, принял форму *-ака* (*сапак*), тем самым изменил (вернее, расширил) семантику: «стебель – стебелек» → «кисть, гроздь → стручок» и др.

Словообразовательный аффикс *-лаг* придал корню типа СГС *сан* + *-лаг* > *санлаг* новое значение, ср. азерб. *санлаг* «черешок, черенок, цветоножка, стебелек» [211. С. 171].

Наряду с формой *čīrik* ~ *čibik* в памятниках письменности фигурирует *čirik* «прут» (*i* ~ *и*), которому в чувашском соответствует *чăпăк* (чубук) (*i* ~ *и* ~ *ă*) «полый деревянный стержень, на который насаживается курительная трубка»; то же самое мы наблюдаем в азербайджанском *чубук* «прут» → «трубка», а в туркменском *чыбык* «прут» и уст. «длинная палка (прут) муллы для наказания учеников в мектебе» [94. С. 320]. В данном случае имеет место семантический перенос «прут, стебель» («дерево») → «предмет из дерева».

Трехфонемный корень СГС *čir* в виде *шăп* сохранился в чувашском слове *шăпкан* «рыжик» (травя), которое, несомненно, соответствует древнетюркскому *čirqaŋ* ~ *čiriqaŋ* – *čibuqaŋ* [88. С. 150, 156] «унаби, кустарниковое растение рода крушиновых». Как известно, крушиновые имеют полый стебель, отсюда и перенос значения слова *čubuk* («трубка, чубук» ← «полый стебель»). Есть возможность предположить, что древний корень *i* содержится и в названиях деревьев и растений: *tīt*: «лиственница», *čīndan* (санскр. *candana*?) «благовонное сандаловое дерево», *cigidām* «назв. растения» [88. С. 145, 149, 569], *čiy* «чий блестящий, используется как строительный материал в виде циновки, матов»; *išyūn* «лекарственное растение», *sinc̣yaŋ* «лиций»; *qiči* «горчица» (раст.), *qirnuq* «назв. растения» [88. С. 147, 220, 440, 446, 504].

Показательно в этом отношении уйг. *čīt* «терновник» < *čī*: (*č* - *i* - *t*; ср.

др.-тюрк. *ĉit* «шалаш из терновника»; *ĉit* «забор, стена» [88. С. 146, 151], т.е. при этом мы наблюдаем семантический сдвиг «дерево» (терновник) → а) »забор из терновника»; б) «шалаш из терновника»; в этом случае происходит семантическая деривация. Аффиксальная деривация (*чит* + *-ен*) привела к тому же значению: тат. *читэн*, башк. *читэн*, ойр. *чеден* «плетень, забор», «ограда вокруг юрты»; хак. *сиден* «изгородь, забор», шор. *шеден* «загон для скота», «изгородь»; чув. *çатан* «плетень», «изгородь из сплетенных прутьев и ветвей» [94. С. 204]; в чув. *чйтлăх* /*чйт* / *-лăх* / «чаща», «лесные дебри» и *çатра* «кустарник», «чаща» (> мар. *чодра* «лес») содержит связанный корень *çат* < *ĉit* «дерево ↔ терновник ↔ камыш». Интересные данные по поводу слов *чит*, *чытыр* и *чйтлăх* приведены в работе Р.Г. Ахметьянова [17. С. 46].

Вернемся к лексеме *jïyač* «дерево». Морфемный состав слова *jïyač* нам представится в другом виде, если мы отвлечемся от трехфонемного (?) аффикса *-yač*. Исследователи до сих пор не обращали серьезного внимания на один важный момент: в тюркских памятниках письменности приводится только одно значение корневой морфемы *ï* – «растение» (и только!) [88. С. 216]. Э.В. Севортян и авторы авторитетных исследований исходя из семантики парных слов выделили у корня *ï* ряд значений: «семя, посев, кустарник, лес», которыми, как мы видим, лексема эта не обладала. Анализ словарных статей в «Древнетюркском словаре» показал, что если в реестре слово дано в облике корня Г, то в той же словарной статье пояснительный материал содержит корень ГС, т.е. *ïy*: *taqï qaltï ïy janï jertän timin örtürürčä* «подобно тому как заставляют появляться сразу (?) растения из новой (т.е. целинной) земли». Таким образом наглядно представлено «обрастание» корня *ï* + *-y* (т.е. Г + С). Появление новой согласной фонемы, видимо, послужило развитию семантики: «растение → дерево», но процесс этот завершился лишь при прибавлении аффикса *-ač* / *-ač* /: *ïy* <- *-ač* (*аг-ач*) «дерево». О наличии такого аффикса, правда, без определения семантики его, пишет Л.В. Дмитриева: «...в алтайских языках (точнее, в тюркских)

обозначение дерева образовано с помощью афф. *-ač* [69. С. 137]. Автор при этом выделяет урало-алтайскую основу *iux / iag* со значением «сосна», «дерево», «сосновый лес», «лес».

Р.Г. Ахметьянов, заметив геминацию согласных корня в виде узб. диал. *jōγγōč* (при литературном *jōγōč* «дерево», «деревянный»), предполагает, что корень слова *jōγγōč*, **jōγγač* ранее мог оканчиваться на какой-нибудь сонорный согласный (например, на *n*, *γ*, *ŋ*) [14. С. 87]. Предположение Р.Г. Ахметьянова верно, но он, не догадываясь о развитии корня, все же допускает наличие аффикса *-jač*, придав последнему уменьшительное значение, праформу слова восстанавливает в виде **janγač*.

Фактический материал говорит о другом: развитие корня происходило в древнетюркскую эпоху: *i + -γ > iγ + -ač > iγač* «дерево» [88. С. 218], а впоследствии *iγač > jīγač > jaγač > aγač ~ aač*.

С возникновением слова *iγač* появилась возможность образования парного сочетания *i iγač* «растения, всякая растительность».

Форма *jīγač* отмечена в памятниках XI–XIII вв. В ДТС формы *jaγač* нет, а в более поздних памятниках указываются варианты *jīγač* и *aγač*. Эти примеры дают повод для утверждения, что форма *aγač* появилась в более позднюю эпоху (после XI в.), поскольку до этого времени она нигде не зафиксирована. Появление анлаутного *a* объясняется регрессивной ассимиляцией словообразующего аффикса *-ač*. Таким образом, развитие формы слова представляется в следующем виде: *jīγač > jaγač > aγač*.

Поэтому лексема *i* является частью более древнего корня **rī* «дерево, лес», т.е. корня типа СГ. Такому допущению не препятствует семантическое развитие лексемы *i*: «растение» $>$ *iγ* «растение $\rightarrow$ * дерево» - *iγač* «дерево», ибо это более общее название растительности, куда включается и дерево.

Анализ фактического материала показал, что корневая морфема постоянно подвергалась модификациям и изменениям за счет переразложения структурных элементов. На первых порах модификации происходили на уровне фонем: а) присоединение или выпадение начальных

или конечных согласных звуков; б) чередование гласных корня. В более позднее время этот процесс усложнялся за счет других присоединяемых морфем-аффиксов, а образовавшиеся вновь корневые морфемы приобретали новое значение. Таким образом, появляется возможность выдвинуть тезис о развитии корневых морфем от простых форм в сторону количественного усложнения. К процессу усложнения относятся не только присоединение аффиксов и преформантов к корням, в результате чего появляются новые вторичные корни, т.е. процессы интерференции корневой морфемы и словообразовательных элементов, или фузии, точнее слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава, но и утрата этимологически древних согласных.

Мы полагаем, что некоторые так называемые протетические согласные исконно присутствовали на ранних стадиях развития корневых морфем и исчезли в большинстве случаев по мере затухания и ослабления анлаутного консонантного элемента. При этом на это явление не следует смотреть однобоко, ибо могли быть явления и обратного порядка.

Следует отметить, что анлаутное чередование согласных с нулем звука не ограничивается так называемыми протетическими согласными *b, h, x, φ, c*, которые известны многим языкам: славянским, балтийским, иранским, финно-угорским, монгольским и т.д.

Круг начальных согласных, чередующихся с нулем звука, выходит далеко за пределы вышеназванных согласных. В монгольских языках в этот круг, например, могут быть включены и звонкие согласные, и некоторые согласные не заднеязычные и не губно-губные [31. С. 301–307]:

1) *б ~ ø*: бур. *бүрхи* «сурок-самец» – *үрхэ* «суслик»; бур. *бисалха* – бур. *исалха* «кишеть»;

2) *г ~ ø*: монг. *ган* /*г*/ – монг. *ан* /*г*/ «трещина»; бур. *rahar* – **гасар* – монг. *асар* «весьма»;

3) *м ~ ø*: бур. *мөнө* ~ монг. *өнө* «сейчас»;

4) *д ~ ø*: бур. *госō* – бур. диал. *осō* «внутри»;

5) *m* ~ $\emptyset$: монг. *тагдгар* – *агдгар* «короткий» и т.д.

Аналогичные явления наблюдаются и в тюркских языках:

1) *b* ~ $\emptyset$: *бол* ~ *бул* ~ *ол* «быть»;

2) *m* ~ $\emptyset$: *töz* «корень, основа, сущность» [88. С. 394, 582] – *öz* «сущность» и т.д.

Утрата этимологически древних начальных согласных в тюркских языках уже привлекала внимание исследователей. Э.В. Севортян отмечает падение следующих начальных согласных:

1) *k* -: *кайа* ~ *айа* «скала»; *кыр* ~ *ыр* «поле»;

2) *t* -, *d* -: *düz* ~ *üz* «равнина»;

3) *s* -: *суса* ~ *уса* «жаждать», *саз* ~ *аз* «болото»;

4) *n* -: *назик* ~ *азик* «нежный»;

5) *ç* -: *чилэк* ~ *илэк* «ягода» и т.д.

При этом автор утверждает, что «явление падения начальных согласных открывает известные возможности в исторических, особенно сравнительно-исторических, в том числе историко-лексикологических разысканьях» [251. С. 148–156].

Редукция начальных звуков корня иногда приводит к изменению семантики лексем: ср. башк. *эзер* «готовый» и *хэзер* «сейчас», «ныне»; ср. к.-калп. *эвкэ* «липа», но *йэвкэ* «береза».

В индоевропейских языках нередко встречаются пары корневых вариантов, из которых у одного члена в абсолютном начале слова на один согласный больше, чем у другого члена; ср. лат. *costa* «ребро», рус. *кость*; др.-инд. *asthi*; др.-в.-нем. *elo* ~ *gelo* «желтый»; т.е. здесь мы сталкиваемся с чередованиями типа: *k* ~ $\emptyset$ и *g* ~ $\emptyset$ [161. С. 216].

Э.А. Макаев по этому поводу пишет, что формы с лишними согласными, возможно, образованы с помощью префикса.

Таким же путем в индоевропейских языках была установлена отделимость – в некоторых случаях – первого элемента корня. Среди этих элементов, значение которых не поддается установлению, имеется и **d*: рус.

долгий ~ лит. *ligas*; лит. *darbas*- нем.; *Arbeit* ~ рус. *работа* (др.-инд. *varsati*~*arsati*). Эти элементы: **k-*, **d-*, **g-*, **u-*, *v-*, значение которых не поддается установлению, получили название «преформант» [191. С. 138].

Если кратчайшей формой корня считать типы Г, СГ, СГС, ГС, то в исследуемой нами группе тюркских слов со значением «лес» в качестве преформантов выступают: *в* (*вӳрман*), *к* (*кору*, *куралык*), *б* (*бардак*), *м* (*мар*), *т* (*тармал*), *ш* (*шарлык*), *ч* (*чер*), *в* (*вал*), *б* (*балкан*), *ш* (*шал*), *т* (*тал*), *м* (*моллом*), *к* (*килӳклек*).

Мы можем предположить, что наряду с развитием корня типа СГ существовали и корни типа ГС, которые впоследствии получили приращение слева: С + ГС > СГС. В рассматриваемых нами примерах, таким образом, исторически могли существовать свободные корни типа ГС: **ор* (*ур*, *ӧр ар*), **ал* (*ол*, *ул*, *ыл*, *ил*), **ой* (*ай*) со значениями «лес ↔ дерево».

Вариативность корневого анлаутного гласного объясняется диалектными соответствиями звуков, а также изменением семантики корня. Преформанты, видимо, являлись также словопроизводными элементами: ср. чув. диал. *вал* «большой лиственный лес», общетюрк. *тал* «ивняк, тальник» [252. С. 131] и тат. *мул* «лес, сплавляемый не в плотах, а отдельными бревнами» [297. С. 309].

Рассмотрение современного состояния теории тюркского корня позволяет сделать следующие выводы.

Теория Н.А. Баскакова, стремившегося выявить единую древнейшую структуру корня в виде СГС, из которой позже развились три других типа корня этой группы, не подтверждается. Корни были разноструктурными, и лингвистические процессы, изменившие их, были также разными. Тюркскому праязыку были свойственны и динамика, и диалектная расчлененность, эти положения сами говорят о неоднородности корней праязыкового состояния.

Основываясь на теоретических постулатах А.Н. Кононова и А. Зайончковского для тюркского праязыкового состояния выделяем четыре

разновидности корня:

- 1) Г (корень, состоящий из одного гласного);
- 2) СГ (корень, состоящий из согласного и гласного);
- 3) ГС (корень, состоящий из гласного и согласного).
- 4) корень типа СГС.

Если исходить из семантического сдвига «лес ↔ дерево», то при анализе структуры слов, со значением «дерево», мы должны получать аналогичные результаты, что и при анализе слов, выражающих понятие «лес». Если это подтвердится, то мы можем говорить не только о семантической закономерности, т.е. закономерности в содержательном плане, но и о закономерности в плане выражения.

2.1.4. Структура тюркских слов, выражающих понятие «дерево»

Центральным словом, естественно, считается *агач* (~ чув. *йывайс*), которое имеет значения: «дерево (растение и материал)», «лес (растущий и материал)», «ствол», «балка», «палка», «мера длины» [112. С. 136]; (общетюрк. *орман* «дерево ↔ лес»);

башк. южн. диал. *урман* «дерево»; *һоргом* «высокое дерево»;

др.-тюрк. *игъа* «высокое дерево» [88. С. 614]; ср. *ургъа* «большое дерево» и в языке *аргу* так же. Параллели нами не обнаружены;

общетюрк. *одун* «дерево (как строительный материал)» [252. С. 421];

баігач «дерево» [235. Т. 4. С. 1423]; тел. *сылagai* «дерево»; *кура* «высохшее растение (дерево)» (Там же. Т. 2. С. 920);

тур. диал. *ardik* «горное растение (дерево?)» [252. С. 173];

к.-калп. *караман* «твердое дерево, похожее на дуб»; *алаз* «редко растущие деревья»;

тат. диал. *агач* - *букач*, *агач* - *пугач* «мелкие деревья, дрова» [112. С. 131];

тат. диал. *ĉawul*, *sawul*, алт. *ĉaal* «низкий кустарник», «молодое

дерево» [14. С. 85]; сал. *дал, тал* «дерево», тат. диал. *тал* «деревце» [254. С. 131]; ср. алт. *тал* «ива»; азерб. *атагар* «дерево, лес» [211. С. 157];

якут. *мас* «дерево», тоф. *н'аш*;

чув. *арат* «дерево» / < *нарат?* ; ср. чув. *тар йывăçси*.

Нужно отметить то обстоятельство, что в ряде тюркских языков наблюдается перенесение видового наименования на родовое: карач.-балк., кирг., кумык., ног. *терек* «тополь ↔ дерево» (фонетические варианты *дарек, дерек, дирек, тирек*); ср.: узб. XIV в. и совр. *дарахт*, уйг. *däräx*, кирг. *дарах* ~ *дарак* «дерево» (< иран. *дерехт* «дерево»); др.-тюрк. *söküt* «дерево», «ива» [88. С. 510].

В словаре В.В. Радлова зафиксированы следующие слова:

арамадан «большое дерево» [235. Т. 1. С. 263];

саралжан «божье дерево (назв. кустарника)» [235. Т. 4. С. 318]; *сүксүк* *сүксүк* «какое-то дерево, легкое дерево» [Там же. С. 798-799];

каләмбәк «благовонное, ароматическое дерево» [235. 2 т. С. 238]; *какшал* «сухое дерево» (Там же. С. 68); *жылгыр* «высокое дерево, похожее на березу» [235. Т. 4. С. 129]; *біладір* «какое-то дерево» (Там же. С. 1760); тув. *шавага* «молодое дерево (хвойное)» [185. С. 347].

Вот далеко не полный перечень слов, фигурирующих в тюркских языках со значением «дерево».

Анализ структуры слов со значением «дерево» приведен в таблице 2:

Таблица 2.
Структурный состав тюркских слов
со значением «дерево» (родовое название)

«р»-группа		«л»-группа
I. <i>ор, ур, әр</i>	II. <i>ар, ер, ир</i>	III. <i>ал, ил, ыл</i>
<i>ор</i> + -ман	<i>ар</i> + -дың	<i>ал</i> + -аз
<i>ур</i> + -ман	<i>ар</i> + -ат	<i>ал</i> + -ыз
<i>ур</i> + -чъа	<i>нар</i> + -ат	<i>кал</i> + -әмбәк
<i>ур</i> + -ға	<i>ар</i> + -амадан	<i>дал</i>
<i>вәр</i> + -ман	<i>кар</i> + -ман	<i>тал</i>

<i>кур + -а</i>	<i>сар + -алжан</i>	<i>жыл + -чыр</i>
«р»-группа		«л»-группа
I. <i>ор, ур, ыр</i>	II. <i>ар, ер, ир</i>	III. <i>ал, ил, ыл</i>
	<i>тар + -(йываҗси)</i> <i>дар + -ак</i> <i>тар + -ак</i> <i>дир + -ек</i> варианты <i>тир + -ек; тер + -ек</i>	<i>сыл + -агаі</i> <i>біл + -адір</i> <i>чаал</i> <i>как + -шал</i> «низкий хвойный лес в степи»
«й, к, г»- группы	«в»-группа	«с»- группа
IV. <i>ай, у F, ө F</i>	V.	VI.
<i>бай + -гач</i> <i>söd + -it</i> <i>сүк + -үк</i> <i>сук + -сүк</i> «дерево» <i>буг + -ач</i> <i>аг + -ач</i> <i>уг + -ач</i> <i>уг + -ач</i>	тув. <i>шав + -ага</i>	якут. <i>мас; тоф. н'аш</i>

В составе приведенных выше слов можно обнаружить следующие словообразовательные аффиксы:

1) *-га*: *ирҗа* может быть производным на *-га/ -гэ* от глагольной основы *ур-* «расти», т.е. *-га* образует имя со значением признака: «высокое дерево». Не исключена возможность того, что при этом образовано имя со значением места, т.е. *ирҗа* «место, где растет высокое дерево»; ср. узб. *коналга* «место, где садятся птицы» [250. С. 234]. Но в случаях типа *коналга*, *белкэ* «повод» и т.д. аффикс *-га (-ка)* присоединяется, видимо, к именной основе;

2) *-ак (-ек)* в тюркских языках обычно выступает в значении

уменьшительности: *jolaq* «тропинка» (от *jol* «дорога») [88. С. 650]; *башаг*, тур. *башак* «колос» (от *баш* «голова»). В словах *терах*, *тирах*, *терек* присутствует тот же аффикс *-ак*, *-ек* в уменьшительном значении: *тар* /*тер* (< инд. *тар* «пальма») [94. С. 231] + *-ак*: *тарак* «деревце», «тополек»;

3) *-гыр* следует сопоставить с аффиксом *-гар*, когда последний образует имена от именных основ со значением места, ср.: *айгар* «место, куда падает лунный свет» (от *ай* «луна»); *учгар* «окраина» (от *уч* «конец») [250. С. 199-200]; *жылгыр* «высокое дерево».

4) *-агаі* аналогичный аффикс встречается в словах со значением «лес»: тат. диал. *былагай* «лесистая местность» [297. С. 99], видимо, и в слове *сылагай* аффикс *-агаі*, вернее *-лаг* + *-ай*, имеет значение места;

5) аффикс *-йit* в слове *söküt* является, видимо, показателем собирательности, множественности, утратившим свою продуктивность, равным по значению аффиксу *-t*: /ср.: *tegin* «принц» – *tegit* «принц» [88. С. 663];

6) аффикс *-а* в слове *кура* «сухое дерево», на первый взгляд кажется неотъемлемым элементом прилагательного со значением «сухой» или глагола со значением «засыхать»; ср. туркм. *гура* «сохнуть», *гурак* «сухой», ср. монг. *кууран* «сухой» [94. С. 293-294]. Но если учесть неустойчивость ауслаутного *-а* в других тюркских языках (уйг., кирг., тур., кумык. *куру*, узб. *кури*, тат., башк. *кор*, хак. *куру* «сохнуть, засыхать, чахнуть»), а также исходить из семантики тат. диал. *куралык* «место, где растут молодые деревья» [297. С. 257], то можно усомниться в правомерности отнесения слова *кура* «сухое дерево» к лексеме *кура* со значением «сохнуть» или «сухой».

Можно допустить, что слово *кура* относится к числу производных на *-а*, образованных от именных основ, но уловить конкретную семантику аффикса сейчас трудно [250. С. 168–169], ср. *кура* «рябинник» [235. Т. 2. С. 920];

7) аффиксы *-амадан* (*арамадан*), *-аман* (*караман*), *-алжан* (*саралжан*),

-*adip* (*баладip*) являются, видимо, сложными; уловить их состав и значения можно только при тщательном анализе. В слове *караман* (*кара* + *-ман*) можно выделить тот же формант *-ман*, что и в слове *орман* «лес» или *эман* (*эмен, имен*) *имэн* «дуб».

Оставшиеся после вычленения словообразовательных формантов компоненты можно считать корнями типа ГС и СГС. Как и следовало ожидать, корневая часть первых четырех пунктов в структурном отношении совпадает с корнями лексем со значением «лес». Фонемный состав корней типа ГС (*ор, ур, ар, айр, ер, ир, ыр, ал, ыл, ол, ил, ой, уй, ай*) с закономерными чередованиями гласных показывает абсолютную идентичность первооснов обеих групп. В корнях типа СГС первым элементом выступают почти одни и те же преформанты *в, й* (возможно на правах протез), пары согласных, соотносительные по глухости и звонкости: *б-п, г-к, д-т, ж-ш* и одиночные: *м, ч, с* (з).

Корни *ой, уй* соотносятся, видимо, с монг. *ой* «лес» (табл. 1, 2). Если в монгольском *ой* (вообще) «лес», то в тюркских языках семантика этого слова расширяется: якут. *ой* «лесок в открытом поле» [216. Т. 2. С. 1796]; якут. *ойуур, ойур* «густой лес, лесная чаща; дремучий лес» (Там же. Т. 7. С. 1810); возможно, якут. *ой* + *ур* – сложное образование (*ой* «лес» + *ур* «лес»?). Прибавление элемента *ур*, таким образом, повлияло на изменение значения *ой* «лес (вообще)». Нужно полагать, приращение преформантов сыграло также словообразовательную роль с добавлением оттенков значения. Видимо, *тайга* «гора, покрытая лесом», «густой, дремучий лес»; ср. *таја* «кустарник» [235. Т. 3. С. 815]: *т* + *ай* (< *ой*) + *-га*.

В сложных образованиях *токой, тугай, тукай, токай*, несомненно, вторым компонентом выступает *ой* «лес», т.е. *ток* (*тог, туг, ток, < таг, даг* «гора, лес») [254. С. 118] + *ой ~ ай* «лес». Якут. *мас* и тоф. *н'аш* считаются вариантами общетюрк. *агаш* «дерево»; по мнению Л.В. Дмитриевой, в якутском языке утрачена средняя часть лексемы *агач* (*агаш*), а в тофаларском начало лексемы стерлось [69. С. 136]. Возможно, корневые

гласные в словах *мас* и *н'аш* являются результатом чередования $i \sim a$, как и в словах $j\ddot{i}\hat{s} \sim ja\hat{s}$ «зелень (растение)», а финальные $s \sim ш$ – показатели собирательной множественности [279. С. 93].

В слове *čidan* «лес, кустарник, сосняк» [235. Т. 4. С. 719], т.е. в корневой части слова, имеются те же компоненты, что и в слове *jīs, mešä*, только с той разницей, что в анлауте выступает преформант *s*, а в ауслауте *ð (m)* – старый формант множественности, поскольку $i < \ddot{i}$ «деревцо»: *čid* «деревья», «лес», уйг. *чим* «терновник». Нарращение *-än* также является показателем или носителем уменьшительного, интенсивного значения (ср. *ep* – *epän*, *oyul* – *oylan*, *ört* – *örtä*) [88. С. 650].

В один ряд с $j\ddot{i}\hat{s} \sim j\ddot{i}s$ можно поставить не только др.-тюрк. *bišä* «роща, лес» (ср. азерб. *мешä*, тур. *meşe* «дуб»), но и шор. *шäт*, чув. *ката* и др. туркм. *бök*, *бүк*.

У нас есть все основания полагать, что первоначальный корень $*i$, попадая в различные фонетические условия, претерпевает разнообразные изменения: ср. $i > a\gamma ac - ja\gamma ac < j\ddot{i}\gamma ac$. Йотированное начало в одних условиях обуславливало, по мнению Л.В. Дмитриевой, сужение последующего широкого гласного: $-a- > -ы- > -и-$; ж. -уйг. *йыгаиш* ~ *йигаиш*, а в других случаях *й-* не вызывал такого сужения: уйг. *йагач* [69. С. 136]. Можно считать, что здесь йотированное начало не играет фонемочередовательной роли. Можно предположить и обратное: $\ddot{i} \sim i \sim \ddot{a}$; $\ddot{i} \sim a \sim u$; $\ddot{i} \sim o \sim \ddot{o}$. А.Н. Кононов отмечает, что в древнетюркских памятниках подобное чередование распространялось и на другие основы [128. С. 73]. Вполне возможно, что оно было характерно и для корней типа СГСГ: *bišä* ~ *meša* ($i \sim e$) (др.-тюрк. *bök* ~) *bük* ($\ddot{o} \sim \ddot{u}$).

Композиты типа *манкал*, *манкит* первоначально выглядели, видимо, как парные сложения *ман-кит*, *ман-кал* с синонимичными по значению компонентами.

В сложениях типа *чытырман*, *шыдырбан* ($m \sim b$) компоненты более или менее прозрачны: *шыдыр*, *чытыр* «пажитник», «хворост», «чаща» + *-ман*

(с предполагаемым первоначальным значением «лес»). Но при этом нужно помнить, что *чытыр*, *шыдыр* могут быть словами производными: *чыт* + *ур*.

Если придерживаться принципа этимологизации Л. Будагова, то слова типа тат., кирг. *čytyrman*, башк. *sytyrman*, каз., ног. *šuturman*, хак. *sudurban* нужно разбить на две смысловые части таким образом: *čit orman*, которые в его переводе означают «краевой лес», «чащоба по краям большого леса» [35. Т. 1. С. 470]; ср. чув. *чайт* + *-лăх* «чаща»; *чайтлăх вăрман* «тж».

Мы уже говорили о перенесении родового названия на видовое наименование деревьев. Приступим к более детальному анализу этого класса лексики. Есть предположение, что видовые наименования – продукт более поздних эпох; ср., например, др.-тюрк. *sögöt* «дерево» → «ива» [88. С. 510], *sügjüt* «тополь» [235. Т. 4. С. 800]. Но современные словари не фиксируют это явно подразумевающееся значение «дерево»; обратимся к примерам:

др.-тюрк. *kürt* «береза» [88. С. 329];

шырышы – *чырышы* «сосна» [235. Т. 4. С. 1053];

турак «тополь», *турата* «тж» (Там же. Т. 3. С. 1448);

туранча «род осины» (Там же. С. 1449);

турунч «лимон» (Там же. С. 1454);

туруз «жимолость» (Там же. С. 1455);

тырак «назв. какого-то растения» (Там же. С. 1322);

bürlügäč «калина» [211. С. 189];

шүрүк «слива» [235. Т. 4. С. 1110];

кумык. *булут* (*шагбулут* < иран. *белут* «дуб») [211. С.190];

якут. *булбукта* «кедровый стланик», «лещина» < тунг.-манчж. *болгикта* «тж» (Там же. С. 191);

кумык. *бүрлүген* «ежевика»; тат. *бөрлегән* «тж»;

ср. каз. *бүлди́рин* «ягода» (Там же. С. 186);

өрүк «дикий абрикос» [235. Т. 1. С. 1223];

үрмә «вьющееся растение» (Там же. С. 1844);

муравар «бузина» (Там же. Т. 4. С. 2196);

арча «сосна» (Там же. Т. 1. С. 323);
армут «груша», «дикая груша» (Там же. С. 341);
 к.-калп. *алмурт*, кирг. *алмурут* «груша» [211. С. 185];
 кумык. *гармут*, гаг. *һармут* «груша» (Там же);
 тур. *kiraz*, гаг. *кирес* «черешня»; ср. *караз* «вишня» [235. Т. 2. С. 1085];
 азерб. *килас*, кирг. *гилас*, узб. *гилос* «черешня» [211. С. 205];
артыш (*арчын*, *ардуч*) «можжевельник»; ср.: чув. *уртйш*
 «можжевельник»:
карагай: «сосна, лиственница» [235. Т. 2. С. 151];
караган «сибирская рябина» (Там же);
карагач «вяз» (Там же);
карама «вяз» (Там же. С. 661);
карагат «смородина» (Там же. С. 151);
каронат «черная смородина» (Там же. С. 153);
карлыган «черная смородина» (Там же. С. 197);
карамык – *карамук* «дикая слива», «терн», «всякая негодная трава»
 (Там же. С. 166);
каргы «тростник» [235. Т. 1. С. 194];
карчын «папоротник» (Там же. С. 205);
шарлан «осина» [185. С. 378];
айрик «слива, абрикос» [235. Т. 1];
сәрви «кипарис» (Там же. Т. 4. С. 475);
кәртмә «груша» (Там же. Т. 2. С. 1105), ср. *гәрмәшик* «род вишни»
 (Там же. С. 1560);
сыра «кедр» (Там же. Т. 4. С. 637);
 уйг. *нара* «граната» (Там же. Т. 3. С. 648);
нарат «сосна»;
нарым «какое-то растение» (Там же. С. 649);
нарван «род дуба» (Там же. С. 651);
пырнар «падуб» (Там же. Т. 4. С. 1311);

тар «род пальмы» (Там же. Т. 3. С. 836); *харва* «клещевика» (Там же. Т. 2. С. 1573);

зірік «ольха» (Там же. Т. 4. С. 915); чув. *џирă* ~ *џирёк* «ольха»;

чув. *хурăн* «береза»;

хурма «пальма» (Там же. Т. 2. С. 1734);

терангы «осина, тополь» (Там же. Т. 3. С. 1180);

торслас «бузина» (Там же. С. 1189);

тор'ак «тополь» (ср. *тирак*, *тирек*, *терек*, *терах*, *дерек*, *тирак*) [211. С. 207];

чув. *катъркас* «боярышник» [18. Вып. 6. С. 161];

алица «мелкие сливы» [235. Т. 1. С. 386];

алу «слива, сладкий плод из Персии» (Там же. С. 387);

алуца «маленькая слива» (Там же. С. 388);

алча «дикие сливы» (Там же. С. 422); ср. *делана* «дикая лесная слива» [254. С. 270];

алфынцар «дикая вишня» [235. Т. 1. С. 436]; каз. *алмурт* ~ *армут*; л ~ р? «груша» [211. С. 191];

дал «ива, верба» [254. С. 131]; ср. *зърдал* «абрикосовое дерево» [235. Т. 2. С. 464]; як. *талах* «ива» [280. Т. 1. С. 253];

диал. *алаз* «непривитая горная груша» [252. С. 132];

салџан «терновник» [235. Т. 4. С. 366];

вӓллӓс

азерб. *улас* «граб» [211. С. 185];

балан – *палан* ~ *малан* «калина»;

азерб. диал. *балдыран* «бузина» [253. С. 55];

чув. *хулă* «верба»- *холă* /хёрлӗ холă/;

кӱлкӱн «буковое дерево» [235. Т. 2. С. 1473];

шор. *шілӑк* «рябина» (Там же. Т. 4. С. 1077); *шібӓ* «пихта» (Там же. С. 731);

шілбі «какое-то дерево» (Там же. С. 1080);

чув. *шәлан* «боярышник»;
 алт. *пәлә* «рябина» (Там же. С. 1243);
 чув. *йәлме* «ильм»;
 осм. *колган* «лиственница» (Там же. Т. 2. С. 594);
 чаг. *јілгін* «тамариск» (Там же. Т. 3. С. 521); ср. чаг. *јілгін* «низкий
 хвойный лес в степи» (Там же);
 башк. *ойәнке* «клен»; ср. чув. *вёрене* «тж», каз. *уйенки* «тж»;
байлан «пихта» (Там же. Т. 4. С. 1427);
гейэм «терн, дикая слива» [254. С. 65–66];
зөйтін «олива» [235. Т. 4. С. 883];
сөйп «ива» (Там же. С. 569); ср. *сөјүт* ~ *сөт** «ива» (Там же. С. 580,
 584);
оірүк «абрикос»; *өрүк* «дикий абрикос» (Там же. Т. 4. С. 509);
соіом «липа» (Там же. С. 595);
 шор. *сәйба* «рябина» (Там же. С. 439);
каін
кајін
кајын «береза» (Там же. Т. 2. С. 94);
кајйін
кејін «береза» (Там же. С. 99); ср. *каін* «береза, граб, грабыльник»;
шіја ~ *чійә* (чув. *чие*) «вишня» (Там же. Т. 4. С. 1093);
кајсы (*агацы*) «абрикос»;
каіацык «какое-то дерево» (Там же. Т. 2. С. 92);
 чув. *туйра* «молодой дуб»; «молодая дубовая роща»;
тујыра «молодой дуб» (Там же. Т. 3. С. 1435);
муйыл; *мойыл* «черемуха»;
 башк. *пәілан* «пихта» (Там же. Т. 4. С. 1121);
казын (*кајын* ~ *хурйән* ~ *каін*) «береза»;
саз «тростник, камыш» (< перс?) (Там же. С. 397);
козлук «орешник» (Там же. Т. 2. С. 635); (от *коз* «орех» + -лук);

кузук «кедр», «кедровые орехи» (Там же. С. 1012);
ўзўт «название различных растений: бузина, жимолость, крушина»
 (Там же. Т. 1. С. 1899);
ўзўм «виноград»;
ўжўма «тутовое дерево» (Там же. С. 1907);
позумла «груша» (Там же. Т. 4. С. 1294);
бўк «дуб» (Там же);
чув. тут «тут, тутовое дерево, тутовник»;
тыт ~ тит «лиственница» (Там же. Т. 3. С. 1390);
ка̋к «ива, тальник» (Там же. Т. 2. С. 57);
кавак «тополь» (Там же. С. 463);
каштана, каштан (Там же. С. 398); ~ *ка̋ст̋ан̋а* (осм. < перс.?) (Там же.
 Т. 4. С. 1168);
когуш «буковое дерево» (Там же. Т. 2. С. 513);
пэгам «красильное дерево» (Там же. Т. 4. С. 1133);
чув. ай̋ш, хай̋ш «клещевина»;
kowok «ореховое дерево», «куст» (Там же. Т. 2. С. 685);
чув. н̋а̋х̋ай̋т «можжевельник» (ср. монг. *нахуд* «овечий горох») [94.
 С. 138];
кын «белый тополь» [235. Т. 2. С. 725];
сацныс «калина» (Там же. Т. 4. С. 287);
си̋ба «пихта» (Там же. С. 731);
пан̋јал «какое-то растение» (Там же. С. 1143);
мушмула «кизил» (Там же. С. 2211);
п̋о̋ш ~ т̋о̋ш «кедр» (Там же. С. 1305);
м̋ай̋ш̋а̋ «дуб» (Там же. С. 2114); ср. тур. *те̋зе* «дуб» [211. С. 163];
м̋ӳнд̋ӳр̋ба̋с «рябина» [235. Т. 4. С. 2222];
сомак «сумаковое дерево, употребляемое на краску» (Там же. С. 513);
кумык, гогоман «граб» [211. С. 185];
тоурад «тополь» [88. С. 571];

шўнўк «какое-то дерево» [235. Т. 4. С. 1093];
 осм. *сант* «акация» (Там же. С. 304);
санда «сандаловое дерево» (Там же. С. 305);
 шор. *шанташ* «калина» (Там же. С. 943);
шам «ель» (Там же. С. 990);
 кирг. *шенгä* «какое-то дерево» (Там же. С. 999);
шынар – чынар «какое-то дерево» (Там же. С. 1049);
шiн гäл «гороховник», «колючка» (Там же. С. 1069);
 узб. *самбит* «верба», *самбиттол* < *самбит* + *тол* «ива» [211. С. 182];
 чув. *йăмра* «ива, ветла»;
 узб. XVI в. *румман* (< ар. *румман* «гранаты») «гранат» (Там же. С. 185);
 чув. диал. *ўрече* «вяз», «вязки для саней» (ср. *хурама* «вяз», «вязки для саней»).

Структурный состав тюркских видовых названий деревьев приведен в таблице 3.

Таблица 3.
 Структурный состав тюркских слов
 значением «дерево» (видовое название)

«р»-группа		«л»-группа	
I. <i>ор, ур, ўр, өр</i>	II. <i>ар, ер, ир, ыр, әр</i>	III. <i>ал, әл, ел, ол, ул, ыл, ил</i>	
<i>өр + -äг</i>	<i>ар + -ча</i>	<i>ал + -ча</i>	
<i>ўр + -ге</i>	<i>ар + -мут</i>	<i>ал + -iца</i>	
<i>өр + -ўк</i>	<i>ар + -са</i>	<i>ал + -фынцар</i>	
<i>ўр + -ече</i>	<i>вёр + -ене</i>	<i>ал + -мурт</i>	
<i>ур + -тăш</i>	<i>ар + -ча</i>	<i>бал + -ан</i>	
<i>гур + -гум</i>	<i>йер + -ән</i>	<i>бал + -дыр + -ган</i>	
<i>кор + -ос «ясень»</i>	<i>ер + -ўк</i>	<i>бел + -ут</i>	
<i>мўр + -вăр</i>	<i>әр + -ўк</i>	<i>эл + -ме</i>	
<i>мур + -тху</i>	<i>зир + -к</i>	<i>вăл + -ăс</i>	
«р»-группа		«л»-группа	

I. <i>ор, ур, үр, өр</i>	II. <i>ар, ер, ир, ыр, әр</i>	III. <i>ал, әл, ел, ол, ул, ыл, ил</i>
<i>мор + -онот</i>	<i>зир + -ик</i>	<i>ул + -әс</i>
<i>bür + -lugăĭ</i>	<i>ыр + -гай</i>	<i>эл + -мен</i>
<i>(-lug + -ăĭ?)</i>	<i>зар + -ан</i>	<i>йёл + -ме</i>
<i>бир + -лүген</i>	<i>кар + -аган</i>	<i>йыл + -а</i>
<i>(-лүг + -ен)?</i>	<i>кар + -ама</i>	<i>йил + -гин</i>
<i>бөр + -легән</i>	<i>кар + -ас</i>	<i>дал</i>
<i>(-лег + -ән)?</i>	<i>кар + -гыал</i>	<i>дол + -ана</i>
<i>тур + -ак</i>	<i>кар + -чын</i>	<i>кал + -әмбәк</i>
<i>тур + -анча</i>	<i>кар + -амык</i>	<i>кил + -ас</i>
<i>тур + -унч</i>	<i>кәр + -аз</i>	<i>кол + -ган</i>
<i>тур + -уз</i>	<i>нар + -тмә</i>	<i>күл + -кән</i>
<i>түр + -тү</i>	<i>нар + -а</i>	<i>зел + -не</i>
<i>чор + -чай</i>	<i>нар + -ат</i>	<i>зел + -еф</i>
<i>шүр + -үк</i>	<i>нар + -ым</i>	<i>мил + -еи</i>
<i>хур + -ма</i>	<i>пыр + -ван</i>	<i>пал + -ыд</i>
<i>хур + -ама</i>	<i>сыр + -нар</i>	<i>пил + -еи</i>
<i>хур + -ән</i>	<i>сәр + -а</i>	<i>сал + -кым</i>
<i>тор + -слас</i>	<i>сыр + -ви</i>	<i>сал + -јан</i>
<i>тор + -ак</i>	<i>тар + -бынйах</i>	<i>тал + -ах</i>
<i>тор + -ангы</i>	<i>хар + -ва</i>	<i>тол + -она</i>
	<i>чыр + -шы</i>	<i>тул + -ана</i>
	<i>шыр + -шы</i>	<i>тул + -ас «граб»</i>
		<i>тал</i>
		<i>тол</i>
		<i>хул + -ә</i>
		<i>хал + -анж</i>
		<i>шәл + -ан</i>
		<i>шіл + -әк</i>

		<i>шыл + -ма</i> <i>чал</i>
«б, в, й, к»-группа		«з, с, ж, ш»-группа
<i>ев, ив, иб, еб, ой, ай, ий, оу, ав, ак</i>		<i>ос, ош, ыж, еш, аз, оз, өз, әш, ас, ағ</i>
<i>ай + -ва</i> <i>oi + -рүк</i> <i>уй + -гут</i> <i>ой + -энкэ</i> <i>ав + -айш</i>		<i>үз + -үт</i> <i>үз + -үм</i> <i>үж + -үмә</i> <i>аз + -җап</i> <i>ыж + -гай</i>
«б, в, й, к»-группа		«з, с, ж, ш»-группа
<i>ав + -ылгу</i> <i>үв + -әз</i> <i>бай + -лан</i> <i>бүк</i> <i>фай + -ва</i> <i>гой + -эм</i> <i>зоi + -тин</i> <i>зог + -ал</i> <i>зай + -тун</i> <i>жий + -да</i> <i>жиг + -дә</i> <i>јиг + -дә</i> <i>јök + -е</i> <i>кај + -ын</i> <i>как</i> <i>кай + -ры</i> <i>кав + -ак</i> <i>кев + -рин</i> <i>көй + -рүт</i> <i>кав + -алы</i>		<i>боз + -алак</i> <i>йас + -мин</i> <i>меш + -ә</i> <i>мөш</i> <i>теҗ + -ič</i> <i>мыш + -ыр</i> <i>кағ + -ы «сосна»</i> <i>каш + -тана</i> <i>нәш + -нүт «груша»</i> <i>ныз + -ы</i> <i>поз + -умла</i> <i>саз</i>

<i>каі + -сы</i> <i>кор + -уш</i> <i>каі + -аңык</i> <i>нăх + -ăт</i> <i>муй + -ыл</i> <i>пўк + -ече</i> <i>соі + -т</i> <i>сăі + -бă</i> <i>соі + -ом</i> <i>сөг + -ет</i> <i>сак + -саул</i> <i>сиг + -ă</i> <i>тоу + -rak</i> <i>туй + -ыра</i> <i>тiv + -dar</i> <i>чăк + -ил</i> <i>ток</i> <i>чий + -а</i> <i>чив + -и</i>		
«т»-группа	«б, п»-группа	«м, н»-группа
VI. <i>ат, ыт, ўт, ет</i>	VII. <i>аб, ап, ып</i>	VIII. <i>ам, ан, ын, ўн, ин</i>
<i>кыт + -ыан</i> <i>пўт + -ўвă</i> <i>сад + -а</i> <i>тутын</i> <i>тыт</i> <i>тit</i> <i>тэт + -ин (~ret + -ин)</i>	<i>жаб + -ra</i> <i>јар + -üŝyaq</i> <i>čip + -iqaп</i> <i>сиб + -ă</i>	<i>зым + -ых</i> <i>йăм + -pa</i> <i>јит + -иçqa</i> <i>йом + -урт</i> <i>кан + -дагор</i> <i>кăн + -далаш</i> <i>кын</i> <i>дан + -а «гранат»</i> <i>мўн + -дўрбăс</i>

		<i>ным + -ырт</i> <i>нэн + -јал</i> <i>сан + -ыс</i> <i>сан + -т</i> <i>сан + -дал</i> <i>сом + -ал</i> <i>сам + -бит</i> <i>сѣм + -ѣрт</i> <i>син + -ес + -јүн</i> <i>сам + -шит</i> <i>чум, чјүн + -јүк</i> <i>шан + -аш</i> <i>шым + -ырт</i> <i>шын + -ар</i> <i>шін~гәл</i> <i>шјүн + -јүк</i> <i>шам + -шад</i>
--	--	---

На основе приведенных данных мы постараемся выявить аффиксы именного словообразования и отметим их фонетико-морфологические особенности и лексико-семантические свойства.

1) *-a/ -ä/ -e* – аффикс с утраченным диминутивным (уменьшительным) значением [250. С. 168–169]. В большинстве случаев уловить конкретную семантику этого аффикса невозможно: *нара* «гранат», *сыра* «кедр», *йыла* «ильм», *чийа* «вишня», *сада* «карагач», *сіба* «пихта», *сигә* «тальник», *хулә* «ветла», *меиә* «дуб», тур. *теşe* «дуб», *дана* «гранат». Вопросом второго гласного в корнях типа СГСГ интересовались многие исследователи и были высказаны различные мнения: ср. каз. **сын ~ сына* «клин»; *мөш ~ мөшиә* «дуб» [114. С. 125; 249. С. 436–438];

2) *-ак /-äк* – непродуктивный аффикс, тождественный по значению

предыдущему аффиксу *-a /-ä*. Уменьшительное значение в рассматриваемых нами примерах сейчас не ощущается: *турак* «тополь» (*торах* «тж»), *шĭläк* «рябина», *кавак* «тополь», *шĭнак* «можжевельник», *талах* «ива» [250. С. 166–167; 151. С. 141–142]; ср. каз. *кур* > *курак* «тростник» [114. С. 125].

Возможно, фонетическим вариантом аффикса *-ак/ -äк, -ах* являются аффиксы *-үк, -ик*: *äpүк* (*арик*) «абрикосовое дерево», *зирик* «ольха», *шүрүк* «слива», *чүнүк* «платан»;

3) *-ган (-кан, -jan, -ан, -ын)*. Ряд ботанических терминов в тюркских языках имеет вышеназванные аффиксы; можно считать, что все они являются вариантами одного и того же аффикса *-ган (-кан)*. Э.В. Севортян по поводу слов *böjyrgen* «ежевика», *tuturyan* «рис», *kümrügän – küvürgän* «горный лук» пишет, что глагольные корни в них неясны [250. С. 316]. В другом месте, приведя для примера слова *эмен* «дуб», *сабан* «плуг», *коян* «заяц», он указывает, что состав примыкающих к ним существительных затемнен и относить их к отглагольным образованиям на *-jan* пока трудно (Там же. С. 325). На наш взгляд, производные подобного рода имеют именные корни: *колган* «лиственница», *салjan* «терновник», *күлкäй* «буковое дерево», *шĭлан* «шиповник», «дикая роза», *балан (палан)* «калина», *толан* «дикая лесная слива», *толана* «терновник», *тэтин* «осина», *кытыан* «вереск», *сытын* «жимолость», *четин*, *четан* ~ *шетен* «рябина», *нарым* «какое-то растение», «терн, дикая слива», *кайын* «береза», др.-тюрк. *qaraγan* «акация», *širiqän* «крушина», *балдырган* «бузина» и т.д.; не исключено, что в словах *палан*, *сытын*, *четин*, *кайын* аффикс *-ан (~ -ын, -ин)* является показателем уменьшительности: ср. каз. **жул* > *жулгын* «вид тамариска» [114. С. 126];

4) *-ас (-ес), -аш (-еш)* – аффиксы с уменьшительно-ласкательным значением [345. С. 100-101]: *пилеш* «рябина», *улас/ ~ вäläс* «граб», *кираз* «черешня», *көраз* «вишня»; якут. *карас* «черемуха», ср. также: *үвäs* «рябина», *äвäш* «клещевина», *когуш* «буковое дерево», *арташ* «можжевельник», где вторые элементы имеют, наверняка, уменьшительное значение. О формах *-аш (-еш)*, имеющих уменьшительное значение в алтайском, шорском, турецком и

других языках, пишет Э.В. Севортян [250. С. 109];

5) элемент *-ма*, по мнению В.Г. Егорова, возводится к самостоятельному слову *мас* «дерево»: *хурама* «вяз» < *хурамас* [94. С. 307]; но не исключена возможность возведения его к аффиксу *-ман*: *хурма* < **хурман* «пальма», *шылма* < **шылман* и т.д.;

6) *-ман* (*-ван*) – аффикс отыменного словообразования существительных, возводимый к предполагаемому полнзначному слову со значением «дерево ↔ лес»: к.-калп. *караман* «твердое дерево, похожее на дуб», узб. XVI в. *румман* «гранат»; ног. *элмен* «осина», чув. *юман* «дуб», алт. *эрмен* «дуб», *гогоман* «граб»; *нарван* «род дуба»; ср. каз.* *суй* > *суймен* «пика» [114. С. 106];

7) *-ча* – форма уменьшительности-ласкательности. В лингвистической литературе подчеркивается сложность и многообразие семантических превращений данной формы [345. С. 100–101]. Э.В. Севортян отождествляет этот аффикс с иранским аффиксом *-ча* [250. С. 114–115]. В словах *алча* «дикие сливы», *арча* «сосна», *алица* (?) «мелкие сливы» аффикс *-ча* имеет, видимо, не только уменьшительно-ласкательное, но и собирательное значение, как и в слове *багча* «сад». Фонетическими вариантами *-ча* можно считать *-са* (*арса* «вереск») и *-ца* (алица);

8) *-анча* является, видимо, сложным аффиксом, где слились два равнозначных аффикса: *-ан* с уменьшительным значением и *-ча* (*-ч*): *туранча* «род осины», ср. *торангы* «осина, тополь»; *турунч* «лимон»;

9) видимо, фонетическим вариантом аффикса уменьшительности *-ча* является *-шы*: *чырышы*, *шырышы* (чув. диалект. *чйршй*) «сосна, ель»; возможно, аффикс *-ча* (< * *чау*) содержится и в элементе *-чай* в слове *чорчай* «крыжовник»;

10) *-чын*, *-сын* – аффиксы словообразования, встречающиеся в тюркских языках в виде исключения [345. С. 104]: *карчын* «папоротник», *мйрсин* «черника» ~ тур. *mersin* «мирт».

В рассматриваемом перечне слов со значением «дерево» (видовое

название) мы можем выделить составные аффиксы типа *-лўғайч* (*-лўғ* + *-айч*) (*бўрлўғайч* «калина»), *-лўген* (*-лўғ* + *-ен*) (*бўрлўген* «ежевика»), *-дырган* (*балдырган* «бузина»), *-дыран* (*бадыран* «тж»), где производящей основой считается *бал-* [253. С. 55]; *-аймбайк* (*калаймбайк* «алоэ, маис»), *-анж* (*халанж* «вереск») *-энке* (*ойэнке* «клен»), *-ылгу* (*авилгу* «платан»), *-алаг* (*бозалаг* «багульник»); *-анаг* (*сазанак*, *һазанак* «багульник, вереск»), *-далаш* (*кяндалаш* «бузина») и т.д.

Некоторые форманты возводятся, видимо, к полнозначным словам, перешедшим в категорию аффиксов: *-алы* < иран. *алу* «слива» (в слове *каралы* «слива», *кавалы* «тж», *гаралы* «тж») [211. С. 203]; *-дал* (< *дал* «ива», «верба») в словах: *кян* + *-дал* + *-аш* «бузина», *сан* + *-дал* «сандаловое дерево», ср. др.-тюрк. *čandağı* «тж» (где *-dağ* ~ *tağ* «дерево»; *-агоч* < *ауащ* в словах *канд* + *-агоч* «ольха» и т.д.; *-ман* (*-мен*, *-бын*, *-ван*): *элмен* «осина», *нарван* «род дуба», *сырбынях* «рябина», *румман* «гранатовое дерево (и плод)» и т.д.

Наряду с аффиксальными производными встречается немало сложных образований: узб. *таголча* «алыча» (< *таг* «гора» + *олча* «алыча»), *моронот* «смородина» (*мор* ~ *вйр* «лес»(?) + *-онот* (метатеза?) – якут. *отон* «ягода»; ср. якут. *кысыл отон* «красная ягода» (Там же. С. 180), кумык. *шагбулут* «каштан» (*шаг*) < ир. *šah* «шах» + *булут* «дуб») и т.д. Все они преобразовались в сложные слова из словосочетаний.

Выделенные аффиксальные словообразовательные морфемы в рассмотренных нами фитонимах свидетельствуют об именной словообразовательной основе типа СГС, ГС и СГ. Особенностью этой группы тюркской лексики является то, что большинство слов «усложнилось» уменьшительно-ласкательными аффиксами собирательной множественности, которые выполняли и роль словообразовательных формантов. Уменьшительные аффиксы в тюркских языках присоединяются в большинстве случаев к именной основе, то же самое мы наблюдаем и в группе слов со значением «лес», где показатели собирательности-множественности примыкают лишь к именной основе.

По сравнению с предыдущими таблицами (табл. 1, 2) в таблице 3 число групп возросло до восьми, корневые элементы в которых во многих случаях генетически родственны. Во всех подгруппах в корнях типа ГС и СГС наблюдается перебой гласных, который, видимо, сыграл сначала роль смысловоразличения (т.е. словообразовательную роль). В корнях типа СГС наблюдается увеличение числа фонем-преформантов: *к, г, и, ж, х, җ, з*. В качестве преформантов не выступают чуждые для тюркских языков в абсолютном начале слов фонемы *ф, л и р*. Встречающееся в узбекском языке (XVI в.) слово *румман* «гранат» считается арабским по происхождению [211. С. 185].

Нужно отметить, что нет ни одного видового названия дерева, общего для всех тюркских языков.

По справедливому замечанию К.М. Мусаева, «слово *терек* в разных фонетических вариантах есть почти во всех тюркских языках, на основе чего можно сделать вывод о том, что тюркские языки в отношении этого слова являются едиными, однако это верно лишь формально-лексически. Семантически же это слово делит тюркские языки на определенные группы» [191. С. 138].

Казалось бы, что название березы является общим для всех тюркских языков: кирг., каз., к.-калп., алт. *кайын*; тат., башк., кумык., карач.-балк., крым.-тат. *кайын*; тур. *кайын*; узб. *кайин*; уйг. *кейин*; азерб. *гайын*, туркм. *гайын*; хак. *хазын*; тув. *хадын*; якут. *хытын*; чув. *хурӑн*. Однако в некоторых языках это слово претерпело семантическое изменение, например в турецком оно обозначает «бук» (Там же. С. 140).

Наблюдается и обратный процесс, когда для одного и того же вида дерева употребляются разнообразные названия:

тополь: др.-тюрк. *teräk ~ tiräk*; тат. *tiräk*, тат. бараб. *йӧнкӧ* «тополь, ветла», тур. *кавак*, тат. бараб. *пыжылган*, кумык. *актал*, тат. бараб. *сӓрви талы* I < арм. *сӓрви* «кипарис», тоф. *уйгут* [211. С. 207]; *торангы* «осина, тополь» [235. Т. 3. С. 1180], чув. *тар йывӑҫҫи* «тополь»;

пихта: башк. *шырышы, ак шырышы*, як. *танса харыйа*, алт. *йогон*, тув. *чойгон*, хак. *сыбы* /ср. алт. *чиби* «ель», тат. Том. *байлан ~ пайлан* «пихта», «калина» [211. С. 201].

В свою очередь, *терек ~ дерек* не только «тополь», но и «осина», «осокорь, ива, сосна, пихта, финиковая пальма, кустарник» и т.д. [254. С. 206]. Все это говорит о том, что первоначально *тирек ~ терек ~ дерек* означало просто «деревце и дерево». Надо полагать, многие названия деревьев прошли аналогичный этап наименования: «дерево → видовое название дерева». Во многих случаях это удастся обнаружить лишь при тщательном этимологическом разборе смыслового развития лексем. Со временем в сознании носителей языка первоначальные формы и их значения могут завуалировать, и язык прибегает к повторению этого же элемента в словосочетании: чув. *тирек йывăç* букв. «тополь дерево»; такая модель считается весьма распространенной в тюркских языках: кумык. *кайын агач* «береза» (букв. «береза дерево»), тат. бараб. *даулан агачы* (букв. «боярышник дерево»). В чувашской устной фольклорной традиции это считается самым распространенным явлением, поскольку слово *йывăç* в качестве второго компонента словосочетания при обозначении видового названия употреблялось очень широко: *хурăн йывăç, тилеш йывăç, çăка йывăç, шёшкё йывăç* и т.д. Интересно отметить в этом отношении словосочетание *улмуççи йывăççи*, диал. *олмоççи йăвăççи* «яблонево дерево» [18. Т. 3. С. 236]. В современном чувашском языке его носители перестают замечать в слове *улмуççи* наличие компонента *йывăççи*, который претерпевает изменение до неузнаваемости (превращается в аффиксоид *-ççи*).

По данным синхронной реконструкции, связанными корнями в таблице 3 считаются: I. *өр, үр, ур, ор* (ГС); *гур, кор, мур, бур, бөр, тур, тор, чор, шур, хур* (СГС);

II. *ар, ер, әр* (ГС); *вёр, йёр, зир, кар, кәр, нар, ныр, сәр, сыр, тар, хар, чыр, шыр* (СГС);

III. *ал, эл, ул* (ГС); *бал, бел, вал, иёл, йыл, дал, дол, зел, кал, кил, кол, кӱл,*

мил, пал, пил, сал, тал, тол, тул, кул, шӓл, пӓл, шыл, чӓл (СГС);

IV. *ай, оі, уй, ой, ӓв, үв* (ГС); *бай, бӓк, гай, гой, зой, зой, зай, жиг, јиг, йӓк, кай, кӓк, кав, кев, кой, кӓв, кӓй, нӓх, нок, нук, соі, сӓі, сӓі, сог, сиб, сак, сиг, туй, йув, чӓк, ток, чий, чив, цыб* (СГС);

V. *үз, үж, аз, ас, ож, ыж* (ГС); *боз, йас, меш, ми, теж, мыш, кэд, каш, нӓш, н'аш, ныз, поз, саз* (СГС);

VI. *кыт, пут, сад, сыт, тут, тыт, тӓт, тӓт, чет* (СГС);

VII. *зым, йам, јиг, йом, кан, кӓн, кын, дан, мӓн, ным, нан, сан, сом, сам, ем, чум, чын, чӓн, тан, шын, шӓн, шун, шам, шӓн, шым* (СГС).

Для первой группы мы отметили чередование гласных: $o \sim \ddot{o} \sim y \sim \ddot{y} \sim o$; для II группы – $a \sim \ddot{a} \sim e \sim u \sim y$; для III группы – $a \sim \ddot{a} \sim e \sim u \sim y \sim o \sim u$; для IV группы – то же, что и для гласных III группы, но с добавлением $o \sim \ddot{o}$; для V группы – $a \sim \ddot{a} \sim y \sim o \sim y \sim e \sim \ddot{o}$; для VI группы – $a \sim y \sim \ddot{y} \sim y \sim \ddot{e} \sim e$; для VII группы – $a \sim y \sim \ddot{y} \sim u \sim \ddot{e} \sim y \sim i$. Хронологическую последовательность этих чередований трудно установить, к тому же они могли происходить одновременно, если учесть диалектное членение тюркских языков. Чередования гласных по палатализации, по лабиализации, по признаку широкие – узкие отмечаются и в памятниках тюркской письменности [128. С. 73], и в современных языках [21. С. 178–180]. Видимо, чередование гласных не было чуждо и тюркскому праязыку.

Если учесть, что в каждой группе выступают корни и их фонетические варианты, то нужно признать первоначальную смысловозначительную роль чередования гласных.

То же самое наблюдается и в отношении варьирования конечного согласного корневой морфемы:

-р в I и II группах, -л – в III, -й, -в, -г /х/ – в IV, -з, -с, -ж, -ш – в V, -т ≠ в – в VI, -м, -н, -н – в VII группе.

Если корневой гласный своим чередованием изменяет семантику слов своей подгруппы (при этом фонетические варианты одной и той же лексемы не учитываются), то наличие конечного согласного корня типа СГС

определяет изменения значения слов основных групп. Поскольку в I и II группах такой смысловозначительной фонемой выступает *-p*, то желательно эти группы объединить в одну (первую группу). По наличию конечной фонемы корня, таким образом, можно переименовать соответственно: I – *p*-группа, II – «л»-группа, III – «й, в, к, г (х)»-группа, IV – «з (с), ж (ш)»-группа, V – «т»-группа, VI – «м, н»-группа. В пределах III группы имеется еще одна подгруппа с согласным *б (n)*: *сибä, čirīqan, jaruşyaq*. В этой группе изменение конечного согласного корня типа СГС вызывает полисемию слова: др.-тюрк. *sögüt*: ~ *söğüt* «ива, дерево», но тур. *söküt*, азерб. *cöyüd*, туркм. *cöwüt* «ива», «верба» [211. С.182,188,157]. Чередование *з (к) ~ й ~ в* происходит в пределах одной лексемы *söküt ~ cöwüt ~ cöyüd*. Такое чередование было характерно, видимо, не только для слова *sögüt*, но и для всей III группы в целом.

2.2. Фономорфемная характеристика ботанической лексики нетюркских (алтайских) языков

Лингвистическое описание, связанное с выходом за рамки одного языка, неизбежно предполагает установление подобий и различий, обнаружить которые можно лишь на основе сравнения и сопоставления. В языкознании встречается, с одной стороны, недифференцированное употребление терминов «сравнение» и «сопоставление», с другой стороны, о сравнении говорят в рамках генетического метода, а о сопоставлении – в рамках типологического. Если учесть, что результаты типологических исследований все чаще привлекаются для генетических, а генетические исследования широко используются как в типологическом и ареальном языкознании, так и за его пределами, тогда легко объясняется суть недифференцированного употребления этих терминов. Весьма показательны в этом отношении данные «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: сравнение языков – систематическое сопоставление двух или более языков в целях их исторического,

типологического, сопоставительно-аналитического и т.п. изучения; сопоставительный (сравнительный) – основанный на сравнении соответствующих явлений разных языков независимо от их принадлежности к той или другой языковой семье, т.е. независимо от наличия или отсутствия между ними генетических связей.

Опираясь на теорию, объясняющую материальную и структурно-типологическую общность тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, мы можем говорить о генетическом родстве этих языков. Поэтому по отношению к языковому материалу мы применяем термин «сравнение» («сравнение языкового материала генетически родственных языков»). Но генетическое родство вышеназванных языков, как предполагают ученые, восходит к весьма ранним этапам становления и развития первобытных племен, говоривших на праалтайском языке или праалтайских диалектах [290. С. 18–30]. Если принять во внимание, что распад алтайского праязыкового единства измеряется не 3–4, а 10 тысячелетиями [212. С. 7], то каждому исследователю становится ясно, что создание сравнительно-исторической грамматики алтайских языков и этимологического словаря алтайских языков сопряжено с большими трудностями.

Сравнительное и сопоставительное изучение лексического материала, а также сравнительно-историческое исследование морфемики, морфологии – корневых и аффиксальных морфем, является основной задачей при решении проблем родства и истории языков различных групп. Алтайские языки в этом отношении не являются исключением.

Проводя собственные исследования, мы придерживались правил, сформулированных Н.А. Сыромятниковым.

Правило 1. Правильное деление на морфемы является важнейшим условием для правильной этимологии [293. С. 51–64]. Если же мы следуем принципу деления слов по непосредственно составляющим, гарантируя правильное определение морфемного состава слова, в результате можно установить не только «синхронную этимологию» слова, но и отчасти

«диахронную», а следовательно, и действительную его структуру.

Научная процедура определения морфемного состава слова представляет собой последовательное выделение, членение морфем «с конца», заканчивающаяся вычленением корня, т.е. непроемной основы.

Особого внимания заслуживают следующие правила.

Правило 2. Сравняются не слова, а морфемы. Это правило действует как при сравнении материала близкородственных языков, так и языков неродственных. Этого правила не придерживаются многие исследователи.

Правило 5. При сравнительном изучении лексики сравниваются общие морфемы во всех языках, где они имеются в том же или сходном значении.

Аксиомой в данном случае является правильное деление лексемы на формы. В современных языках многие корни приобрели связанный вид, т.е. являются радиками или унирадиками. Степень членности слов со связанными корнями с диахронной и синхронной точек зрения различна. Членность зависит от характера их значения и наличия в языке или в родственных языках ряда слов с тем же связанным корнем. При обнаружении сходных с фонемной точки зрения связанных корней в родственных языках нужно определить их сходное значение.

Правило 6. При сравнении общих морфем должны быть обнаружены регулярные фонетические соответствия. Как известно, родственные языки характеризуются закономерными морфологическими и лексическими соответствиями, но эти соответствия устанавливаются на базе известных звукосоответствий, поскольку решающей ступенью доказательства языкового родства, по мнению некоторых исследователей, является постулат именно фонетических корреспонденций [207. С. 14]. Но в этом случае нужно иметь в виду, что звукосоответствия устанавливаются исключительно между семантически сближаемыми элементами [229. Т. 3. С. 1].

Правило 8. При сравнении морфем разных языков необходимо учитывать наличие родственных корней. Признание наличия родственных корней, по Н.А. Сыромятникову, даст возможность усовершенствовать

сравнительно-исторический метод, переход от сравнения отдельных морфем к сопоставлению целых рядов таких корней в сравниваемых языках может свидетельствовать о родстве больших пластов их лексики. Однако сравнительное изучение родственных корней одного и того же языка, а также родственных языков является самой отстающей областью лексикологии [295. С. 355–364].

Выдвигая тезис о родственных корнях, Н.А. Сыромятников затрагивает вопрос о семантических классах слов в языках. Семантические классы слов не только в пределах родственных языков, но и в системе одного отдельно взятого языка недостаточно изучены. В ходе наших исследований мы придерживались методики сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках Н.А. Сыромятникова. Сравнивая слова, относящиеся к ботанической лексике в алтайских языках, мы попытаемся сличать корни [292; 294], учитывая при этом, что они в ходе исторического развития могли видоизменяться как фонетически и морфологически, так и семантически.

История родственных корней никогда не будет установлена, если их не сравнивать с чем-либо. Если же необходимо установить архетип связанных корней, то нужно знать относительную хронологию языковых изменений, т.е. мы столкнемся с вопросом реконструкции архетипа. По справедливому замечанию Ф. де Соссюра, «реконструкция возможна лишь путем сравнения, и, в свою очередь, у сравнения нет иной цели, кроме реконструкции... Сравнение в лингвистике не есть механическая операция; оно требует сопоставления всех тех данных, из которых можно извлечь материал для объяснения. Но оно всегда должно приводить к некоторой гипотезе, выраженной в определенной формуле и стремящейся восстановить что-то, существовавшее раньше; сравнение всегда должно вести к реконструкции форм... Реконструкция – это необходимый инструмент, с помощью которого с относительной легкостью устанавливается множество общих фактов синхронического и

диахронического порядка» [277. С. 255–257].

2.2.1. Открытый слог в двусложных словах в языках различных систем

Лексемы *хэр* «лес на северной стороне хребта» и *kerü ~ keru ~ kārü ~ kiri* (с ауслаутными *ü ~ u ~ i*) «бор, роща позади гор» являются гомогенными, последние отличаются от первых тем, что содержат дополнительные гласные *u, ü, i* в ауслауте корня. По мнению исследователей, корень типа СГС характерен для тюркских языков, а СГСГ – для монгольских. По этому вопросу нет единства мнений среди алтаистов. Решение этого вопроса чрезвычайно важно, поскольку он касается первоначального строения алтайских корней [134. С. 33–46].

Б.Я. Владимирцов высказал мысль, что в большинстве случаев тюркские языки утратили конечный согласный и что оставшийся гласный открытого слога сохранился в монгольском языке, который в этом отношении близок к состоянию праязыка [45. С. 156–157].

В. Банг подчеркивал неясность между тюркскими и монгольскими формами, тем не менее считал, что пратюркский язык утратил конечный гласный в двусложных словах [356. Р. 32]. Аналогичное мнение было высказано Н.К. Дмитриевым, т.е. он формы с большим количеством слогов считал первородными [68. С. 157].

Мы поддерживаем мнение В. Котвича о том, что более краткие формы были известны уже пратюркскому языку и, наоборот, формы удлиненные, монгольские, представляют собой явление более позднее, поскольку мы не можем не заметить тенденцию монгольского языка к удлинению слов, с этой целью к корню слова добавлялись отдельные гласные и согласные, а иногда и отдельные слоги. Понять природу таких добавлений сейчас трудно, изредка эти элементы встречаются и в тюркских словах. Например, на наш взгляд, к этой категории слов и относятся тур. *koru* «лесок», «роща», соотносимое с монг. *kerü ~ keru ~ kārü ~ kiri* «бор, роща позади гор». Отметим, в семантике тур. *koru* содержится признак диминутивности: лесок (а не лес),

роща (но не бор), т.е. роща – небольшой лиственный лес.

Подобное явление, сходное с монгольским, наблюдается и в чувашском языке. Здесь встречается ряд общетюркских односложных корней, усложненных при помощи гласных *-ă*, *-e* и согласных *-к*, *-х*: *-ăк*, *-eк*, *-ăх*, *-eх*, *-хе*;

1. тюркские	чувашские	монгольские
<i>ит</i> «собака»	<i>йытă</i>	
<i>от</i> «трава»	<i>утă</i> «сено»	<i>otači</i> «врач»
<i>ок</i> «стрела»	<i>ухă</i> «лук»	
<i>сал</i> «плот»	<i>сулă</i>	
<i>ал</i> «рука»	<i>алă</i>	<i>alaγa</i> «рука, ладонь»
<i>кӧл</i> «озеро»	<i>кӱлӗ</i>	
<i>бит</i> «вошь»	<i>ныйтă</i>	<i>bögesün</i> «вошь»
2. <i>бел</i> «пояс, талия»	<i>тилӗк</i>	<i>belkegesün</i> «стан», «талиия»
<i>ай</i> «луна»	<i>уйăх</i>	
<i>кыл</i> «хёлӗх»	<i>хёлӗх</i>	<i>kilyasun</i> «конский волос»
<i>беш</i> «пять»	<i>тилӗк</i>	
<i>кир</i> «грязь»	<i>кирӗк</i>	<i>kkir</i>
<i>тил</i> «язык»	<i>чёлӗх</i> «пищик»	
др.-тюрк. <i>tül</i> «сон»	<i>тёлӗк</i> «сон, сновидение»	
3. <i>дил</i> , <i>тил</i> «язык»	<i>чёлхе</i> «язык»	
<i>йелке</i> «загривок»	<i>çилхе</i> «грива»	

В современном чувашском языке семантика добавочных *-ă*, *-e* нивелирована; сейчас не ощущается ни диминутивное, ни словообразительное их значение. То же самое можно сказать и об аффиксах *-ăх* (*-eх*); и *-ăк* (*-eк*) в словах: *бел* ~ *бил* ~ *тилӗк* «поясница, пояс, талия»; *ай* ~ *уйăх*, «луна», где изменение значения незаметно; а в слове *кыл* ~ *хыл* «конский волос» → «струна» семантическая деривация произошла в пределах корнеслова, ср. чув. *хёлӗх* «конский волос» → «струна», аналогичная деривация наблюдается

в словах *тӱл ~ тӱлӱк* «сон» → «сновидение»; но в слове *кир* «грязь» ~ чув. *кирӱк* мы замечаем словообразовательную функцию чувашского аффикса *-ӱк*: *кирӱк* не только «грязь», но и «перхоть», «пыль».

В приведенных выше примерах значение диминутивности у аффиксов *-ӱх, -ӱх, -ӱк* в современном чувашском языке почти полностью утрачено.

Если допустить вариативность аффиксов *-ӱх ~ -ӱх, -ӱк, -хе, -ке* и составной характер этих формантов, аналогично тюркскому аффиксу уменьшительности *-ак < - *а + - *к; -ек < - *е + - *к; -ка < - *к + - *а; -ке - *к + - *е* [362. S. 111], то конечные гласные в чувашских существительных *йытӱ, утӱ, ухӱ, пулӱ, кулӱ, пыйтӱ* (в безударном положении они редуцировались), а также в монгольских существительных, например *аба* «охота» (тюрк. *аб, ab*).

Вопрос об открытом слоге в двусложных словах характерен не только для тюркских и монгольских (шире: алтайских) языков, но и для финно-угорских. Исследователи структуры прафинно-угорского корня прямо указывают, что основа (корень) финно-угорского слова была двусложная и оканчивалась на краткий или бибиальный гласный *-е* или *-а (-ӱ)* и структура слова представляла собой не только тип СГСГ, но и ГСГ, ГССГ, СГССГ.

Характерной чертой является то, что в пермских языках почти все древние конечные гласные отпали, в одних и тех же словах современных удмуртского, коми и коми-пермяцкого языков финно-угорский конечный гласный отсутствует [302. С. 266–270]:

финно-угорские	коми	удмуртские
<i>*paje</i>	<i>бадь</i> «ива»	<i>бадь</i>
<i>*võre</i>	<i>вӧр</i> «лес»	<i>выр</i> «холм»
<i>*kõze</i>	<i>коз</i> «ель»	<i>кыз</i>
<i>*lõme</i>	<i>льӧм</i> «черемуха»	<i>льӧм</i>
<i>*piča - > *piča</i>	<i>потш</i> «жердь»	<i>пӱч</i>
<i>*sei</i>	<i>шов</i> «калина»	<i>шу</i>
<i>*serts</i>	<i>сорд</i> «роща»	<i>сурд</i> «роща»

Наряду с фитонимами в списке слов Т.И. Тепляшина приводит более 100 слов, которые в прафинно-угорском имели открытый слог, и тут же указывает, что этот список может быть увеличен до 200 слов за счет глаголов. В современных пермских языках есть двусложные основы типа СГСГ, в которых некоторые прафинно-угорские формы за три тысячи лет самостоятельного развития сохранились. Самую многочисленную группу составляют удмуртские слова, сохраняющие древний конечный гласный в измененном или затемненном виде в значении уменьшительно-ласкательного суффикса, функция которого, как и в алтайских языках, ныне говорящими иногда вовсе и не воспринимается [302. С. 270–274].

удмуртские	коми
<i>боды</i> «палка»	<i>бедь</i> - <i>бед</i> < общеперм. <i>*bedi</i> [157. С. 38]
<i>гумы</i> «стебель растений»	<i>гум</i> < общеперм. <i>*gms</i> (Там же. С. 82)
<i>гуры</i> «почка растения»	<i>гар</i> < общеперм. <i>*gars</i> «почка лиственных деревьев» (Там же. С. 74)
<i>йёны</i> «осот, репейник»	<i>йён</i> < общеперм. <i>jöns</i> «кустарник» ср. монг <i>jinni</i> «шиповник» (Там же. С. 113)

В индоевропеистике же атематические корни считаются наиболее архаичным пластом общеиндоевропейского состояния и хронологически возводятся к протоиндоевропейскому уровню. Далее на общеиндоевропейском уровне наблюдается процесс тематизации односложных корней [310. С. 96], т.е. обрастание корня дополнительными гласными элементами, оформляющими парадигматические ряды. Таким образом, появляются корни нового типа. А. Мейе установил статус тематических гласных и определил, что тематические гласные являются элементом формообразования и в состав корня не входят, поэтому, по мнению автора, подлежат дальнейшему разложению (т.е. их можно расчленить) [176. С. 191–193].

Следует отметить, что в индоевропейской компаративистике особое место занимало положение о том, что для индоевропейских корней была характерна двусложность. Сторонником теории двусложных корней был

Г. Хирт [361. Т. 3.]. Вопрос о двусложных корнях связан с проблемой детерминативов, или расширителей корней. Одни исследователи, например, П. Перссон, в индоевропейском устанавливает наличие не только согласных детерминативов, но и гласных: * *i*, * *u* [365. S. 3–4, 212–213].

Исследование современных кавказских языков также дает основание полагать, что вопрос об открытом и закрытом слогах не был чужд истории этих языков: осет. *наезы* – *наези* «сосна», *наз* – *назу* «ель»; балк. *назы* – *нызы* «ель», *наз* «пихта» [1. Т. 2. С. 177–178; 339. Т. 2. С. 91]; адыг. *мэз* – *мэзы* «лес», ср. абх. *а-мза* «сосна», чеч. *база*, карач.-балк. *нызы*, осет. *наз* «ель», дарг. *вацiа* «лес» [339. Т. 2. С. 91].

В глагольных же корнях гласные *-а*, *-е*, *-ү*, *-у*, *-и* в монгольском языке выполняли, видимо, определенную грамматическую функцию, но позднее утратили ее, и эти гласные вошли в состав нового корня.

Следует отметить, что добавочные гласные в монгольском появляются и в диалектных названиях деревьев, ср.:

хус(ан) «берёза», «берёзовый»; хорч., архорч., бар., они., найм., уцаб. *хус*; джал., дурб., хут, хеш., ишгол., чах. *гус*, орд. *гусу* (!); монг. *qusun* [304. С. 245];

цар (сан) «дуб», «дубовый»; хорч., горл. *шарс*; джал., дурб. *шарт*; архорч. *чарс*, ср. монг. *čarasu* (!).

Явление открытого слога в двусложных словах было характерно для тюркского праязыка. Следы былых добавочных гласных мы можем видеть в тюркских лексемах со значением «лес», «дерево», (табл. 1–3):

кур-а-лык, *ар-ы*, *ар-ы-л*, *тар-ы-мал*,

тар-а-лак, *ар-ы-к*, *ар-а*, *är-ä-mä*,

кур-а, *нар-а*, *сыр-а*, *йыл-а*, *иök-е*,

чий-а, *чив-и*, *меш-ä*, *ныз-ы*, *сад-а* и т.д., где гласные *-а*, *-ы*, *-ä*, *-е*, видимо, имели значение деминутивности. То же самое мы наблюдаем в монг. **taji* «лес», «лесок» [317. Т. 4. С. 10] и тюрк. *тайа* «кустарник» [185. С. 298], где *-i* и *-а* – показатели деминутива, возможно, первоначально они обладали

значением собирательной множественности.

2.2.2. Словообразовательная структура слов со значением «лес»

В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Приведем перечень слов со значением «лес»:

монг. *хэр* «лес на северной стороне хребта» [210. С. 126];

монг. *керü* «бор, роща позади гор»; *keru* «бор за горой», «роща за горой» [254. С. 28];

körü ~ *kiri* «бор, роща позади гор» (Там же);

монг. *бураа* «густая роща, лесная чаша»;

монг. *чаргай* «кондовый лес», «высокоствольный» (о лесе, растущем густо);

монг. *шэрэнгэ* «роща, заросль тонких или низкорослых деревьев»;

монг. *шивэр* «заболоченная чаша»;

монг. *aliusun* «подлесок» [252. С. 125];

монг., бур.-монг. *модон* «дерево ↔ лес»;

п.-монг. *oi*, монг., бур. *ой* «лес», «роща», калм. *ой* «лес»;

монг. *тайга* «густой, дремучий лес» [185. С. 93];

монг. *тай* < **taji* «лес» [317. Т. 4. С. 10];

монг. *ойлог* «лесистая местность», «лесистый», «богатый лесом»;

монг. *ойтой* «покрытая лесом гора», «лесистая гора»;

монг. *хангай* «хангай» (гористая лесистая местность);

монг. *шугуй* «роща, бор, чаша», «дремучий лес»;

монг. *ховч* «лес, тайга», «горный массив».

Нами были выделены следующие аффиксальные морфемы монгольских фитонимов:

а) *-аа*: монг. *бураа* «густая роща, лесная чаша».

Фонетическими вариантами этого суффикса считаются *-оо*, *-уу*, *-ээ*. По мнению исследователей-монголоведов, этот суффикс в прошлом довольно распространенный, но в современных языках малопродуктивный

[29. С. 193–194; 59. С. 56].

Видимо, суффикс *-aa* в слове *бураа* является омонимичным суффиксу *-aa*, который прибавляется к глагольной основе. Поскольку в слове *бураа* восстановить глагольную основу невозможно, к тому же в данном примере суффикс *-aa* не передает значения ни орудия действия, ни места действия, ни результатов действия [38. С. 812], то можно допустить, что здесь *бур* – радикалоид с именным значением «лес ↔ дерево», а членимый элемент *-aa* – разновидность добавочных гласных *a, e, i, ä* с утраченным деминутивным или учащательным собирательным значением.

Собирательное значение суффикса *-aa* наглядно представлено в примерах, приведенных ниже:

бараа(н) «пожитки», «товар» [304];

бартаа «валуны, большие камни» (Там же. С. 120);

бордоо «фураж» (Там же. С. 124);

тушаа «путы» (Там же. С. 208);

тулээ(н) «дрова» (Там же. С. 209);

унаа(н) «средства передвижения» (Там же. С. 245);

хамаа «родство» (Там же. С. 228);

хоршоо(н) «кооперация, кооператив» (Там же. С. 239).

В приведенных выше примерах аффиксы *-aa*, *-aa(н)*, *-оо*, *-оо(н)*, *-уу(н)*, *-ээ(н)* обладают значением как деминутивности, так и собирательной множественности.

В словах *адуу(н)* «табун, косяк лошадей», «лошади, кони»; монг. *adiuun* ~ *adauun*; *бараа(н)* «товар, скарб, пожитки»; монг. *baraγan*; *бартаа* «валуны, большие камни»; монг. *bartaγa*, монгольский суффикс *-γan*, *-γun* присоединяется к именной основе и придает слову: 1) уменьшительно-ласкательное значение, ср: *шубуухан* «птички» от *шубуун* «птица»; 2) собирательное значение: *саһахан* «снежинки» при *саһан* «снег»; *adauun* «скот», «лошади», ср. бур.-монг. *adaha(н)* «скот, лошади, кони, табун»; бур.-монг. *адуу(н)* «стадо лошадей», «лошади, кони», ср. тюрк. *ат* «конь».

Таким образом, в слове *бураа* суффикс *-aa*, присоединяясь к предполагаемой именной основе, придает слову собирательное значение с оттенком интенсификации;

б) *-сун (sun)*: *aliusun* «подлесок» [252. С. 125].

Если учесть, что вариантами суффикса *-sun* являются *-сан ~ han ~ -son* [112. С. 170], то его можно сопоставить с аффиксом *-γan ~ -γun*, т.е. *-хан, -хэн, -хон*, когда последний выступает в значении собирательного множества; значение деминутива и, возможно, собирательной множественности выражают сразу два суффикса *-i + -u*.

По Г.И. Рамstedту, суффикс *-sun*, очень распространенный в монгольском языке с древнейших времен, «служит для подчеркивания конкретности значения слова» [236. С. 199]. Перед этим суффиксом, как полагает ученый, выпадают такие показатели отглагольных имен, как *-n, -r, -l, -s*, что создает впечатление о присоединении суффикса *-sun* непосредственно к глагольной основе, а не к отглагольному имени: *dajin - sun ~ dajisun* «враг»; *kimul - sun ~ kimusun* «ноготь»; *ujil - sun ~ ulisun* «кора березы».

В таком случае и бур.-монг. *алирха(н)* «брусника», «отава, трава второго укоса» следует считать отглагольным именем, т.е. от *алирха* «перестать покрываться сочной зеленью», но в этом случае выпадения конечного *-p* не наблюдается, что и заставляет сомневаться в справедливости выводов известного алтаиста. Невозможно доказать появление *-u* перед *-sun*, ведь *ujil - sun ~ ujilsun* «кора березы», т.е. после выпадения *-l* появление *-u* не имеет места.

Л.В. Дмитриева, принимая этот постулат, так и не сумела показать выпадение конечного *-l* в слове *xulusu(n)* «камыш», тем самым выделить и глагольную основу лексемы. Она пишет: «Эта лексема относится, очевидно, к основе *xulu - ~ xul - +* аффикс *-sun...* Она (основа) глагольная в фитониме... *xulu - ~ xul-* «становиться, быть светло-коричневым»» [112. С. 173–174].

Если бы в глагольной основе *xulu - ~xul-*, как думает Л.В. Дмитриева,

выпал показатель отглагольного имени *-l*, то мы бы имели *xusun*, чего в языке нет, во всех монгольских языках *xulu-* *su(n)*, *хулһа(н)*, *хулса(н)* «тростник, камыш, бамбук»;

в) *-той*: *ойтой* «покрытая лесом гора», «лесистая гора», *-той* присоединяется к именной основе и выражает значение «обладание тем, что выражено производящей основой», т.е. в данном случае «лесистый»; ср. *дабирхатай* «смолистый» от *дабирхай* «смола», *нухэтэй* «дырявый» от *нухэн* «нора, дыра, яма»;

г) *-лог*: *ойлог* «лесистая местность», «местность, богатая лесом»; присоединяется к именной основе, обладает значением собирательной множественности; ср. *сэсэглик* ~ *сэсэрлик* «цветник» при *сэсэг* «цветок» [236. С. 204; 38. С. 882]; ср. тюрк. *-лык*: *наратлык* «сосняк»;

д) *-ч* (*-č*): *ховч* «лес, тайга, горный массив». Аффикс *-ч*, по Г.И. Рамstedту, первоначально мог иметь только уточняющий конкретизирующий характер, но уже на раннем историческом этапе взял на себя роль признака уменьшительности [236. С. 190]. Возможно, аффикс *-ч* в слове *ховч* выполняет уточняющую роль, т.е. *ховч* «горный лес», «лес на горе». Аффикс *-ч* с таким значением присоединяется только к именной основе.

Можно допустить, что в этом слове имеется суффикс *-вч* [29. С. 205], но при этом нужно учесть то, что перед этим суффиксом *-л*; *-н* выпадают; ср.: *хуруу(н)* «палец» → *хүруувч* «наперсток»; *гэрэл* «свет» → *гэрэвч* «люстра». Возможно, первоначально корень слова *ховч* имел вид **хол* или **хон*. У.-Ж.-Ш. Дондуков считает, что аффикс *-вч* иногда может иметь уменьшительное значение [87. С. 11];

е) *-гэ*: *ширангэ* «роща», «заросль тонких и низкорослых деревьев»; суффикс *-гэ* является разновидностью монгольского суффикса *-gei*, *-qeī* ~ тюрк. *-га*, *-qa* ~ тунг. *-ga*, *-ka* и образует отыменные имена с уменьшительным значением [236. С. 184–185]; ср. *барга* «глушь» < *бар* + *-га*; бур. диал. *Баргажан* – назв. местности [29. С. 219];

ж) *-эн*: *шир-эн-гэ* «роща», «заросль тонких и низкорослых деревьев», суффикс *-эн*, выступающий перед уменьшительным суффиксом *-гэ*, имеет также уменьшительное значение и соответствует тюркскому *-ан* ~ *-эн*, в монгольском выступает также в виде *-ан* [236. С. 194–195];

з) *-гай*: *чаргай* «кондовый лес», «высокоствольный (о лесе, растущем густо)»; *хангай* «хангай» (гористая, лесистая местность);

и) *-гуй*: *шугуй* «роща, бор, чаща», «дремучий лес».

Суффиксы *-гай* ~ *-туй*, т.е. *-хай* ~ *-хой* - *-хэй*, присоединяясь к именной основе [59. С. 169], придают значение уменьшительности-ласкательности [236. С. 184].

В приведенных выше примерах значение уменьшительности в настоящее время не ощущается.

Структурный состав монгольских слов со значением «лес» представлен в таблице 4.

Таблица 4.
Структурный состав монгольских слов
со значением «лес»

I. <i>ур, ер, ир, ар</i>	II. <i>ой, ой, ай</i>	III. <i>ал</i>	IV. разные корни
<i>бур</i> + <i>-аа</i>	<i>ой</i>	<i>alusun</i>	<i>хангэй</i>
<i>ker</i> + <i>-ü</i> фонет	<i>ой</i> + <i>-той</i>		<i>ховч</i>
<i>kär</i> + <i>-ü</i> варианты	<i>ой</i> + <i>-ло</i>		<i>шивэр</i>
<i>kir</i> + <i>-i</i>	<i>ö</i>		<i>бут</i> «кустарник,
<i>rah</i> + <i>-гай</i>	<i>*hoj</i>		заросль»
<i>шир-энгэ</i>	<i>*taji</i>		
бур. бор олжо	ср. др. -яп.		
«кустарник»	<i>*най</i> + <i>-аси</i>		
	«роща, лес»		
	ср. кит. <i>гуй</i>		
	«дерево»		

2.2.3. Словообразовательная структура слов со значением «дерево» (видовое название) в монгольских языках

Приведем перечень слов со значением «дерево» в монгольских языках:

бур. *уургэнэ* «терн»; монг. *нургэс* ~ *нигурс* «ольха»;

монг. *бургаас*, бур. *бургааһан*, калм. *бургъсн* «ива деревцевидная»;
бургаас(ан) «ива» [211. С. 182];

монг. *боролж(ин)*, бур. *боролжо* «береза кустарниковая» (Там же. С. 179);

монг. *нуурсэн*, бур. *нуургэдэһэн* «ольха»;

монг. *бооролзгооно* «малина»;

монг. *тоорой* «тополь разнолистый», «турганча»;

бур. *арса* «вереск» (Там же. С. 182);

монг. *нарс*, бур. *нархан*, калм. *шар харгъа* «сосна»;

монг. *арц*, бур. *арса* «можжевельник»;

монг. *харгай* «сибирская лиственница»;

бур. *харгааһан* «калина»;

монг. *царс(ан)*, бур. *сарса* «дуб»;

монг. *шар мод*, бур. *шара модон* «барбарис сибирский»;

монг. *чаргай* «кизил» (Там же. С. 191);

монг. *яргай*, бур. *яргай* «кизильник черноплодный»;

калм. *lerε* [< тиб.?] [236. С. 252];

монг. *зурж* ~ *журж* «апельсин» [211. С. 177];

монг. *терелж* «багульник»; п.-монг. *tereli* «тж»;

бур. *тэрэлжэ* «кустарник», «рододендрон»;

монг. *сэрлэг*, *сургар* «багульник» (Там же. С. 178);

п.-монг. *ürül* «слива дикая»; монг. *орол* «яблочки дикие» (Там же. С. 204);

монг. *алирса(н)*, бур. *алирһа(н)* «брусника»;

бур. *альма* «яблоня»;
 монг. *улиас(ан)*, бур. *улиаһа(н)* «осина, тополь»;
 монг. *улиангар* ~ *улиас*, бур. *улиянгир*, калм. *ulasn* «тополь, осина»;
 монг. *дал* «пальма»;
 монг. *далан хальс* «жимолость»;
 монг. *далдуу* «липа», п.-монг. *dalduu* «тж»;
 монг. *долоогоно*, бур. *дологоно* «боярышник»;
 монг. *хулсан* «бамбук, тростник, камыш»;
 ср. *хулс(ан)* ~ дурб. *хулт(ан)*; монг. *quiusun* «тж» [304. С. 244]; монг. *мэлрэг* «жасмин»; ср. кит. *мо ли* «жасмин»;
 п.-монг. *хонайса* ~ монг. *хуайс* «акация»;
 монг. *мовь* «магнолия»;
 монг. *буйлээс*, *буйлсний мод* «миндальное дерево»;
 монг. *буйлс(эн)* «миндаль»;
 монг. *гуйлс(эн)*, ср. п.-монг. *gülesün* «абрикос»;
 монг. *лийр*, ср. п.-монг. *lira(n)* «груша»;
 монг. *майлс* ~ п.-монг. *mailasun* «кипарис»;
 монг. *майлаас* ~ п.-монг. *mailayasu(n)* «туя»;
 монг. *мойл*, бур. *мойһон* «черемуха»; ср.
 монг. *moilsu(n)* ~ *moisu(n)* «черемуха»;
 п.-монг. *хайлаас(ан)* ~ п.-монг. *hajilasan* «ильм, вяз»; монг. *хайлаас(ан)*,
 бур. *хайлаака(н)* «вяз, ильм»;
 монг. *чий* «вишня, черешня»;
 монг. *хус(ан)*, бур. *хуһа(н)* «береза»;
 бур. *шасаргана*, монг. *чацаргана* «облепиха»;
 монг. *тэс* «рябина сибирская»;
 монг. *тошлог* «барбарис»;
 монг. *тац мод* «ракитник»;
 монг. *бэшэ* ~ *мушэ модон* «рябина»;
 монг. *хуш*, бур. *хуша* «кедр»;

МОНГ. *хушуу* ~ *нохойн хушуу* «шиповник»;
 бур. *ушееһэ(н)* «верба»;
 МОНГ. *гадирын мод* «айва» < *yaduram* «айва» [211. С. 176];
 МОНГ. *уд* ~ П.-МОНГ. *uda*, калм. *udn* «ветла»;
 МОНГ. *хэдмэн* ~ П.-МОНГ. *kedmen* «груша»;
 МОНГ., бур. *жодоо*, бур. *ёдоо* ~ *доо* «пихта сибирская»;
 МОНГ. *анар* «гранат» (Там же. С. 185);
 МОНГ. *анис* ~ П.-МОНГ. *anisu* «брусника»;
 МОНГ. *имдий* «боярышник»;
 МОНГ. *гандигар* «бузина»;
 МОНГ. *гандигаарь* «бузина кистистая»;
 МОНГ. *дом* «липа»;
 МОНГ. *замба* ~ П.-МОНГ. *ambaya* «магнолия»;
 МОНГ., бур. *зандан* ~ П.-МОНГ. *andan* «сандал» (Там же. С. 203);
 МОНГ. *монос* «черемуха»;
 МОНГ. *нимбэг* «лимон» (Там же. С. 195);
 МОНГ. *нямба* «лаковое дерево»;
 МОНГ. *шинэс(эн)*, бур. *шэнэһэ(н)* ~ П.-МОНГ. *sinesün* «лиственница»;
 МОНГ. *агч мод* ~ П.-МОНГ. *аүсі. modu(n)* «клен», *modu(n)* «дерево» (Там же. С. 192);
 МОНГ. *заг*, бур. *сагсуул* ~ П.-МОНГ. *ау* «саксаул»;
 МОНГ. *сухай* «тамариск (гребенщик)» (Там же. С. 206).

Для словообразовательного анализа нами были выделены следующие аффиксы.

1. Суффиксы *-sun*; *-сан*, *-сэн*, *-хан*, *-эн*, *-sn* самые распространенные в названиях деревьев, имеет высокую продуктивность, они могут присоединяться непосредственно к основе слова или входить в состав сложных суффиксов. Присоединяясь к основе или к другим словоформам, он придает слову уменьшительное значение: *шубуун* «птица», *шубуухан* «пташка, птичка, птаха».

Т.А. Бертагаев, приводя производные, образованные посредством этого суффикса, пишет: «Есть и такие существительные, которые пока не поддаются никакой этимологизации; среди них названия деревьев: монг. *нарс*, бур. *нараһан* «сосна», монг. *уляас*, бур. *уляаһан* «тополь», «осина», бур. *хус*, *хуһан* «береза», монг. *шинэс*, бур. *шинэһэн*; зап.-бур. *гасуурхан*, бур. *гасуур*, монг. *гачуур* «ель»; названия растений: бур. диал. *ошорһон* «болотное растение из рода камышей», монг. *алирс*, бур. *алирһан* «брусника», зап.-бур. «молодая зелень, выступающая после косьбы»; монг. *хэрс* «сведа рожнокосная», зап.-бур. *хэрэһэн* «полынь желтая» [29. С. 171].

Этот список можно продолжить:

монг. *нуурсэн* «ольха»; монг. *царсан*, бур. *сарса* «дуб»;

монг. *майлс* ~ п.-монг. *meilasun* «кипарис»;

монг. *хайлаас(ан)*, бур. *хайлааһа(н)* «вяз, ильм» и т.д.

Приведенные примеры показывают, что неустойчивость ауслаутных *-н* и *-ан* создает вариативность этого суффикса: *арса*, *арцан* (*с* ~ *ц*?) «можжевелик».

Тот факт, что названия деревьев с суффиксами *-с*, *-са*, *-сан*, *-һан* не поддаются никакой этимологизации, на что указывает Т.А. Бертагаев, говорит о том, что корни в них относятся к связанным и являются древними и выявление их на примерах одного языка иногда сопряжено с определенными трудностями.

В составе сложных суффиксов суффикс *-с* встречается в следующих фитонимах:

монг. *нургэс* (*нур-гэ-с*) «ольха»;

монг. *бургаас* (*бур-га-с*), бур. *бургааһан* (*бур-гаа-һан*),

монг. *бургаас(ан)* (*бур-таа-сан*) «ива, ива деревцевидная»; где суффиксы *-га*, *-гэ* образуют имена существительные от основ существительных (Там же. С. 190); ср.: *шахуур* «мялка», *шахуурга* «пресс».

2. Суффиксы *-а*, *-э*, *-ай*, *-ог'г*. бур. *хуша* «кедр», ср. монг. *хуш* «тж»; монг. *мушэ* «рябина»; монг. *тоорой* «тополь разнолистный», монг. *сухай*

«тамариск»; в монгольском языке *-a*, *-ai* встречаются в отглагольных и отыменных производных. По Г.И. Рамstedту, среди монгольских слов, имеющих в исходе *-a*, встречаются явно вторичные образования, т.е. такие, где *-a* либо является суффиксом, либо некогда им являлся [236. С. 182–183];

3. Суффикс *-гай*: монг. *харгай* «сибирская лиственница»; *чаргай* «кизил», *яргаи* «кизильник черноплодный».

Возможно, суффикс *-ai* первоначально являлся лишь вариантом более часто встречающегося суффикса *-gai ~ -kai* (Там же. С. 183]. Образования на *-тай* имеют, как правило, уменьшительное значение. Таким значением обладают лишь отыменные производные, ибо значение глагольного корня, т.е. действие, не может быть подвержено уменьшительности;

4. Суффикс *-лэг*: *сэрлэг* «багульник». С помощью этого суффикса от основ имен существительных образуются имена с предметно-отвлеченным значением: *томорлог* «металл» от *томор* «железо»; *чихэрлэг* «сахароза» от *чихэр* «сахар» [29. С. 181–182]. Но в слове *сэрлэг* аффикс *-лэг*, скорее всего, близок к тюрк. *-лык*, когда последний выступает в значении собирательной множественности;

5. Суффикс *-ж*: *урж ~ журж* «апельсин», *терелж* «багульник». Возможно, что суффикс *-ж* является усеченной разновидностью суффиксов *-жин*, *-жан*, *-жэн*, *-жин* ~ *-жи*, *-жэ*: бур. *тэрэлжэ* «кустарник, рододендрон» (Там же. С. 219);

6. Суффикс *-ан*: *далан хальс* «жимолость». Суффикс *-ан* имеет уменьшительное значение и активно участвует в образовании наименований животных и растений. Родствен с тюрк. *-ан (-gan)*: халх. *qulqan*, алт. *qulyan* «волоски колоса»; чув. *шйлан* / < *sulyan* «шиповник», «колючее растение» [236. С. 196].

Среди монгольских фитонимов (названий деревьев) можно найти производные, образованные с помощью следующих суффиксов:

- а) *-уу*: *хушуу* (нохойн хушуу) «шиповник»; *далдуу* «липа» (дал-д-уу?)
- б) *-уур*: *гачуур*, *гасуур* ~ *гацуур* «ель»;

- в) -оо: *жодоо* ~ *ёдоо* «пихта сибирская»;
- г) -гар: *сургар* «багульник»; *улиангар* ~ бур. *улиянгир* «тополь, осина»; *гандигар* «бузина»;
- д) -мэн: *хэдмэн* ~ п.-монг. *kedmen* «груша»;
- е) -ба: *замба* «магнолия», *нямба* «лаковое дерево»;
- ж) -бэг: *нимбэг* [< санскр.?] «лимон» и т.д.
- з) -тан /-дан: *зандан* «сандал»; *хултан* «бамбук», где -тан ~ -сан: *хулсан*.

Некоторые суффиксы носят явно составной характер:

- и) -л + -сэн: *буйлс (эн)* «миндаль»; ср. *буйлээс*, *буйлсний мод* «миндальное дерево»;
- к) -л + -с (-аас): *майлс* «кипарис»; ср.: п.-монг. *mailattsun* «тж»; *майлаас* ~ п.-монг. *mailayasu(n)* «туя»; *моилсу (н)* ~ п.-монг. *moilsu(n)* ~ *moisu(n)* «черемуха»; *хайлаас (ан)* ~ п.-монг. *hajilsun* «ильм, вяз»;
- л) -гэдэ (-гэ + -дэ?) + -эн: *нуургэдээн* «ольха», ср. монг. *нуурсэн* «тж»;
- м) -гэнэ (-гэ -ь -нэ?): *уургэнэ* «терн»;
- н) -ол + -з + -гоон + -о: *бооролзгооно* «малина» и т.д.
- о) -ол + -жин: *боролжин* «береза кустарниковая» [112. С. 49];
- п) -оо: *ушооһэ(н)* «верба», где -оо- имеет уменьшительно-ласкательное значение [87. С. 25].

Словообразующий суффикс множественного числа -с известен только в монгольском языке: *майл-с* «кипарис». По значению -эн равен показателю множественного числа -д (-т): монг. *нохос*, бур. *ноход* «собаки». Суффиксы -с, -аас (*майл-аас* «туя»), видимо, являются лишь разновидностями суффикса -сан (-һан); ср.: монг. *уляас* ~ бур. *уляаһан* «тополь»; монг. *хус* ~ бур. *хуһан* «береза» и т.д. [29. С. 164–173].

7. Суффикс -л образует имена со значением собирательности; в фитонимах он встречается лишь в составе сложных суффиксов: *май-л-с* «кипарис», *бор-ол-жин* «береза карликовая», *май-л* «черемуха», *буй-л-ээс*

«миндальное дерево», монг. *тере-л-ж* «багульник».

Структурный состав монгольских слов со значением «дерево» представлен в таблице 5.

Таблица 5.

Структурный состав монгольских слов со значением «дерево» (видовое наименование)

«р»-группа		«л»-группа		«й»-группа	
I. <i>ар, ер (эр), ор, үр, ур</i>		II. <i>ал, ул, эл, ол</i>		III. <i>ай, ой, ий, үй</i>	
<i>ар + -са</i>		<i>аль + -ма</i>		<i>май + -лс</i>	
<i>ар + -ц</i>		<i>ал + -ирсан</i>		<i>май + -лаас</i>	
<i>хар + -гай</i>		<i>ал + -ирһан</i>		<i>мой + -л</i>	
<i>хар + -гааһан</i>		<i>дал</i>		<i>мой + -һон</i>	
<i>цар + -сан</i>		<i>дал + -ан (хальс)</i>		<i>чий</i>	
<i>чар + -гай</i>		<i>дал + -дуу</i>		<i>лий + -р</i>	
<i>йар + -гай (яргай)</i>		<i>дол + -оогоно</i>		<i>бүй + -лээс</i>	
<i>тер + -елж</i>		<i>мэл + -рэг</i>		<i>бүй + -лсэн «лес»</i>	
<i>тэр + -элже</i>		<i>ул + -иасан</i>		<i>бүй + -лсэн «дерево»</i>	
<i>сэр + -лэг</i>		<i>ул + -иаһан</i>		<i>гүй + -лс (эн)</i>	
<i>йг + -ил</i>		<i>ул + -иангар</i>		<i>хай + -лаасан</i>	
<i>үүр + -гэнэ</i>		<i>ул + -илнгир</i>		<i>хай + -лааһа(н)</i>	
<i>зүр + -ж</i>		<i>хул + -сан</i>			
<i>нүр + -гэс</i>		<i>хул + -тан</i>			
<i>нүүр + -сэн</i>		<i>qul + -usun</i>			
<i>нүүр + -гэдэһэн</i>		<i>үл + ир «яблоня дикая»</i>			
<i>бур + -гаас</i>					
<i>бур + -гааһан</i>					
<i>бор + -олжин</i>					
<i>бор + -олжо</i>					
<i>тоор + -ой</i>					
<i>боор + -олзогоонь</i>					
«г, г, х, в»-группа		«с, ч, ш»-группа		«т, д»-группа	«м, н»-группа

IV. <i>аҕ, аҕ, ух, ов</i>	V. <i>ас, ач, уш, үш</i>	VI. <i>од, ут, эд</i>	VII. <i>ам, ан, он, им</i>
<i>аг + -ч</i>	<i>хас + -уури</i>	<i>уд</i>	<i>ан + -ар</i>
<i>ау + -či</i>	<i>гас + -уургана</i>	<i>уд + -а</i>	<i>[<скр?]</i>
<i>заг</i>	<i>гач + -уур</i>	<i>гад + -ырын</i>	<i>ан + -ис</i>
<i>саг + -суул</i>	<i>гац + -уур</i>	<i>ход + -оо</i>	<i>ган + -дигар</i>
<i>сux + -ай</i>	<i>тэс</i>	<i>мэд + -мен</i>	<i>ган + -дигарь</i>
<i>мовь «магнолия»</i>	<i>тац</i>	<i>мод + -(он)</i>	<i>зам + -ба</i>
<i>хов + -айса</i>	<i>бэш + -э</i>		<i>зан + -дан</i>
	<i>муш + -э «рябина»</i>		<i>им + -дий</i>
	<i>мүш + -ооэ(н)</i>		<i>ним + -бэг</i>
	<i>хүш</i>		<i>ням + -ба</i>
	<i>хуш + -а</i>		<i>шин + -эс</i>
	<i>хуш + -уу</i>		<i>дом</i>
	<i>хус + -ан</i>		<i>мон + -ос</i>
	<i>хуһ + -ан</i>		
	<i>шас + -аргана</i>		
	<i>чац + -аргана</i>		
	<i>тош + -лог</i>		
	<i>бош + -тл</i>		

2.3. Структура слов со значением «лес» в тунгусо-маньчжурских языках

Для анализа нами составлен перечень слов со значением «лес» [33. С. 52–57; 280. Т. 1, 2; 328. С. 76; 350] из различных языков тунгусо-маньчжурской группы, в основном из ТМС I, II:

арги «лес, тайга», см. *аги* «тж»; *аүй* «тайга» [280. Т. 1. С. 13];

гари «березняк»;

һаргй «лес»: эвенк. *һарги* ~ *һāрги* ~ *арги* «лес» (мелкий), «тайга» «земля»;

бор «горка, покрытая стлаником»;
борй «возвышенность, покрытая горелым лесом»;
урэ ~ урэ «горная тайга, лес»; *уро* «тж»;
хурэ ~ хурэ(н) «тайга, лес»;
һур «лес» ~ *һурэ* «лес, тайга горная»;
һурникэ «лес» (ср. *һурникэн* «ель»);
 нан. *пурэ* «лес», «горная тайга», ульч., орок. *пурэ (н)* «тж»;
бургак «заросли тополя», сол. *буггā ~ бургā* «тальник»; орок. *буда*
 [*буан < *бурган] «заросли ивы»; нан. *бојга мони* «тальник»;
 эвенк. *бурган* 1) «заливной берег, покрытый густым лесом»; 2) «остров
 или полуостров, покрытый густым лесом»; 3) «прибрежная роща, ельник»;
гириа «лес»: нан. *гириа* «лес, тайга, перелесок» (место, богатое
 преимущественно лиственными деревьями);
ширувугди «бор»: эвенк. *ширувугди* «бор» (сосновый);
чурги «гарь»: эвенк. *чурги* «горелый лес»;
 эвенк. *ниргал* «горелый лес»;
аликта «тальник»: эвенк. *аликта* 1) тальник (на гольцах), 2) поросль
 (на гари);
 эвенк. *халан* «два дерева, растущие из одного корня»;
 эвенк. *талгиү* «чаща с валежником»;
болгикта «кедровый стланик»: эвенк. *болгиг* «кедрач, заросли
 кедрового стланика»;
 ороч. *болокой* «заросли пирей»; ср. *болоко* «таволга, ива»; ороч.
болоккой «таволжник»;
 эвенк. *чалбўк* «березовая роща» ср. *чалбан* «береза»;
чалбўу ~ чалбўк «березняк»;
булук «лесной островок»: эвенк. *булук* [< якут.] «лесной островок»
 (на безлесной площади), ср. якут. *бөлкөй* «островок, рощица»;
 ср. нивх. *бал, вал*
пал «лес» ср. чув. диал. *вал* «дремучий лес»;

фал «дремучий лес» (*б / п ~ в / ф*);
чилдүқа «заросли»: эвенк. *чилдука ~ чилдука* «заросли, дебри»;
чилдукāγ ~ чилдукāв «чаща», «местность, покрытая зарослями»;
 эвенк. *ај ~ ајй* «лес на равнине», «тайга»;
 нан. *боја мони* «тальник»;
 нег. *хујн* «лес, тайга»;
 нег. *хой* «тундра»;
 эвен. *буј ~ буг ~ буэ* «лес, тайга, тундра» (дикое, глухое, нежилое место); «поле, лес, пустыня»;
бууъндъ: эвен. *бууинрэ* «гора, покрытая лесом»;
хујумкэ «кустарник»; нан. *пујукэнуэ* «кустарник мелкий»;
сагдул «лес», сол. *сагдул ~ цагдул* «лес»;
пегаі «березняк», ульч. *пёγ пја* «береза»;
 орок. *пёуаγ ~ пегај* «березняк»;
сиγй «чаща»: эвенк. *һиγй* «чаща», «лес (густой)»;
 нег. *сиву ~ сиγуй ~ сиγуу* «чаща, заросли, кустарник»;
 ср. монг. *шугуй* «роща, бор»; п.-монг. *siγui* «тж»;
 бур. *шугы* «роща, бор, чаща»; эвенк. *сиγй* < **sigui*;
 монг. *сигуй* «чаща»; ср. англ. *thick ~ thicket* «чаща, заросли»; эвенк. *эвлн* «редкий лес»;
аууи «тайга»; ср. п.-монг. *аγlay* ~ монг. *аглаг* «девственный» (о лесе);
угсиктэ «чаща»; эвенк. *угсыктэ -уһсиктэ* «тж»;
ухта «роща»: эвенк. *ухта* «роща, бор»;
 орооч. *сōкто* «лес»;
 нан. *бихā* «тайга»; ср.: *биган ~ бихан* «поле, степь»;
аихи ~ аγри «густой лес», «чаща»;
моса, мōсаг «лесок», «группа деревьев»; ср. *мхаг*;
моша «лес, лесок»;
веж «кустарник»: маньч. *вэж* «дремучие леса (простирающиеся на большие пространства)», *вэж* «лесное пространство»;

буан «густая роща, лес» (в долине);
 буан [< *бурган] «тальник»;
 эвенк. дё «лес, тайга»; эвенк. те «тайга» [< якут. тыа «лес, тайга»];
 ороч. дихи «лес»;
 диуат «ельник»: эвенк. диуат «ельник», диуатали «ровная местность, покрытая еловым лесом»; ср.:
 нег. дёуакта «ель» (один из видов);
 эвенк. демнэ «тайга, лес»;
 эвенк. дѳнрэ (~ дѳнрэ – дѳннэ) «тайга, лес» («суша, материк»; «побережье, берег»); нан. дуэнтэ «тайга, лес»; нег. дѳн «тайга»;
 эвенк. адаран «гряда, поросшая лесом»; ср. ада «плот», «лодка»; нег. аданчуја «багульник» (горный).

Структурный состав тунгусо-манчжурских слов со значением «лес» представлен в таблице 6.

Таблица 6.
 Структурный состав
 тунгусо-маньчжурских слов со значением «лес»

«р»-группа	«л»-группа	«ү, х, в, к, й»-группа
I. ар, ур, ир, ор	II. ал, ол, л, ул, ил	III. аү, ух, ив, ѳк, их, ој, уј, ар, уү, аү
ар + -ги	хал + -икта	хѳй «тундра»
гар + -и	хал + -ан	бој + -га
пар + -rī	тал + -гиү	буј
бор	бол + -оккон	буг
бор + -ī	чал + -бѳк	буг
ур + -э	бул + -ук	буү + -ѳндѳ
хур + -э(н)	чиул + -дука	хуј + -эн
һур	чил + -дукаү	хуј + -умкэ
пур + -нике(н)	чил + -дукав	пуј + -укэнѳуэ
пур + -э	ср. нивхск.	саг + -дул
чур + -и	бал «лес»	сиү + -ī

р»-группа	«л»-группа	«γ, х, в, к, й»-группа
I. <i>ар, ур, ир, ор</i>	II. <i>ал, ол, л, ул, ил</i>	III. <i>аγ, ух, ив, ък, их, ој, уј, аг, уγ, аγ</i>
<i>бур + -ган</i> <i>бур + -гак</i> <i>пур + -γа</i> <i>нир + -гал</i> <i>шир + -увугди</i>	<i>вал «лес»</i> <i>пал «лес»</i> <i>фал «лес»</i>	<i>сив + -γ̆</i> <i>аγ + -ī</i> <i>уг + -сиктэ</i> <i>ух + -та</i> <i>сѡк + -то</i> <i>бих + -ā</i> <i>биг + -ан</i> <i>бих + -ан</i> <i>дих + -и ~ дих + -ат</i>
«с, ш, h, ž»-группа	«д»-группа	«м, н»-группа
IV. <i>ис, ос, ош, аž, еž, уž</i>	V. <i>ад</i>	VI. <i>ом, ун, ̆н</i>
<i>мос + -а</i> <i>мѡс + -аг или мѡ + -са +</i> <i>мѡ + -са + -г</i> <i>мох + -аг</i> <i>мош + -а</i> <i>веž + -и³</i> <i>вуž + -ан ~ вуγан</i> <i>эвен. ис + -ьγ «лес»</i> <i>ульч. сиh + -ьγ «тайга»</i> <i>ис + -иктэ «лиственник»</i>	<i>ад + -аран</i> <i>ад + -анчуја</i>	<i>дом + -нэ</i> <i>дун + -рэ</i> <i>дон + -нэ</i> <i>д̆н</i> <i>д̆</i> <i>т̆</i>

Структурный состав тунгусо-маньчжурских слов со значением «дерево» представлен в таблице 7.

Таблица 7.
Структурный состав тунгусо-маньчжурских слов
со значением «дерево» (видовое наименование) [280. Т. 1, 2.]

³ Знак ž везде соответствует знаку ʒ

«р»-группа	«л»-группа	«й»-группа	«в, г, к»-группа
I. <i>ар, ор, ур, ир, эр</i>	II. <i>ал, ол, ул, ил, эл</i>	III. 1) <i>ой, уй, ий</i>	IV. 2) <i>ув, ук, эк, ог, ёк, ёк, аг, ик, ев</i>
<i>јар + -гѳ + -кта</i> <i>кар + -ыја</i> <i>мар</i> <i>хар + -ас</i>	<i>ал + -уј</i> <i>жал + -икта</i> <i>жал + -акта</i> <i>кал + -кари</i>	<i>май + -а̄н</i> <i>мај + -лулон</i> <i>кај + -ѳлкі</i> <i>кај + -лари орко</i>	<i>так + -тикан</i> <i>жаг + -да</i> <i>жау + -да</i> <i>нак + -тэ</i>
«р»-группа	«л»-группа	«й»-группа	«в, г, к»-группа
I. <i>ар, ор, ур, ир, эр</i>	II. <i>ал, ол, ул, ил, эл</i>	III. 1) <i>ой, уй, ий</i>	IV. 2) <i>ув, ук, эк, ог, ёк, ёк, аг, ик, ев</i>
<i>ар + -ги</i> <i>нэр + -мы</i> <i>шар + -тан</i> <i>бор + -у</i> <i>гор + -о</i> <i>ор + -а̄нла</i> <i>нор + -онкола</i> <i>сор + -о</i> <i>сор + -ва</i> <i>ѳр + -бат</i> <i>дур + -усга</i> <i>тур + -икта</i> <i>тур + -умкура</i> <i>чур + -ин</i> <i>коэр + -э</i> <i>нир + -а̄ви</i> <i>ир + -эктэ</i> <i>ир + -эндо</i> <i>сир + -икта</i>	<i>сал + -а(моо)</i> <i>чал + -бан</i> <i>бол + -гимда</i> <i>бол + -гикта</i> <i>бол + -око</i> <i>бол + -онкэ</i> <i>пол</i> <i>хол + -тин</i> <i>кол + -дон</i> <i>кол + -обокто</i> <i>мѳл + -дькуч</i> <i>жал + -омпо</i> <i>мол + -икта</i> <i>мол + -о (моо)</i> <i>амол + -оха</i> <i>ѳил + -тан</i> <i>эл + -ги</i> <i>кил + -дэн</i> <i>мил + -иктэ</i>	<i>кај + -лахун</i> <i>сај + -хува</i> <i>сај + -тан</i> <i>фој + -тан</i> <i>фуйѳро</i> <i>эј + -ктэ</i> <i>си ј + -эгдэ</i> <i>хуј + -умкэ</i>	<i>сак + -син</i> <i>нук + -тэ</i> <i>мог + -дохоли</i> <i>нэу + -нэмкър</i> <i>мик + -тэ</i> <i>сув + -укинчи</i> <i>сук + -ту</i> <i>нив + -эк</i> <i>дѳв + -эктэ</i> <i>ук + -эчиктэ</i> <i>ух + -оѳимка</i> <i>сѳв + -акса</i> <i>æв + -ъс</i> <i>hæв + -ас</i> <i>hѳв + -ас</i> <i>năв + -ош</i> <i>сек + -та</i> <i>hek + -та</i> <i>шек + -тан</i>

	<i>ми + -ктэ</i> <i>бул + -э</i> <i>бул + -тиина</i> <i>пул + -а</i> <i>дул + -гикта</i> <i>дул + -ку</i> <i>пул + -и</i> <i>фул + -ха</i> <i>фул + -акāн</i> <i>шул + -хэ</i>		<i>сик + -сэм курэ</i>
<i>V. ас, ач, уч, ус, ис, эс, æз, уз, ос, ош</i>	<i>VI. ад, ат, эт, от, од</i>	<i>VII. ан, ун, ин, эн, ом, эм, ом</i>	
<i>ас + -икта</i> <i>ач + -акта</i> <i>кос + -оли</i> <i>коч + -икта</i> <i>бус + -у</i>	<i>ад + -аран</i> <i>һат + -акта</i> <i>пот + -окто</i> <i>хот + -ола</i> <i>тэт + -ин</i>	<i>ам + -урган, шэн + -кирэ</i> <i>ам + -олаха, тун + -дэ</i> <i>ам + -игда, хун + -та</i> <i>кам + -палта, нун + -гила</i> <i>мам + -уга, ин + -га (моо)</i>	
<i>ас, ач, уч, ус, ис, эс, æз, уз, ос, ош</i>	<i>ад, ат, эт, от, од</i>	<i>ан, ун, ин, эн, ом, эм, ом</i>	
<i>сус + -эгдэ</i> <i>ус + -икта</i> <i>чус + -э</i> <i>ис + -ьү</i> <i>ис + -мала</i> <i>жис + -иктэ</i> <i>жис + -иха</i> <i>сиž + -икта</i> <i>сис + -и</i> <i>нэс + -ултэ</i> <i>жæž + -ула</i> <i>суž + -эгдэ</i>	<i>мōд + -уги</i> <i>ōд + -угги (?)</i>	<i>бан + -аси, ин + -гу</i> <i>бан + -дохара, ин + -тори</i> <i>бан + -до, нинн + -ун</i> <i>ван + -та, чин + -эхун</i> <i>вэн + -чэ</i> <i>вэм + -бури</i> <i>жан + -га</i> <i>јан + -икта</i> <i>јан + -тури</i> <i>јан + -мэј</i> <i>лан + -илда</i> <i>кан + -лань</i>	

<i>пуч + -эктэ</i>		<i>ком + -кора</i>
<i>хош + -ан</i>		<i>кэн + -дэлэ</i>
		<i>ман + -уга</i>
		<i>ман + -га</i>
		<i>ом + -акта</i>
		<i>пэн + -кирэ</i>
		<i>хэн + -дэн</i>
		<i>хон + -октон</i>
		<i>хен + -акта</i>
		<i>сэн + -кирэ</i>
		<i>чэн + -кирэ</i>

Для выделения десемантизированного корня мы прибегли к членению слов на морфемы, опираясь на известную в алтаистике гипотезу, согласно которой и корневые, и суффиксальные морфемы в языках алтайской семьи нередко в синхронном плане, но особенно в плане диахроническом обычно выступают как моносиллабические типа Г: ГС, СГ и СГС.

Иногда и аффиксальные (суффиксальные) морфемы оказываются «омертвевшими». «Взятые порознь, – как справедливо отмечает О.П. Суник, – эти морфемы в современных языках не имеют строго определенных лексических (корневых) и ясных грамматических (суффиксальных) значений. Только в единстве они являются, как это часто признается, нормой для агглютинативных языков, корнем, равным производной основе...» [291. С. 14].

В тюркских и монгольских языках для выражения собирательной множественности, а также уменьшительности выступают одиночные гласные, примыкающие прямо к корню, «омертвление» которых привело к появлению типа двусложных основ (СГСГ).

В тунгусо-маньчжурских языках в лексемах со значением «лес», а также в видовых названиях деревьев выступают следующие показатели

собирабельной множественности и уменьшительности:

1) *-а, -о, -и, -э*: *гар-и* «березняк», *ур-э* ~ *ур-э* ~ *ур-о* «горная тайга, лес»; *сив -у* ~ *сиу -й* ~ *сиу -й̆* «чаща», *аўй* «тайга», *бих -а* «тайга», *буэ* «лес, тайга, тундра»; *ану* «тальник»; *бор̆ў* «назв. растения», *горо* «акация», *фодо* «верба»; *сиси* «ива» и т.д.;

2) *-га (-ка, -кэ)*; *-ха~*, *хэ*; *ги (-ги, -г, -га, -гы)*, выделяемые О.П. Суником в качестве омертвевших суффиксов собирабельной множественности: *ар-ги* «лес, тайга»; *һарги* «лес ~ *арги* «тж», *бургак (-га + н- ~ -к?)* «заросли тополя», *бурган (-га ~ -н?)* «прибрежная роша, ельник», *н'арги* «ива», *модуги* «барбарис»; *нунгила (ги + -ла)* «липа», *нун-гэ-лэ* «тж»; *шугы* «роща», *элги* «ясень», *биха* «тайга»; *шулхэ* «груша», *һурникэ* «лес»; сюда же относится, видимо, и суффикс - *ү* в слове *ис̆ү* «лес, тайга» [280. Т. 1. С. 331], ср. *иһ̆в ~ иһ̆ү* «тж»; *типк̆* «чаща»;

3) *-кта ~ -ктэ ~ -кто* с общим значением собирабельной совокупности однородных предметов, а также уменьшительности. Здесь этимологически можно вычлени́ть компоненты **-к*, **-х + *-та ~ *-тэ ~ *-то* (Там же. С. 21); *угсиктэ ~ уһсиктэ* «чаща» (*уг- си- ктэ*), *болгикта* «кедровый стланик», *колобокто* «ель», *моликта ~ милэктэ ~ миктэ* «рябина», *кујукта* «кедр», *дйвэктэ* «береза»; *алакта* «ива», *аликта* «тальник»; фонетической разновидностью суффикса *-ктэ (-кта, -кто)* является суфф. *-гда (-гдэ, -гдо)*: *сујигдэ* (назв. кустарника); *суэгдэ* «тополь, ива» и т.д., в слове *а-гда-г* наблюдается нагнетание двух суффиксов собирабельности: *-гда + -г*;

4) *-та, -тэ, -то* в том же значении, что и *-кта, -ктэ, -кто*: *ухта* «роща», *сокто* «лес»; ср. *сукту* «кедр»;

5) формант собирабельности *-к* входит также в состав сложных суффиксов: *-кса, -кса, -ска, -с < *-к + -са* [291. С. 49]: *сёвакса* «дерево»: эвенк. *сёвакса ~ севаһа ~ невакса* «дерево» (трухлявое, старое, гнилое); ср. эвен. *һавус ~ æв̆с, савса, һебос, һёвас* «дерево» (трухлявое, гнилое, старое), «труха» (древесная) [253. С. 69];

6) *-са, -сэ*: эвенк. *мō-са* «лес» [291. С. 27];

7) суффиксы собирательности *-са*, *-сэ* усложняются также и другими формантами собирательной множественности: *мō-са-л* «лес», «деревья» (Там же); *мō-са-г* (*мохаг*) «лесок», «группа деревьев»;

8) *-л* как показатель множественности может выступать самостоятельно: *мō-л* «деревья», «лес» (ср. *мō-са л*);

9) суффикс *-г* часто выступает в составе сложных суффиксов: ср. *чур-ги* «гарь», *бурган* «прибрежная роща», *бургак* «заросли тополя», *буг-га*, *бур-га* «тальник».

По мнению Г.И. Рамстедта, на очень раннем этапе путем присоединения к *-га* окончания *-на* возник новый составной суффикс *-гана* (ср. тюрк. *-ган*), весьма употребительный в названиях животных и растений [236. С. 189, 195].

В эвенкийском языке суффикс *-г/и* ~ *-т/и* и сейчас имеет особое собирательное значение соединения, сосредоточенности или обилия предметов в каком-либо месте, в том числе и предметов, уже обозначенных (суффиксально) как собирательные [291. С. 52]: *мōсаг* «роща», где *мō* «дерево», *мōсо* «лес, деревья»; *болгикта-г* «кедровый стланик» (орешник); *бургар* «топольник». В двух последних примерах наблюдается нагнетание суффиксов собирательной множественности: *бол- + -ги- + -кта- + -г*, *бур ~ -га- + -г*;

10) *-рэ*: эвенк. *дўнрэ* ~ *дōнрэ* «тайга, лес».

В.И. Цинциус считает *-ра* ~ *-рэ*, *-да* ~ *-дэ*, *-на* ~ *-нэ*, *-ла* ~ *-лэ* восходящими к пратунгусским **-са* ~ **-сэ* ~ *-со* [328. С. 76; 291. С. 37]. Вариант *-нэ* встречается в слове *домнэ* «тайга, лес» [211. С. 164];

11) *-и* ~ *-ү* – непродуктивный суффикс с собирательным значением: *ве-үи* «кустарник», *веүи* «дремучие леса» (простирающиеся на большие пространства); *веүи буан пари* «густая роща», «лес (в долине)» [280. Т. 1. С. 131], ср. *буан* [**бурган*] «тальник». Этот непродуктивный суффикс выступает также как часть составных формантов собирательности или уменьши-тельности: *æ-у-ла* «клен (белый)», *лу-ү-ка* «чаща», *ми-йла* «название

дерева»; *бул-та-ү* «барбарис», *пуј-у-кэн-э* «кустарник мелкий»;

12) суффиксы *-һан*, *-сун*, *-син*, *-вун (?)*, встречающиеся в названиях деревьев, соответствуют, видимо, монгольским суффиксам *-һан*, *-сун*: *мајласун* «кипарис», *саксин* «можжевельник» [280. Т. 2. С. 57]; *кајлаһун* «вяз, ясень, тополь», *лакамавун* «вяз», *улусун* «маслина, масличное дерево». Монгольский собирательный суффикс *-сун* (бур. *-һан*) обнаруживается во множестве слов с предметным значением. По Г.И. Рамstedту, этот суффикс служит для подчеркивания конкретности значения слова [236. С. 199];

13) *-тан*, *-тэн*, *-тан*, *-дэн*, *-тин*. Видимо, эти суффиксы являются разновидностями суффикса *-та / -тэ* с собирательным и предметным значением, не исключено, что он составной: *-тан*, *-тэн* **та* + *-*н*, *-*тэ* + *-*н*: ср. эвенк. *сёкта* ~ *шектан* «ива», *хајтан* ~ *хэйтан* «японская айва», *хакдэн* (*моо*) «ракита», *килдэн* «липа», *угдэн* «ольха»; *нимадан* «название дерева» [280. Т. 1. С. 593]; *сйлтан* ~ *шартан* «дерево (сухостой)» (Там же. Т. 2. С. 85); *хоноктон* ~ *хёнакта*: «лиственница» (Там же. С. 319–320); *холтін* «сосна» (Там же. С. 362);

14) *-лан*, *-лон* ↔ : *-лэ*, *-ла*: *нималан* «тутовое дерево» (Там же. Т. 1. С. 593), *хоболон* «бузина» (Там же. С. 467); *кэндэлэ* «назв. дерева» (пихта?) (Там же. С. 449); *хотелъ* «акация», *эвлэи* «редкий лес» (Там же. С. 9);

15) *-ан*, *-ан*, *-эн*, *-э*: *мајан* «тополь» (Там же. С. 521); эвенк. *халан* «два дерева, растущие из одного корня»; *хујэн* «лес, тайга» (Там же. Т. 2. С. 351);

16) *-кән*, *-кэн*, *-ган*, *-тэн*: *бурган* «берег, покрытый густым лесом» (Там же. Т. 1. С. 3); *тәктикән* «кедр» (Там же. Т. 2. С. 154), *тулакән* «ольха»; *амурган* «кустообразное деревце» (Там же. Т. 1. С. 40); *онган* «сосна» (Там же. Т. 2. С. 20); *һурпикэн* «ель» (Там же. С. 351);

17) *-мкура* (*-мкурэ*) – посредством этого аффикса (суффикса) оформляются существительные, служащие для обозначения названий кустов, цветов, реже – названий деревьев: *о́ктамкура́* «черная полярная береза»;

сиксен(м) курэ «ива».

2.4. Фономорфемная характеристика

ботанической лексики неалтайских языков

2.4.1. Морфемная структура слов со значением «лес» в уральских языках

Для морфемного анализа нами выделены следующие лексемы:

удм. *арама* «роща» (лиственная);

вор ~ манс. *vor*, конд. *vuor*, (*war*, *wor* «лес») [46. С. 40–41];

yory > *vōr* «лес»;

virī > *vir* «лес» [262. С. 105];

vor «возвышенность, поросшая лесом» *вӱр*, *вор*, *вэр*, *вирв* «лес» [189. С. 157];

хант. *моры* «рощица» [233. С. 57];

венг. *haraszt* «лес (вообще)» – рус. *хворост*;

карел. *шалло* «большой глухой лес» [46. С. 104];

ср. *шалга* [318. Т. 4. С. 398];

карел. *орго* «глухой лес» [46. С. 34]; ср. мар.Л. *шӱргӧ* «лес»;

хант. диал. *wal*, *wäl* «ивовый кустарник» [303. С. 508-511];

korpi ~ эст. *kõrv* ~ *корб* «большой лес» [174. С. 73]; манс. -лозъв. *хомр* «крупный высокий лес (любой)», «хвойный лес» [46. С. 41];

удм. *сик* «лес»; **zik* обозначало группу однородных предметов, откуда удм. «лес», коми «ягодный куст», «деревня» [157. С. 155];

эст. *mets* «лес»; фин. *metsa* «лес» [202. С. 263];

удм. *ер*, морд. *vir* «лес»; ср. тунг.-маньчж. *ure* «гора, тайга» [252. С. 544];

венг. *erdő* «лес, роща»;

коми *сорд* «разновидность леса» (роща?);

сорма «роща», *сорнича* «бор» [157. С. 261];

коми-зыр. *выр* «лес» / ~ фин. *vuori* «гора»;

ст.-венг. *moragy* «лес»;

морд. *вир* «лес»; мар. *чодра* «лес»;

куш «лес» (ср. коми *кушник* «изба») [202. С. 223];

коми *мандач* «болотный сосняк»;

коми *парма* «тайга» (Там же. С. 327);

зап.-фин. *salo* «лес» (глухой, безлюдный) (Там же. С. 389);

мар. *черда* «лес» (Там же. С. 465);

фин. *taival* «густая чаща» [317. Т. 4. С. 11];

манс. сев. *ванъу* «лесная возвышенность» ~ *вана* [46. С. 40];

урал. **maj(б)а* «лес» [106. С. 339; 112. С. 168];

урал. *m(a)re* «лес» [107. Т. 2. С. 45];

нен. *подара* «лес» ~ *питар* «тж»;

коми *вӧраин* «лесистое место».

Структурный состав слов со значением «лес» представлен в таблице 8.

Таблица 8.
Структурный состав слов
со значением «лес» в языках уральской группы

«р»-группа	«л»-группа	«й»-группа	«н»-группа
I. <i>ар, ор, ур, ер, ыр, ир</i>	II. <i>ал</i>	III. <i>ай, ой</i>	IV. <i>ан</i>
<i>ар</i> + -ама	<i>шал</i> + -о	<i>тай</i> + -вал	<i>ман</i> + -дач «сосняк»
<i>вар</i>	<i>шал</i> + -о	<i>тай</i> + -бале	(болотный)
<i>har</i> + -aszt	<i>sal</i> + -га	<i>тай</i> + -нале	<i>ван</i>
<i>нар</i> + -ма	<i>wal</i>	<i>тай</i> + -пола	<i>ван</i> + -ь «лесная
<i>мар</i> + -е	<i>wäl</i>	<i>сой</i> + -им	возвышенность»
<i>вирь</i>	<i>нал</i>	«ельник на сухом	<i>тай</i> «лес» + -вал
<i>ер</i>	<i>ал</i> + -ан	месте» диал.	(бал, бол, пола)
<i>выр</i>	<i>ал</i>	<i>сойим</i> «густой	«лес» сложные
<i>ор</i> + -го	<i>ал</i> + -ан	лес на болоте»	образования?
<i>вӧр</i> + -аин	<i>шал</i> + -о		
<i>ор</i> + -д	<i>шал</i> + -га		
<i>сор</i> + -нича	<i>sal</i> + -о		
<i>сор</i> + -ма	<i>wal</i>		
<i>кор</i> + -би	<i>wäl</i>		

<i>xōp</i> + - <i>n</i> <i>кор</i> + - <i>a</i> <i>сур</i> + - <i>ɔ</i> <i>чар</i> + - <i>да</i>			
«д, т»-группа	«к»-группа	«ш»-группа	
V. <i>ет, од, эд</i>	VI. <i>к</i>	VII. <i>куш?</i>	
<i>ет</i> + - <i>са</i>	<i>сик</i> «лес»	ср. <i>кушал</i> «лесная поляна»	

Мы рассмотрели следующие аффиксы, со значением значение собирательной множественности:

1) -*a* [262. С. 90]: *кор-а, арам-а; нэдар-а, тайпол-а, чодр-а, черд-а*; по аналогии мы склонны считать показателями собирательной множественности также гласные -*и, -ы, -е, -о, -ö*, встречающиеся на самом исходе лексем со значением «лес»: *кор-и; мор-ы, *mare, шало, salo* и т.д;

2) -*da, -dö, -de* – видимо, генетически родственны с суффиксом множественного числа -*t* [265. С. 16]; венг. *erdö, черда*; возможно, сюда относится слово *манн-да-ч*; ср. также *сурд, сорд*; таким образом, можно допустить, что *d < *-t*;

3) суффикс -*m* с уменьшительным значением [265. С. 20], соединяясь с суффиксом -*a*, приобретает значение собирательной множественности: *пар-ма, ара-ма, сор-ма*;

4) если исходить из того, что в протоуральском языке существовало не менее десяти отдельных суффиксов (-*a, -č, -1(j), -к, -l, -m, -n, -r, -s, -t*), выражающих собирательную множественность [266. С. 159], то в словах *met-s-a, шал-г-а, сой-и-м* следует выделить, видимо, такие «мертвые» суффиксы собирательной множественности, как -*s, -r, -k, -г (*-к) -м*.

Б.А. Серебренников, показывая потенциальные пути развития значений суффиксов собирательной множественности уральских языков, приводит следующие примеры: суффикс -*c* представлен в обско-угорских языках;

в мансийском и хантыйском он представлен как *-s(i)*: *uläp-si* «кедровник» от *ulpi* «кедр»; *sumta-s* «березняк» от *sumat* «береза»; ср. венг. *bükkö* «буковый лес», от *bűk* «бук»;

5) *-i (-u)*. Этот суффикс встречается в составе некоторых сложных суффиксов собирательной множественности, например *-si* (из *-s* + *-i*): *nor-si* «ивняк»; кроме того, суффикс *-i* выступает перед суффиксом *-kko (-kkö)* в финских собирательных названиях: *koivi-kko* «березняк», от *koivi* «береза». Видимо, суффикс *-kko* вторично примкнул к собирательным именам с суффиксом *-i*: *koivi* «березняк», *haari* «осинник» при *haara* «осина», *Ierpi* «ольховник» от *orpi* «ольха» (Там же. С. 160); возможно, суффикс *-u* входит в состав сложного суффикса *-ин*: *вöраин* «лесистое место»;

6) *-l*. В марийском языке встречается в составе суффикса *-ла*: вост.-мар. *кож-ла* «лес» (первоначально «ельник») от *кож* «ель»;

7) *-n*. Как показатель собирательной множественности в современных языках не обнаружен, присутствует только в слове *вöраин* «лесистое место» (т.е. место, изобилующее деревьями, лесами);

8) *-p*. Значение собирательной множественности суффикса *-p* представлено в марийском языке: *кож-ер* «ельник» от *кож* «ель», *ку-эр* «березняк» от *куэ* «береза». В уральских языках такой суффикс встречается редко, ср. нен. *пэда-ра* < **-pidar* + *-*a?* («лес» первоначально «сосняк» – ср. фин. *petäjä* «сосна»). Интересно отметить, что в уральских языках значение «ельник» передается посредством различных суффиксов при материальном тождестве основы *кож* «ель»: коми-перм. *коз-ја* «ельник», вост.-мар. *кож-ла* «лес» (первоначально «ельник»), мар. *кож-ер* «ельник».

Словообразовательными суффиксами, служащими для образования имен существительных от других имен существительных, в уральских языках считаются:

а) уменьшительный суффикс *-i, -y*: чер. *коу-і* «береза», вог. *tar-i* «сосна», фин. *kami* «лиственница», *mänty* «елка», *manty* «сосна», фин. (*men-t-y?*). Этот же суффикс встречается в составе других уменьшительных

суффиксов:

- ki*: *nelki* «пихта»;
- gi*: *nołgi* «серебристая елка»;
- ig*: *tarig* «сосна»;
- ti*: *karsti* «сосна» (*kar-s-t-i*?)
- im*: *ojim* «вид ели»;

б) суффикс *-pi* в говоре кольских коми встречается в неодушевленных именах существительных: *ку-pi* «маленькая береза», *роетpi* «маленькая сосна», *козpi* «маленькая ель» [262. С. 150]; возможно, в такой функции выступают и суффиксы *-pä*, *-pa*, *-lï* *-pä* «ольха», *ulpa* «кедр, сосна», хотя не исключена возможность возведения этих элементов к самостоятельному слову *py* со значением «дерево»: коми-зыр. *söspu* «рябина», вот. *sospu* «можжевельник», фин. *tanperpu* «сосна» и т.д.;

в) ауслаутные суффиксы *-i*, *-u*, *-a*, *-y*, *-e* наряду с тем, что имеют собирательное значение, могут придать слову и уменьшительное значение: фин. *näre* «сосна», самоед. *hāru* «лиственница», фин. *sara* «орешник», *raju* «ива», коми-зыр. *nija* «лиственница», самоед. *tuie* «береза», морд. *poju* «осина», фин. *lima* «береза» и т.д. Эти суффиксы также являются составными частями сложных суффиксов:

- ka*: фин. *saraka* «очень смолистая сосна»;
- ta*: фин. *raita* «вид ивы»;
- te*: фин. *jakte* «сосна», *piste* «липа»;
- ti*: фин. *karsti* «сосна»;
- ni*: фин. *saarni* «ясень»;
- na*: венг. *tarna (ruu)* «береза»;
- gy*: венг. *tölgu* «дуб» < **töl* «дуб».

Уменьшительное значение этих суффиксов было выявлено Б.А. Серебренниковым [262. С. 142–157].

Если допустить, что в уральском протоязыке суффиксы собирательной множественности выражали также уменьшительность [265. С. 13], то

в перечень фитонимов с уменьшительным суффиксом нужно включить венг. *har-s* «липа», самоед. *nal-k* «пихта», зыр. *kud-z*, *kut-s* «береза», где *-s*, *-k*, *-z* (*-s*) считаются прежде всего выразителями собирательной множественности: ср. совр. венг. *jüze-s* «ивняк», *nada-s* «заросли тростника» и т.д.;

г) суффикс *-s* встречается также в составе сложного суффикса: *-se* (*-še*): венг. *pek* < *-se* «липа»;

д) *-er*: венг. *eger* «ольха», самостоятельно в роли уменьшительного суффикса *-r* выступает очень редко, ср. мар. *куэ-р* «березняк» при *куэ* «береза» (или *ку-эр?*) [266. С. 161];

е) *-im* (*-um*); значение собирательной множественности, а затем и уменьшительности этого суффикса отложилось, видимо, в следующих словах: остяц. *oj-im* «вид ели», удм. *риж-ум* при морд. *риче* «сосна». Б.А. Серебренников допускает, что *рож-õт*, *риж-ум* первоначально означало «сосняк»; ср. мар. *пызыл-мы* «рябина», *пүкишер-ме* «орешник» от *пүкиш* «орех» (Там же. С. 160);

ж) суффикс *-ödz* (*-edz*) означает место (с преобладанием чего-либо) [157. С. 36], т.е. имеет значение собирательной множественности. Судя по всему, этот суффикс составной: удм. *кознödz* «еловый лес», удм. *пожмödz* «сосновый лес» от *пожõм* «сосна»; *ломöледз* «молодой хвойный лес». Составители этимологического словаря коми-языка В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев считают, что суффикс *-ödz* и некоторые производные от него могли сложиться в общепермское время.

Структурный состав слов со значением «дерево» в уральских языках приведен в таблице 9.

Таблица 9.
Структурный состав уральских (финно-угорских) слов
со значением «дерево» (видовое название)

«р»-группа			«л»-группа
I. <i>ar</i> , <i>är</i> , <i>or</i> , <i>ör</i> , <i>er</i>			II. <i>al</i> , <i>öl</i> , <i>ül</i> , <i>il</i>
<i>вог. tar</i> + <i>-as</i> «ильм, вяз»			морд. <i>kal</i> «ива»
<i>вог. tar</i> + <i>-i</i>			самоед. <i>nal</i> + <i>-k</i> «пихта»
<i>tär</i> + <i>-i</i>	}	«сосна»	коми-зыр. <i>nyl</i>

<i>tar + -ig</i>			<i>nil</i>		«сибирская елка»
венг. <i>har + -s</i> «липа»			<i>nyr</i>	}	
фин. <i>när + -e</i> «сосна»			<i>nir</i>		
самоед. <i>hār + -u</i>			остяц. <i>nel + - ki</i> «пихта»		
<i>har + -u</i> «лиственница»			венг. <i>töl + - gy</i> «дуб» <* <i>töl</i>		
фин. <i>kar + -sti</i> «сосна»			венг. <i>szil</i> «вяз»		
<i>sar + -aka</i> «смолистая сосна»			чер. <i>lül + - pä</i> «ольха»		
венг. <i>tarn + -appu</i> «береза»			<i>ul + - pa</i> «кедр, сосна»		
венг. <i>tern + -nuö</i> «тисовое дерево»			остяц. <i>nol + -ga</i>		
чер. <i>sar + -aŋge</i> «ветла»			<i>nol + - gi</i> «серебристая елка»		
чер. <i>шар + -шы</i> «калина»			<i>nel + - ki</i> «пихта»		
фин. <i>sar + -a</i> «ясень»					
фин. <i>sar + -a</i> «орешник»					
зыр. <i>jör</i> «береза»					
вог. <i>nōr + -š</i> «ива»					
«й»-группа			«с, ш»-группа		
III. <i>aj, oj, oj, uj, ij</i>			IV. <i>os, us, üir, ös, is, aš</i>		
фин. <i>raj + -u</i> «ива»			вог. <i>xos</i> «ель»		
коми-зыр. <i>nij + -a, ni + -a</i>			остяц. <i>xus + -id</i>		
«лиственница»			коми-зыр. <i>sus</i> «кедр»		
остяц. <i>oj + -im</i> «вид ели»			вот. <i>mas + - u-pu</i> «можжевельник»		
фин. <i>koi + -vu</i> «береза»			вот. <i>mas + - is-jiv</i> «кедр»		
самоед. <i>tui + -e</i> «береза»			венг. <i>tüz</i> «ива»		
фин. <i>rai + -ta</i> «вид ивы»			чер. <i>ош + -ко</i> «осокорь»		
морд. <i>poi, poj</i> «осина»			коми-зыр. <i>sös + -pu</i> «рябина»		
вот. <i>suј + -em</i> «липа»			чер. <i>pis + -te</i> «липа»		
			фин. <i>ěaš + -ka</i> «береза»		
«м»-группа		«д, т»-группа	«к, г»-группа		
V. <i>am, im, an, en, äñ</i>		VI. <i>ad, et, id</i>	VII. <i>oу, eg, ek, ak</i>		

<i>tam</i> + <i>-m</i>	коми-зыр. <i>kud</i> + <i>-ž</i> , <i>kut</i>	чер. <i>koу</i> + <i>-i</i> «береза»
фин. <i>tam</i> + <i>-mi</i> «дуб»	+ <i>-š</i> «береза»	венг. <i>eg</i> + <i>-er</i> «ольха»
фин. <i>lim</i> + <i>-a</i> «береза»	самоед. <i>tīd</i> «ивовый	<i>pek</i> + <i>-še</i> «липа»
фин. <i>mān</i> + <i>-ty</i> «елка»	куст»	чер. <i>jak</i> + <i>-te</i>
<i>men</i> + <i>-ty</i> «сосна»	фин. <i>kad</i> + <i>-akas</i>	«сосна»
фин. <i>man</i> + <i>-tila</i>	«можжевельник»	
«сосна»	<i>kat</i> + <i>-aja</i>	
фин. <i>man</i> + <i>-ner-pu</i>	<i>kat</i> + <i>-ava</i>	
фин. <i>kam</i> + <i>-i</i> ,	коми-зыр. <i>bad</i> «ива»	
<i>kam</i> + <i>-tu</i>	остяц. <i>xat</i>	
«лиственница»	коми-зыр. <i>kat</i> + <i>-š</i>	
<i>йн</i> + <i>-s-jiv</i>		
«можжевельник»		

2.4.2. Морфемная структура слов со значением «лес»

в индоевропейских языках

Для анализа морфемной структуры нами выделены следующие лексемы со значением «лес»:

ст.-слав. *gora* «лес», нем. *horst* «чаща» [353. Вып. 8. С. 131];

др.-в.-нем. *baro* ~ *paro* «лес» [341. С. 53];

hart «лес» [202. С. 97];

др.-англ. *hurst*; др.-в.-нем. *horst* «лес», др.-исл. *beer* «дерево»;

др.-англ. *bearu* «лес»; рус. *бор* ~ др.-англ. *bearo* «лес» др.-исл. *Börr* [162. С. 63];

лит. *giria* «лес» при др.-рус. *garian* «дерево» [199. С. 184];

др.-инд. *giri* ~ авест. *garian* ~ ст.-сл. *gora* «лес»;

**krog*: сербо-хорв. *krūg* «лес, гора»;

лит. *derra* «лес (смолистый)», ст.-сл. *древо*, серб. диал. *drêvo* «дерево», «лес» [177. С. 54];

нем. *garten*, англ. *garten*, лат. *hartis* «сад»;

шваб. *hart* ~ *hard* «лес», «ива»; *hard* «лес»;

нем. диал. *kratt* «лес», совр. англ. диал. *chart* «лес»; ср. *hark* «просека в лесу» [162. С. 74–75];

н.-нем. *berg* «лес»;

инд. *бир* «лес» (*бирхор* < *бир* «лес» + *хор* «человек»);

словен. *brina* «ель», «хвойный лес», связано с чередованием гласных, ср. *бор* «ель»;

чеш. *обора* «охотничий лес» [202. С. 179];

рус. диал. *хребёт* «хороший строевой лес на возвышенности» [353. Вып. 8. С. 108];

марь «болотное место в тайге» [273. Вып. 27. С. 379];

марек «лес на холме», «сухое место с небольшим леском» (Там же. Вып. 18. С. 368); слов. *дрезга* ~ *дрездок* «лес» [202. С. 128];

южн.-слав. *церик* «дубовый лес» (*цер* «чернильный дуб») (Там же. С. 460);

урмень ~ *урман* «лес» [317. Т. 4. С. 168]; *урема* (Там же. С. 167);

др.-луж. *korč* / *kurč* «пень»;

англ. *forest* «лес», франц. *forêt* «лес»;

исп. *marana* «заросли, чаща» [202. С. 257];

porxъna: сербо-хорв. диал. *prana* «любое трухлявое дерево»;

исп. *monte* «лес», «гора»;

волок «лес, бор» [46. С. 106];

валуга ~ *алуга* «густой лес» [353. Вып. 8. С. 15];

волок «лесок»;

ванчес «брусовый лес»;

тадж. *јангал* «лес» [210. С. 157];

укр. *кучера* «гора, покрытая лесом»; болг. диал. *кичера* «склон с молодым лесом»;

рус. диал. (*олон*) *мандара* «лес на берегу», «лес мандовый»;

«низкорослый сосновый лес» [273. 17 в. С. 356];

старо-сл. *забель* «заповедный лесной участок»; *žaběl* «лес»;

макед. *забел* «заповедная роща»;

хворостина «дубовый лес» [353. Вып. 8. С. 129] ср. венг. *harast* «лес»;

укр. диал. *хворост* «молодой березовый лес», ср. баск. *korosti* ~ *gorosti* «тж»,
а также «шум» (Там же. С. 131);

рус. *холм* «пашня, огороженная лесом» (Там же. С. 138);

холм «поросшая лесом гора», «возвышенность в лесу»;

др.-инд. *vanam* «лес» [341. С. 911];

арх. *баланс* (~ *балан*) «лес для шахт, мелкий, нетолстый»;

рус. диал. *волмяг* «заросли» [353. Вып. 8. С. 223];

балт. *меж* «лес» [202. С. 256];

индоевр. *keldos*, *klada* «дерево, лес» (Там же. С. 265);

др.-луж. *ken* «пень», «лес, бор» (праслав. **kънь*);

ср. польск. *kien*, *kein*, *knieja* «пень», «лес, бор, предназначенный для охоты и пчеловодства», рус. *кнея* «изолированно стоящий, окруженный полями лес, редкий кустарник»;

др.-луж. *kuka* перв. «пень», затем «лес» (чеш., словен. *kuka* др.-польск. *kika*) ...лес назван *kik*, *der kick*, *kickholse*. Возможно, от *kuka* произведено слово *kučera* (в Карпатах *кусега* «лесистая возвышенность», а также «голая возвышенность»);

рус. *ченурник* «чаща, заросли» (ср. сербохорв. *čerur*, *čaporak*, *čepor* «пень молодого дерева»);

поросль «крупный сосновый лес» [305. С. 42];

гай «роща», «сосновый лесок» (Там же. С. 51);

шума «лес», «гора, поросшая лесом» (Там же. С. 65);

болг. *балкан* (> *балкан*) «лес», «горный лес» (Там же. С. 73);

полонина: сербохорв. *планина* «гора, покрытая лесом» (Там же. С. 82);

шалга (< карел. *šalgone* «глухой лес, глушь»), «молодой хвойный лес»,
«срубленные хвойные деревья, не идущие на постройки» (Там же. С. 87);

край «лес», «опушка леса», «берег, обрыв» (Там же. С. 88);
рамень «лес, хвойный еловый лес» (Там же. С. 107);
круг «роща», «заросли кустарника» (Там же. С. 118);
олес (>*лес*?) «лес», «болото», «ольховый и лиственный лес на болоте»
(Там же. С. 159);

гарь «хороший еловый лес на сухой почве». Н.И. Толстой дает такой комментарий: «Предположение М. Романова, что усинск. *гарь* восходит к швед. *gran* «ель» через этапы: **gran* ~ *garan* ~ *грань* ~ *гарь*, очень мало вероятно» (Там же. С. 200); *гарь* «пожарище» → *гарь* «густой лес». Отметим лишь, что здесь семантически несовместимо: *гарь* «хороший еловый лес» и *гарь* «пожарище»;

мандара, мандера «лес на материке» [317. Т. 2. С. 567];

median «лес» [306. С. 163];

калтус «чаща леса» [273. Вып. 17. С. 366];

гала «поляна в лесу» [353. Вып. 6. С. 89, 96]; *тай* «лес» [317. Т. 2. С. 4.];

Для более архаичных словообразовательных типов характерен более простой морфемный состав форманта. К таковым мы относим: а) основы типа СГСГ, оканчивающиеся на гласные, в которых формант собирательной множественности считается омертвевшим: др.-в.-нем. *baro* ~ *paro* «лес» [341. С. 53]; др.-англ. *bearo* «лес», др.-инд. *giri* «гора, лес», «гора, горный лес», чеш. *обора* «охотничий лес», др.-луж. *kuka* «лес»; б) основы типа СГСС, оканчивающиеся на согласные: *hart* «лес», др.-исл. *berr* «дерево», *börr* «лес», н.-нем. *berg* «лес», «холм», «поросшая лесом гора», *wald* «лес»; в) архаичные основы типа СГС, на базе которых получили развитие основы типа СГСГ и СГСС и другие:

бор «сосновый лес», инд. *бир* «лес», балт. *меж* «лес»;

гар «роща», «сосновый лесок», *тай* «лес».

Мы полагаем, что некогда фонемы, входящие в состав начального слога слов, были носителями лексического значения, а фонемы неначальных слогов (постфиксальные фонемы) – носителями грамматического значения слова. Хотя основы типа СГС, СГСС и считаются односложными, в них, как

и в основах СГСГ, можно обнаружить омертвевшие постфиксы. Омертвевшие постфиксы в структурах индоевропейских слов со значением «лес» обнаруживаются и в составе «живых» составных суффиксов:

- ев: ст.-слав. *древо*, серб. диал. *drêvo* «дерево», «лес»;
- ок, -ог: *валок*, *волок* «лес, бор», *krog*, *krūd* «лес, гора»;
- уга, -уг: *валуга*, *халуга* «густой лес», *круг* «роща»;
- га: *шалга* «молодой хвойный лес»; слов. *др-ез-га* «лес»;
- ка(н): *балка*, *балкан* «горы, покрытые лесом»;
- ин, -ина: словен. *брина* «хвойный лес»;
- ик, -ник: *черник*, *церник*, *церик* «дубовый лес» (при *цер* «чернильный дуб»);
- ан, -анс: арх. *балан*, *баланс* «лес для шахт»;
- гал: тадж. *јангал* «лес, гора»;
- ост: укр. диал. *хворост* «молодой березовый лес»;
- osti: баск. *korosti* ~ *gorosti* «молодой березовый лес»;
- st: нем. *horst* «чаща»;
- est: англ. *forest* «лес»;
- ostia: **orostia* «роща»;
- êt: фр. *forêt* «лес»;
- ёк: *марёк* «лес на холме»;
- мяг: *воляг* «заросли»;
- ак, -як, -яг, -уг: рус. диал. *кедрак* «кедровый лес», *листьяк* «лиственный лес», *березяга* «березовый лес», *березуга* «тж».

Структурный состав индоевропейских слов со значением «лес» представлен в таблице 10.

Таблица 10.
Структурный состав
индоевропейских слов со значением «лес»

«р»-группа	«л»-группа	«й»-группа
I. <i>ар, ор, ур, ер</i>	II. <i>ал, ол</i>	III. <i>ай, ој</i>
<i>бар</i> + -о <i>пар</i> + -о	<i>ал</i> + -кас <i>ал</i> + -уга	<i>гай</i> <i>gōj</i> + -us

<i>gar + -b</i> <i>har + -t</i> <i>gar + -ian</i> <i>gār + -ša</i> <i>kr + -og</i> <i>kr + -ūg</i>	<i>вал + -уга</i> <i>хал + -уга</i> <i>бал + -ан</i> <i>бал + -анс</i> <i>бал + -кан</i> <i>бал + -ка</i>	<i>тай</i>
«р»-группа	«л»-группа	«й»-группа
I. <i>ар, ор, ур, ер</i>	II. <i>ал, ол</i>	III. <i>ай, ој</i>
<i>kr + -att</i> <i>char + -t</i> <i>кр + -ай</i> <i>мар + -ёк</i> <i>tar āna</i> <i>марь</i> <i>тох. ор «дерево»</i> <i>→(«лес»?)</i> <i>гор + -а</i> <i>hor + -а</i> <i>hor + -st</i> <i>др + -ево</i> <i>др + -езга</i> <i>kor + -osti</i> <i>gor + -osti</i> <i>бор</i> <i>обора</i> <i>or + -est</i> <i>or+ -êt</i> <i>хвор + -ост</i> <i>бр + -ина < борина?</i> <i>*or + -ostia > роца</i>	<i>вал + -ок</i> <i>wal + -d</i> <i>вол + -ок</i> <i>шал + -га</i> <i>вол + -мяг</i> <i>хол + -м</i> <i>ол + - ёс</i> <i>кал + -тус</i> <i>галл + -а</i> <i>др + -ездок</i> <i>бир</i> <i>berr</i> <i>börr</i> <i>bear + -у</i> <i>Ber + -g</i> <i>чер + -ник</i> <i>цер + -ник</i> <i>кучер + -а</i> <i>кичер + -а</i> <i>чер + -ень дубовый</i> <i>«лес»</i> <i>чер + -нь «тайга»</i>	

<i>ур + -мань</i> <i>ур + -ман</i> <i>ур + -очище</i> <i>ур + -ёма</i> <i>der + -va</i> <i>др + -ьво</i>		
«н»-группа	«м»-группа	«д, т»-группа
IV. <i>ан, он, ен</i>	V. <i>ум, ам</i>	VI. <i>ed</i>
<i>ван + -чес</i> <i>jan + -gal</i> <i>ман + -дера</i> <i>тон + -te</i> <i>урмань</i> <i>урман</i>	<i>шум + -а</i> <i>чам + -ень</i> <i>рам + -ень</i>	<i>med + -ian</i>

По мнению Ю.С. Азарх, собирательные названия растений на *-ник, -няк /-няг* возникли после того, как сформировались вторичные собирательные наименования растений с суффиксами *-ик, -яг /-як, -юг /-юк*: ср. *березняк, березняг*; диал. *бредняк, глушняк*. В новгородских письменных памятниках слова типа *березняк, березняг* встречаются лишь со второй половины XVI в. Единичные образования типа *сосньникъ* «сосняк» появляются в памятниках лишь с конца XIV в. [3. С. 119–130].

В современном русском языке самыми распространенными являются те лексико-семантические группы (ЛСГ), основную массу которых составляют производные слова со стандартным, предсказуемым значением и формантной частью, равной по смыслу словообразующему аффиксу (словообразующим аффиксам): *ель-ник, сосн-як* (или *сос-няк?*), *дубняк, вербняк, берез-няк, ивняк, хвой-няк* и т.д.

Но в некоторых случаях суффиксы *-ник, -няк* могут быть осложнены суффиксами с первичным значением собирательности: *кедр-ов-ник, мал-ин-*

ник, кал-ин-ник, ряб-ин-ник и т.д.

В диалектах русского языка в качестве словообразовательного форманта могут выступать и другие суффиксы, обозначающие совокупность растений:

-ач: *кедрач* (при лит. *кедр-ов-ник*);

-ник: *ивник* (при лит. *ив-няк*); *дубник* (при лит. *дубняк*).

В современном русском языке у собирательных существительных суффикс *-няк* сочетается преимущественно с непроизводными словами (с синхронной точки зрения): *березняк, вишняк, дубняк*, а суффикс *-ник* – с производными, в том числе опрошенными, основами: *виш-ен-ник, жердинник, пихтарник, терновник* [163. С. 140, 168].

Особый интерес представляет в этом отношении слово *дубрава*, общеславянское по происхождению: ср.: укр. *дубрава, дуброва*, белорус. *дуброва*, польск. *dąbrowa*, чеш. *doubrava*, словен. *dubrava*. Оно образовано с помощью суффикса *-в-*, а не *-ав-* [341. С. 134] или *-ав-* [352. Т. 1. С. 203]. Существительное **дубр* представляет собой производное с суффиксом *-р-* от *дуб*, т.е. *дуб-р-а-ва* > *дубрава*, где суффиксы *-р* и *-а-* слились воедино: ср. чеш. *dubra*. Суффикс *-в-* встречается и в слове *мурава*, которое образовано от существительного *мурь* «луговая трава».

В корневой части индоевропейских фитонимов наблюдается морфологическое чередование гласных, получившее название аблаута, восходящее к индоевропейскому языку-основе: *e /o /a* ~ ноль звука или *e/ ноль, o/ ноль, a/ноль* звука: **krog* < **korog*, *kratt* < **karatt*, *древ* < *дерево*, ср. *дерва*; *дрезга* < **дерезга* (?), *дроздак* < *дерездак* (?).

О. Семереньи чередования типа **ters-/tres-* называет перестановочным, или вторичным, аблаутом, который восходит к двусложным основам типа **ter-es*, которые в зависимости от места ударения давали **ter-s* и **tr-es*. Автор допускает, что в некоторых случаях происходит метатеза, т.е. **terp* могло переходить в **trep* [259. С. 150]. По нашему мнению, в фитонимах имеет место, видимо, не вторичный аблаут, а аблаут индоевропейский (the indoeuropean ablaut) [12. С. 28].

Фитонимы *урёма* «лес в болотистой низине, кустарник по берегу

речек», *урмань*, *урман* «лес, особенно хвойный, на болотистой почве» М. Фасмер считает тюркскими заимствованиями и связывает *урман* (*урмань*) с тат. *урман* «лес», а *урёма*, *урема* с чув. **urāmā*, тат. *ārmā* «низкое место около реки, поросшее ольхой» [317. Т. 3. С. 167–168].

В слове *урочище* «лес среди поля», видимо, корень *ур-* тот же, что и в *урман*. Однако за *урочище* принимали и одиночное дерево. Значит, в данном случае также наблюдается семантический сдвиг «дерево» ↔ «лес».

2.4.3. Морфемная структура слов со значением «дерево» (видовое название) в русском языке

Среди всех имеющихся моделей образования слов со значением «дерево» особого внимания заслуживает словообразовательная модель с суффиксом *-ин-*. Существует мнение, что общерусские названия с этим суффиксом имеют лишь связанную основу: *бузина*, *калина*, *осина*, *малина*, *смородина*; ср. диал. *глажина* «морошка», *жаравина* «клюква», *ожина*, *сарабалина* «ежевика», где основа является опрощенной [163]. Но если обратиться к списку фитонимов, образованных при помощи суффикса *-ин-*, то легко можно опровергнуть данное утверждение. Вот далеко не полный перечень фитонимов с суффиксом *-ин-*:

лещина «ольха»; *дубина* «дуб (дерево)»; *вяз – вязина*: *Под дубом, над дубом, под дубиною, под вязом, под вязиною, растёт куст ракиты зеленешенек* (Фольк.);

лещина «орешник»;

черемушина «черемуха»;

рокитина «Weidenreisig»;

липина «eine Linde»;

березина «березовое дерево, срубленное или свалившееся»;

яворина «сук, прут яворовый»;

грушина «грушевое дерево»;

вербина «лес вербовый»;

соснина «сосняк, бор или сосновый лес»;

бучина «буковый лес»;

ивина «ивник» (т.е. ивняк);

можжевелина «можжевельник» ср. также *хмызина* «мелкий хворост» (от *хмыз* «хворост»).

Наличие большого количества фитонимов с суффиксом *-ин-* с опрошенной основой свидетельствует, по нашему мнению, об архаичности этой модели, но в то же время эта модель является живой, поскольку образования на *-ина* появляются и в настоящее время. Иными словами, суффикс *-ин-* является достаточно продуктивным:

кленина «одно кленовое дерево»; *черничина* «одна ягодка черники»; *калинина* «дерево калина»; *огородина* «тонкое бревно» и т.д.

Среди фитонимов на *-ина* производные в одних случаях выступают как сингулятивы (единичный предмет), а в других – как плюративы (имена со значением собирательной множественности). Плюративное значение, на наш взгляд, первично: собирательность → единичность, на что указывает А.А. Потебня: «...выделившийся уже в доисторическое, быть может славяно-литовское время, разряд имен *-ина* с собирательным значением деревьев и дерева как вещества... От значения собирательного вновь может произойти единичное» [230. Т. 3. С. 30–31].

Современные словари до сих пор фиксируют плюративное значение суффикса *-ин-*: *буковина* «буковая роща», *кондовина* «кондовые деревья», *лесина* «продукты: грибы, ягоды, дичь – из леса»; в говорах: *боровина* «небольшой островок борового леса среди других типов деревьев» и т.д.

В каком бы значении ни был суффикс *-ин-* (сингулятивном или плюративном), в любом случае он присоединяется к основе со стандартным, предсказуемым значением: *черемуш-ина* (*черемух-ина*: *х* ~ *ш*); *береза* ~ *березина*; *груша* ~ *грушина*; *ива* ~ *ивина*; *верба* ~ *вербина* и т.д.

Рассмотрим группу фитонимов со связанной основой: *калина*, *малина*, *смородина*, *крушина*. Такие слова имеют связанные корни, притом

уникальные, так сказать унирадиксоиды. Эти слова плохо членятся (но все же членятся): *мал-ина, кал-ина, круш-ина, смород-ина (смор-од-ина?)*.

Если исходить из положения, что суффикс *-ин-* почти во всех фитонимах присоединяется к основе (корню) со стандартным, предсказуемым значением, то *мал-, кал-, круш-, смор-*, принимаемые сейчас за унирадиксоиды, должны были когда-то обладать значением «дерево» (видовое или просто общее название) или «лес» (с собирательным значением).

В таком случае *кал-ина, мал-ина* относятся к *л* группе фитонимов, *смор-од-ина, круш-ина* /< **куруш* < **кур* + - **уш* (аблаут?) – к *р* группе.

Корни типа СГС, фигурирующие в современном русском языке –(*дуб, бук*), исторически также могут быть производными. Вот что пишут по этому поводу Н.М. Шанский В.В. Иванов, Т.В. Шанская: «*Дуб* – общеслав. индоевроп. характера. Исследователи подчеркивают, что происхождение неясно. Одни считают, что дерево названо по черной сердцевине, и сравнивают с ирл. *dub* «черный», греч. *typhlos* «темный» и т.д. Другие объясняют сущ. *дуб* как слово, родственное греч. *demō* «строю», готск. *timrijan* «строить», англосакс. *timber* «строительный лес» и т.д. В этом случае *дуб* является суффиксальным образованием (суф. *-бъ*) и буквально значит «строительное дерево»» [341. С. 134].

Составители «Этимологического словаря славянских языков» подчеркивают «относительно поздний праслав. инновационный характер слова **dǫbъ*» [353. Вып. 5. С. 96–97] и на этой основе необоснованно, на наш взгляд, направляют поиски этимона не по линии «древесной», а по линии верований в бога грома. Если даже предположить, что праславянское **dǫbъ* пришло на смену более древнему **perкъ* (от индоевропейского **perkuos* (ср. лат. *quercus* «дуб»), косвенно сохранившемся в прасл. **perunъ*, у нас нет оснований предполагать, что название дуба произошло от имени бога, история слова **perun* говорит об обратном: теоним *Перун* берет начало от названия дерева **perkuos* > *perunъ* «дубовый бог» [317. Т. 3. С. 246].

Некоторые этимологи предприняли попытки связать славянское *дуб* с финно-угорскими названиями, в частности с фин. *tammi* «дуб» (ср. мар. *тумо*

«дуб»). В этом же ряду стоит венг. *tölgy* «дуб». Связь венг. *tölgy* (**tol* ~ **tūl* + *-gy*) с фин., мар. *тумо* и коми *дав* «лиственный лес» несомненна, но нельзя не заметить те фонетические изменения, произошедшие в корне слова: инициальная **t* (*d*) сохраняется во всех словах, корневая гласная *ō* ~ *a* ~ *y* на месте фин., мар. *t* появляется в венг. *-l*, а в коми — *-в*. Между тем венг. *tol* ~ *tūl* сопоставляется с индоевроп. *drou*, *dru...* «дерево». Есть все основания связать русское название *дуб* < слав. **dǫbъ* с греческим *doru* «дерево, дуб», «копье».

Таким образом, славянское название сохранило ступень, представленную греч. *doru* в слове *дуб* < **dǫbъ*. Что касается второго согласного корня, то здесь наблюдается редкостное соответствие *r* ~ *b* (*p* ~ *b*).

2.4.4. Структурный состав фитонимов в кавказских языках (адыгская группа)

В абхазско-адыгских языках большинство фитонимов образовано посредством суффикса *-ей* (*-йэ*, *-ай*, *-йы*):

барыжъей ~ *пырежъый* «бузина»; *зей* ~ *зайэ* «кизил», *бжсей* ~ *пчейы* «чинара»; *дей* ~ *дайэ* «орешник, ореховое дерево»; *мыйэ* «яблоня»; *жыней* ~ *чъыгай* «дуб»; *зэрджай* ~ *зэнджай* «калина»; *тхуей* ~ *тфейы* «бук»; *leanай* «клен»; *пчийэ* ~ (*ппчийэ*) «бук»; *ч'ей* — *ч'ай* «ясень», *йэк'ъай* «ольха», *псей* ~ *псэйы* «пихта», *торэйы* «бук».

При помощи этого суффикса от основ существительных образуются новые слова со значением принадлежности к какому-нибудь виду или роду, т.е. суффикс *-ей* считается словообразовательным суффиксом с притяжательным значением [339. Т. 1. С. 70].

Вот как А.К. Шагиров характеризует данный суффикс: «...известный суффикс *-ей* /*-йэ* / *-йы* / с притяжательным значением. Названия деревьев и кустарников с помощью этого суффикса образуются обычно от названий соответствующих плодов, особенно если последние представляют для человека ценность как продукт питания» (Там же. Т. 1. С. 86). Для подтверждения данного высказывания приведем следующие фитонимы из разных языков:

каб. *балий* «вишня» ~ адыг. *чэрэз*;
груз. *бал* ~ чеч. *балл* ~ балк. *баяли*;
авар. *багили* «черешня» ~ инг. *боал* «вишня» ~ осет. *бал, бали*;
лак. *бяъли* ~ перс. *болу* «вишня»; *банэ панэ* «колючка» (кустарниковое растение).

К старому абхазско-адыгскому фонду относятся: абх. *а-бна*, абаз. *бна* «лес», «заросли колючего кустарника». Абх.-абаз. *а-бно, бна*. В.И. Абаев считает возможным источником для осет. *бын* ~ *бун* (в сочетании с названиями деревьев) «лес» [1. Т. 1. С. 279]. Осет. *бын* ~ *бун* соответствует тюрк. *бан* ~ *манн* (ср. *шыдырбан, чышурман*) [339. Т. 1. С. 68].

При образовании фитонимов в абхазско-адыгских языках словообразовательный суффикс *-ей /-йэ/-йы* мог приобретать притяжательное значение, такое, как у аффикса *-ай*:

иэкIъай «ольха»; *Iей /дайэ* «ореховое дерево», «орешник», *чIей чIай* «ясень»;

адыг. *мыэ* «яблоня»;

жыгей, чыгай «дуб»; *тхуей тфейы* «бук»;

зэнджай «калина» *Iанай* «клен»; ср. *Iанэ* «круглый столик на трёх ножках»;

адыг. *псей /псэйы* «пихта»/, абх. *а-пса* «пихта, ель» (ср. *дзэху/ зэфы* «пырей» во второй части *хуы/фы* «белый»);

бзыху/бзыфы «липа»: конечный элемент *ху/ы/фы* означает «светлый» и одного происхождения с абх. *а-пслыи* «тополь, ива»; абаз. *пслыи* «липа»; */ху/ф/ ш* убых. *бзыс* «ива»;

дзэл/пцелы «верба, ива»;

йэчIэпIнIэ «ольха»; *чIей/чIай* «ясень»;

тэз/мэзы «лес».

Любопытными, на наш взгляд, является этимология следующих слов, приведенных в «Этимологическом словаре адыгейских (черкесских) языков» [339]:

пабжъэ «кустарник, кусты», «заросли, бурьян». Первая часть на *па* ~ *пэ*

могла означать «растение»; ср. фин.-угр. *пу* (венг.) «дерево»;

псей /псейы «пихта» /ср. адыг. *торэйы* «бук» произв. основа *псы*, а не *псэ*;

абх.-абаз. *а-пса* (*пса* «пихта») *псыс* «древесина ели»;

псыгъуыны «ель (дерево)», *псы* «ель»;

бзыс «ива» (из *бзы* «вода» + *сы* «дерево (древесина, дрова)»);

пхюэ «дерево (как материал), древесина, дрова»; ср. *жыг /чъыгы* «дерево (растение)»;

груз. *хе* «дерево», ингуш. *хи*; чеч. *хен* «брус, кряж, бревно»;

абх. *а-хъа* «столб, кол»;

пцешы «ивняк», *пцелы* «верба, ива» (см. дзэл *пцелы*);

адыг. *пырамыбжъы* «бузина» (ср. *бэрыжъэй, пырэжъый*);

пІкьІоу /пкъэу «столб, бревно, свая, стойка»; каб. *быкъІоу*;

ср. *бжэгъу /пчэгъуы* «кол»; первая часть сопоставима с *баш/ бэшь; бэг* «палка, посох»;

сэх I «столб», где *сы /сэ/* «дерево, древесина»: ср. *сэх II* «засов»;

-ей: *тхуей /тфэйы* «бук» по типу *бжей /пчэйы* «чинара»; ср. абх. *а-щү, а-шъу* «бук»; абаз. *шу /чІуы* «чинара» кабар.-черк. *чэрэз* «вишня» в стар. произн. *къэрэз*; ср. *чийе* (*р ~з?*).

Выводы. Вторая глава диссертационного исследования полностью посвящена синхронной реконструкции фитонимов. Синхронная реконструкция – это своеобразный методический прием сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, позволяющий восстановить структуру слова путем сравнения и сопоставления современных лексем (в нашем случае – фитонимов различных языков на морфемном уровне). Термин «синхронная реконструкция» не нов, встречается в трудах Э.А. Макаева, Е.С. Кубряковой, О.Н. Трубачева и др.

При исследовании фономорфологической характеристики фитонимов (названий деревьев, кустарников и лесов) мы придерживались методики сравнительно-исторического изучения общих морфем, предложенной Н.А. Сыромятниковым. Из общих признаков этой методики мы выбрали

следующие правила:

Правило 1. Сравниваются не предметы и их названия, а единицы языка;

Правило 2. Сравниваются не слова, а морфемы;

Правило 5. При сравнительном изучении лексики сравниваются общие морфемы во всех языках, где они имеются в том же или сходном значении;

Правило 8. При сравнении морфем разных языков надо учесть наличие родственных корней. От себя добавим: корней разных, но семантически совпадающих.

Вычленив слова-фитонимы на морфемы справа → налево, мы обнаружили поразительное сходство деривационных морфем со значениями собирательной множественности, уменьшительно-ласкательности и увеличительности во всех сравниваемых и сопоставляемых языках. То же самое мы обнаружили и показали на примерах фитонимов русского языка (см. глава 1), но в этой схеме корни и основы слов свободные. Приведенная нами синхронная реконструкция фитонимов из языков различных систем дает повод говорить об односложных связанных корнях и основ (ОКО). Это говорит о том, что корень или основа слов-фитонимов есть наидревнейшая и исторически реальная единица языка, сохраняющая свою суть, несмотря на постоянные фономорфосемантические изменения, происходящие в процессе развития строя языков.

Исследование структуры односложных корней фитонимов в разных языках является первой попыткой рассмотреть фономорфосемантическую структуру моносиллабов на обширном материале разноструктурных языков. Всесторонний анализ односложных связанных корней позволил автору распределить их по структурным типам: Г, С, Г, ГС, СГС, ГСС, СГСС и судя по структурному составу выделить: «р»-группу, «л»-группу, «б, в»-группу, «з, с», «ж, ш»-группы, «к, г»-группу. Названия эти связаны с наличием конечных фонем (звуков) в составе структурных корней ГС, СГС.

Как правило, эти структурные группы обнаруживаются во всех исследуемых нами языках. Членение односложных корней фитонимов на более мелкие «р», «л» и т.д. элементы в языкознании считается новым.

Между тем этот вопрос должен вызвать интерес языковедов и быть объектом самого пристального внимания и практического осмысления.

ГЛАВА 3. ИЗОСЕМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И УСТОЙЧИВЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СИГНАЛЫ В ФИТОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЯДА ЯЗЫКОВ

3.1. Изосемические фитонимические конструкции: когнитивная характеристика

В современной лингвистике большой интерес стали проявлять к системному аспекту полисемии, т.е. к выявлению регулярных сдвигов, переходов в семантических структурах полисемов. Опыт выявления регулярной повторяемости некоторых семантических моделей фитонимов показан в работе Л.В. Дмитриевой [71. С. 152–160]. Особый интерес представляет в этом отношении статья О.А. Константиновой «К характеристике лексического комплекса ««очаг → жилище → народ» в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках» [130]. Такие регулярные семантические переходы, как уже было сказано в первой главе, можно назвать «изосемантическими рядами». Эти изосемантические ряды повторяются не в одном и том же языке или в родственных языках, а в языках, генетически не связанных, причем речь идет не о заимствованиях или кальках, а о глубоко самобытных явлениях.

Рассматривая вопрос регулярной многозначности (вернее, регулярной семантической деривации) слова, мы сталкиваемся с проблемами определения семантического корня и выявления на этой основе однокоренных слов. Термин «семантический корень» вводится в обиход для того, чтобы иметь базу для объяснения смыслового развития слова. Он отличается от терминов «этимон» и «этимологический корень» тем, что последние подразумевают не только первоначальное значение, но и форму.

Семантический корень – это исходное значение слова, принимаемое за

первоначальное в системе какого-либо полисема отдельно взятого языка или родственных языков. Термин «исходное значение» при этом не надо путать с термином «основное значение». Основное значение – узуальное, принятое в лексикографической практике в качестве первостепенного и выводимое при этом на первое место. Исходное же значение в какой-то степени промежуточное и представляет конкретное звено в семантическом развитии слова между этимологическим и вполне отчетливо сложившимися производными значениями слова. Таким образом, семантический корень – исходное значение слова, выводимое исследователем на основе конкретно представленных значений полисема с учетом регулярной многозначности слова.

Мы уверены, что выявление регулярных формул полисемии дает возможность реконструировать строение семантики многозначного слова и направление развития семантических сдвигов, а затем, учитывая фактор системности, вплотную приблизиться к решению задач так называемых «семантических законов» языка.

Исследование регулярной многозначности и выявление семантического корня неразрывно связаны с этимологией слова. Как известно, семантические (содержательные) процессы имеют более сложный и запутанный характер, чем процессы формальные (фонетические, морфологические и словообразовательные), и поэтому здесь меньше всего искали постоянства и закономерностей. Формальные процессы и их закономерности можно выявить на материале одного исследуемого языка или группы родственных языков, но семантические закономерности по своей природе являются интернациональными и носят типовой характер повторяются в различных языках – вот почему семасиолог должен оперировать более «пространственным» материалом, чем, к примеру, фонетист или морфолог, и выявлять универсальные семантические типы, важные для изысканий в области семантики.

Выделение семантического корня и общих закономерностей в области

семантики дает возможность отбросить субъективные предположения и догадки и, естественно, поможет поставить историю значений на такую же прочную основу, как историю форм. Семасиолог не должен игнорировать типологически повторяющиеся факты семантики, а наоборот, вплотную заняться ими для того, чтобы на их основе выработать основные правила семантической типологии, которые впоследствии можно было бы применить в этимологических исследованиях. Семасиологические правила будут действенными тогда, когда устанавливаемую в одном языке филиацию значений можно будет подкреплять аналогичными примерами из других языков. Повторяемость такого рода филиаций – важнейшее доказательство правильности выдвигаемой исследователем этимологии слова.

3.1.1. Локальная изосемическая модель

Подкласс «1:1»

В ходе анализа флористических терминов в языках разных систем нами выявлены следующие лексемы с семантическим переходом «дерево» ↔ «лес».

Тюрк.: чув. *вӑрман* «лес», «роща», «дерево» [18. Т. 5. С. 321–322], чув. *йывӑс* «дерево», «лес» (лесоматериалы). По данным Н.И. Ашмарина, *вӑрман* – свежий растущий лес; *йывӑс* – сухой рубленый лес (Там же. С. 321); общетюрк. *агач* «дерево», но в кум. *агач* «лес» [252. С. 72]; *орман* «лес», «роща», но башк. южн. диал. *урман* «дерево»; ср. тат. диал. *бер агач та урман, урман та урман бизде* [297. С. 456] лес – дерево; башк. *сауыл* «лес», «молодой березняк», башк. диал. *сауыл* «дерево» [164. С. 68].

Монг.: п.-монг. *mod*, монг. *мод(он)* «дерево», «лес» (материал), бур. *модо(н)*, калм. *модн* «дерево» [112. С. 168]. Тунг.-маньч.: эвенк. *мō* «дерево», «лес» (сплавной), нег. *мō* «дерево», «лес»; ср. сол. *мō (модо)* «дерево», *мōса* «роща»; орок. *мō* «дерево», *мōсо* «лес» [280. Т. 1. С. 540–541]; эвенк. *hekita* «дерево», «лиственница» – «лес, листвяк» (Там же. Т. 2. С. 319); нег. *хоноктон*

«лиственница (молодая)» – «лес (из мелких лиственниц)» (Там же. С. 320).

Слав.: рус. *бор* «сосновый или еловый лес», но словац. «хвойное дерево», рус. диал. *бор* «дерево», «лес» [352. Т. 1. С. 164]; чеш. диал. *бор* «дерево», «лес» [353. Вып. 2. С. 216–217]; рус. *гай* «большой густой лес», но в польском «отдельное одинокое дерево». Фин.-угор.: коми-зыр. *яг* «сосновый лес, сосновый бор, сосняк»; удм. *яг* «бор», хант. *юх* (*јух*), манс. *йив* «дерево».

Среди фитонимов разных языков нами выделены следующие лексемы с семантическим переходом «лес» ↔ «гора».

Тюрк.: чув. *утй* «роща» (ср. *Улйп утти*) «холм» [18. Т. 3. С. 214]; чув. *кўрен* «гора в лесу» [18. Т. 7. С. 83]. Подобная закономерность, детерминированная неразличением сложных семем «гора, поросшая лесом», «лес, растущий на горе», «гора в лесу», обнаруживается и в других языках: алт. *йыш* «горы, покрытые лесом», «чернь», «тайга» [235. Т. 3. С. 497]; тув. *арга* (*арык*) «горный лес».

Апеллятив *арка* в диалекте алтай-кижи широко входит в географические наименования, обозначая северную сторону горы, покрытую лесом; *арка* – лес в любой местности на горе [185. С. 22]. Географический апеллятив *тайга* на Алтае может обозначать «снежное высокогорье», «горы, покрытые лесом»; в сибирских тюркских языках у слова *тайга* наблюдается энантиосемический переход «горный лес» → «горы, лишенные леса». О.Т. Молчанова полагает, что первоначально термин *тайга* был орографическим, а не ландшафтным и отвечал понятию «гора» (Там же. С. 93–94): ср. х.-монг. *тайга* «горный дремучий лес».

Как отмечает Э.М. Мурзаев, в горах Южной Сибири и Монголии слово *тайга* никогда не применяется местными жителями по отношению к лесам равнин и долин. Обилие топонимов со словом *тайга*, особенно в горном восточном районе Тувы, и полное отсутствие их на таежных равнинах Сибири говорит о том, что оно обозначало гору, а не хвойный лес, позже стало обычным в значении «горный лес», «лес в горах», а теперь –

«дремучий лес», «хвойный лес» [188. С. 80–81]; *таралак* «горный лес», «тайга» [185. С. 301]; *балкан* «крутые, покрытые лесом горы», *балканлык* «страна, покрытая крутыми, высокими лесистыми горами» [235. Т. 4. С. 1499].

Семантические потенции этого явления настолько значительны, что оно распространяется и на заимствованные лексемы: в болг. *орман* (из тур., где сейчас только «лес, роща» наряду со значением «лес», а также «гора, горная местность») [199. С. 153–154]; тунг.-маньч.: эвенк. *бор* «горка (покрытая стлаником)», *бори* «возвышенность, покрытая горелым лесом», но орок. *бори* «возвышенность (небольшая, без леса и кустарников)» [280. Т. 1. С. 95] здесь наблюдается энантиосемический переход.

Слав.: словац. *gora* «лес», «гора, поросшая лесом» [353. Вып. 7. С. 29]; рус. *пихта* «пихта, сосна, ель», но рус. диал. «пихтовый лес»; укр. *кичера* «гора, покрытая лесом», «крутая гора, поросшая лесом», гуцульск. *кічера* «крутой холм, поросший лесом»; *шалга* «лесистая возвышенность» [317. Т. 2. С. 398]; укр. *барак (байрак)* «возвышенность, густо поросшая лесом»; болг. *креи* «скалистая возвышенность, заросшая мелким лесом и кустарником»; укр. *полонина* «лесистая горная равнина» [202. С. 337].

Балт.: лит. *alkas* «небольшая гора, поросшая лесом»; *girkalnis* «гора, поросшая лесом», латыш. *kalva* «высокая гора», «возвышенное место в лесу» [36; 48; 199. С. 153].

Фин.-угор.: манси *вана* «лесная возвышенность», *корп*, *хорп* «хвойный лес». По данным В.Г. Глинских, в русских говорах Припелымья и Тавдинского района *корп* зафиксировано как «чернолесье (ель, кедр, пихта) на сухом возвышенном месте» [52. С. 40–41]; манс. *вөр* «лес», «покрытый лесом горный хребет» [157. С. 67]; коми-зыр. *керӧс* «возвышенность, гора, иногда покрытая лесом»; ср. манс. *керас* «утес, скала», хант. *карысь* «высокий».

Одна закономерность породила другую: у лексем со сложными семемами типа «гора, поросшая лесом» постепенно начали отпочковываться

дифференцированные значения: «гора» и «лес»: тюрк.: межтюрк. *алан* (якут. *алы*, алт. *йаланг*, тув. *аланды*, *алак*, узб. диал. *алак*) «холм», «возвышенность», «перелесье» [252. С. 135]; *таг* – почти во всех тюркских языках – «гора», «вершина горы», но в якут. *тыя* «лес, тайга» [185. С. 102], в крым.-тат. *даг* «лес», «горный лес» [235. Т. 3. С. 1611], тур. диал. «лес», «густая лесистая местность»; *бёк* «лес», «холм», *буйк* «холм с деревьями» (Там же. Т. 4. С. 1876).

Монг.: слово *мо-дун* «дерево», «лес» Н.А. Сыромятников сравнивает с тунг.-маньч. *мб*, др.-яп. *mori* «роща», кор. *те* < **mori* «гора» [293. С. 37]; Н. Поппе монгольские и тунгусо-маньчжурские формы сравнивает с кор. *мои* «гора», «лес» [112. С. 168]; др.-яп. *jata* «гора», «лес» [293. С. 58].

Тунг.-маньчж.: *гириа* «лес», «тайга», но маньчж. *Гири* *хада* «назв. горы» [280. Т. 1. С. 155]; эвенк. *урэ*, *хурэ* «лес», «тайга горная» (Там же. Т. 2. С. 351–352); эвенк. *урэ* ~ *хурэ* (*уро*) «гора», «горная тайга», «лес», нан. *хурэ*, *хурэ(н)* «гора», «тайга», «лес» (Там же. С. 289).

Слав.: рус. *гора* «гора», болг. *гора* «лес», макед. *гора* «лес», словен. *hora* «высокая гора», «горный лес» [317. Т. 1. С. 438; 353. Вып. 3. С. 25]; рус. диал. *калтус* «небольшая гора», «чаща леса»; укр. *бескид* «горный хребет», «лес»; болг. *бор* «лес», «небольшая возвышенность»; *кичера* «гора», но болг. *кичер* «молодой лес» [199. С. 152–153]; чеш. *kičera* «старый густой лес», «лесистые горы»; сербохорв. *kičer* «вершина лесистой горы», «лес», «гора». По данным Л.Г. Невской, в балтийских языках семантический переход «гора» ↔ «лес» наблюдается в 11 лексемах; ср. латыш. *wir* «небольшой красивый лиственный лес», «высота, возвышение» (Там же. С. 152–153; 36).

Фин.-угор.: коми *вөр* «лес», удм. *выр* «возвышенность, холм, бугорок»; коми-зыр. *выр* «лес», фин. *vor* «гора».

Аналогичный семантический переход наблюдается и в лексике германских языков, например, в немецком языке зафиксированы следующие лексико-семантические поля семем «гора» и «лес». В названиях гор

Шварцвальд, Штейнгервальд, Вестервальд, Монденвальд имеется слово *Wald* «лес»; в центральной части Германии возвышаются горы Гарц, этот топоним эволюционизировал из средневекового *Harz* «лес» [188. С. 80–82].

Семит.: араб. *dabr-*, *dabr-i* «гора», *dur* < **debr* «лес» [159. С. 196]. На наш взгляд, рус. *дебри* арабского происхождения, вопреки мнению Н.М. Шанского [352. Т. 1. С. 35].

Подкласс «1:2»

Энантисемический переход «возвышенный рельеф» → «низинный рельеф», «место, покрытое лесами» → «безлесое место» является модификацией одной из существующих семантических оппозиций «верх» ↔ «низ» и «горизонталь» ↔ «вертикаль».

Тюрк.: чув. диал. *улӑх* «лес, редкий лес» → «луг», «пойма, долина реки»; чув. *утӑ* «лес, роща» → «остров» [18. Т. 3. С. 330]; (*улӑх* «лес, мелколесье», «остров» (Там же. С. 215); чув. *йӑлам* «заволжский лес» → «долина», «низменность» (Там же. Т. 5. С. 57); якут. *арык* «роща, чаща» → «лесной остров», ср. *арал* «берег ручья», «река» → «остров» [252. С. 188]; тув. *арга* «горный лес», *арыг* «пойменный лес» (т.е. лес на низине); ср. др.-тюрк. *art* «горный перевал», «холм», «вершина», «плоскогорье»; туркм., тур. *байыр* «холм», «склон горы» (поросший деревьями); *bair* «пустыня» [235. Т. 4. С. 1424].

У Э.В. Севортына *байыр* фигурирует также со значениями «невозделанное поле», «земля, пригодная для виноградника», «пастбище» [253. С. 38], и здесь же приведены следующие параллели: тур. *bayir* → болг. *bajir*, *bairak*, серб. *bair* «берег», укр. *байрак* «лесная долина», рум. *байур*, *байир* «гора»; *балкан* «крутые, покрытые лесом горы» [235. Т. 4. С. 1499]. Тур. диал. *balkan* «болото, топь, трясина, лужа, грязь» [305. С. 73]; ст.-узб. *кол* «холм на склоне горы», «низменность», «русло реки» [235. Т. 4. С. 583], старотуркм. *кӱоол* «долина», туркм. совр. *гӱоол* «долина» [192. С. 240]; якут.

ой «лесок в открытом поле», «отдельно стоящий лес», «рощица» [216. Вып. 7. С. 1796]. Во многих тюркских языках *ой*, *о*: *й* «низина, впадина, долина, ложбина, овраг, яма», «участок земли» [252. С. 425]; в чув. *уй* «поле», но раньше имело значение «лес»; *уй улми* «лесное яблоко» [18. Т. 3. С. 167]. Якут. *тала* «возвышение, гора, обрыв», «чистое поле», «ровная площадь», «равнина» [216. С. 2533], ср. др.-тюрк. *tala* «степь», азерб. *тала* «поляна, равнина»; ср. монг. *тала* «равнина, долина», яп. *тани*, кор. *tan* «долина» [210. С. 77]; *кыр* «возвышенность, гора», «поле, степь», «плато», «высокий берег»; кирг. *кыр* «горные хребты», туркм. *кыр*, *гыр* «равнина», тур. *kir* «поле, степь, равнина», башк. *кыр* «поле», тув. *кыр* «горный хребет» [189. С. 114–115].

Чув. *хир* «поле» раньше, видимо, имело значения «лес», «гора», которые сейчас утрачены, но косвенно присутствуют в названиях животных: *хир сысни* «кабан»; *хир качаки* «косуля» (т.е. дикая, лесная) ← «горная коза», *хир ёни* «олень» (лесная дикая корова), *хир кушакё* «рысь» (лесная дикая кошка), *хир майри* «кедровые орехи» (т.е. лесные орехи); хак. *арыг* «роща, чаща», «заросли», як. *арыы* «остров, лесная чаща», «поле, луг» [211. С. 163]; алт. *арал* «лес», кирг. *арал* «остров» [252. С. 167]; *арал* «покрытый кустарником остров на реке» [235. Т. 1. С. 252]; башк. диал. *шар* «мелкий тальник» – башк. лит. *шар* «болото» [164. С. 245].

Монг.: п.-монг. *oj*, монг., бур. *ой* «лес, роща»; ср. монг. *hoi*, *oi* «долина» (ср. тунг. *hoj* «болото», «трясина» [211. С. 164]; тунг.-маньчж.: эвенк. *аражан* «открытое место» (на вершине горы), эвенк. *араган*, *арагон* «открытое ровное место» (не заросшее лесом) [280. Т. 1. С. 48]; эвенк. *aji* «лес, тайга» → «тундра», «болото», «поле»; эвенк. *hargu* «лес, тайга», «земля»; эвенк. *бургак* «заросли тополя», «остров или полуостров, покрытый густым лесом»; эвенк. *дундрэ* «тайга, лес» – «суша, материк», «побережье, берег» (Там же. С. 13, 111, 224, 317).

Слав.: рус. *гора* «возвышенность», рус. диал. *гора* «сухой и высокий берег реки», «берег моря или реки», «материк», «матерая земля» [353. Вып. 7. С. 29]; рус. *круча* «возвышение, вершина, верх», «углубление, низкое место, яма» [305.

С 100]; *кор*, *корёк* «возвышенное место», «низкое болотистое место»; *бор* «возвышенное место», ср. польск. *bor* «болотистое место», «сосновый лес»; *гай* «лес»; рус. диал. *гай* «отдельная камышовая топь»; *майган* «болото, поросшее лесом» [273. Вып. 17. С. 302]; рус. диал. *калтус* «небольшая гора» – «чаща леса» – «болото» – «кустарник, растущий на болоте» (Там же. Вып. 5. С. 366); рус. *круг* «роща», «заросли кустарника», «участок поля», «низина в лесу», «круглое поле», «нива» [305. С. 119]; *олес* «лес», «болото» (Там же. С. 159); бел. *балота* «болото», «лес», «вековая роща», «глухое лесное место», «дубрава» «дубовый лес», «лиственный лес», «болото»; *пушча* «большой, густой, непроходимый лес», «непроходимое болото» [199. С. 121].

Пересечением семантических полей «лес» → «болото» характеризуется семантика 14 (15) лексем из 130 балтийских флористических терминов: лит., латыш. *alksna* «место, поросшее ольхой», «болотистое место в лесу», «болото», «лужа», «долина», «лощина»; лит., латыш. *sala* «лес», «луг, поле», «остров», «небольшой луг среди ярового поля»; латыш. *kalva* «возвышенное место в лесу», «полуостров», «небольшой остров между рукавами рек» (Там же. С. 120–121, 182–183, 155–156, 36–37).

Фин.-угор.: фин. *noro* «ложбина», эрз. *нар* «луг», коми *нер* «редкий сосняк с болотистой почвой»; коми-зыр. *нюр* «болото», нен. *нара* «чаща, дремучий лес», *неро* «ивняк»; коми-зыр. *тіль* «болотистое место с низкорослым сосняком, густые заросли сосняка», удм. *тэль* «лес», сев. диал. «мелкий лес, поросль, подлесок». Можно сопоставить манс. *талква* «низкий» с лексемой *талквама* «низина».

Семантические сдвиги «лес, гора» → «низина, долина, пастбище» → «болото» → «степь, поле» и т.д. должны быть рассмотрены каждый в отдельности, но следует учесть, что всякий раз так или иначе мотивирующей семой оказывается «лес». Переход «лес → болото» определяется экстралингвистическим фактом неразличения заболоченного леса и болота, поросшего лесом, при этом этимологические основания определяют однонаправленность перехода «лес → болото». То же самое

можно сказать и в случаях «лес → долина», «лес → луг, пастбище», «лес → овраг → река» и т.д., где обнаруживается закономерность, детерминированная первоначально неразложением сложных семем «долина, поросшая лесом», «долина»; «овраг, поросший лесом, кустарником» → «овраг» и → «безлесое пространство». Это своеобразная поляризация значений ярко проявляется в семантическом сдвиге «лес → поле, степь». Значения «поле, степь» являются, видимо, результатом сложной деривации: «место сгоревшего леса» или «место выкорчеванного леса» → «поляна» → «пашня на месте выкорчеванного леса» → «разработанное поле» → «поле» → «земля». Все это связано с подсечным земледелием [199. С. 121].

На первый взгляд, переход «лес → остров» стоит особняком. Но если учесть экстралингвистические факторы, которые являются определяющими для острова, а именно «замкнутость пространства» и его «невозделываемость», то термин *остров* может быть применен к возвышенному месту (гора), к сухому участку среди болота (обычно поросшему лесом), к участку леса среди безлесого пространства и даже к безлесому участку среди леса» (поляна) [305. С. 117].

3.1.2. Мифологическая изосемическая модель

Семантический сдвиг «лес, гора, дерево» ↔ «демоническое существо» выявлен нами в следующих лексемах.

Тюрк.: чув. *вйрман* «лес» → «лес в качестве божества» [18. Т. 5. С. 322], *юман йывайс* «дуб» → «название божества» (Там же. С. 323); тат. *урман* (~ *орман*) «лес» → «божество» [16. С. 54]; *бал* «холм, ущелье» → «хозяин холма» (т.е. «горный дух». – Ю.И.) [235. Т. 4. С. 1607];

Тунг.-маньчж.: нан. *биҳа* «тайга», уд. *бига* «поле, степь», маньчж. *бича(н)* «леший» [280. Т. 1. С. 81]; эвенк. *һаргй* «лес, тайга» → «злой дух, черт, дьявол» (Там же. Т. 2. С. 317). Здесь эти слова даны как омонимы.

Слав.: рус. *лес* → *лес* «главный лесной дух» [273. Вып. 16. С. 386].

Фин.-угр.: самоед. *мунку* «лес, сосновый бор», но остяц. *менк* «лесной дух, черт».

Если для объяснения семантического сдвига «лес, гора» → «низина, долина, пастбище» → «болото» → «степь, поле» достаточно экстралингвистических факторов первого порядка, то переход «лес → леший» требует экстралингвистических факторов второго порядка, т.е. древние мировоззренческие представления, которые отражены в фольклорных демонологических и мифологических текстах. Семантический переход «лес → леший, хозяин леса» можно рассматривать как явление табу: употребление слова запрещалось мифологическими верованиями, суевериями и предрассудками. Поскольку у первобытных людей табуированию подлежали имена богов и духов, то вместо них использовались эвфемизмы — разрешенные слова, употребляемые вместо запрещенных. Демонические существа с негативными функциями, как правило, получали наименование по месту обитания. Так появились чув. *шыври* «водяной», *вйрманти* «леший»; ср эвенк. *урэди* «дух, хозяин тайги», при *урэ* «тайга» [280. Т. 2. С. 154], ср. рус. *леший, водяной, болотник* [305. С. 143, 138, 128–129]. В этом отношении примечательны не только производные образования, но и непроизводные лексемы, в пределах которых наблюдается семантический сдвиг «лес → леший, хозяин леса, лесной дух». Подобный переход можно объяснить не только табуированием, но и персонификацией, олицетворением, играющими такую роль в образовании мифов.

Семантическое преобразование «дерево» → «дух дерева (дерево как божество)», по этнографическим данным, было весьма распространенным явлением у всех народов. Страх перед таинственной стихией леса послужил основой для создания образов леших.

То, что и чуваша в старину поклонялись лесу как божеству, видно из приведенного ниже отрывка: *Шывсене, җәлсене, кӱлӱсене, вйрмансене, хӗвеле, уйӑха, Турра, вут-кавара, җил-тайвӑла, Пихампара тата ытти тӅрлӅ япалана та нумай асӑнса кӅл тунӑ*. «Воде, колодцам, озерам, лесам, солнцу, луне,

Богу, огню, буре, Пихамбару и многим другим предметам молились, почитая [18. Т. 6. С. 138, 230–240].

В религиозных верованиях тюркоязычных народов Сибири сохранилось оживотворение деревьев. Якуты, теленгиты, тувинцы и тофалары наделяли сверхъестественными способностями деревья. У тувинцев духи уродливых деревьев считались духами-покровителями или духами-помощниками шаманов.

У южных тувинцев были индивидуально почитаемые деревья, которые назывались *тагдиг мод* (в большинстве случаев это была лиственница); священная лиственница у якутов называлась *оруктаах титмаас*. У теленгитов священное дерево называлось *кам-агаиш*. Они считали, что у этого дерева есть свой дух – *Агышкын-эзи*.

У армян также особо почитались деревья причудливой формы. Древесину таких деревьев считали целебной и использовали как лекарство. В фольклорной традиции сохранилось почитание ивы как священного дерева. Не будет преувеличением сказать, что нет на Земле народа, который в своем развитии не проходил бы этап анимистического отношения к деревьям. В славянских языках, например, индоевропейское название дуба **perkuos* сохранилось в названии верховного божества Перуна (перв. знач. «дубовый бог»). Обычно дерево, являющееся объектом поклонения, отличалось огромными размерами, и его считали священным, верили, что оно может излечить от болезней [104. С. 4–30].

Если учесть, что семантический переход «дерево» ↔ «лес» является вполне реальным явлением, тогда слово *вӑрмансене* можно было бы принять за лексему *йывӑссене*, т.е. молились деревьям. Но в чувашском языке имеются выражения, уточняющие данное положение: *вӑрман пуӑӑ* «название духа, властитель леса»; *вӑрман торри* «леший» [18. Т. 5. С. 323] и *вӑрман амӑшӑ* «мать лесов» или просто «леший». У древних чувашей лес считался божеством высшего разряда. У славян также, по суеверным представлениям, лес — главный лесной дух: *Лес праведен, не то что черт*

[273. Вып. 16. С. 368].

Переход значений «лесной» → «дикий» в пределах лексемы с основным значением «лес» объясняется тем, что некультивированные растения одновременно можно назвать лесными, или дикими; это относится и к неприрученным животным: чув. *вӑрман улмуҫси* «лесные, дикие яблони (яблоки)»; *вӑрман кайӑкӑсем* «лесные (дикие) звери и птицы», ср. рус. диал. *кур* «лесной петух, дичь», при др.-рус. *куръ*, *коръ* «лес».

3.1.3. Изосемическая модель «родо-видовые соотношения»

В ходе анализа фитонимов языков разных систем семантический переход «дерево» (род) ↔ «дерево» (вид) выявлен нами в следующих лексемах.

Тюрк.: чув. *йывӑҫ* «дерево» → видовое название деревьев (дуб, береза, осина и т.д.); др.-тюрк. *sögüt-söküt* «дерево», «ива»; карач.-балк., кумык., ног. *терек* «дерево», «тополь» [233. С. 157]; *дерек* «дерево», «тополь», «осина», «осокорь», «ива», «сосна», «пихтовое дерево» [254. С. 206]; тур. диал. *dal*, сал. *тал* «дерево»; тат. диал. *тал* «деревце»; якут. *талах* «ива, верба» (Там же. С. 131).

Тунг.-маньчж.: эвенк. *ирэктэ* «лиственница», «дерево» [280. Т. 1. С. 329]; уд. *окно* «дерево сухостойное», «пихта», «ель», эвенк. *hēkuta* «лиственница (молодая)», «дерево (растущее)».

Слав.: ст.-слав. *дубъ* «дуб», «дерево» [353. Вып. 4. С. 95]; рус. *дерево*, ср. в балт.: лит. *derva* «сосна», кимр. *derven* «дуб» [317. С. 502; 352. Т. 1. С. 78].

Дагест.: лез. *ттар* «дерево», но лак. *ттар* «сосна» [325. С. 15].

Если учесть, что всякое дерево, независимо от видовой принадлежности, имеет родовое наименование *дерево*, переход «дерево» (род) ↔ «дерево» (вид) представляется вполне закономерным явлением. Переход видового термина (понятия) на родовой и наоборот, который происходит в связи с утерей или

возникновением определенного семантического дифференциального признака, наблюдается в переходе «лес» → «лес» определенного типа, качества, породы деревьев [305. С. 245]: бел. *дубрава* «лес вообще» → «дубовый лес», ср. в Сибири *дубрава* «березовая, осиновая роща».

Деривация «дерево → гриб» уже введена в научный обиход. Вот что пишет, например, В.К. Павел по поводу признака, указывающего на место произрастания грибов: «Сюда же относится семантическая модель «дерево» → «гриб», отражающая тот факт, что некоторые виды грибов и определенные породы деревьев образуют единые биокомплексы» [213. С. 107, 119].

Чув. *у* ~ *йвй* (< **йывйς*?) «трут»; ср.: *у*, *ы* «кустарник, лес» [252. С. 72].

Тунг.-маньчж.: нан. *мого* (диал. *моко*) «гриб, древесный лишайник», *мого-ку мо* «дерево со съедобным лишайником» [291. С. 16].

Молд. *копэчел* «деревце» → «вид съедобных грибов белого цвета, тонкие, высокие, которые растут обычно вокруг сосен и дубов»; *стежэзел* «дубы» → «дубовник» (гриб).

Для микологической лексики (т.е. для названий съедобных шляпочных грибов) во многих языках могут быть характерны признаки, указывающие на место произрастания грибов, например: чув. *каска кямпи* «ивिशень», *хурама кямпи* «ивिशень, ивишенье»; *хыр кямпи* «рыжик» (растет под сосной), *шёшкё кямпи* «подорешник», *хурян кямпи* «подберезовик», *йвйс ай кямпи* «подосиновик» и т.д. Слова *ивिशень*, *ивишенье*, *вишенье*, «соб. *вишни* грибы, род губок или снедного трута, растущего по пням и трутам» [62. Т. 2. С. 6], возможно, имеют мотивирующую основу *ива* «дерево» → «пень, колода» → «трут» [181. С. 156].

Семантический переход «дерево» («лес») → «кустарник» → «хворост» → «мусор», «грязь» выявлен нами у следующих лексем:

Тюрк.: чув. *çатърка* (*çатрака*) «чаща» → «хворостина, хворост» → «мелкие сучья» → «мусор», *хәлтә* «хворост» («костра») → «мусор, сор, хлам»;

Фин.-угор.: коми *лӧп* [*лӧпт*] «валежник» ↔ «древесный хлам» → «сор, мусор» [157. С. 162]; коми *согра* «болотистое кочковатое место с корявым ельником», ср. *согра няйт* «сплошная грязь» (Там же. С. 259);

Слав.: *гай* «лесок» → «хворост» → «мусор»; *шума* «кустарник» → «хворост» → «остатки соломы» → «сор на гумне»; *ляда* «лес» → «кустарник» → «сучья», «сорняки в обмолоченном хлебе» [305. С. 54, 141];

Семантический переход «дерево» ↔ «растение» ↔ «трава» выявлен нами у следующих лексем:

Тюрк. чув. *йвайш* «дерево» → «одуванчик», «подснежник» [18. Т. 4. С. 37]; чув. *çўсе* «ива, тальник» → «метлика» (назв. травы) (Там же. Т. 12. С. 308);

Тюрк.: башк. диал. *дегенек* «шиповник» → «репей»; азерб. диал. *балдырфан* «бузина» ~ общетюрк. *балдыран* «борщевник» [253. С. 55];

Слав.: рус. *быль*, *быльё* «трава или растение вообще», ср. сербохорв. *bila* «дерево» [353. Вып. 3. С. 149].

Семантический переход «дерево» → «плод(ы) дерева» выявлен нами в приведенных ниже лексемах.

Тюрк.: чув. *на́кйт* «название кустарника» → «название ягод» [18. Т. 9. С. 53]; *айва* ~ *хайва* ~ *heyва* «айва» (дерево и плод); к.-калп. *тут* «тутовое дерево», «тутовые ягоды», азерб. *палыд*, узб. *болут* «дуб» ~ *белут* «дуб» → «желудь»: *армут* «груша» (дерево и плод); *чил* ~ *шил* ~ *чийа* «вишня» (дерево и плод); чув. *сёмёрт* «черемуха» (дерево, плод); азерб. *шафтали* «персиковое дерево», «персик»; *балан* ~ *палан* ~ *балам* «калина» (дерево и плод); *туйыра* «молодой дуб» → *туйыра* «желудь» [164. С. 205].

Монг. *лийр* «груша» (дерево, плод); монг. *интоори* «вишня» (дерево и плоды).

Индоевроп.: арм. *kalni* «дуб» → *kalin* «желудь».

Тунг.-маньчж.: нан. *н'иектэ* «груша дикая» (дерево, плод); *н 'эсултэ* «рябина, калина» (дерево и плод); маньчж. *укуху* ~ *укухэ* «вишня» (дерево и плод); эвенк. *усикта* «дуб»; нан. *осакта* «желудь» [280. Т. 2. С. 291]; нан. *синулиэктэ* «груша» (дерево → плод) (Там же. С. 89).

3.1.4. Изосемическая модель «фитоним как часть множества»

Подкласс «1:1»

Семантический переход «лес» («дерево») → «множество» выявлен нами у следующих лексем.

Тюрк.: чув. *вӑрман* «лес», «множество»; кирг. *тууаі* «лес» → «множество» [235. Т. 3. С. 1159]; ср. кирг. выражение *толгон токой* «несметное число чего-нибудь»; узб. *бута* «чаща, заросли», ср. др.-тюрк. *buta* «много, обильно» [211. С. 162–163]; ср. др.-яп. *мӧри* «роща» (группа неодушевленных однородных предметов) и *муре* «толпа, стая» (группа одушевленных однородных предметов); в хант. слово *мӧры* «толпа, стая, табун», «рощица» (общим является семантический компонент «скопление однородных предметов»).

Фин.-угор.: удм. *сик* «лес»; ср. общеперм. **s'ik* «совокупность, множество, группа однородных предметов» [157. С. 255].

Слав.: укр. *корода* «тяжелая колода, бревно», «сильно сучковатое дерево», польск. диал. *skroda, skruda (s-mobile)* «много, куча»; др.-рус. *лес* «деревья»: *яко лес, аки лес темный*, что *великие леса темные* – сравнения, имеющие цель подчеркнуть, что речь идет о великом множестве людей или предметов.

Балт.: латыш. *balá* «топкий луг около леса» → «луговая трава»... → «множество чего-л.»; *kirna* «место, поросшее кустарником», «кочкарник» → «множество, толпа, куча»; ср. латыш. *klans* «болото, родник» → «большое количество чего-либо жидкого»; *кора* «песчаный холм, дюна» → «множество, толпа, стая»; «жидкая грязь» → «что-то собранное, сбитое в одно место»; *pekla* «отдаленное место» → «множество» [199. С. 18, 41, 42, 52, 66].

В лексемах со значением «лес» имеется семантический компонент

«скопление однородных предметов», отсюда деривация значения «лес» → «много, множество». Знание этого универсального семантического перехода способствует правильному этимологизированию тех слов (и выражений), которые иногда вызывают оживленные споры исследователей. Возьмем, например, встречающееся в древнерусском языке наравне с выражением *яко лес* выражение *акъ боровъ* [85. С. 241–246]. В.Н. Татищев точно подметил, что сравнение выражения *аки борове* (последнее явно мн. ч. от *боръ* «лес») «как лес» не вполне гармонирует с глаголами движения *поидоша, выступиша*, и пересказал соответствующие события 1111 г., употребив выражение «в великом множестве» вместо *аки борове* [299. С. 127].

Неясную тюркскую параллель *борча* во фразе: *Тўргис каган сусе Болчуда отча борча калти* следует, видимо, трактовать так: *отча борча* – парное слово, компоненты которого соединены на правах синонимов: *от* «огонь» ← «лес, дерево» + *-ча* (аффикс сравнения). Значит, второй компонент *бор* мог быть заимствованием из др.-рус. *боръ* «лес». Парное употребление синонимичных слов усиливает значение всей фразы и дает право перевести его на русский язык выражением «великое множество». И приведенное выше предложение следует понимать так: *Войско тюргеишского кагана пришло при Болчу в великом множестве* (букв. лес, лесом, как лес).

Интересно отметить, что в балкарском языке для обозначения леса используется общее название дерева – *ауач*. Слово *орман* сохраняется в некоторых словосочетаниях, где оно вовсе не имеет значения «лес», а выступает со значением коллективности: *орус орман* «русские и другие» (т.е. все, кроме карачаево-балкарцев); а кирг. *токой* «лес» в словосочетании *толгон токой* выражает значение «несметное число что-нибудь» [190].

В лексемах со значением «лес» имеется семантический компонент «скопление однородных предметов». Этот семантический компонент способствовал, как мы указали, развитию отдельного значения «много, множество». В качестве денотата в этом случае выступает не только *лес*, но и

другие географические термины: ср. балт.: латыш. *balá* «болото», «топкий луг около леса» → «луговая трава» → «множество чего-л.»; *korá* «песчаный холм, дюна» → «множество, толпа, стая» [199. С. 18, 42].

В чув. *куна* /*копа* «общее название сложенных или набросанных предметов: куча, груда, кипа, стопка, бурт и т.д.» можно наблюдать наличие семантического компонента «скопление однородных (или неоднородных) предметов», например, чув. диал. *Ачасем купине з̣ўреççё* «Дети ходят гурьбой»; *хал̣ах купи* «толпа народа». В переводных двуязычных словарях у слова *куна* часто не указывают семантический компонент «скопление одушевленных однородных предметов», т.е. людей, детей. Между тем этот компонент этимологически был присущ общетюркскому *оба* ~ *о:ба* «племя, род», «семья кочевника», к которому, возможно, прямое отношение имеет и чув. *куна/копа* [*куба* /*коба*], ср. *П̣арахут̣ан п̣ёр в̣ёçёнче хал̣ах купаланса т̣арать* [18. Т. 6. С. 301]. «На корме парохода толпится народ». С другой стороны, чув. *куна* можно возвести к рус. *копа* «скопище».

Семантический переход «дерево» → «часть дерева» является вариантом одной из семантических метонимических оппозиций «целое» → «часть целого».

Тюрк.: чув. *йыва̣ç* «дерево» → «ствол», «ветки дерева» и т.д.; др.-тюрк. *dal* «ветвь» ↔ *tal* «ива, тальник»: *тал* «ива» ↔ *тал* «ветка» [254. С. 131], *терек* ~ *дерек* «тополь, осина» → тат. диал. «цветок» (Там же. С. 206); тур. *salkim* «виноград», «кисть», «гроздь» [211. С. 177]; башк. диал. *йыцак* «хворост», «куст» [165, 238].

Монг.: бур. *бургааса(н)* «кустарник» → «прут», «лоза» [280. Т. 1. С. 111].

Тунг.-маньчж.: нег. *м̄о* «дерево», «лес» → «стебель растения» (Там же. С. 541).

Эвенк. *ңактэ* «пихта» → «кора пихты» (Там же. С. 657); эвенк. *ирэт* «дерево», «растущее, молодое деревце», «лиственница», «тальник», «прут»; эвенк. *ирэктэ* «дерево», «лиственница» → *эрэктэ* «кора» (Там же. Т. 2.

С. 467).

Слав.: рус. диал. *липина* «дерево липа», «ветка липы», «кора липы» [273. Вып. 16. С. 54]; рус. *пихта* «дерево пихта» → «сок сосны, ели, березы и других деревьев».

Семантический сдвиг «дерево» → «часть дерева» основан на метонимической связи значений (ЛСВ) многозначных слов, в котором мы усматриваем семантический тип полисемии «целое» → «часть». Сюда же относится переход «дерево» → «плоды дерева» типа чув. *пилеи* «рябина» (дерево) → «рябина» (плоды).

Подкласс «1:2»

Семантический переход «дерево» → «часть дерева» → «часть тела» выявлен нами у следующих фитонимов.

Тюрк. чув. *пў* «стебель» ↔ «туловище, корпус, стан» [18. Т. 10. С. 71]; *турат* «ветка» → диал. *турат* «penis» (ср. разг.: *Турат вёсне шыв килчё*); *тымар* «корень дерева» → «кровеносный сосуд»; *сухал* «борода» → «мочковатые корни дерева» (Там же. Т. 11. С. 216]; *сапака* «стебелек» → «penis у ребят» (Там же. С. 52); *çўç* «волосы» → «мелкие корни» (Там же. Т. 12. С. 306); *туна* «ствол, стебель» → «голень, нога», «лапка, ножка» (птицы), хак. *салаа* «ветвь», «прут» → «палец», «рука», «передняя конечность животного» ↔ «ветвь», як. *лабā* «ветвь, сук» → «верхняя часть руки» [233. С. 157]; *агач* «дерево» → «penis» [252. С. 72].

Монг. *соёо* «росток» → *соёо(н)* «клык, бивень», *хуй* ~ *хуйс(эн)* «пупок», «ямочка у плода после отпадения стебля»; монг. *мечир* «ветка»; ср. калм. *möts'i* «конечность», бур. *мусэ* «член (тела)» [211. С. 156]; монг. *сахал*, бур. *хахал* «усики растений» → «борода», «усы»; монг. *гишуун* «ветвь, ветка»; «сучок, сучья», ср. *гишуу* «часть тела» (Там же).

Тунг.-маньчж.: эвенк. *чиндалбэк* «шишка» (сосновая, еловая) → «голова» [280. Т. 2. С. 396]; эвенк. *лавā* «ветвь» → «отросток рогов» (Там же. Т. 1.

С. 485); эвенк. *һалан* «два дерева, растущие из одного корня» → «ответвление дерева» → «ответвление рогов оленя», ср. *һалган* «нога» (Там же. Т. 2. С. 312); эвенк. *нуһйн* «ствол, стебель», ср. эвенк. «ствол оленьих рогов» (Там же. Т. 1. С. 611); орок. *гара* «сук, ветка» → «отросток оленьего рога», маньчж. *гарган* «сук, ветка» → «конечности (руки, ноги)» [233. С. 146; 280. Т. 1. С. 141]; эвенк. *кар* «прут», «лоза», «корень» → «лучевая кость» [211. С. 157; 280. Т. 1. С. 379]; эвенк. *эрэктэ* «кора» (древесная) → нег. *эјэктэ* (< **эрэктэ*) «кожа человека» [280. Т. 2. С. 467]; эвенк. *халган* «нога, ступня» ↔ «дверная жердь в жилище» [348]; маньчж. *гарган* «сук, ветка», «конечность (руки, ноги)» [280. Т. 1. С. 141].

Индоевроп. общеслав. *кора* (древесная кора) ~ новогреч. *һора* ~ лат. *corium* «толстая кожа, шкура, оболочка», *skortum* «кожа», *caro, carnis* «мясо» [352. Т. 2. С. 308]; рус. диал. арх. *ворга* «лес на болоте», «болотистая кустарная лощина», а также «серник, накипь смолы на сосне» [62. Т. 1. С. 242]; смб. *волоть* «нить, жилка, волокно растительное или животное» (Там же. С. 137): «стебель, былинка, соломинка» ср. *волоть* «нить, волокно, былинка, колос», лит. *valtis* «колос овса»: др.-ирл. *falt* «волос», греч. *labios* «заросший волосами или шерстью».

Принимая естественную связь значений «волосинка, былинка, стебель» ↔ «ветка», «лес», О.Н. Трубачев выдвинул предположение, что иран. **drau-* исходное для осет. **rdū* «волос», обозначало первоначально «дерево», «лес» [308. С. 34]: ср. осет. *хчхэед* «сустав», очевидно, то же, что и *ачх* «сук» [1. Т. 1. С. 185].

Общеслав. *гора, hora* «лес», «гора», сербохорв. *gora* «побеги, отростки ветвей, стеблей, идущие на корм скоту» [353. Вып. 1. С. 29–30]; рус. *стебель* «основная часть травянистого растения от корня до вершины, обычно цилиндрической формы» → рус диал. *стебель* «часть ноги человека от ступни до колена, голень»; др.-рус. *трун* «ствол дерева» → «мертвое тело»; болг. *трун* «тж» [317. Т. 4. С. 109].

По мнению Л.Г. Невской, «корреляции географического термина и термина части тела соответствует (а может быть, и детерминирует его)

представление о сотворении мира из частей тела мифического предка, великана» [199. С. 198].

Регулярная связь денотатов ботанической терминологии и частей тела, отмеченная нами во многих языках, дает основание предполагать более глубокую причину их неразрывности. В этом отношении особый интерес представляет отождествление растения и человека. Человек – дитя природы, поэтому он не мог не сравнивать себя с окружающими его растениями, деревьями. В этом отношении особого внимания заслуживает высказывание французского ученого Ж.О. Ламетри: «Сходство растительного и животного царств заставило меня обнаружить в первом из них основные элементы, находящиеся во втором... Чтобы судить об аналогии между двумя основными царствами природы, надо сравнить составные части растений с составными частями человека и то, что я говорю о человеке, применить затем к животным» [146. С. 245–261].

Следует обратить внимание и на объединение различных типов связи значений в лексико-семантические группы (ЛСГ), в которых один из ЛСВ имеет значение «человек» (вернее, признак, присущий человеку): чув. *юман* «дуб» → «крепкий, здоровый мужчина» (положительная высокая оценка); рус. *дуб* «дерево» → «тупой, нечувствительный человек» (отрицательная, сниженная оценка). В этом же ряду находится семантический переход «дерево → материал (часть дерева) → человек»: чув. *тунката* «пень» → «тупой человек», рус. *дубина* «дубовая палка» → «тупой человек» и семантический сдвиг «лес» ↔ «дерево» → «поросль» → «дети» типа чув. *хунав* «росток, поросль» → «дети, молодежь».

Невнимание к такой аналогии может привести исследователей-этимологов к неправильным выводам. Например, рус. *дылда* «большой, высокий человек», «нескладный человек» общепринятой этимологии не имеет. В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Н.М. Шанского допускается вероятность, что *дылда* могло быть образовано от *дыля* «нога», и на этой основе подвергается критике высказывание

Соболевского, что *дылда* из *дыль* «бревно, колода, чурбан» [352. Т. 1. С. 221]. Такое объяснение, по мнению составителей словаря, считается необоснованным лишь потому, что в подобных случаях наблюдается простой перенос названия с одного предмета на другой без словообразовательного переоформления слова. Составители этимологического словаря не считаются с явлениями регулярной многозначности, к тому же версия «простого переноса» опровергается данными русского языка: *дуб*₁ – *дуб*₂; *дубина*₁ – *дубина*₂.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» в словарной статье на *айақ* ~ чув. *ура* «нога» Э.В. Севортян приводит формы *йадак*, *азақ* и указывает, что данные формы могли быть связаны с предлагавшейся в алтаистике праформой **padak* «конец» (ср. чув. *патак* «палка»). Однако, считая данное утверждение принципиально возможным, исследователь не развил мысль дальше, посчитав, что это нуждается в подтверждении [252. С. 103].

Г.Е. Корнилов считает *-ак* словообразовательным именным суффиксом в слове *патак* «палка» и допускает возможность, что чув. *ура*, *ора* ~ тюрк. *адак* и *патак* «палка» могут восходить к имитативу **pat-* и его аллоформам [133. С. 114].

3.1.5. Атрибутивная изосемическая модель

Проведенный нами семантико-этимологический анализ ботанической лексики разных языков показал наличие семантического перехода «лес» → «лесной» → «дикий» у следующих лексем.

Тюрк.: чув. диал. *пал(~пан)улми* «яблоко» [18. Т. 9. С. 80, 90]; *вйрман улми* «дикая яблоня» (т.е. лесная), *улӑх* «лес» → *улӑх улми* «дикое яблоко» (Там же. Т. 3. С. 219); *хир сысни* «кабан, дикая свинья»; *хир кушакё* «рысь», *хир майри* «кедровые орехи», т.е. «лесные орехи» → «дикие орехи»; *йывӑс улми* (~ *йӑвӑс улми*) «дикое яблоко» (Там же. С. 237); *ту качаки* «дикая (горная) коза»; *кыр кечи* «дикое животное», «дичь, живущая на свободе»; *кыр*

ýrdägi «дикая утка», *кыр казы* «дикий гусь» [235. Т. 2. С. 732]; башк. (южн. диал.) *кара сыбан* «вид дикой утки»; *пал* «дичь» (Там же. Т. 4. С. 1161), нивх. *пал (вал)* «лес»; прилагательное «дикий» в названиях деревьев: *армуд* ~ *армут* «дикая груша»; *карамык* «дикая слива», *алфынцар* «дикая вишня» [211. С. 185]; *тулана* ~ *толана* ~ *толан* «боярышник, терновник», «дикая, лесная слива» [254. С. 270], *гойем* «дикая слива» [255. С. 65–66].

Тунг.-маньчж.: эвенк. *буг, буэ, бу* «лес, поле, пустыня», «дикое глухое, нежилое место», «дикий» (о местности) [280. Т. 1. С. 100]; ср. чув. *улах* «лес» и *улах* «дикое, уединенное место» → «посиделки», монг. *аглаг* «девственный (о лесе)» → «уединенное место» → «место для охоты» [94. С. 271].

Деривация значения типа «лес» → «лесной» → «дикий», «гора» → «горный» → «дикий», «поле» → «полевой» → «дикий» замечена давно. Ее можно объяснить следующим образом: то, что растет в лесу, считается некультивированным, т.е. диким; лесные животные – дикие, т.е. неприрученные. Промежуточное звено («лесной», «горный», «полевой») свидетельствует о том, что значения эти производны и что в их основе лежат именные формы со значениями «лес», «гора», «степь (поле)».

Кроме того, подобная деривация может быть выражена частичной модификацией формы слова: например, нем. *wild* «дикий» считается родственным с *Wald* «лес», венг. *vad* «дикий» связывается с хант. *унт* «лес» [207. С. 58].

В русском языке слово *дичь* обозначает не только диких зверей и птиц, но и дикое, глухое место, т.е. *дичь* как название всего, что дико (поле, лес, гора и т.д.). Как известно, слово *дичь* этимологически связано со словами *дикий, дивный, диво, див* (т.е. чудо, чудовище, злой дух и т.д.). Ряд ученых не исключает возможности заимствования *див* из перс. *dēv* «демон, дьявол» через тюркское посредство [350. Ч. 1. С. 112]. Мы полагаем, что в чувашском слове *тискер* «дикий» содержится тот же неясный элемент *ти(< ди(в) + скер* (~ *ýзгар* «вещь»)).

3.1.6. Изосемическая модель «фитоним как производимая продукция»

Подкласс «1:1»

Семантический сдвиг «лес», «дерево» → «деревянное сооружение» выявлен нами в следующих лексемах.

Тюрк.: чув. *пёрене* «бревно», «балка» → «стена» [18. Т. 10. С. 230]; *сайхах* «жердь, слега»; *сайхахлӑх* «мелкий лес, частник», «жердинник» → «сеновал под навесом и настил для сена из жердей» (Там же. Т. 11. С. 6–7); общетюрк. *дерек* «дерево», «тополь», «сосна» → тур. диал. *derek* «насест для кур» [254. С. 206].

Тунг.-маньчж.: эвенк. *голо* «бревно» → «лабаз», «настил на сваях», *голомо* «жилище, зимовье» (из плах, окопанных земель или снегом); *голома* «чум» (из жердей); орок. *голо* «бревно» → «плот» (из трех бревен) [280. Т. 1. С. 159]; эвенк. *мõ* «дерево» – «пасть» (ловушка на зверя); эвенк. *мõ* «жердь остова чума» (Там же. С. 540); *угдал* «лиственница» (с корой, сухая?) → *угдан* «жилище», «лабаз» (Там же. Т. 2. С. 244); маньчж. *холдон* «кедр» → «башня сигнальная» (с её ночью сигнал подавался посредством зажигания огня, а днем с помощью дыма) (Там же. Т. 1. С. 407).

Фин.-угор. *куш* «лес»; фин. *kuusi* «ель», *kuusiko* «еловый лес» (ср. общеперм. *kuusi* «совокупность, множество, группа однородных предметов», коми *кушник* «изба для приезжих», удм. *сик* «лес», коми *сикт* «селение») развивалось из этого же значения (т.е. «группа строений») [157. С. 255]; ср. коми *сикт* «деревня, селение, село», а также «островок в лесу»; западнофин. *salu* «глухой, безлюдный лес»; ср. *salpa* «засов, задвижка» (деревянная) ~ чув. *сӑлӑп* «засов, задвижка»; ср. фин. *salvos* «сруб».

Слав.: *халуга* ~ *алуга* ~ *валуга* «густой лес» → «ветки, прутья» → «изгородь, ограда»; ср. *халуга* «улица», а также *халуна* «ветхая изба» [317. Т. 4. С. 218–219; 353. Вып. 8. С. 15]. Рус. диал. *барак* – *буерак* «небольшой лесок»

→ «возвышенность, густо поросшая лесом», *барак* (*борок* – окающая форма) «лес» дает контаминацию со словом *барак* «временный жилой дом». Общеслав. *гай* «лес, роща»; ср. словен. *na gajih živeti* «жить в деревне» [353. Вып. 6. С. 85]; *гора* «лес» → гора → укр. диал. *гора* «чердак» (Там же. Вып. 7. С. 28–30).

Герм.: др.-в.-нем. *balko* употреблялось не только в значении «бревно», но и «мастерская, где проводилась обработка дерева»; ср. англ. *balk* «окантованное бревно, балка, брус», «чердачное помещение».

Кавказ.: убых. *гьуыны* «дерево» → «хижина» [339. Т. 2. С. 96].

Семантический сдвиг «дерево» → «деревянное строение» можно объяснить тем, что первоначально все деревянные сооружения назывались по материалу, из которого они построены (бревна, жерди, прутья, кора, хвоя). В этом же ряду находится смысловая преемственность «дерево» → «забор, плетень, изгородь» → «огороженное место, огражденное место» → «город»: ср. якут. *siden* «лес, кустарник, мелкий сосняк» → «забор, изгородь» [115. С. 31–40], чув. *сатан* «плетень», *сатан-вёрлэк* «ограды, изгороди», башк. *ситәм* «плетень», в которых *сит*, *сат* возводятся к *чым* (*чйт*) «густой лес», «сосна, ель», ср. чув. *чйтләх* «густые заросли леса», «чаща»; ср. др.-англ. *tūn* «ограда, забор», «огород, сад», «деревня, город», др.-исл. *tūn* «огороженная площадка перед домом, двор», «город»; рус. *тын* «забор, ограда» < праслав. **tynь* «густая растительность», «плотная живая изгородь» [169. С. 31–34]; ср. нем. *Наг* «кустарник, роща» → «живая изгородь, плетень, забор». Нетрудно догадаться, что мордовское. слово *ош* «город» раньше означало «изгородь, огороженное место».

Такое соотношение значений позволяет говорить об известном изоморфизме строительных, пространственно-топографических и флористических представлений, параллельном включении их в одни и те же основные семиотические оппозиции. В связи с этим при проведении этимологического анализа необходимо применение универсального семантического сдвига «лес» ↔ «дерево» → «материал» → «строение из

дерева». Исследовательская практика показывает, что значения слов, связанные с простой народной строительной терминологией, обусловлены, как правило, названиями растений, деревьев и леса. Или же эта семантическая цепочка усложняется еще одним звеном типа: «гора» → «лес» → «строение (деревянное)»; ср. *гора* «гора» → «лес» → «чердак»; болг. лит. *гора* «деревянный материал: балка, бревна» [305. С. 72]; слав. *лес* имеет значения «гребень крыши, конек», «стропила», как переносные, метонимические значения от основного значения «лес» → «дерево» → «деревянный материал, дерево, предназначенное для обработки», все означаемые им референты являются продуктами древесины, дерева (Там же. С. 58).

Семантический переход «дерево» → «лодка, судно, корабль» выявлен нами у следующих лексем.

Тюрк.: чув. *кимё* «лодка» < араб. *gōtā* «тростник»? или рус. *комель*?

Индоевро.: рус. *колода* «бревно» → «долбленный челн», *дуб* «дерево» → «лодка-однодеревка».

Тунг.-маньчж.: эвенк. *угдал* «лиственница» – *угда*? «лодка-оморочка»; ороч. *угда* «лодка» (большая) [280. Т. 2. С. 244].

Общегерм. *ask-a-z* «ясень» → «небольшое судно».

Ряды регулярной многозначности данной тематической группы на этом не замыкаются. Особый интерес представляет развитие значения «дерево», «лес» → «густой, частый»: алт. *йыш*, шор. *чыш*, хак. *чыс*, якут. *сис* «гора, покрытая лесом», «чернь», но башк. *йыш*, кирг. *хыж*, карак. *жыс*, тат. *еш* означают «густой». По мнению Н.А. Баскакова, «на тюркской почве слово у (др.-тюрк. *ī* «растение». – Ю.И.), впрочем, могло возникнуть как усилительное слово *jigi* > *ji* «густой, частый, плотный», ср. *jijuγač* «густое дерево», с переходом по регрессивной гармонии *jiaγač* > *yaγač*, а затем лексикализировалось с самостоятельным значением у «растение, дерево» [21. С. 148–149]. С высказыванием Н.А. Баскакова нельзя согласиться. Доказательством этого служат примеры из других языков: эвенк. *сигүй* «чаща», «лес» (густой) → «густой» (о тайге) [280. Т. 2. С. 77]. По мнению

исследователей, с теми же значениями это слово заимствовано удмуртским языком: удм. *сик* «лес»; ср. аналогичное почти по звучанию и значению англ. *thick* «чаща, гуща», «густой, частый» или англ. *thicket* «чаща, заросли».

Подкласс «1:2»

Семантический сдвиг «дерево» → «гроб», «лес» → «гроб» выявлен нами у следующих лексем.

Тюрк.: чув. диал. *ййвӑс* «гроб» при лит. *йывӑс* «дерево» (синонимы: *круп* «гроб», *тупӑк* «гроб», *кистен* «гроб» [18. Т. 6. С. 247; 18. Т. 7. 333].

Тунг.-маньчж.: эвенк. *бакса* «столб» → «гроб» [280. Т. 1. С. 67].

Слав.: рус. диал. *колодьё собир.* «поваленный лес», «бурелом» → «долбленный деревянный гроб» [353. Вып. 10. С. 126]; *дерево* «многолетнее растение» → («материал») → «гроб»; хорв. *les* «дерево, древесина», в говорах *lies* «гроб» [305. С. 58].

Кавказ.: адыг. *пхъэмбей* (*пхъэмбой* «гроб», где *пхъэ* «дерево», -м- — эпентеза + *бей* ~ *бай* < араб. *beit* «дом» [342. Т. 1. С. 23].

Семантический сдвиг, по существу, то же самое, что и «дерево, лес» → «материал» → «изделие из дерева». Раньше у многих народов материалом для гроба служило исключительно дерево. Прочная фольклорная связь дуба и смерти находит подтверждение в предпочтении дубовых колод: ср. рус. *дуб* «гроб»; *дуб* — *вертодуб* — иносказание смерти в загадках; *дуба дать* «умереть», *дубасик* «смертный сарафан» у старообрядцев [256. С. 207–208].

В чувашском языке *тупӑк*, *тупӑт* «гроб» считается арабским (или персидским?) заимствованием: *табут* «гроб, сундук, ящик» [94. С. 258]. Вполне возможно, что араб. *таб-ут* (*тав-ут*) является однокоренным с араб. *dab-r-i* «лес» (→ «дерево»). Семантическое сближение «гроб» ↔ «сундук», «ящик» можно наблюдать также в араб. *bait* «дом, ящик, сундук» > тюрк. кирг. *бейит* «могила» [339. Т. 2. С. 23]. Синонимия слов «гроб» и «ладья» засвидетельствована в терминологии: *колода* «гроб» при *колода* «долблённая

лодка», ср. *колодья* «долблёный деревянный гроб» [353. Вып. 10. С. 126]. Дальнейшее развитие формы представляется прозрачным: *колода* ~ *колодка* > *лодка*; *колодья* > *лодья* ~ *ладья*, т.е. усечение препозитивного слога *ко-* привело к нынешним формам *лодка* и *ладья*. Сближение гроба с ладьей вплоть до прямого использования ладьи в княжеских похоронах имеет реликты в современном обряде: прежде всего, это его форма – долблёная однодеревная колода из дуба.

Таблица 11.
Ритуальное значение дерева у чувашей
(Источник: [18. Т. 4, 5. С. 322; 342–346])

Уровень обрядовой реальности	Воплощение ритуального мотива у чувашей
Поверья	а) <i>Тёлёкре йывăç кассан сын вилет.</i> «Если срубить во сне дерево – к покойнику». б) <i>Пёр-пёр сын юман лартсан, лартнă юманĕ май хулăмĕш пулсан, хуши вилет теççĕ.</i> «Человек, посадивший дуб, умрет, когда посаженный дуб станет толщиной с его шею».
Уровень обрядовой реальности	Воплощение ритуального мотива у чувашей
Действия	Ритуал со столбом, изображающим собою покойника (<i>юпа: юпине сын евёрлĕ тăваççĕ</i>); <i>Юпа</i> «поминки», похороны и поминки у чувашей
Обрядовые реалии	Дерево (доски) как исключительный материал для гроба; надгробие из дерева
Обрядовая терминология	<i>Йывăç</i> диал. «гроб»; <i>юпа уйăхĕ: юпа ларт, юпа туни, юпа кĕртни</i>

Таблица 12.
Ритуальное значение дерева у русских
(по данным Седаковой)

Уровень обрядовой реальности	Воплощение ритуального мотива у русских
------------------------------	---

Поверия	Сон о поваленном дереве – к смерти
Действия	Ритуал с кладбищенским деревом; игра, имитирующая карабканье по стволу
Обрядовые реалии	Дерево как исключительный материал для гроба; надгробия в форме дерева
Обрядовая терминология	<i>Дерево, деревищечко «гроб», дуб «гроб» (полес.), поддубена «гроб» (смол.), одубеть, дуба дать; дуб – вертодуб; уйти в кокорье «умереть», ср. кокорь (кокора, кокорыга) «кривое дерево, ствол с сучьями» [317. Т. 2. С. 282], колода «гроб», чурак «гроб» и тёсаная труна, трунва, труна горбоватка (укр.) имитирует форму древнейшей долблёной колоды.</i>

Как видно из таблиц 11 и 12, много общего в воплощении ритуального мотива у чувашей и русских. Истолковать термины, приведенные в таблицах, можно на основе языческой модели мира.

Подкласс «1:3»

Примитивное рыболовство характеризуется примитивными снарядами для ловли рыб, изготовленными из прутьев или кольев: мар. *ванда* «рыболовный инструмент, сплетенный из таловых прутьев»; (ср. мар. *вондо* «тростинка, стебель» и «дерево»; коми *водж* «водж», «зимняя рыболовная запруда из кольев»; мар. *мача* «рыболовный снаряд из дранок», чув. диал. *шарата* «рыболовная снасть, изготовленная из прутьев».

Опираясь на данные этимологического анализа названий рыболовных снастей, исследователи указывают на то, что критерием номинации иногда является способ или материал их изготовления [150. С. 111–127].

Семантический переход «лес» («дерево») → «предмет из дерева» →

«единица измерения» мы выявили у следующих лексем.

Тюрк.: чув. *шалча* «кол, тычина» → «какая-то мера длины» [18. Т. 17. С. 710]; чув. *патак* «палка» → «мера длины сажень» (Там же. Т. 9. С. 129); чув. *пў* «ствол, стебель», «высота, равная длине ствола дерева»; *пў, пёв* «сажень» (Там же. Т. 10. С. 71, 186); общетюрк. *агач* «дерево», «лес» → «мера длины (около 6–7 км)», «персидская мера длины (фарсанг) в 6–7 км», «мера длины около 1 км», «расстояние в 15 вершков», «аршин» [252. С. 72]; значение *југаѝ* «6–7 км» или «8–9 км» – это расстояние, с которого можно видеть гущу деревьев или одинокое большое дерево [17. С. 27–28]; чув. *хур* «локоть» (старинная мера длины), видимо, соответствует монг. *гар* «рука»: ~ тунг.-маньчж. *гара* «сук, ветка» → «конечности (руки, ноги)»; ср. эвенк. *кар* «прут (тонкий)», «лучевая кость»; др.-тюрк. *gari* «рука (локтевая кость)», якут. *хара* ~ *хары* «ручка, предплечье, локоть» [112. С. 174; 280. Т. 1. С. 141], чув. *аршайн* «аршин (мера длины)», *аршин* – «деревянная полоса» (а потом «железная полоса»), служащая для измерения и имеющая 16 вершков в длину [18. Т. 2. С. 75–76]; чув. *аршайн* > мар. *аршын*, по Ф.И. Гордееву, тюрк. *аршин* < иран. *арашиан* «локоть (мера длины)» [56. Т. 1. С. 154–155].

Тунг.-маньчж.: сол. *мō* (*мóдо*) «дерево», «палка, прутья» → «верста» [280. Т. 1. С. 540]; ср. *мō* (< кит.?) «мера плоскости = 120 кв. саженей» [235. Т. 4. С. 2119]; ср. маньч. *мо* ~ *му* «земельная мера», «счетное слово полос, участков земли» < кит. *му* «дерево» [280. Т. 1. С. 548]; эвенк. *турикта* «черемуха (дерево)» → *туриктэ* «мера длины» (третий сустав пальца) (Там же. Т. 2. С. 219).

Слав.: др.-рус. *соха* «кол, дубина, подпорка», «соха» и «мера площади» [281. Т. 3. С. 470]; рус. *усошье* «расстояние между боковыми столбами овина» [317. Т. 3. С. 729]; видимо, *у* + *сош* (< **сох*) + *je*; польск. *kol* «кол, палка», диал. *kol* «мера длины основы» (1/4 оборота сновальной рамы) [353. Вып. 10. С. 161]; рус. *столб* «бревно, брус, поставленные стоймя» → «участок земли в несколько десятин», «полоса, клин, загон в 80, 100 сажен» [62. Т. 4. С. 327].

Нем. *Rite* «прут» → «старинная немецкая мера длины от 3 до 5 м».

На наш взгляд, выявление закономерностей в рамках группы, подтверждая не случайность, а типичность наименования, нередко служит проверкой правильности этимологии.

Следует отметить, что географический или ботанический термин иногда превращается в метрологический, например, рус. *волок* ~ *волока* «лес, бор», «болото в лесу», «лес, который тянется на большое пространство», *волок* «большой лес, не менее верст пятнадцати» → *волока* «мера земли около 20 десятин» [305. С. 161–164]; ср. тюрк. *агач* «дерево» → «мера длины». В имеющейся литературе по метрологии особо выделяются названия мер длины, связанные с антропометрическими измерителями (размах руки, локоть, ширина ладони, ступня ноги, шаг).

Исследователи до сих пор мало обращают внимание на один немаловажный факт: часть народно-бытовых мер длины получила свои названия по предмету, использованному в качестве измерителя. Предметом этим оказались дерево, части дерева, предмет из дерева. Г.Я. Романова в специальном исследовании «Наименования мер длины в русском языке» приводит примеры подобного сдвига: «дерево» → «предмет из дерева», где в качестве предмета-измерителя выступают: батог, кол, палка, веревка, шест. Автор говорит о том, что «при образовании терминов, обозначающих меры длины, большую роль играл лексико-семантический способ словообразования: почти все они производны от других названий в результате метонимического переноса» [238. С. 113]. То, что сказано о совпадении названия меры с названием частей человеческого тела, не вызывает возражений, однако нельзя забывать и о том, что названия частей человеческого тела находятся в прямой семантической связи с названиями частей дерева.

До сих пор нет достоверной этимологии чув. *аршан* ~ рус. *аршин*. Существует версия, что русские заимствовали этот метрологический термин у тюрков. В качестве непосредственного источника заимствования

Г.Я. Романова указывает тур. *arşim, arşin* – долгий локоть или пик, используемый для измерения шелковых тканей и сукон = 68,58 см [238]. А чув. *аршйан* и, соответственно, тюркские параллели возводятся к персидскому оригиналу: *ārš* «локоть, 15 или 16 вершков» [341. С. 29]; чув. *аршйан* < перс. *ārāдж* ~ *ārāндж* «локоть» [94. С. 33]. При этом не учитывается несовпадение морфемного состава слов. Теперь обратим внимание на предмет, использованный в качестве измерителя. По В. Далю, это – прут, палочка, тесьма ровно в эту меру – четыре четверти пяди, по четыре вершка (верха сустава пальца); треть сажени, длина всей руки от плеча: вольный шаг человека, $2\frac{1}{2}$ русского или английского фута; 0711 метра» [62. Т. 1. С. 26]. По мнению Н.И. Ашмарина, *аршйан* «аршин» – деревянная полоса, служащая для измерения и имеющая 16 вершков в длину [18. Т. 2. С. 75–76]. По Г.Я. Романовой, *аршин* – долгий пик, равный 68,58 см, где *пик* ~ *ника* «древко, рогатина» [238. С. 104]. Таким образом, в старину аршин употреблялся для измерения тканей, измерителем была деревянная полоса.

Измерители *кол, палка, шест* дали название мерам, применяемым в народнометрологической практике при измерении и разделе пахотной земли и покосов. Название линейной меры затем использовалось как название надела, меры поверхности; точно так же *аршин* (первоначальное значение которого точно не определено, предположительно «деревянная палка») дал название мерам, применяемым при измерении тканей.

Как указывает Г.Я. Романова, *бодаг, батог* – мера длины и объема – получила свое название по измерителю. Небезынтересно отметить и то, что чув. *патак* «палка» → «мера длины около сажени» почти совпадает с рус. диал. *батог* «палка, посох» → «линейная мера, равная обычно половине погонной сажени» [238. С. 118].

В этом же ряду стоит рус. *столб* «толстый брус» → «мера длины холста, равная двум аршинам» (Там же. С. 121). В этом отношении аршин и столб выступают в одинаковой функции – функции измерителя.

Вернемся к указанному Н.И. Толстым метрологическому термину *волок*. По замечанию Г.Я. Романовой, слово *волок* с весьма неопределенным метрологическим значением (обозначение большого расстояния в безлюдном месте – 30–40 км) отмечено в современных диалектных записях [238. С. 126]. В этом случае в качестве измерителя выступает *волока* «лес – тянущийся на несколько километров» или же «клюка, длинная кокорка, целиком срубленные тонкие деревья» [62. Т. 1. С. 236] или же *волока* ~ *волокни* «оборы, завязки, постол, применяемые в качестве измерителя»; ср. в аналогичной функции *веревка* (*вервь*, *веревь*, *верва*), *ужище* – способы измерения земельных угодий; ср. арх. *веревка* «поземельная мера в 1850 квадратных саженьей» [238. С. 118–119] и *волока* «мера земли около 20 десятин» [62. Т. 1. С. 326].

Из всего сказанного следует, что среди метрологических линейных терминов особое место занимают:

а) названия мер длины, связанные с названиями соответствующих измерителей, а измерителями выступают деревянные предметы;

б) названия мер длины, связанные с антропометрическими измерителями: чув. *хулха* «ухо» → «расстояние между берегом и мостом» [18. Т. 16. С. 154];

в) названия мер длины, связанные одновременно с деревянными измерителями и антропометрическими измерителями: чув. *пў*, *пёв* «стан тела» → «ствол, стебель» → «сажень», «высота, равная длине ствола дерева» (Там же. Т. 10. С. 71) и т.д.

Семантический переход «дерево» → «предмет из дерева» → «человек» характерен для следующих лексем.

Тюрк.: чув. *каска пуканё* «обрубок дерева (служащий стулом)» → *каска пуканё* «толстушка», «толстяк» (отрицательная характеристика), *сёрёк каска* «гнилая колода» → «плакса» (стилистически сниженная оценка); *тунката* «пень, колода, чурбан, столб» → «болван, глупец», *шёрпайк* «щепка», «заноза» → «задира»; ср. рус. *колода* «обрубок дерева» → *колода* (о толстом,

неповоротливом человеке); *дубина* «дерево» (дуб) → «толстая тяжелая палка» → «глупец» (о тупом, глупом человеке); *болван* «обрубок дерева, чурбан» → «тупица, неуч» (о человеке); *чурбан* «обрубок дерева» → «неповоротливый, тупой человек, болван»; *пень* «торчащий остаток срубленного или сломанного дерева» → *пень* «неуклюжий человек» (*пень пнём* «дурак дураком»).

Семантический переход «лес», «дерево» → (материал) → «изделие из дерева» мы обнаружили в следующих лексемах.

Тюрк.: чув. *авър* «прут, стебель» → «ручка, черен, рукоятка» [18. Т. 1. С. 52]; чув. *ывӑс* (лит. *айвас*) «осина» → «деревянный кружок для покрытия посуды», «доска» (Там же. Т. 3. С. 48); *хурама* «вяз» → «вязок или вязка» (гибкие прутья, которыми связывают копылья) [332. С. 565], ср.: алт. *карама* «вяз» – «вязовые скрепы, которыми прикрепляют полозья саней» [235. Т. 2. С. 166]; чув. диал. *йрече* «вяз» ↔ «грядка у телеги», «нахлестка у саней»; общетюрк. *ауач* «дерево» в различных языках имеет значения: «бревно, балка, шпала, столб, косяк, кусок дерева, палка, дубина, посох, изделие из дерева, дрова» [252. С. 72]; ср. *сала* «ветвь, отросток» и *сала* «соха» [235. Т. 4. С. 349]; *дерек* «дерево», «осина» → «столб», «полка», «шкаф», «насест для кур» [254. С. 206]; ср. *дирак*, *тирек* «подбора, подборка», «опора», «колонна», «мачта», «древко» (Там же. С. 239); тув. *адыр* «ветка», «развалина, ответвление», ср. казах. *айыр* (д ~ й) «вилы»; азерб. *чатал* «ветвь» (раздвоенная, вилообразная); ср. тур. *çatıl* «вилы, вилка» [250. С. 194].

Монг.: монг. *чаргай* «лес (кондовый)», ср. *чарга* «сани, санки, салазки»; монг. *ии* «стебель, ствол растений» → «рукоятка, ручка».

Тунг.-маньчж.: эвенк. *мб* «дерево», «лес (сплавной)» → «бревно», «столб», «палка», «полено»; эвенк. *голо* «упавшее дерево», «колода», *голо (гулу)* «бревно, плаха», «чурка» [280. Т. 1. С. 159]; уд. *бул 'а* «молодой ясень» → «древко копья», ср. ороц. *булэ* «древко, ручка, рукоятка» (Там же. С. 109); эвенк. *болоко* «таволга», «ива» → «чубук, мундштук» (курительной трубки) (Там же. С. 93); ног. *гаја* «сук, ветка» → «уключина в лодке» (Там же. С. 141); эвенк. *ча́кре* «ель» → «доска еловая» (для изготовления лыж) [280.

Т. 2. С. 379]; эвенк. *сэргэ* «столб» → «лиственница» (для привязывания оленя при обряде посвящения, табуирования) → «коновязь», ср. якут. *сăргă* ~ *сөргө* «столб коновязный» (Там же. С. 145).

Слав.: общеслав. *gora, hora* «гора», «лес», ср. укр. *gora* «чердак», чеш. *hůra* «чердак» [353. С. 29–30]; рус. диал. *калужина* «дерево, бревно, затонувшее в воде», «большой кусок, обломок дерева» → «бревно, из которого вытесывают «потoki»» → «желоб, идущий вдоль нижнего края крыши» [273. С. 368]; *калужка* «палка», «полено» → «деревянное самодельное долбленное блюдо» (Там же); рус. диал. *корч* «дерево, выкорчеванное с корнем», «верхний конец форштевня судна и сам штевень» [273. С. 29]; рус. *сук* «боковой отросток от ствола дерева» ~ др.-инд. *śetkīś* «острый колышек, деревянный гвоздь» [317. Т. 3. С. 798]; праслав. **sokъ* «сук» → др.-рус. *соха* «кол, дубина», рус. *соха* «соха», укр. *соха* «подпорка», «соха» (Там же. С. 729).

Слав.: рус. *дерево*: «деревом зовут его не только на корню, но и по срубке и очистке от сучьев, бревно... зовут деревом все, что из него сделано: древко, ратовище, ручку и пр.». [62. Т. 1. С. 403]; рус. диал. *липа* «дуб» → «притолока, косяк, подоконник у двери, окна, телеги», «низенькая скамеечка, на которой сидят сапожники за работой», «лукошко», «жердь, на которую что-л. вешается» [273. С. 52–53]; рус. *дуб* «долголетнее лиственное дерево, приносящее желуди и обладающее крепкой древесиной», рус. диал. *дуб* «лодка, челн», «выдолбленная из сосновой колоды лодка» (у карелов), укр. *дуб* «растение дуб», «большая лодка, выдолбленная из дерева» [353. С. 95–96]; рус. *дерево* «многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону», рус. диал. *дерево* «деревянная часть сохи», «мачта», «лодка, выдолбленная из одного дерева», «колодка», «коромысло», «клещи (деревянные полуовальные бруски) хомута».

Балт.: лит. *virbas* «хворостина, прут», латыш. *virba* «деревянный шест, копье»; ср. рус. *верба* < лит. *kartis* «отрезанная жердь, палка» → «весло, рулевое весло» → «руль».

Фин.-угор.: мар. *алдыр* «большой деревянный ковш», удм. *дуры*

«разливательная чашка» при др.-инд. *darvi-h* «деревянная ложка», санскр. *daarvi* «ложка», *du'ree, du're* «большая ложка» от др.-инд. *daaru* «дерево, древесина» [56. Т. 1. С. 85; 157. С. 87]; венг. *ta* «дерево» → «лес» (материал) → «древесина», «дрова» → «кегля (кегли)»; фин. *korento* «шест, жердь» → «коромысло».

Следует отметить, что исследователи, описывая основные типы полисемии, оставляли вне поля зрения связь значений «дерево» → «материал» → «изделие (предмет) из дерева». Ю.Д. Апресян, а вслед за ним и Н.И. Сальникова, в число типов регулярной значимости включают лишь семантический сдвиг «дерево» → «древесина этого дерева», а в пункте «материал» → «изделие из этого материала» у обоих авторов дерево как поделочный, строительный материал не указано [8. С. 201; 246. С. 77]. В статье Л.В. Дмитриевой семантический сдвиг «дерево» → «материал» не приведен [71. С. 152–160]. Из дерева издревле изготавливались различные бытовые предметы: посуда, сельскохозяйственные орудия, ручки, рукоятки различных предметов, средства передвижения, колышки и гвозди для различных целей, деревянные части лодок, судов и кораблей. Немалый интерес для этимологии представляют и те именные слова, которые в словарях даются с определяющим словом «деревянный». Если учесть, что у первобытных людей не различались орудия труда и оружие, то становится понятно, почему тюрк. *балдак* «клюка», но в то же время и «палица» (оружие).

Если исходить из конкретных материальных условий развития общества и языка, то не заметить перехода «дерево» → «материал» → «предмет из этого материала» просто невозможно, ибо дерево как материал всегда было под рукой и по сей день изделия из дерева очень востребованы. Цивилизация вводит в сознание людей новые понятия. Новизна в языке очень часто передается новыми словами или заимствованиями. Это характерно для всех этапов развития языков. Но языку никогда не было чуждо явление семантической деривации, когда словарный запас пополнялся за счет развития значений слов. Как мы видим, семантический переход «дерево» → «материал» → «предмет из этого материала»; «лес» →

«материал» → «изделие из этого материала» не было чуждым для многих языков. Это явление можно считать универсальным.

К циклу «дерево», «растение» → «предмет из дерева» относится смысловой переход **«дерево → часть дерева → музыкальный инструмент»**.

Индоевроп.: рус. *валторна* < *Wald* «лес» + «рог» *Horn* [352. Т. 1. С. 12].

Лат. *tuba* «труба», *tibia* «труба, флейта» и «ствол, жердь» > *tubus, tuba* «труба» (Там же. С. 127).

Тунг.-маньчж.: ороч. *коңко* ~ *куңко* «кедр» → ороч. *кункаи* «варган» (губной деревянный музыкальный инструмент) [280. Т. 1. С. 412]; ср. нег. *темкэвун* «бревно музыкальное» (на медвежьем празднике) (Там же. Т. 2. С. 234).

Тюрк.: тур. *bori* «дудка, свисток из ивовой ветки», тув. *мургу* «дудка из дудника», хак. *мыргъ* «борщевик», «дудник, дягиль» [253. С. 195]; чув. *вуля* «игральная трубка» (музыкальный инструмент) ← *вуля* «ствол, стебель», «дуло» [18. Т. 5. С. 262–263]; *какяр* «жердь» → «сигнальный рожок», «рожок волынки».

Чув. *сърнай*, по В.Г. Егорову, заимствовано из персидского: *сурней* < *сур* «пир» + *ней* «флейта» [94. С. 184]. Н.И. Ашмарин детально описал все то, из чего могли делать *сърнай*: волынка, дудка игральная из растения: дудка из камыша, дудка из липы [18. Т. 11. С. 278]. Этимологически членимая вторая часть *най* в других тюркских языках имеет аналогичные значения: *най* «свирель», *нэй* «трубка, камыш, тростник»; азерб. *ней* ~ *мей* «деревянный духовой инструмент, похожий на кларнет», «дудка», узб. *най* «трубка», «музыкальный инструмент типа свирели»; узб. *сурнача* «рожок» (муз.), ср. уйг. *зурнай* «деревянный музыкальный инструмент», тат. *сорнай* «деревянная дудка» [94. С. 184]; ср. башк. *курай* (растение) и *курай* (музыкальный инструмент).

Особый интерес представляет в этом отношении чувашское слово *шăпăр* «волынка», «пузырь (духовой музыкальный инструмент из телячьей шкуры (кожи) или бычьего пузыря)», считавшееся заимствованием из персидского *шейпур* «музыкальная труба» [94. С. 334]. Нельзя ли чувашские омонимичные слова *шăпăр* «волынка» и *шăпăр* «метла» считать

этимологически однокоренными: ср.: *шăпă* ~ *сынă* др.-тюрк. *čibik* «стебель, прут», чув. *шăп*, *шăпă* «жердь» [18. Т. 17. С. 319, 320]? По нашему мнению, в тюркских параллелях *сыбызги*, *сыбыскы* «труба, дудка» содержится тот же корень, что и в чув. *шăпăр* (*сыбыз*, *з* ~ *р*).

Таким образом, чув. *шăпăр* «волынка» могло получить свое название по принадлежащему инструменту трубке, изготовленной из стебля дерева или из камыша: ср. тюрк. *сыбыз* «камыш», сиб. тюрк. *шо(F)ор* ~ *чоор* «свирель ← камыш».

Аналогичное решение вопроса было предложено В.А. Меркуловой, которая указывает на типичность модели «стебель, дудка ↔ название растения» [180. С. 74]:

Ствол, стебель, дудка	Название растения
<i>ствол</i>	<i>стволья</i>
<i>будыль</i>	<i>будылья</i>
<i>дудка</i>	<i>дудка, дудки</i>
фин. <i>Putki</i>	фин. <i>Putki</i>
нем. <i>Stengel</i>	нем. <i>Stengel</i>
нем. <i>Tuten</i>	нем. <i>Tuten</i>

Подкласс «1:4»

Семантический переход «дерево» → «орудие труда» → «оружие» характерен для следующих лексем.

Тюрк.: чув. *вулă* «ствол дерева» → «дуло, ствол» (ружья) [18. Т. 5. С. 263]; *балдак* 1) «клюка, на которую опирается хромой», 2) «палица» (дубина как оружие) [235. Т. 4. С. 1503]; *балка* «деревянный молоток»; «палица», «вид дубины» [253. С. 57–58]; *тăлгăн* «деревянная военная машина» [235. Т. 3. С. 1086], *тарыска* «прутья, которыми связывают жерди в загородку», «лыко белого тальника»; «праща для метания камней» (Там же. С. 848); ср. *тармал*, *тарымал* «роща, дубрава» (Там же. С. 874, 849), чув. *ăраман* «бабы для

вбивания свай», «колотушка для раскалывания кряжей» ~ рус. *роман* «стенобойное оружие» [235. Т. 4. С. 56] < тюрк. *орман* «дерево» (метатеза?).

Тунг.-маньчж.: эвенк. *hāktə* «древесина», «древко самострела» [280. Т. 2. С. 311]; уд. *бул'а* «молодой ясень» → «древко копья» [280. Т. 1. С. 109]; нан. *даргун* «жердь, шест?» → *дарги* «гарпун», «пальма» (копье) (Там же С. 199); маньчж. *чиктэн* «стебель».

Индоевроп.: др.-рус. *оскопъ* «деревянный кол, заостренный на концах»; *бодило* «копье», ср. болг. *бодило* «терн, колючка, шип», рус. *бодило* «рогатина, ратовище с копьем»; польск. *rogatyna* «копье», «колющее оружие, состоящее из древка», словац. стар. *rohatuna* «прутик, обмазанный клеем» (для ловли птиц); рус. *рогатина* «охотничье оружие в виде копья с длинным древком» → «пищаль, ружье фитильное» [62. Т. 4. С. 100] ср. *рожен* ~ *рожон* «заостренный кол, шест» и *рожны* «железные навозные вилы» (Там же); ср.-ирл. *ochtach* /< **puktaka* «ель», «копье»; рус. *торчь* «древко, на которое насаживалось копье», ср. укр. *торч* «род огорожи: палки из хвороста, укрепленные вертикально», ср. *тарча* «щит воинский»; рус. *роман* «барс, таран, баран», «стенобойное орудие, подвешенное, лежащее бревно, иногда с оковкой, для боя по уровню» (Там же. С. 103), *рамень* «бревно в 5–7 сажений» (Там же. С. 58).

Фин.-угор.: фин. *ase* «орудие, инструмент, оружие» ~ веп. *azeg* «палка, кол, дубина», использование их как орудия защиты и нападения [56. Т. 1. С. 157].

Герм.: общегерм. **ask-a-z* «ясень», «копье из ясеня», общегерм. *skaft-a-z* «шест» → «древко копья» → «копье».

Кавказ.: адыг. (черкес.): *бжы (пчы)* «пика, копье», ср. *бжей пчейы* «дерево», «чинара», «бук»; абхаз. *а-пса* «пихта, ель» (в адыгских языках *псей* ~ *псэйы*, абхазы пики делали из молодых елок) [339. С. 87].

3.1.7. Изосемическая модель «фитоним как вид абстракции»

Семантический переход «дерево» ↔ «дрова» → «огонь» → «очаг» → «жилище» выявлен нами у следующих лексем:

Тюрк.: чув. *вут(ă)* «дрова» → «огонь» → «костер» → «печь», «печка»; чув. *кавайт* «хворост» → «костер»; общетюрк. *одун* «сухое дерево», «дрова», «топливо»; ср. *от* «огонь»; *ода-* «топить (печь)», *ота-* «зажигать» [252. С. 421–422]; кирг. *коло* ~ *голо* «бревно», ср. *коломто* «место в юрте, где разводят огонь», «очаг» [233. С. 170];

Монг.: совр. монг. *голомт*, бур. *гуламт* ~ *буламт* «очаг в середине юрты».

Семантический переход «дерево» ↔ «лес» → «охота» характерен для следующих лексем.

Тунг.-маньчж.: эвенк. *ајі* (*агї, ај, ай*) «тайга», «лес» → «охота», «добыча» [280. Т. 1. С. 13].

Индоевроп.: рус. диал. *лесня* «охота, занятие охотничьим промыслом», *леснь* – «добыча, лесная, охотничья добыча» [273. Вып. 17. С. 9].

Приведем оригинальный пример, иллюстрирующий семантический сдвиг «лес → охота»: эвенк. *агї* «тайга, лес» → «охота», «добыча» [280. Т. 1. С. 13]. Нетрудно догадаться о возникновении термина *ава* ~ *аба* «охота» не только в тунгусо-маньчжурских, но и в монгольских и тюркских языках: *аб(а)* ~ *ав*; все они восходят к единому источнику, указывающему место для охоты, т.е. лес; ср. нег. *хујэн* «лес, тайга» и *хујэнме хул* «охотиться» (Там же. Т. 2. С. 351); ср. коми-зыр. *вöравны* «охотиться» связано со словом *вөр* «лес», ср. аналогичную связь между фин. *metsä-stää* «охотиться» и *metsä* «лес» [354. С. 165].

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов в монографии «Индоевропейский язык и индоевропейцы» перенос значения «дерево» ↔ «лес» → «охота, охотиться» объясняют древней соотнесенностью диких животных со срединной частью дерева, т.е. мир по древнейшим мифологическим воззрениям, в том числе и индоевропейским, представляется в виде дерева или ему подобных обрядовых сооружений, направленных ввысь. Все эти символы мира воплощают универсальную схему мирового древа в качестве образа строения мира. «Все живое... представляется как находящееся в определенных частях такого мирового древа, располагаясь

у средней его части – ствола...» [49. Ч. 2. С. 485–486].

Такая трактовка заводит в «мифологические дебри», на наш взгляд, все можно объяснить проще: дикое животное первоначально называется лесным, потом диким: ср. латыш. *mežs* «дерево» ↔ «лес» → *meža zvērs* «дикий зверь» (Там же. С. 486). Следовательно, венг. *vadászat* «охота», *vad* «дикий» и *vadon* «лесные дебри» имеют общее происхождение и восходят к общему семантическому корню «лес».

Имеющееся в чувашском языке слово *ухута* «охота» возводится к русскому «охота». Между тем рус. *охота* не имеет установленной этимологии. Объяснение, согласно которому *охота* в значении «звероловство» является восточнославянским табу, не дает полноценного представления о первоначальном семантическом корне, поскольку значение «желание, веселое расположение духа» у слова *охота* может быть вторичным. Можно предположить, что этот термин получил свое название по средству, предмету или месту для охоты. Таким предметом первоначально был лук в алтайских языках содержит тот же корень, что и *лес*, *дерево*: корень *аγ* ~ *ак* ~ *ај* ~ *а:к* ~ *ав* [252. С. 118]. Ярче всего это проявляется в тунг.-маньчж. *аγат* < **аγатај* «острие у стрелы» [280. Т. 1. С. 12] и *аката* «лук» (оружие), *аката* «самострел, стрела самострела» (Там же. С. 25). В основу чув. *сунар* «охота», по мнению В.Г. Егорова, положено слово *сунар*, *сонар*, *сонор* «пороша, первый снег», поскольку охотники на охоту выходили по первому снегу [94. С. 195]. Образ снега при выражении значения «охота» в тунгусо-маньчжурских языках перекликается со значением «лес», что находит выражение в пределах одной и той же лексемы: *ајй* ~ *ај* ~ *ајй* «лес, тайга», «охота», ср. *ај*, *ајй* «идти по снегу» (без дороги) в производных от *агй*: *ајйкта* ~ *агйкта* «бродить в поисках следов зверя – по снегу в лесу без лыж» [280. Т. 1. С. 113].

3.1.8. Изосемическая модель «одушевление фитонимов как принцип»

Совершенно неисследованным является **семантический переход**

«дерево → рыба», «лес → рыба»: тюрк. *дал* «дерево» → «пеламида» [254. С. 131]; рус. *густера* «густой, молодой лес» – «густера» (рыба). Незнание закономерностей семантического перехода вызвало у исследователей недоумение: почему в тюркских языках *балык* и «рыба», и «город» (первоначально «запруда, загородь для ловли рыбы»)?

Наше внимание привлекло участие видовых названий деревьев в составных наименованиях рыб в чувашском языке: *юман пулă* «жерех» (букв. «дуб-рыба»), *юман партас* «голавль» (букв. «дуб-голавль»), *çăка пулă* «стерлядь» (букв. «липа-рыба») [18. Т. 13. С. 9]; *çирĕк пулли* «форель, пеструшка» («ольха-рыба») и др.; тур. *dal* «дерево» → «пеламида» (рыба) [254. С. 131]; укр. *клень* «клен» (дерево) и *клень* «рыба» [317. Т. 2. С. 247]. По поводу последнего имеется замечание А.А. Белецкого: «В словаре М. Фасмера в статье *клен*, скорее всего по ошибке оказалось укр. *клень*; оно на своем месте в нижеследующей статье – *клен* (рыба), в некоторых исследованиях *клень* дается только как название рыбы... [25. С. 209]; ср. рус. *густера* «густой, молодой лес», «лесная чаща» → *густера* (рыба), *вымба*.

В данном случае имеет место тот же случай семантического сдвига «лес» → «множество» (скопление однородных одушевленных предметов). Как отмечает крупнейший русский ихтиолог Л.П. Сабанеев, «весной и осенью густера держится чрезвычайно густыми стаями, откуда и произошло её общеупотребительное название» [242. С. 206].

По мнению Б.И. Татаринцева, первоначально в тувинском языке существовало именно слово *шавага* (< *чабака*) «молодое дерево», а затем появилось слово *чабак* (название рыбы), которое было уподоблено слову *шавага* (< *чавага*) [298. С. 16].

Автор подобные примеры относит к полисемии без связей семантической производности между ЛСВ или к полисемии без деривационных связей и указывает, что подобные существительные имеют только идентифицирующее значение: *шавага* в современном тувинском языке служит в основном названием рыбы небольших размеров – «молодая,

маленькая рыбка», а как наименование вида растений оно малоупотребительно (Там же. С. 22).

Семантический переход «лес» ↔ «поросль» ↔ «дети» характерен для следующих лексем:

Тюрк.: чув. *хунав* «росток, поросль» → «дети», «молодежь»; *папак* «почка растений» → «ребенок»; тат. *бэбэк* «побег (у деревьев)»; ср. в др.-тюрк. яз.: «младенец, грудное дитя» [253. С. 96]; кумык *өрнек* «молодой побег», *орум* «побег» → «подросток» [151];

Тунг.-маньчж.: маньчж. *сидан* «подросток» ← «подлесок» [280. Т. 2. С. 79]; *furi (fursun)* «молодые побеги растений», ср. нан. *puril* «дети» [154. С. 25]; эвенк. *дагачан* «корень дерева» → «ребенок» [280. Т. 1. С. 188]; *сидан моо* «дерево молодое» → *сидан* «подросток, недоросль» (Там же. Т. 2. С. 79).

Семантические переходы «лес» ↔ «дерево» → «животное»; «дерево» → «птица» выявлены нами у следующих лексем:

Тюрк.: чув. *уртайш* «можжевельник» – *уртайш кайакё* «павлин»; якут. *уһуһэс* «годовой побег дерева» → «медведь», ср. эвенк. *уһуһэс* «щенок»; якут. *көлө* «палка» → «упряжная скотина»;

Индоевроп.: рус. *иволга* «ива пурпурная» и *иволга* «птица, желтый дрозд»; ср.-в.-нем. *witewal* «иволга», где *wite* «дерево» [317. Т. 2. С. 114–115]; рус. *курма* «дерево» финиковая пальма (и плод) → «животное виверра, цибетка» [62. Т. 2. С. 223];

Тунг.-маньчж.: орок. *утарину* «шиповник» → «еж», ср. адыг. (кавказ.) *пыжъ* ~ *пыжъы* «терн» (каб.) → «ёж» [339. Т. 2. С. 38], каб. *пыжъбанэ* «колючка терна, терновника», ср. абаз. *пыжубана* «ёж» (Там же).

Семантический переход «дерево (растение)» → «предмет из дерева» → «человек» характерен для следующих фитонимов.

Тюрк.: чув. *йывайс* «дерево» → *йывайс* «дубина» (о тупом, нечувствительном человеке); юман «дуб» → юман «здоровяк» (о крепком, здоровом человеке); чув. *катаркас* «боярышник» → перен. «придирчивый человек»; тат. *агач* «дерево», «болван, дубина».

В чувашском языке *юман* «здоровяк» характеризует человека с положительной стороны. Во многих языках лексемы со значением «дуб» употребляются в значении «дубина, болван, олух», т.е. характеризуют человека с отрицательной стороны: рус. *дуб* «дерево дуб» → «дуб» (о тупом человеке); *дубина, дубье* «болван, олух»; но в древнерусском языке *дубъ*, как и в чувашском языке, имел значение «здоровый, крепкого телосложения человек».

Выводы. Изосемантические смысловые переходы связаны с вопросом о регулярной многозначности, или регулярной семантической деривации. Этот же вопрос увязан с определением так называемого «семантического корня». Исследование изосемантических рядов и выявление семантического корня неразрывно связаны с этимологией слова. Семасиолог, тем более этимолог, не должен игнорировать типологически повторяющиеся факты семантики. Семасиологические правила будут действенными тогда, когда устанавливаемую в одном языке филиацию значений можно будет подкрепить аналогичными примерами из других родственных и неродственных языков. Если до сих пор этимологи искали «фонетические законы», то настала пора выявить «семантические законы» во имя достоверной этимологии.

Регулярная многозначность была объектом исследования в трудах Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Невской, Н.И. Толстого и др.

Регулярные семантические переходы «дерево» ↔ «лес», «лес» ↔ «гора», «место, покрытое лесом» ↔ «безлесное место», «лес» ↔ «гора» ↔ «низина» и др. были замечены давно и описаны. Семантические сдвиги, регулярная многозначность («дерево» ↔ «лес»; «дерево» ↔ «часть дерева»; «лес, дерево» ↔ «материал» ↔ «изделие из дерева» и т.д.) строго лимитированы коррелятивными отношениями в рамках фитонимического семантического микрополя, в рамках конкретной системы фитонимических терминов.

В результате синхронного сопоставления и сравнения разноязычного материала данное явление может быть интерпретировано как ряд универсальных семантических сдвигов и шагов. Синхронные универсальные семантические сдвиги могут быть представлены как диасинхронические, как

последовательности изменения во времени.

В исследовании установлен полный набор семем, относящихся к лексемам-фитонимам различных языков, и выявлен на этой основе ряд новых «семантических цепей», не отмеченных до сих пор в лингвистической литературе. Семантические переходы типа «лес, гора, дерево» ↔ «демоническое существо», «лесной» ↔ «дикий», «лес» ↔ «хворост, мусор», «лес» ↔ «множество», «часть дерева» ↔ «часть тела человека», «дерево» → «предмет из дерева, строение», «дерево» → «гроб», «дерево» → «единица измерения», «дерево» → «часть дерева» → «музыкальный инструмент», «дерево» → «орудие труда», «дерево» → «оружие», «дерево (лес)» → «охота», «дерево» → «рыба», «лес» → «поросль» → «дети» всё ещё вне поля зрения семасиологов.

Вопрос регулярной многозначности требует введения термина «семантический корень», чтобы иметь базу для объяснения смыслового развития слова (он отличается от терминов «этимон» и «этимологический корень» тем, что последние подразумевают не только первоначальное значение, но и форму).

Семантический корень – это исходное значение слова, принимаемое за первоначальное в системе какого-либо полисема отдельно взятого языка или родственных языков. Термин «исходное значение» нельзя путать с термином «основное значение». Основное значение – узуальное, принятое в лексикографической практике в качестве первостепенного и выводимое на первое место. Исходное же значение в какой-то степени промежуточное и представляет конкретное звено в семантическом развитии слова между этимологическим и вполне отчетливо сложившимися производными значениями слова. Таким образом, семантический корень – исходное значение слова, выводимое исследователем на основе конкретно представленных значений полисема с учетом регулярной многозначности слова.

Выявление регулярных формул полисемии дает возможность реконструировать строение семантики многозначного слова и направление развития семантических сдвигов, а затем, учитывая фактор системности,

вплотную приблизиться к решению задач так называемых «семантических законов» языка.

ГЛАВА 4. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИТОНИМОВ В ФОЛЬКЛОРНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ, В ПАРЕМИОЛОГИИ И ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

4.1. Базисные номинанты-фитонимы в паремиологическом пространстве русского и чувашского языков

Представления человека о мире окружающем его, в том числе о природе, являют собой глубинную основу системы его ценностей. Отношение русского и чувашского народов к природе отразилось в чрезвычайно богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью в наименовании одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и синтагматического маркирования. «Исследования в области контрастивной лингвистики, да и в целом многочисленные кросс-культурные изыскания, иллюстрируют своеобразие когнитивно-вербальной деятельности разноэтностных языковых личностей» [136. С. 212].

Представления о растениях не сводятся лишь к ряду реалий, наделенных конкретным названием, а включают более широкий объем материала, позволяющий выявить необходимые знания. И поэтому вся система знаний народной языковой культуры через одну тематическую группу не может быть полноценно описана через названия конкретных ботанических реалий, если при этом не учитывается весь круг основных мотивов, функций и признаков, характеризующих эту систему в целом.

Одним из базисных номинантов-фитонимов (БНФ) в паремиологическом пространстве русского и чувашского языков выступает лексема *лес/ вйрман*, которая имеет значение «множество деревьев, растущих на большом

пространстве» [209. С. 317]. Понятие *лес* может быть обозначено разными словами: *роща* «небольшой, чаще лиственный лес», *бор* «хвойный лес», *дубрава* «дубовый лес, роща», «лиственная роща»: *Дубрава зимой почернела – к оттепели или буре* – гласит народная примета [97. С. 31]. В ряде случаев значение «лиственная роща» уточняется благодаря определению *лесная*: *Лесная дубрава почернела – к оттепели или бурану* [286. С. 203].

Анализ материалов русского и чувашского языков показывает, что по части употребления названия деревьев и кустарников лиственных («лист в виде тонкой, обычно зеленой пластинки») и хвойных («лист узкий, в виде иглы») отличаются. Наиболее часто встречаются народные приметы с лексемой *лист*, т.е. в большинстве случаев барометрами погоды выступают лиственные деревья, среди которых зафиксированы в приметах русских по степени частотности рябина, береза, дуб, осина, черемуха, ольха, ива, орешник; в чувашском языке – *хурама* (вяз), отсутствующий в русских приметах, *хурӑн* (береза), *сирӗк* (ольха).

Одним из основных параметров БНФ выступает признак «внешнее состояние БНФ сближено с характеристиками узуального субъекта»:

Пора пахать, когда лес одевается [225. С. 52]; *Вӑрман симӗс тум тӑхӑнсан ака ту* [269. С. 146];

В познании растительного мира человеком используются не только зрение, слух, но и такие органы чувств, как осязание, обоняние и вкус. Об этом можно судить по приметам: *Весной березовый сок неприятный на вкус – к урожаю хлебов* [225. С. 23]; *Весной из березы и клена течет невкусный горький сок – к урожаю хлебов* [286. С. 28]; *Хурӑн сӗткенӗ йӗӳсӗ пулсан – тыр-пул ӑнса пулатъ*. – «Если сок берёзы горек, то уродится хлеб».

Другим не менее важным признаком БНФ выступает причинный фактор. Причина изменений, происходящих с растением) – перемещение воздушных масс: *В ясный день у осины сильно колышутся с шумом листья – к дождю* [286. С. 119]; Характерный признак растения служит показателем времени суток, например, наступления вечера: *Как осина задрожала, так и*

скот в поле сят [240. С. 104].

Как правило, явления природы, связанные с перемещением воздушных масс (ветер, метель, буря), сопровождаются звуковой реакцией деревьев и кустарников: *На бурю сосна, если внимательно слушать, звенит, а дуб стонет* [286. С. 45]; *Ивняки зашумели – ливень идет* [197. С. 100]; *Хявалăх шавласан сума̋р пулать*. – «Если шумят ивы, то будет дождь».

Повышение уровня влажности в атмосфере ведёт к выделению на листьях капель сока, и такая реакция растения уподобляется плачу: *За сутки перед дождем на обратной стороне листьев конского каштана видим слезы* [225. С. 76]; *Листья клена начинают «лить слезы» за трое – четверо суток до дождя* [196. С. 60]; *Покажутся «слезы» у основания черешков клена – через три дня ожидай дождя* [197. С. 102];

Обилие ароматного нектара на медоносных растениях и насекомые, паемые этим позволяют предсказать дождливую погоду: *Жимолость сильно пахнет и облеплена насекомыми – через 12–15 часов начнется дождь* [286. С. 119]; *Цветы желтой акации раскрываются и выделяют много нектара – перед дождем* [225. С. 24].

Значимым параметром классификации БНФ выступает также характеристика, связанная с определенным временем года частью суток: *Лес зимой шумит – к снегу* [225. С. 172]; *Сильно шумит зимний лес – жди потепления* [286. С. 203]; *Летом в тихую погоду лес сильно шумит – к дождю* [286. С. 119]; *Если зимою шумит лес – ожидай оттепели* [97. С. 31]; *Сулла лăпкă санталя̋крах вăрман хыт шавласан – сума̋ра*. – «Если зимой в ясную погоду сильно шумит лес – к дождю»; *Хёлле вăрман сийё кăвакарсан ай̋татъ* [269. С. 144]. – «Если зимой над лесом темнеет – к оттепели»; «Вечерний лес теплее поля – к вёдру» [225. С. 77]; *Вăрман – сур тăлăп*. – «Лес заменяет тулуп» [332. С. 70].

Наиболее важным признаком, позволяющим строить погодный прогноз, является темпоральная характеристика по временам года. Зимой в качестве объекта рассмотрения чаще всего выступает снег, иней, по

которым строятся наблюдения: *Деревья в инее – небо будет синее* [197. С. 105]; *Деревья покрылись инеем – к теплу* [240. С. 105]. *Снег прилипает к деревьям – тепло будет* [225. С. 62]; – *Йывăç синче пас нумай та яка пулсан лайăх çанталăк пулать.* – «Если на деревьях много инея и он лежит ровно, к ясной погоде». Следует отметить, что во многих народных приметах, связанных с деревьями, фиксируется внимание на их видовых различиях. Например, замечена реакция ели на предстоящую ветреную погоду: *Длинные сухие еловые ветки к метели сгибаются, к хорошей погоде распрямляются* [225. С. 173].

В приметах, характеризующих сезонные изменения, видовая дифференциация деревьев и кустарников связана с наличием листвы и цветов и переменой их облика. Например, весной обращается внимание на время (ранее – позднее) цветения деревьев и кустарников: *Поздний расцвет рябины – к долгой осени* [196. С. 59]; *Чем раньше начинает цвести черемуха, тем жарче будет лето* [197. С. 110]; б) время распускания листьев, которое фиксировалось по основным фазам: отсутствие чего-либо: *Гром на голые деревья – к плохому урожаю* [225. С. 32]; появление и развитие почек: *Почки набухают – весну чувствуют* (Там же. С. 18); *Лопнули черемуховые почки – весна в полной силе* [197. С. 109]; *Лопаются сережки у березки – время сеять хлеб; На ольшанике бобышки (почки) – урожай на овес; На осине почки большие – к урожаю проса* (Там же. С. 110, 117); первое появление листочков и цветов, сережек: *Дуб одевается – скотина наедается* [196. С. 59]; *Ольха зацвела – сей гречиху; Лопаются сережки у березки – время сеять хлеб; Можжевельник зацветает – время сеять ячмень; Как только лещина украсится сережками, земля больше не будет промерзать, можно сеять редис, мак, васильки, ноготки; Когда на осине в начале весны много крупных сережек – к хорошему урожаю гороха; Запылил орешник – пора пахать* [197. С. 114, 115, 116, 117]; в) на количественную характеристику цветения, которая может передаваться прилагательными, наречиями: *На рябине обильный цвет – быть урожайной конопле* [225. С. 51]; *Рябина*

цветет ясно – много овса будет (Там же. С. 73); Хорошо рябина цветет – к урожаю льна [139. С. 219]; На Иванов день гляди на рябину: много цветут – будут овсы хорошие, мало цветут – не будет совсем толку [197. С. 44]; г) на характеристику формы цвета: У черемухи цвет длинный – пчела хорошо роится [240. С. 101]; д) на характеристику качественных признаков цвета: Липовый цвет (бесплодный) начинает опадать – пора сеять рожь [197. С. 116]. Время распускания листьев одного вида деревьев часто сравнивали с временем распускания других деревьев. Такие приметы, как правило, строили с помощью лексем «перед», «вперед», «наперед», «малтан»: Коли весною береза перед ольхой лист распустит, лето будет сухое, если ольха наперед – мокрое [97. С. 30]; Если береза вперед клена опустится, жди сухого лета, а если клен вперед березы – мокрого [225. С. 21]; Дуб перед ясенем лист пустит – к сухому лету [197. С. 107]; Если береза вперед опушается, то жди сухого лета, а если ольха и клен, то мокрого (Там же); *Сирёк хурайран маларах сулсай сарсан су йёне пулать.* – «Если лист ольхи разпустится раньше берёзового, то лето будет мокрым». Большое значение имели форма и размер распустившихся листьев. Такие приметы часто строились на основе сравнения. В русских приметах классифицирующим параметром выступает количественная характеристика почек, цветов, шишек: Когда дуб развернулся в заячье ухо, сей овес [62. Т. 1. С. 368]; Лист березовый в пятак – что сей, что бросай семена так [225. С. 55]; Лист полон – и сеять полно (Там же); Юман сулсай сарсан, – сёлё ак. – «Дубовый лист развернулся – сей овёс». Юман сулси вакша халхи нек пулсан, тырай акма юрать [18. Т. 4. С. 322]. – «Когда дубовый лист развернулся в беличье ухо – сеять можно».

Большинство примет в народе строится на основе наблюдений за рябиной. Акцент делается на следующей информации:

время цветения (раннее – позднее): Поздний расцвет рябины – к долгой осени [196. С. 59]; Чем раньше начинает цвести черемуха, тем жарче будет лето [197. С. 110]; Пилеш нумай пулсан – ыраи лайах пулать, сёмёрт пулсан

– *ыраш начар пулать*. – «Если рябина уродилась – это к хорошей ржи, если черёмуха уродилась, к плохой рожи» [269. С. 148]; *Пилеш нумай пулсан килес сул йывър пулать. Пилеш лайӑх, вайлӑ пулнӑ сул ачасене йывърлӑх килет*. – «Если рябины много, то следующий год будет тяжелым. Если урожай рябины богатый, то детям будут трудности» [18. Т. 9. С. 209]. Вариант: «Если ягоды рябины много – к трудному году. Если обилие ягод рябины, то на детей возлагается трудность»;

количественная характеристика цвета: *На рябине обильный цвет – быть урожайной конопле* [225. С. 51]; *Пилеш нумай пулнӑ сул тыр-пул ӑнса пулать*. – «Рябина цветет рясно – много овса будет» (Там же. С. 73); *Хорошо рябина цветет – к урожаю льна* [139. С. 219]; *На Иванов день гляди на рябину: много цвету – будут овсы хорошие, мало цвету – не будет совсем толку* [197. С. 44]; ср. чув.: *Юманӑн ӗӗпанӗ нумай пулсан тырӑ пулмасть* [18. Т. 4. С. 323]. – «Дубовых орехов на листьях много – к неурожаю».

Паремиологическому пространству БНФ присуща категория локальности, в частности, у хвойных деревьев и кустарников фиксируется изменение положения веток по вертикали, что выражается с помощью антонимической пары *вверх / вниз* и их контекстных партнеров, содержащих в своей семантике противопоставление – *подниматься (вверх); опускаться, наклоняться (вниз): Ветви ели или сосны наклонились вниз – жди дождя* [286. С. 45]. *Ветки можжевельника и ели при ясной погоде поднимаются вверх, а перед дождем опускаются вниз* (Там же. С. 116).

В преддверии дождя у некоторых хвойных деревьев меняется форма хвоинок: *Перед дождем сжимаются и становятся круглыми хвоинки лиственницы, разворачиваются, делаются шире – к ведру* [225. С. 77].

Синтагматические особенности базисных номинантов-фитонимов в сопоставляемых языках связаны с их валентностью, с признаком «интенсивность». В русском и чувашском языках встречаются следующие модели:

- 1) БНФ + вербальный компонент со значением звучания: *Сильно*

шумит зимний лес – жди оттепели [286. С. 203]; *Лес трещит – мороз будет стоять долго* [139. С. 53].

2) БНФ + вербальный компонент со значением состояния: *Лес чернеет к оттепели, сереет к морозу* [197. С. 96]; *Върман кăвакарсан çанталăк айăтать. Лес зимой почернел – к оттепели* [240. С. 172].

3) БНФ + адъективный компонент со значением цвета: *Лес зимой красен – к оттепели* [97. С. 31].

4) БНФ + интенсификаторы «много – мало»: *В лесу на рябине мало плодов – осень будет сухой, а если много – дождливой* [286. С. 120]; *Если рябины много – хороши будут льны* [197. С. 113]; *Много желудей на дубу – к теплой осени* [97. С. 27]; *Йёкел нумай пулсан кёр айă пулать.* – «Если жёлудь много, осень выдастся тёплая». *На елях много шишек – к урожаю гороха* [197.С. 117]; *Много еловых шишек – к урожаю яровых, сосновых – ячменя* [97. С. 116]; *Много желудей на дубу – к теплой зиме и плодородному лету* [197. С. 109]; *Много рябины – много грязи (сырая осень)* (Там же); *Пилеш нумай пулсан – кёр йёпе, сахал пулсан – тупё пулать пулать* [269. С.145]. – «Если у рябины плодов много, зима будет холодной»; *Пилеш нумай пулсан хёл сивё пулать* (Там же). – «Если рябины много, зима будет холодной»; *Сăрт çинче юр нумай пулсан сырла вайă пулать* (Там же). – «На пригорках снега много – жди обилия ягод» *Сулла тăрăллă кикен (пиçен) пит иумай пулсан хёлле пит сивё пулать* (Там же). – «Если летом много чемерицы (осота), то зима будет очень холодной».

5) БНФ + интенсификаторы, выраженные атрибутивными компонентами: *Большой урожай рябины – к морозам* [97. С. 27]; *Изобильный урожай рябины – к мокрой осени* (Там же); *Пилеш нумай пулсан кёр йёпе килет.* – «Если рябина с урожаем, жди осени с дождями»; *Если будет хороший урожай на черемуху, так и на рожь*; *Пилеш нумай пулсан хёл сивё пулать.* – «Обилие ягод рябины – жди суровой зимы».

6) БНФ + интенсификаторы, выраженные предикативными компонентами: *Если будет хороший урожай на черемуху, так и на рожь.*

7) БНФ + интенсификатор «качество листопада»: *Раннее опадение листвы – к ранней зиме* [197. С. 110]; *Если листопад пройдет скоро, надо ожидать крутой зимы* [139. С. 324]; *Ќулҫӑ ирех тӑкӑнсан хӗл ир ларать.* – «Если листья опадут скоро, то зима будет ранняя»; *Поздний листопад – к суровой и продолжительной зиме* [197. С. 109]. А в качестве классифицирующего признака выступало также и то, как опадает листва (чисто – не чисто) у определенных деревьев, например березы и дуба: *Если лист с дуба и березы на Покров упадет чисто – к легкому году, а не чисто к строгой зиме* [139. С. 368]; *Если в октябре лист с березы и дуба опадает не чисто, жди суровой зимы* [225. С. 134]; *Если в осень лист с березы и дуба опадет не чисто – жди суровой зимы* [197. С. 108]. В чувашских паремиях отмечается пространственная градация листопада: *Кӗркунне йывӑҫ ҫулҫисем малтан тӑрринчен тӑкӑнсан ир акнӑ ыраш аван пулатӑ, варринчен тӑкӑнсан – варринче акни, аялти тӑкӑнсан – кайран акни аван пулатӑ* [269. С. 146]. – «Если осенью листья с деревьев опадают начинают с макушки, то хорошо уродится рано высеянная рожь, если опадут с середины, то хорошим будет урожай среднего посева, а если опадут с нижних веток, то поздний посев будет славным».

4.2. Бинарные композиции пословиц со значением «растительный мир» – образная основа паремий в паремиипространстве

Изучение бинарных композиций, составляющих образную основу паремии, предполагает ответ на вопросы, какие биномы используются для выражения тех или иных смыслов и какие паремийные смыслы реализуются конкретными биномами. Национальное своеобразие проявляется и в совершенно различном использовании отдельных культурных кодов. Так, в русском и чувашском языках бином *дерево – лист* образует паремии с общим логическим смыслом «При внешнем сходстве все люди очень разные» и «Общество не обеспокоено бедой или смертью отдельного

человека», а в чувашском – *Çын çинчи – йывăç çинчи* [41. С. 17] «Что на людях, то на дереве», «Человек может за частным не видеть целого»; «Всё идёт своим чередом, идет как положено». Установки культуры реализуются за счет образа того или иного дерева – компонент «дуб» продуцирует, например, такие «Дети похожи на своих родителей» (*Каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын*); «У хороших родителей могут быть плохие дети» (*Дуб – дерево хорошее, да плоды его только свиньям годны*); «Пожилые люди являются более терпеливыми и выносливыми» (*Старый дуб не скоро сломится*) и т.д. Указаны ассоциации каждого дерева в русской и чувашской культурах, отмечены лакунарные или встречающиеся редко компоненты в составе паремий русского и чувашского языков.

Бинарные композиции пословиц со значением «растительный мир» представлены значительным количеством паремийных кластеров. Весь корпус избранных паремий мы классифицируем следующим образом:

1. Микрополе «Субъект ситуации» представлено в русской и чувашской паремиологической картине мира как сложное концептуальное единство, формирующееся по внешне проявляющимся и зрительно воспринимаемым признакам. Важное место в паремиологической картине мира двух этносов занимают следующие кластеры, являющиеся элементами этнического портрета (их семантическая представленность в русской и чувашской паремиологии совпадает и одновременно различается):

а) сущность и внешность:

Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела гож: *Как на лес взглянет, так и лес вянет; Прямое дерево ветра не боится; С виду малина, а раскусишь – мякина; Чужая душа – дремучий бор.*

Дурак в воду кинет камень, а десять умных не вынут: *За деревьями не видеть леса; Лесом шел, а дров не видал.*

У страха глаза велики: *Волков бояться – в лес не ходить; Кого медведь драл, тот и пенька в лесу боится; Пуганая ворона куста боится; Юман аван та, варри хăвăл «Дуб хорош, но да внутри трухлявый».*

б) человек и труд:

Горька работа, да сладок хлеб: *Дерево смотри в плодах, человека – в делах; Грибов ищут – по лесу рыщут; Не хочешь холоду – полюбишь лес смолоду; Дерево познаётся по плоду, а человек по делу. Йываҕ – ҕимёҕёне, этеме – ёҕёне хаклаҕҕё* [198. Т. 3. 311 (1). С. 259]. – «О дереве судят по плодам, о человеке – по труду».

Труд человека кормит, а лень портит: *В лес идут, а на троих один топор берут; Дело не медведь – в лес не уйдет. Ёҕ – кашкаҕ мар, ваҕмана тармасть. – «Работа не волк – в лес не убежит»; Как медведь в лесу дуги гнет. Палана йуҕҕёрен, наяна ёҕёнчен паллаҕҕё. – «Калину узнают по горечи лентя по труду» (Там же. 311 (2). С. 445); Йываҕ туратсаҕ мар, этем хаваҕсаҕ маар. – «Дерево не без веток, а человек не без мощи» (Там же. 311 (1). С. 259].*

Грамоте учиться – всегда пригодится: *Его учить – что по лесу с бороной ездить; Наука в лес не ведет, а из лесу выводит; Гни дерево, пока гнётся, учи дитя, пока слушается; Дерево и учитель познаются по плоду; Халап ҕакса хапха таҕне улаҕхаймаҕ, юмах ярса юман таҕне улаҕхаймаҕ* [41. С. 98]. – «С рассказами на ворота не влезешь, со сказками на дуб не залезешь».

в) человек и семья:

Сытый – голодный: *В лесу дров много, да хлеба мало. Ир таҕракан пыл, ҕырла ҕинё, кая юлакан палан ҕинё. – «Рано вставший меду, ягод поел, проспавший – калину» (Там же. С. 79); Выҕса-тутта курна ҕын. – «Человек, испытавший и голод, и сытость»; Йаҕра ялта уҕсет, ҕирёк – ҕырмара. – «Ветла в деревне растёт, ольха – в овраге».*

г) дети и родители:

Умел дитя родить, умей и научить: *Каково дерево, таков и клин; каков батька, таков и сын. Йаҕраран – йаҕра, навраран – навра* [198. Т. 3. 311 (1). С. 246]; *Ломи дерево, пока молодо. Хула чухне авмасан йываҕ пулсан аваймаҕ. – «Не согнёшь ветку, пока молода, не удастся согнуть, когда станет*

деревом»; *Из одного куста, да не с одной ветки. Яблоко от яблони недалеко падает. Улми йыва́сцинчен аякка ўкмест.* – «Плод от яблони далеко не упадёт»; *Не беречь поросли – не видать и дерева; Йыва́са хурамана сáмрýкла авассё, сынна – ачалла* «Дерево (вяз) гнут, пока оно (он) молодое, людей учат порядку смолоду».

д) муж и жена:

Коли у мужа с женою лад, так не надобен и клад. *Кабы куст был не мил, соловей гнезда бы не вил. Йыва́с сáмёслё пултáр, этем сáмьеллё пултáр* [198. Т. 3. 311 (1). С. 259]. – «Пусть дерево будет с плодами, а человек живёт в семье».

е) человек и общество:

В одиночку не одолеешь и кочку. *В лесу лес не ровен, в миру – люди; Мир охнет, так лес засохнет; Слушай, рябина, что лес говорит! Одно дерево – не лес, один человек – не народ; Вáрманти йыва́ссем те пёр мар, сынсем те пёр мар.* – «В лесу одинаковых деревьев нет, и люди все разные».

и) вина, наказание, раскаяние:

Вина голову клонит. *Кривое дерево только пила исправит; Йыва́сáн туратти пур, этемён йáнáшасси пур.* – «У дерева есть ветки, у человека – свойство ошибаться» (Там же. С. 258); *Кука́р йыва́са пáчкá кáна тўрлетет.* – «Кривое дерево выпрямится под пилой».

к) воровство:

Хлопочи не о прибыли, а о добром имени. *Он портной: игла дубовая, а нитка вязовая. – Вáрман йáви – таркáн йáви* (Там же. С. 130). – «Лесное убежище – притон воров».

2. Микрополе «Причинность флористической ситуации» представлено следующими кластерами:

Все́му бывает причина. *Был бы лес, а волки будут; Был бы лес, будет и леший. В лес дров не возят, в колодец воды не льют; В поле – не в дубраве: за сук не зацетишься; В поле – по хлеб, в лес – по дрова; Лес рубят – щепки*

летят; Без ветра дерево не шатается; Дерево срубишь – ветки сами упадут; На голом поле на дерево не влезешь; Ударь обухом в дерево – дупло само скажется; Йыва̄с туратти еплерех, тымарё те сапларах (Там же. С. 259). – «Какова крона дерева, таков и корень»; Йыва̄сран усал – кӓпчанкӓ, курӓкран усал – куришанкӓ (Там же). – «Среди деревьев худшее – береклет, среди трав – репейник»;

Иному мило, а другому постыло: Криво дерево, да яблоки сладки; Неказисто дерево, да вкусен плод. Юманпа йвӓс – ик тёрлӓ йыва̄с (Там же. 311 (5). С. 1246). – «Дуб да осина – два разных дерева»;

Пора да время дороже золота: Спустия лето – да в лес по малину;

Все минется, одна правда останется: Была правда, да в лес ушла;

К добру гребись, а от худа шестом суйся: Как волка ни корми, он все в лес глядит; Каишкӓра мӓнле тӓрантарсан та, вӓрманаллах пӓхатъ; Каишкӓра йшӓ вите лартса парсан та вӓл вӓрманых пӓхатъ. – «Для волка хоть теплый хле́в поставь – он все в лес смотрит» [41. С. 28].

3. В микрополе «Ментальность в ситуации» входят такие кластеры:

а) счастье, горе:

Всяк человек – своего счастья кузнец: Счастье что волк: обманет – и в лес уйдет; Йыва̄са шӓкӓ сӓет, чӓрене хуйхӓ сӓет [198. Т. 3. 311 (1). С. 258]. – «Дерево жучок точит, а горе разъедает сердце»; Хурӓн хулли шӓпӓрлӓх, телей сукки – йывӓрлӓх (Там же. 311 (4). С. 1052). – «Березовые ветки – для метлы, отсутствие счастья – тягота».

Беда вымучит, беда и выучит: Беда ходит не по лесу, а по людям; К нашему берегу не плывет красно дерево: либо чурка, либо палка.

б) дружба, любовь:

В дружбе – правда: Дружба не гриб, в лесу не найдешь; Дерево живет корнями, а человек – друзьями; Человек без друзей что дерево без корней; Дерево держится корнями, а человек – друзьями; Тӓвансӓр, тус-йишсӓр сын – туратсӓр йыва̄с. – «Человек без родственников, друзей что дерево без кроны».

в) жадность, зависть:

Не годами старость красна – делами: *Дуплистое дерево скрипит, да стоит, а крепкое – валится; Чужбина – калина: В чужом месте – что в лесу; Чужая сторона – темный лес; За край свой насмерть стой; Либо грудь в крестах, либо голова в кустах; Хурама пёрни хай еннеллех пёрёнет.* – «Вязовый кузов в свою сторону коробится» [41. С. 115].

г) богатство и бедность:

В чем в торг по мыло, в том и в лес по лыко; Глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь; Голод и волка из лесу выгонит.

Беззаконным закон не писан: *В земле – черви, в воде – черти, в лесу – сучки, в суде – крючки: куда уйти?; Перо в суде что топор в лесу: что захотел, то и вырубил; Хурён шура та – тикёчё хура* [198. Т. 3. 311 (4). С. 1052]. – «Береза белая, да деготь из нее – черный».

4.3. Флористические текстовые единицы в художественном дискурсе

Если представления того или иного народа об объективной действительности, маркированные в лингвистических единицах, как уже было отмечено в первой главе, на определенном этапе его развития составляют национальную картину мира, то языковая (художественная) картина мира писателя, индивидуальная языковая система писателя являются «зеркалом» авторского мира, и репрезентантами соответствующей картины мира; в тексте выступают текстовые флоремы, их особенности.

4.3.1. Лексико-грамматические особенности фитонимов

Одним из средств текстообразования являются единицы лексического уровня, ибо они, как основные текстовые единицы, являются результатом языковой (текстовой) деятельности писателя, выступают как культуремы,

маркирующие национальные духовные ценности.

По грамматической выраженности основных компонентов ключевыми словами выступают фитонимы, выраженные субстантивными компонентами. Приведем примеры: *Хыҫа юлакан уй-хирсем ырайне сём вәрман курайнчә...* *Пур җәрте те тарлан кантәк төслә әвәсsemне шупәр тәхәннә хәр евәрлә шура хурайсем, симәс пәркенчәкне нихсан сирмен шөвәр тәрәллә чәрәшsemне җүллә хырsem, улапла патвар юманsemне лапсаркка җакаsem каишаса лараҗсә* [15. С. 6]. – «За полями виднеется дремучий лес. Везде осины, цветом похожие на вспотевшие стёкла окон, и берёзы, подобные девушкам в белых одеяниях, вечнозеленые островерхие ели и сосны, дубы, напоминающие улып-великанов, и развесистые липы». Этот отрывок текста богат сравнениями: (*шупәр тәхәннә хәр евәрлә шура хурайсем* «белые березы, подобные девушкам в белых одеяниях»; *тарлан кантәк төслә (әвәсsem)* «осины, цветом похожие на вспотевшие стёкла окон»; *шөвәр тәрәллә чәрәшsem* «островерхие ели»; *улапла патвар юманsem* «могучие дубы, напоминающие улыпов» и эпитетами: *сём вәрман* «дремучий лес», *шура хурайсем* «белые березы», *җүллә хырsem* «высокие сосны», *патвар юманsem* «могучие дубы», *лапсаркка җакаsem* «развесистые липы».

Тихо пробуждается утренний лес, словно младенец в колыбели, от безмятежного сна. Вот заплясали на верхушках деревьев солнечные лучи. Затем они соскальзывают на поляны и начинают собирать жемчужные бусинки, разбросанные по траве за ночь какой-то доброй волшебницей. На стройную березку, одетую в зеленый наряд листвы, садится тетерев и в ожидании своей подруги принимается завтракать, склевывая молодые сережки [41].

Значительную часть среди ключевых слов, входящих в состав флористических текстовых единиц, занимают адъективные компоненты. Чаще всего они носят описательный, конкретизирующий характер (*стройная березка, молодые сережки*). Ср.: *Сосновые сухие леса на ее берегах перемешивались с вековыми дубовыми рощами, с зарослями ивы, ольхи и*

осины. Корабельные сосны, поваленные ветром, лежали, как медные литые мосты, над ее коричневой, но совершенно прозрачной водой. С этих сосен мы удили упористых язей (К. Паустовский);

Хёрлѐ пѣсехеллѐ улатакка, шѣкѥ хурчѥ шыраса, йывѣсран йывѣса шаккаса сѣурет. Сѣрси хурчѣки – сунарсѣ – аялтанах сѣнѣ пек вѣссе иртет те сѣулсѣ хушишине кѣрсе кусран сѣухалать. Сѣурта пек йѣрѣс яхтѣсем тѣуп-тѣуррѣн тѣѣрассѣ. Тѣarrisенче сѣс, сѣу кунѣнче хѣвел хѣртесрен, хѣлле сивѥ тивесрен сѣхланнѣ пек, пѣсѣсене чѣвашила сѣавра сѣлѣк лартса янѣн курѣнассѣ. Ешѣл сѣлѣкѣсем кѣтра вѣсен, йѣрѣм-йѣрѣм, ука ярапа аннѣ пек, сѣрѣ кѣрккисем сѣакѣнса тѣѣрассѣ, Сѣмрѣк чѣрѣшисем ешѣл тухѣя тѣхѣннѣ евѣр илемлѥ. Вѣрѣнѣ-вѣрѣнѣне мѣй таран хѣях, аяккисенче тѣммѣн-тѣммѣн хѣрлѥ шѣлан пѣлѣрѣть, сѣырли хѣп-хѣрлѥ пѣссе сѣитнѥ. Шѣларах кѣйнѣсѣмѣн чѣтлѣх пѣсланать, чѣрѣшпа яхта хушишинче чечен хурѣн курѣнать, вѣл шурѣ шупѣрне ури тупанне сѣити пѣрсе лартнѣ сѣрпике пек, лѣпкѣ сѣил унѣн ешѣл сѣѣсѣне васкамасѣр турѣть. Акѣ пѣр пѣчѣк сѣавра кѣлѥ хѣрринче ватѣ вѣрене авѣнса аннѣ, хусѣк тѣрѣллѣ турѣчѥ сѣѣлелле кармашнѣ, йывѣсси хѣй вара хѣль-хѣль шѣва вѣртса сѣѣвѣнассѣн тѣуйѣнать; вѣл сѣакѣнта сѣитсе чѣрѣннѣ та кѣшпах канса илме чѣвсаланса вѣртнѣ тейѣн. Сѣѣртрарах, усѣ сѣѣрте, черченкѥ ѣѣвѣс тѣллѣн-пѣллѣн ѣѣсет. Хулѣн мар вѣл, сѣинсѣешке, тѣсѣ те ытти йывѣссенни пек мар, пѣсна пасарнѣ пек, имшѣркке турѣчѥ те сѣара, сѣйра сѣулси сѣилсѣр-мѣнсѣр чухне те силлене-силлене илет (Н. Ильбек). «Краснозобый дятел, ища короеда, прыгает с дерева на дерево. Кобчик-охотник пролетает стрелой, забирается в листву и исчезает. Сосны, стройные как свечи, стоят прямо. Только на верхушки их будто нахлобучены шапки круглые, чтобы от солнца палящего защищать летом, а зимой от зимних холодов. Зеленые шапочки у них кудрявенькие, будто отделанные позументом, кисти свисают с них рядами напоминая индюков ярких. Молодые ели словно нарядились зелененькие тухья, смотрятся красиво. Местами осока в человеческий рост, а по сторонам кусты алого шиповника, ягоды на них красные-красные. Дальше, в глубине,

начинается чащоба, между елью и сосенкой растёт очаровательная берёзка, она напоминает девушку, которая белый Шубыр на себя натянула до пяток, а ласковый ветер глядит её нежно-зелёные волосы. Вот около маленького круглого озера близко над водой клонился старый клён, ветка сломанным остриём торчит кверху, и кажется, что дерево вот-вот припадёт к воде и умоется; похоже клён остановился тут, чтоб передохнуть ... На холме, на открытом месте, растёт одиноко хрупкая осинка. Она тоненькая будто слегка припушённая инеем, ветки слабенькие и чистые, редкие листочки то и дело вздрагивают даже без ветра».

Таким образом, адъективы (и их формы) в составе фитонимов являются маркерами дополнительных пластов информации, в частности, содержат сведения о цвете, форме, времени, возрасте, биологическом виде, запахе растения.

Анализ вербальных компонентов позволяет выделить группу:

1) акциональных глаголов, выражающих:

а) локализацию: *Вагон притих. Леса неслись мимо, омытые лунным светом. В глубине заросших дорог лежал, белея, туман.*

По тому, как все молча слушали песню цыганки, было ясно, что нет человека в вагоне – кто бы он ни был: пыльщик ли, колхозный ли конюх, девочка в розовом платье или старик, столько перевидавший в жизни, что в глазах его осталась только ласковость ко всему, – нет человека, который не испытал бы этого ощущения красоты и ожидания встречи с нею (Л. Леонов).

б) процесс: *Мы сошли поздней ночью на полустанке Летники. По краям дороги слабо шумел березовый перелесок. С болот волнами наносило холод.*

Шли мы долго, мерно, как в походе. Через два часа небо на востоке начало наливаться чистой и слабой синевой. Там, далеко над лесами, зарождалась заря. И на этой смутной заре еще пронзительнее, чем ночью, пылала звезда (Л. Леонов).

Очерк состоял из трех эскизов: впечатления от острова Березань, места

казни Шмидта, описания прохладного летнего дня в затерянном уезде Орловской губернии, когда автора «словно острой бритвой полоснуло по сердцу», так как в альбоме с открытками он увидел фотографию Шмидта и рядом «его Клятву». Он пишет: ...Гудели под ветром сосновые леса. Хотелось думать о нем, о человеке, создавшем из своей жизни одну из самых сильных и печальных легенд (Л. Леонов).

С каждым километром нарастала глушь. Мы медленно входили в обширное пустынное полесье.

Когда совсем рассвело, мы сели отдохнуть на обочине. Молодая осина дрожала над головой лимонными нежными листьями. Они тихо слетали, запутывались в паутине, в кустах волчьей ягоды.

– Совершенно нестеровская Россия, – сказал вполголоса кто-то из нас.

Мы привыкли говорить «левитановские места» и «нестеровская Россия». Эти художники помогли нам увидеть свою страну с необыкновенной лирической силой. Нет ничего плохого в том, что к зрелищу этих речушек и ольшаников, бледного неба и лесных косогоров всегда примешивается капля грусти, может быть оттого, что каждая встреча с этими местами – вместе с тем и разлука с ними. Нам грустно, что мы не в силах превратить это мимолетное осеннее утро в бесконечный шелест сухого золотого листа, в бесконечный блеск прохладных озер, в бесконечный хоровод легких, как дым, облаков.

С крутого песчаного холма открылась внизу пойма неизвестной реки. За ней подымались в небо сосновые боры, кремни дремучих лесов. На их краю виднелась деревня и стояла во мгле, как видение, очень высокая, почерневшая от времени деревянная церковь (Л. Леонов);

в) событие: Я ушел. Ко мне от дома Зузенко вела протоптанная в снегу тропинка. Густые ели опустили на нее мохнатые лапы, отягченные снегом. Я задевал их, и снег несколько раз слетал мне за шиворот. Каждый раз я вздрагивал, как от удара ножом.

Я часто оступался в глубокий снег. Лес вокруг трещал и скрипел

(Л. Леонов).

Я стоял, ждал. Я убеждал себя, что в этой ломкой тишине обязательно услышу, когда гроб будут опускать в могилу, хотя бы и очень отдаленный, но слитный гул всех заводских гудков Москвы. Может быть, даже услышу громыхающий вздох орудийных залпов.

Но было очень тихо. Только все сильнее потрескивал лес (Л. Леонов).

г) моментальное событие: *Я читал эти стихи Фраерману, и он восхищался ими вместе со мной. И может быть, еще тогда, в те осенние батумские дни, под непрерывный стук дождя по жестким листьям пальм и родилась мысль о жизни в лесах, в сельском доме, где ветки вязов заглядывают в окна и в сумерки со двора пахнет самоварным дымком* (Л. Леонов).

2) статальных глаголов, связанных с цветовыми объектами: *В тот год быстро подходила осень, рано начались утренники. Окрестные леса за две-три ночи сильно пожелтели.*

Больше всех времен года я люблю и жалею осень. Может быть, за то, что ей очень мало отпущено времени для своей шелестящей и облетающей жизни (Л. Леонов).

Уезжая в Колхиду, в Потти, я, как всегда, представлял себе этот город привлекательнее, чем он был на самом деле. Издали он казался мне затененным от жгучего солнца старыми и разлапистыми ореховыми деревьями и мимозами. Они распространяли, как нарядные женщины, сладкий и вянувший запах духов (К. Паустовский).

В приведенных текстах фитонимы с антропонимическим признаком представляют обилие переносных и образных значений при описании событий, что важно для создания идиостиля русских и чувашских писателей.

4.4. Символическое значение флористических текстовых единиц в творчестве русских и чувашских писателей (Фитонимы с символической семантикой)

В творческой картине мира русских и чувашских писателей и поэтов флористические текстовые единицы являются «всепроникающими» составляющими. В их произведениях четко представлена информация, не выраженная эксплицитными средствами, а содержащаяся в символических структурах: *старый дуб, белые березы и осины, русский лес, ҫакалӑх, юманлӑх, йӑмралӑ ял, Сурӑм вӑрманӑ, ҫамлӑх (ҫам) вӑрманӑ* – эти и многие другие образы уже давно используются как национальные символы. Это так называемая «земная символика» (наряду с минералами и животными), которая наиболее ярко показывает психологическое восприятие человеком мира природы. Например: *Тӑвайккисенче, сӑртламсенче ватӑ вӑрман пулнӑ. Вырӑнӑне ҫамлӑх: юман, каврӑс, йӑлме, хурама, вӑрене йывӑҫҫисем сарлака ҫулҫисемпе шавланӑ; тӑлӑ-тӑлӑне хурӑнлӑх, чӑрӑшлӑх, ҫакалӑх; тӑлӑне шалкӑм таса хырлӑх* кашласа ларнӑ. *Вӑсенче этем курӑнман-ха. Тавралӑха вӑсен кайӑксен сасси-юрри кӑна янратнӑ, е тискер кайӑксем ҫеҫ сиккелесе, йӑраланса ҫӑҫренӑ* (С. Эльгер). – «На склонах оврагов, в бугристых местах был старый лес. Местами был лиственный лес, там дуб, ильм, вяз, клен шумели своими крупными листьями, там и сям березняк, ельник, липняк, кое-где был сплошной сосновый лес. Пока в этих лесах человек не появился. Вокруг слышался гомон птиц и бродили дикие звери».

Вӑрман – юмахри асамлӑ тӑнче. *Ҫамрӑк курӑкпа витӑннӑ уҫланкӑн икӑ енӑне сип-симӑс вӑрман курӑнать. Пирӑн тӑрӑхра авалхи вӑрман пур. Ёлӑкрех кунта 300–400 ҫулти капмар юмансемпе ёмӑрхи хырсем те сахал мар ҫитӑннӑ. Унта вырӑнӑ-вырӑнӑне ҫӑра хырлӑх* кашласа ларать. *Лаптӑкӑне ҫулҫӑллӑ йывӑҫсем кӑна: юман, вӑрене, йӑлме, хурама, ӑвӑс, вӑсен айӑнче шӑшкӑ ӑҫет. Ҫулҫӑллӑ вӑрманӑ чӑвашсем ҫамлӑх е ҫам вӑрманӑ теҫҫӑ. Хырлӑхпа ҫамлӑх хушишинче час-часах хутӑш вӑрман ларать. Унта вара чӑрӑш, ӑвӑс, ҫака, пилеш, ҫёмӑрт, улӑх тӑрӑхӑнче ҫирӑк, ҫӑҫе, хӑва ӑҫет* (Н. Ефремова). – «Лес – это сказочный волшебный мир... по обеим сторонам поляны, покрытой молодой травкой, виднеются зелёные леса. В наших краях

есть древний лес. Раньше здесь было немало 300–400-летних могучих дубов и вековых сосен. Там местами шумит густой сосняк, местами – только лиственные деревья: дуб, ильм, вяз, клен, осина, а под ними растёт орешник. Лиственные леса у чувашей назывались *сам вӑрманӗ*, или *самлӑх*. Между лиственными и хвойными лесами тянется часто смешанный лес. Там растут ель, осина, липа, рябина, черёмуха, а в пойменных местах растут ольха, ива, тальник, ракита».

Символика растений во многом отражает менталитет русского и чувашского народов, она наиболее ярко показывает психологическое восприятие человеком мира природы. Приведем пример:

Казбек, энӗ витре йӑтнине курсан, тӑрех урамалла ыткӑнчӗ. Иксӗмӗр вӑрманна ҫул тытрӑмӑр.

– *Сывӑ-и, юратнӑ вӑрманӑм, мӗнле пурӑнатӑн?*

Вӑрман мана кайӑксен юррипе, лӑпкӑн кашласа ларакан йывӑҫсен сассипе кӗтсе илчӗ (Г. Зотова). – «Казбек, увидев ведёрко у меня в руке, сразу помчался на улицу. Мы вместе отправились в лес.

– Здравствуй, мой любимый лес! Как поживаешь?

Лес встретил меня пением птиц и тихим шумом листвы деревьев».

Рассмотрение символического содержания некоторых ключевых компонентов в составе флористических текстовых единиц дает возможность овладеть абстрактными, недоступными чувственно-наглядному представлению понятиями посредством перевода их в область простых, конкретных, чувственно-осознаваемых смыслов.

«Особое место в структуре флористических текстовых единиц занимает символ дерева. Дерево является универсальным понятием. Находясь в сакральном центре мира, оно соединяло три сообщающиеся зоны: небо (ветви дерева), землю (ствол) и преисподнюю (корни). Образ дерева как модели Вселенной существует и у славян. Представления о нем связаны с идеями растительной силы, сезонного цикла, плодородия природы» [67. С. 69]. Как показывает практический материал, в русской и

чувашской прозе рассматривается общий смысл древесной символики в контексте мировой мифологии, фольклора, литературы. Образ дерева в них богат по содержанию, является важным художественным средством выражения человеческого чувства. В образности выявляются связи и сопоставления жизни человека и дерева, которое наделяется антропоморфными чертами. Ср.:

Человек обогащает себя и других своим любопытством к жизни, ко всему, что происходило вокруг, самым приятием мира в его поэтической сложности, любовью к земле, к своей стране, к своему народу, любовью очень кровной, простой, вросшей в сознание тысячами самых мельчайших корней. И если корни растений могут пробить землю, почву, на какой они растут, взять ее влагу, ее соли, ее тяжесть и ее загадки, то мы любили жизнь именно так. Я говорю здесь «мы», так как уверен, что у Фраермана отношение к природе походило на мое.

Чем дальше, тем сильнее я чувствовал себя частицей природы, как любое дерево или трава, и находил в этом успокоение (К. Паустовский).

Хяйт улпучён вӑрманӗнче кайӑксем сиксе юрлашӑӑ. Сывӑхра куккук авӑтни илтӗнсе кайрӑ.

Салхулӑ шухӑшсем савраӑнашӑӑ Иван пушӑнче. Акӑ вӑрман енле хитре халӑ. Сын та самраӑк та сывӑхлӑ чухне суллахи вӑрман пекех чечекленет, шавлат, савӑнат, унтан, вӑй-халӑ тапхӑр иртсен, кӑркуннехи вӑрман сулшине тӑкнӑ нек, ёмӑчӑсене те пӑрахать (Тихӑн П.). – «В лесах помещика Хаята неистовороют птицы. Близко совсем раздалось пение кукушки. Ивана одолевают грустные мысли. Вот сейчас как красив лес. И человек, пока он молод и здоров, цветёт, как летний лес, так же шумит, радуется, а потом как пройдет пора расцвета сил, подобно осеннему лесу, роняющему листву, прощается со своими мечтами».

В поэзии Петра Хузангая названия деревьев служат:

1) для создания картины природы:

Сӑка саралӑ,

Оголилась липа,

окружающего мира, она растет у крыльца, под окном дома, встречается в поле, в лесу. Береза благотворно воздействует на человека. Если, например, в минуты упадка сил прильнуть к березе, обхватить ее ствол руками и расслабиться, то, как считается тело наполнится благодатной силой. Береза – дерево света, солнца, символ духовного возрождения человека, энергии космоса, и поэтому к образу берёзы обращались русские писатели не случайно. Как известно, береза – главный атрибут троицких обрядов, во время праздника ветки березы освящаются в церкви, был и сохранился местами обычай украшать ими свой дом. Вот несколько отрывков с образом берёзы в творчестве русских писателей. Ср.: *Перед отъездом Аннушка пошла в заповедник проведать бобра. Она шла и, как прежде, шутиливо кивала старым своим знакомцам: сестрам-березам, соснам* (К. Паустовский).

Поезд врывается в сложные карты огней, паровозный пар падает на землю, насыщенный белым светом, мосты гремят торжественно и коротко, как боевой сигнал. В ущелье из темных вагонов, столпившихся у вокзала, мы врываемся, как снаряд, в простор, пахнувший березами и болотным туманом. Паровоз радостно ревет, – мертвая луна над затишьем Клязьмы, тусклые дачные фонари – все позади. Впереди – шары огней, гром, перроны, запах табака, хрустящие скатерти в вокзальных буфетах, торопливые улыбки женщин, площади, реки автомобильных лучей, впереди столица, Москва! Не забудет и о шуме ветра в березах, застенчивом солнечном тепле, дрожащих губах девочки, голосе Лермонтова, о каждом сказанном им слове, об этих двух днях, что останутся в памяти, как святая святых, – коротких днях, затерянных среди тысячи других дней в потоке времени (К. Паустовский).

Берёза в чувашской картине мира ассоциируется с историческим понятием «Хурӑнлӑ ҫул». Об этом написано в одноименном рассказе И. Мучи.

В чувашской прозе существенное место занимает образ ветлы и опирается на богатую литературную и фольклорную традиции. В чувашской

поэзии также ветла упоминается нередко [18. Т. 5. С. 73]. Вот строки из поэмы К.В. Иванова «Нарспи»:

<i>Силпи ялĕ – пуян ял,</i>	А живут в Сильби богато:
<i>Ларать вĕрман айĕнче,</i>	Не один там встретишь дом –
<i>Кантур пекех сурчĕсем</i>	Под прохладой старых вѣтел –
<i>Ват йăмрасем айĕнче.</i>	Наподобие хором.
<i>Тăрă шывăн айĕнче</i>	Синеву небес колышет
<i>Кăвак пĕлĕт явăнать.</i>	Зыбь, прозрачна и светла.
<i>Ватă йăмра тайăлса</i>	На себя, любуясь, смотрит
<i>Тĕсне пăхса савăнать.</i>	В заводь старая ветла.

(Перевод П. Хузангая)

Всем известны песенные строки:

<i>Эх, йăмра, йăмра,</i>	Эх, ветла, ветла,
<i>Шуршăлти йăмра.</i>	Шоршельская ветла.

Или вспомним стихотворение Н. Шубоссинни «Шелттĕм-шелттĕм йăмра сұлси» (Шелестяий лист ветлы), на текст которого написала музыку С. Азамат (она же и исполнитель песни). В чувашской литературной традиции ветла – это символ-атрибут пейзажа чувашской деревни. Приведем пример из романа К. Турхана «Йăмраллă ял» (Деревня в ветлах).

Атăлкасси хитререн те хитре. Вăл икĕ сырма пĕрлешнĕ сĕрте, лапамра ларать. Аякран пăхсан, Атăлкассине ял теме те йывăр, йăмрасем айне путнăскер, вăл вĕрман кати пекех курăнать. Йăмрисене пурне те пĕр вăхăталла лартнă пулмалла, вĕсем пурте пĕр нек ўссе ситĕннĕскерсем. – «Атылкасы – прекрасное село. Оно расположено между двумя обрагами в низине. Если посмотреть издалека, и назвать-то его деревней трудно, под кронами вѣтел оно напоминает лес. Видимо, эти вѣтлы были посажены в одно время, так они похожи друг на друга».

Образом ветлы, как справедливо отмечал известный чувашский критик Ип. Иванов, чувашский поэт А. Воробьев привнес в поэзию новое слово [105]. Действительно, ветла в его произведениях представляется то

девушкой, то матерью: *Хёр кётнӹ нек хай йёкётне,/ Хумханнӹ май, йӓмра сисмесёр/ Шыва ўкерчӹ сивётне...*— «Как девушка, ждущая милого, ветла от волнения вдруг в речку уронила косу»; *Ларать мӓнаслӓн сарӓлса вӓл,/ Халапӓй нек кӓшт ўпӓнсе.* — «Стоит она величаво, будто сказочница, слегка наклонившись» («Ветла»).

В славянской мифологии фитоним *верба ива* имеет свою символику, которая сохраняется в произведениях русских писателей. У восточных славян она является символом весны, у древних славян первоисточником сотворения мира, древом жизни. А Вербное воскресенье — один из важнейших православных праздников получило свое название от праздничной реалии — веточки вербы [228. С. 169]. Верующие прославляют Вход Господень в Иерусалим, вспоминая, что в этот день пришедшие на праздник Пасхи иудеи приветствовали Иисуса как мессию, как пророка, как великого чудотворца. Взрослые и дети ликовали, пели, подкладывали под ноги осла, на котором Иисус ехал, свои одежды, встречали его с зелёными ветвями пальмы и цветами. От обычая употреблять в этот праздник вайи (ветки финиковой пальмы) он называется также неделей «Вайи», «Цветоносия». На Руси праздник называется «Вербным воскресеньем», так как вайи здесь заменяются вербой [20. С. 733], поскольку ива-верба раньше других деревьев пробуждается к жизни после долгой зимы.

Ива является символом печали, возможно, потому, что летом многие отцветшие ивы-вербы привлекают внимание своими длинными поникшими ветвями. Во время и после дождя, как слёзы, по зелёным листьям стекают капельки дождя, поэтому говорят — «поникшая ива», «плакучая ива». В русской поэзии образ ивы занимает не менее существенное место.

К земным символам в произведениях чувашских писателей относится вяз — дерево киреметь. Традицию поклонения этому священному дереву мы находим и в творчестве Педерки Тихона:

Киремет хурамисем курӓнса кайрӓс. Акӓ пӓччен хурама та инсе мар. Мӓнаслӓн ларать вӓл. Миҫе сула ҫитнӓ-ши вӓл? Асламӓшӓ ача чухнех ҫак

хурама саван пысакйи пулнй тет. Ял сыннисем сак йывацан туратне те тивмесцё. Ёлёк пёри хураман тиннё турацёсене хуцца вут хунй тет. Хёлле сав сын вёрмантан тавранный чух аташнй та сак хурама патне цитсе шанса вилнё тет. «Пёччен хурамана перённё сын пёччен юлать», – теццё кушкасем.

Иван Яковлевич шул пахчине тухрё. Кунта хурамасем папка каларма хатёрленнё. Хулара вёсем хисепре мар: урамсенче, те пит хаварт ўснёнрен, те ытларах сулхан парать тесе, ытларах тирек лартнй. Кушкара темиён йамрана хурамана юратасцё, ялёнче пёр тён тирек сук. Хутлахсенче те, киреметре те тйтйшах хурамасем. Иван Яковлевич та шул картишине хурамасем ларттарчё: сав катра йываца ачаранпах ханйхнй.

«Малаине вёрманти некх пулё ак кунта, – шухайшларё Иван Яковлевич. – Вёсем юлёц, эфир вара каятпёр...» (Тихан П.). – «Вот появились вязы кирементные. Неподалёку одинокий вяз. Стоит он величаво. Сколько же ему лет? Бабушка говорила, что, когда она ещё была ребёнком, он уже был такой большой. Деревенские почитают это дерево, даже ветки не трогают. Раньше говорят, один такой нашелся, зажег костёр из его веток. Когда зимой он возвращался из лесу, заблудился и, дойдя до вяза, замёрз и умер. «Кто дотронется до одинокого вяза, тот останется один» – говорят в Кошки-Новотимбаево.

Иван Яковлевич вышел в школьный сад. Вязы здесь начинают распускать почки. В городе это дерево не в чести: сажают на улицах чаще тополя, то ли оттого, что быстрее растут, то ли оттого, что тени от них больше. В Кошки-Новотимбаево почему-то ветлу и вяз любят, по всей деревне нет тополя. И в окрестностях, и на киреметище сплошь и рядом вязы. И в школьном дворе по указанию Ивана Яковлевича посадили вязы: к этому кудрявому дереву он привык с детства. В будущем разрастутся здесь, как в лесу, – подумал Иван Яковлевич. – Они останутся, а мы уйдём...».

Сравнительная семантика флористических образов вечнозеленых деревьев имеет в творчестве писателей разных народов амбивалентный смысл: с одной стороны, хвойные деревья, сохраняя круглый год зелень,

воплощают вечную жизнь, а с другой – они могут быть связаны с анатомической символикой. В русской поэтической традиции, идущей от мифопоэтических истоков, образы хвойных деревьев чаще всего наделяются значением негативным: «Сосны и ели представляют часть угрюмого, сурового пейзажа, вокруг них царят глушь, сумрак, тишина» [351]. Образ сосны, как и ели, связан в русской поэзии с смертельным кодом, традиционно считаясь деревом смерти.

Однако семантические поля в литературе двух народов неоднозначны, мотив смерти связан и с мотивом обновления жизни и воскрешения.

И сама Поля слышала, будто в стародавние времена, пока не свели подступавшие с юга березовые рощи, соловьи в окна залетывали, прямо хозяйкам во щи! Старики же подревней доныне хвастаются, будто в бывалошное время по высокому берегу – не то на полтора километра, не то на четыреста, но уж никак не меньше восьмидесяти, – маленько не доходя до двинских болот, простиралась отборная корабельная сосна. Да и теперь еще в грозу как поразойдутся, как заскрипят с ветром в обнимку енежские-то боры, как дохнут раскаленным июльским маревом, так даже подушки ночи три подряд пахнут горячим настоем земляники и хвои... Вот как у нас на Енге! (Л. Леонов).

Известны также поэтические переводы Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова стихотворений Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» и др. Ф. Тютчев сохранил грамматическое противопоставление двух ключевых слов, используя русские соответствия *кедр* и *пальма*. Традиционно такое противопоставление языковых единиц по роду является основанием для разработки любовной тематики. Однако не все русские поэты следовали в этом плане прототипу. Обратимся к переводу немецкого стихотворения М.Ю. Лермонтовым:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим

Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой –
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Основное содержание стихотворения Г. Гейне составляет описание разлуки двух влюбленных, и это достигается за счет грамматической оппозиции по роду ключевых слов оригинала текста: *Ein Fichtenbaum* (м.р.) и *eine Palme* (ж.р.). В переводе М.Ю. Лермонтова снята грамматическая противопоставленность этих ключевых слов и тем самым нейтрализованы эстетические возможности грамматического рода в плане развития любовного сюжета между мужчиной (парнем) и женщиной (девушкой). В связи с этим Л.В. Щерба и В.В. Виноградов отмечают решительное изменение всей семантики стихотворения.

В статье под названием «Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом» [344. С. 97–109] автор пишет: «...мужской род *Fichten-baum* (а не *Fichte*) не случаен и... в своем противопоставлении женскому роду *Palme* он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснодушные мечты». Далее Л.В. Щерба делает обобщение, что сущность оригинала сводится к тому, что некий мужчина, скованный по рукам и ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него женщине, находящейся, как и он, в тяжелом заточении. А сущность стихотворения М.Ю. Лермонтова состоит в том, что некое одинокое существо благодушно мечтает о каком-то далеком, прекрасном и тоже одиноком существе. И если основной идеей немецкого прототипа следует считать трагическую идею роковой скованности, не дающей возможности соединиться любящим сердцам, то у Лермонтова мотив

скованности человека отсутствует совершенно. Основную идею в русском переводе составляют сладкие мечты о сказочном прекрасном «далеко». Другие версии (Н.М. Шанского и Ю.М. Лотмана) по поводу перевода даны в книге Г.А. Хайрутдиновой «Эстетика морфологических средств русского языка» [326. С. 59–60].

В творчестве чувашских писателей художественный смысл образа вечнозеленых фитонимов связан с идеей обновления жизни, например,

<i>Пирён вӑрман нит чипер:</i>	Прекрасен наш лесочек,
<i>Йӑвӑ ўснӑ йывӑссем,</i>	Прегусто растут деревья,
<i>Питӑ вӑрӑм чӑрӑшсем,</i>	Престройные наши ели,
<i>Пӑхсан – сӗлӗк ўкмелле,</i>	Посмотришь вверх – шапка упадет,
<i>Кассан – часах ўкмелле</i>	Срубишь – повалишь скоро.

(М. Федоров).

Лирический герой в стихотворении С. Есенина «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» сравнивает себя с кленом, обычно олицетворяющим в его стихах твердость, силу, стойкость. Это дерево зимой напомнило ему пьяного сторожа, который приморозил ногу в сугробе. Поэт ощущает себя молодым кленом, который встретил вербу, «там сосну приметил» и обнимал («как жену чужую») березку. У Сергея Есенина клен – образ мужской (сторож), береза – женский (жена чужая).

А в стихотворении «Смуглянка», ставшем текстом популярной военной песни, образ клена неопределенный: то ли женский, то ли мужской (скорее, женский).

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Я влюбленный и смущенный пред тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной! <...>
Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здравствуй, парень, мой хороший, мой родной...

При анализе текста как системы с соответствующей структурой выявляется своеобразие языка и стиля писателя, которое проявляется при использовании флористических текстовых единиц с актуализированным компонентом «рябина».

Данные текстовые единицы получают свое дальнейшее развитие и могут тем самым увеличить содержание, его наращение происходит и за счет опыта читателя. Правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми и графическими единицами и средствами, но и общим фондом знаний – «коммуникативным фоном», на котором осуществляется текстообразование и его декодирование, поэтому восприятие связано с пресуппозицией [40. С. 147]. В данных текстовых единицах восстанавливаются фоновые знания о лексеме *рябина*, так как предварительное знание дает возможность читателю адекватно воспринять текст. В нижеприведенных текстовых единицах *рябина* отождествляется с девушкой, женщиной, *а высокий дуб* – с мужчиной. Между ними непреодолимая преграда: дорога, широкая река, да еще «нельзя рябине к дубу перебраться». Это осуществимо лишь в мечтах, там можно к нему прижаться и день и ночь шептаться. О совместной жизни рябине с дубом возможно только мечтать: «знать, судьба такая, век одной качаться». Судьба – это строжайшая и важнейшая категория сознания, с помощью которой строится вся концептуальная картина мира народа. Через судьбу деревьев – рябины и дуба – показана в этом стихотворении судьба людей. Приведем в качестве примера текст:

Что стоишь, качаясь,	Как бы мне, рябине,
Тонкая рябина,	К дубу перебраться?
Головой склоняясь	Я б тогда не стала
До самого тына?	Гнуться и качаться.
А через дорогу,	Тонкими ветвями
За рекой широкой,	Я б к нему прижалась
Так же одиноко	И с его листьями

Дуб стоит высокий.

День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине

К дубу перебраться.

Знать, судьба такая, –

Век одной качаться.

Лексемы *тонкая, гнуться, качаться* подчеркивают близость с народным представлением о дереве: *рябина* – символ женского начала, женского одиночества. В народных песнях, преимущественно лирических, *рябина* символически сопоставляется с тоскующей девушкой или женщиной, а горечь ее ягод ассоциируется с безрадостной жизнью. *Рябина* традиционно – символ света, верности, любви. Сам образ рябины, меняясь, в чём-то остаётся неизменным: рябина тонкая, ветви гибкие и тонкие, заламываются (как руки), а ягоды кислые (рябинка – кислинка) и сладкие после заморозков как две поры жизни – разлада и лада, размолвки, ссоры и любви, согласия. Она считалась растением, оберегающим человека, и фигурировала во многих обычаях и обрядах [309. С. 88–99].

В «Уральской рябинушке» (стихи М. Пилипенко, музыка Е. Родыгина) прослеживается тот же мотив: «Где-то под рябинушкой парни ждут меня»; «Оба парня смелые, оба хороши, ой, рябина, рябинушка, сердцу подскажи». Но ответа от рябины нет.

Тема безответной любви через образ рябины раскрывается и в стихотворении «Ах, эта красная рябина» (слова А. Сафронова, музыка С. Заславского):

Ах, эта красная рябина

Среди осенней желтизны.

Я на тебя смотрю, либимый,

Теперь уже со стороны.

Со стороны страданий прежних,

Со стороны ушедших лет.

К которым, словно к зорям вешним,

Больше уж возврата нет.

Как видно, девичья любовь находит параллели с образами рябины, калины, черемухи, а также ивы:

Ивушка зеленая,
Над рекой склоненная...

За окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои...
Жди меня, мой радостный...

Стану я черемухой,
Тихо зацвету,
Подарю кому-нибудь
Девичью мечту (В. Быков).

В строках этих стихотворений есть параллелизм, но параллелизм особенный, по сравнению с параллелизмом чувашских народных стихов:

Ан яр утна пахчана: чечек тӑрне ан таттӑр,
Калӑрсамӑр качӑана: хӑр ёмӑрне ан таттӑр. –
«Не пусти коня в огород: пусть не губит он цветы,
Скажите же молодцу: пусть не губит жизнь девичью».

Параллелизм в стихах поэтов – это композиционный прием, подчеркивающий структурную связь двух (обычно) или трех элементов стиля в художественном произведении; связь этих элементов состоит в том, что они располагаются параллельно в двух или трех смежных фразах, стихах, строфах, благодаря чему выявляется их общность. В чувашских и русских народных, да и в авторских стихах параллелизм проявляется в том, что в первых строках речь идет о природе, растениях, животных, а далее в строфах, сравнивая то, что сказано в начале, говорится о жизни человека, о его радостях и горестях, мечтах, любви и ненависти. Параллелизм близко стоит к отрицательному сравнению, когда особая форма образного сравнения, в

котором дается не сопоставление одного предмета с другим, как это делается во всяком прямом сравнении, а противопоставление одного предмета другому. Отрицательное сравнение – любимый стилистический прием в чувашской и русской народной поэзии. Как стилистический прием форма отрицательного сравнения пришла из народной поэзии к авторам-поэтам:

Не тростник высок колышется,
Не дубравушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат (Н. Некрасов).

Следует отметить, что ни в народной поэзии, ни у поэтов-профессионалов фитоним *вяз* /*хурама* не наделяется положительным эпитетом. Примечательны в этом отношении реплики героев А.П. Чехова из комедии «Чайка»:

Нина. Это какое дерево?
Треплев. Вяз.
Нина. Отчего оно такое темное?
Треплев. Уже вечер, темнеют все предметы.

Темный вяз служит значимой деталью, создающей определённый эмоционально-психологический фон, на котором нарастает ощущение темного, трагического.

В балладе М. Федорова «Арсури» (Леший) данное дерево выступает как предмет, внушающий страх:

– <i>Хура лаша, ан хартлат.</i>	– Не фыркай, гнедая лошадь.
<u><i>Хурамаран ма хйран?</i></u>	Почему пугаешься вяза?

Чуваши издревле древесину вяза использовали в хозяйственных целях, так как она крепкая, твердая, вязкая, хорошо поддается обработке. М. Федоров подчеркивает и эту особенность:

<i>Хурйниурта хурама</i>	Вязину в Хорншуре
<i>Турй йстернё туратсйр,</i>	Бог вырастил без сучьев,
<i>Турта тума вйл юрать.</i>	Она пригодна для оглобли.

Символ липы в художественном тексте – это особый мир, зеркало индивидуально-авторского отношения к действительности, особенного восприятия окружающего мира. Ср.:

Липа цветет. Боже мой! Как же липа цветет
в русской глубинке: в Тарусе, Ельце и Короче...

В летние ночи, безлунные душные ночи
липовый запах из липовых пазух течет. <...>

Липа цветет. Этот праздник – от Божьих щедрот.

Скоро сентябрь раскаленные ночи остудит.

Много еще в жизни всякого разного будет...

Это потом... А сегодня – так липа цветет! (А. Баранов).

Стихотворение чувашского поэта Максима Ястрана «Уйри с̣ака» (Липа в поле) описывает дерево в одиночестве стоящее в поле, он не ассоциируется с человеком, а служит для выражения его отношения к окружающей действительности. Весеннее пробуждение природы, цветение липы способны вызвать в человеке массу положительных эмоций:

<i>Уй-хирте п̣еччен ларать с̣ака...</i>	В поле растет одинокая липа,
<i>Суркунне тухья-тевет сакать.</i>	Весною наряжается в тухью-тевет,
<i>Суллахи т̣ап-т̣а̣р̣а̣ ка̣с̣сенче –</i>	А в летние ясные ночки
<i>Мерченне ахах ун с̣ий̣ёнче.</i>	На ней кораллы и агат.
<i>Х̣ёрупрас̣ а̣на курсан вара</i>	Девушки при виде её
<i>Шу̣с̣ам̣чен с̣анать, с̣анать в̣а̣рах.</i>	Наслаждаются до утренней зари,
<i>Е поэт а̣на курсан, паллах,</i>	Если взор поэта остановится на ней,
<i>Су̣ла̣м̣пах с̣унать, с̣унать вутпах!</i>	Загорится пламенем вмиг!
В чувашской поэзии цветущая липа обычно символизирует любовь.	
<i>В̣а̣рман х̣ёрринче,</i>	На опушке леса
<i>С̣ака ай̣ёнче</i>	Под липой-липошкой
<i>К̣ётет сарпике</i>	Ждет красна девица
<i>Чун̣ё савнине.</i>	Своего милого.
<i>Сил сук̣ ёшнере,</i>	Нет ветра на поляне,

Їака џеџере.

Эх, мѣнле хитре

Каччапа хѣре!

Липа вся в цвету.

Ах, как хорошо

Влюбленным вместе!

Волнения и переживания влюбленных передает описание листвы, колыхающейся от ветра:

Ан хумхан, џакалѣх,

Ан хумхан, сирень,

Халь ѣџта-ши, тусѣм,

Эс иртсе џѣрен?

Не качайся, липняк,

Не качайся, сирень;

Где ж сейчас ты, друг мой,

Где ж ты ходишь-бродишь?

Анализируя символы народной поэзии, разбирая их внутреннюю форму, известный русский лингвист А. Потебня приходит к мысли, что потребность восстанавливать забываемую внутреннюю форму и была одной из причин образования символов. Калина стала символом девицы потому же, почему девица названа красною – по единству основного представления огня-света в словах «девица», «красный», «калина». Изучая символы славянской народной поэзии, А. Потебня располагает их по единству основного представления, заключенного в их названиях. Он путем детальных этимологических исследований показывает, как сближались, находя соответствие в языке, рост дерева и род, корень и отец, широкий лист и ум матери [230].

В стихотворении Ю. Семендера «Уџланкѣри палан» (Калина на опушке) образ калины вносит мотив зыбкости, мимолетности, призрачности счастья. Калина зацветает, потом отцветает, побитая заморозками, а осенью неожиданно покрывается ягодами – в природе все повторяется, возрождается для продолжения жизни. Но не все так у людей.

Уџланкѣри палан

Шап-шурѣ џурѣлсан

Эпир сѣмах татсаччѣ санпала.

Кѣрхи кунсем џитсен,

Паланѣмѣр пиџсен

Когда калина на опушке

Зацвела белым-бело,

Договорились мы с тобой.

Когда настанет осень,

Когда созреют ягоды калинушки,

<i>Эс таврӑнма пулсаччӑ аякран.</i>	Ты дал слово вернуться издалека.
<i>Сана ӑсатсанах</i>	Как проводила я тебя,
<i>Тӑм тиврӑ палана,</i>	Цветы калины увяли от мороза,
<i>Шап-шур чечекӑ ӳкрӑ сул сине.</i>	Опали лепестки на дорогу.
<i>Савна эс пӑлтӑн-ши,</i>	Может, об этом ты узнал,
<i>Савна эс сисрӑн-ши –</i>	Может, почувствовал это ты
<i>Тӑван яла килмерӑн кӑркунне.</i>	И не вернулся осенью в родное село.
<i>Мана курсан ялан</i>	При виде меня всегда
<i>Пуҫне усать палан,</i>	Печалится калина,
<i>Туять пуль эӑ саншӑн суннинне.</i>	Будто видит, что я сгораю от любви.
<i>Ан ман, савни, ан ман,</i>	Не забывай, любимый, не забывай,
<i>Халь хӑп-хӑрлех палан,</i>	Сейчас калина красная поспела,
<i>Пире кӑтсе упрать вӑл сырлине.</i>	Бережет ягоды, ожидая нас.

Начало любовной истории – весной, когда цветет калина, разлука наступила от того, что замерзли лепестки калины и опали (возможно, они сигнализируют о враждебной людской молве). Калина стоит с поникшей головой, как будто сочувствует героине, которая тоскует по милому, но счастливого конца в стихах нет – есть одно томительное ожидание. Не наступила ли осень в душе героя? Неизвестно. Образ цветущей калины передает чувства и переживания девушки.

Цветущая калина однострочно выступает и в стихотворении Ю. Петрова «Сенкерленчӑ шуҫӑм» (Занялася заря расписная).

<i>Синкерленчӑ шуҫӑм...</i>	Занялася заря расписная...
<i>Сӑҫкере палан.</i>	Калина вся в цвету.

Стихотворение повествует о томительных ожиданиях (героя или героини?) и просит конкретного слова о любви:

<i>Мӑшӑр хура куҫӑм,</i>	Черноглазый мой,
<i>Ан сунтар чуна:</i>	Не томи мне душу:
<i>Каласамчӑ уҫҫӑн</i>	Толком объяснись,
<i>Хӑвӑн шухӑшна.</i>	Открой мне душу.

Осина в русской языковой картине мира имеет отрицательную символику. У славян, кельтов, индейцев и многих других народов осина – символ предательства, «проклятое» дерево, «Иудино» дерево, символ смерти. Вместе с тем в древней традиции осине придавали значение защитника, оберегающего от злых сил (осиновый кол охраняет от злых духов). Во времена язычества считали, что осина исполнена жизненной силы, именно поэтому листья ее всегда трепещут, колеблются, «разговаривают между собой». Приведем пример:

Прежде чем я остановился в этом березовом леску, я с своей собакой прошел через высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево – осину – с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым желтым багрянцем, – или когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист ее, подхваченный стремленьем, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль (И. Тургенев). Перед нами авторская текстовая единица, представляющая собой сложное синтаксическое целое, которое является продуктивной грамматической моделью, основной формой концентрации тематической информации в тексте. Оно состоит из трех предложений, объединенных общей микротемой: размышление о «реалии осины». Фитоним занимает центральное место в данном тексте, мы видим отношения человека с природой.

Существует легенда: когда все деревья склонили верхушки во время распятия, только осина осталась прямой, за это ее листья навсегда обречены дрожать [20]. Видимо И. Тургенев употребляет в своём тексте лексемы следующего содержания: *(вечное качанье ее круглых неопрятных листьев,*

неловко прицепленных к длинным стебелям; как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль), отражая ментальные представления об этом дереве.

Тот или иной фитоним в творчестве писателей подчеркивает закрепленные в сознании современного человека представления о дереве. Фитоморфные образы акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражают причинно-следственные связи в природе, значимость крепких корней и другие, фундаментальные для русского и чувашского национального сознания ценности.

4.5. Категории локальности и темпоральности во флористических текстовых единицах

В последние несколько лет в связи с развитием когнитивной лингвистики, изучением языковой концептуализации мира в филологии повысился интерес к языковым единицам с локальным и темпоральным значениями.

Проблема пространственных отношений рассматривается в работах Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, В.Г. Гака, Е.С. Яковлевой. П.А. Флоренский отмечает, что «язык пространственных отношений» позволяет описывать свойства действительности [322. С. 18]. Темпоральность наряду с локальностью также является фундаментальной категорией гуманитарных и точных наук. В философии темпоральность определяется как «форма бытия материи, характеризующаяся такими свойствами изменения и развития систем, как длительность, последовательность смены состояний» [278. С. 120]. Исследованию категории темпоральности посвящены работы И.Р. Гальперина, Г.А. Золотовой, З.Я. Тураевой, Е.С. Яковлевой и других ученых. Текстовая темпоральность и локальность – это категории, с помощью которых содержание текста соотносится с осью темпоральности

и локальности.

Фитонимы, используемые в русских и чувашских текстах, помогают читателю восстановить из текста информацию о месте или времени описываемых в произведении действий, событий. Фитонимы в творческой картине мира содержат информацию разного характера. Передавая тот или иной пейзаж, автор через семантику флористических текстовых единиц указывает на место действия.

Местность становилась все ниже, а лес безрадостней и бедней; вешняя вода сипела под многолетней дерниной бурого мха. То было смешанное мелколесье третьего бонитета с запасом древесины кубометров в тридцать на га, забитое всеми лесными напастями, кое-где затопленное водой, и того неопределенного возраста, что и люди в беде; все же почти рукопашная схватка пород происходила здесь. Снизу... от ручья, темная в космах сохлого хмеля, ольха наступала на кривые, чахоточные березки, как бы привставшие на корнях над зыбкой, простудной трясиной, но почти всюду, вострая и вся в штурмовом порыве, одолевала ель, успевшая пробиться сквозь листовенный полог. Впрочем, нелегко и ей доставалась победа: иные стояли без хвои, у других груды ослизлых опенок сидели в приножье (Л. Леонов).

Сразу же узнается по описанию местность в Средней России в следующем тексте:

И вот как выглядела топография тогдашнего мира. В центре его, при слиянии Склани с Енгой, сползало к воде Красновершье, а вокруг – зеленые, синие и голубые – ступенчато простирались леса. От барской усадьбы деревеньку отделяла сосновая, десятин на полсотни роца, чье местоположение определялось самим названием – Заполоски. С востока клином спускалась в овраг, тоже сапегинская, часть громадного Облога, а непосредственно за ним синели казенные, неприступные Пустоша. Они пребывали в постоянном тумане, и над ними вечно дождик моросил, потому что, по непроверенным ребячьим слухам, небо в том месте вплотную

смыкалось с землей. Главная тайна этого древнего бора, тщательно продуманная Иваном совместно с первейшим его дружкой Демидкой Золотухиным, состояла в том, что чем дальше, тем выше росли там деревья, так что кудлатые кроны их сокрывались в облаках, благодаря чему обыкновенная белка могла взбираться по ним в самую высоту и грызть там свой орешек, усевшись на излучинке молодого месяца. А уж оттуда было рукой подать до бездонного каменного обрыва, и в нем ни рек, ни травы, ни печали земной, а только дымно стелется гиперборейский мрак и еще нечто, чего не может выдержать взор самой отчаянной человеческой души. Это и был край света (Л. Леонов).

Передавая информацию о пространстве произведений автора, фитонимы с помощью ключевых единиц указывают также на время событий, описываемых в тексте.

Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел, и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берез внезапно принимали нежный отблеск белого шелка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых

папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять все кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, березы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. Листва на березах была еще почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождем (И. Тургенев).

О том, какой смысл придаётся организации пространственно-временной модели в художественном мире поэмы «Нарспи», рассуждает А. Александров в монографии «Поэтика Константина Иванова»:

«Для сильбиян... весь освоенный мир (совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве; среда, пространство. – Ю.И.) воплощен в самом Сильби. Весь остальной мир – средоточие непознанного, «чужого»... Для них [сильбиян] именно Сильби – центр земли. Не случайно само солнце, творец всего сущего на Земле, двигаясь вокруг селения (ложное представление автора. – Ю.И.)... опекает его. Солнце – хёвел рождает время. Значит, само время (в мифологическом сознании оно характеризуется повторяемостью и цикличностью) движется вокруг Сильби, сакрализуя его пространство. И теперь Сильби и солнце, два основных элемента мира, застывая в пространственно-временном единстве, для мифологического сознания сильбиян в значении Древа Жизни» [6. С. 30].

«Пространственные оппозиции в поэме «Нарспи». В мифологической модели мира и в ее варианте древа мирового наиболее распространены оппозиции верха – низа, неба – земли, земли – подземелья. Верхний и средний мир описан в самом начале поэмы: Пуш уйăхĕн вĕçĕнче хёвел пăхрĕ

айшӑтса, Силпи чӑваш ялӑнче... “Март почти что на исходе, греет солнышко тепло, и в Сильби, селе чувашском...”. Далее описываются горы, зеленеющие кроны деревьев – они тоже отчасти знаменуют верхний мир. Нижний мир – подземелье: Вытрӑ хӑсӑк тупӑка «Лежит она (Нарспи. – Ю.И.) в тесном гробу» [6. С. 37].

Аверсия разновидность олицетворения, обращение к неодушевленным предметам проявляется в поэме «Нарспи» в образе леса. Сетнер обращается к лесу (*вӑрман*)

<i>Сӑм-сӑм вӑрман, сӑм вӑрман,</i>	Лес дремучий, лес дремучий,
<i>Мӑншӑн хытӑ шавлатӑн?</i>	Что так грозно ты шумишь?

<i>Вӑрман тата хытӑрах</i>	Лес еще неугомонней
<i>Шавлатӑ, йӑрет, ахӑратӑ.</i>	Плачет воет и ревёт.

(Перевод П. Хузангая)

То, что человек – песчинка в масштабах Вселенной, лишь малая часть её, видно не только из горестных песен Сетнера, но и в авторском повествовании:

<i>Епле Сетнер мӑсӑн-ске</i>	Как он сир, Сетнер несчастный,
<i>Урӑн вӑрман айшӑнче.</i>	С горем горестным своим!
<i>Епле сирӑп йывӑссем</i>	Как поют в лесу деревья
<i>Юрласӑсӑ пуҫ тӑрринче.<...></i>	Песню буйную над ним. <...>

Сетнер по сравнению с могущественной природой, лишь маленькая частица. И эта крошечная часть пошла против целого, против разумных начал этого мира. В небольшом отрывке автору удалось передать сложность взаимодействий человека и Космоса через образ леса.

Данные характеристики флористических текстовых единиц передают дополнительную информацию читателю, создают реальную картину восприятия. Анализ флористических текстовых единиц позволяет судить о неких фрагментах авторской картины мира того или иного писателя, которая представляет собой сложную философскую

систему. Поэтому понимание сущности творческой картины мира весьма актуально при восприятии, интерпретации читателем художественного текста. Исследование вербального выражения мировидения писателей является средством постижения этого видения, в данном случае фитонимической картины мира, и проникновения в истинный его смысл.

4.6. Антропоморфизм флорем

Во флористических текстовых единицах наблюдается антропоморфизм, под которым традиционно понимают перенесение присущих человеку свойств и особенностей на явления природы. Поэты и писатели, олицетворяя, метафоризируя образы природы, наделяют растения частями тела человека. Человек определяется через природу, в сравнении с нею обретает свое место в мире, сближаются человеческое и природное.

За Доном, тронутый желтизной, горюнился лес, блекло отсвечивал тополь, дуб ронял редкие узорчато-резные листья, лишь ольха крикливо зеленела, радовала живучестью своей стремительный сорочий глаз (М. Шолохов).

Во флористических текстовых единицах автор использует эмоционально окрашенную лексику, что также позволяет создавать семантику «очеловечивания», олицетворять растительные объекты:

<i>Шап-шур кёпеллэ йярэс хурён</i>	В платье белом стройная берёзка
<i>Шав-шавлэ халэ кунёпех:</i>	Шуми гомон целый день:
<i>Лартаççё кураксем хайюллэн</i>	Грачи без страха строят гнёзда
<i>Пурчёсене турат çинех.</i>	Прямо на её ветвях.
<i>Хáva та канар. Хатлэх тупнэн</i>	Нарядна ива. Уселись дружно
<i>Хулли çине ёреленсе</i>	На ветках рядышком,
<i>Ларма хёрсем нек ларса тухнэ</i>	Подобно девушкам на посиделках,
<i>Сар сурслэ канайи кайкасем.</i>	Светлорусые пушистые сережки.
<i>Варман, варман, сарт-ту илемё,</i>	Лесов, пригорков красота,

<i>Ман ёмётпе кун-сул айиши!</i>	Мечты моей и жизни свет
<i>Сём-сём вярман, туйса илентём</i>	приму с восторгом !
<i>Сан хўтлөхе ёмёр тәриши.</i>	Дремучий лес, я почувал
	Приют в тебе я весь свой век.
<i>Сар майяр шёшкёлөх аппаşam,</i>	Со спелыми орехами орешник –
<i>Сар вёрене пекех йысна,</i>	сестра моя,
<i>Сире те тавалсем ласкаşçё,</i>	а зятем выглядит красный клен,
<i>Сире те шут хурать хысна.</i>	И вас треплют жизненные бури,
	И вам предъявит счёт казна.
<i>Пичче пек манишан йарас кавраşç,</i>	А стройный ясень подобен брату,
<i>Инке пек уртайш юнашар.</i>	И рядом невестка-можжевел.
<i>Сире те шелсёр касса кайрөç,</i>	Безжалостно вас срубили,
<i>Сире те тинөтрө пушар.</i>	И пожаром выжжены вы.
<i>Атте пек аслә юман паттәр,</i>	Дубовый кряж – мой батюшка,
<i>Анне пек сапәр яш çака.</i>	Как мама, кротка молодая липа.
<i>Сире манран иртме вай патәр,</i>	Бог в помощь вам обойти меня,
<i>Сас патәр манишан ват çахан.</i>	Пусть голос подаст за меня ворон.
<i>Вярман, вярман – сёршыв илемё,</i>	Леса, леса – краса страны родимой,
<i>Пур-çукләхна хевте айиши.</i>	Судное добро и сила их – тепло.
<i>Тавах, вярман! Хампа илетөп</i>	Спасибо, лес! С собой возьму,
<i>Сан хўтлөхе ёмёр тәриши...</i>	Приют твой я вовек...

(В. Станьял).

В творчестве русских и чувашских писателей через глагольную лексику выражается антропоморфизм, т.е. перенесение присущих человеку свойств и особенностей на природу. В рамках флористических текстовых единиц происходит одушевление объектов растительного мира. Метафоризированный образ растения создаётся благодаря глаголам со следующими значениями:

1) глаголы, выражающие действия органа зрения. В художественных произведениях деревья *заглядывают, смотрят, жмурятся, мигают, глядят,*

глазеют, щурятся, видят:

Я читал эти стихи Фраерману, и он восхищался ими вместе со мной. И может быть, еще тогда, в те осенние батумские дни, под непрерывный стук дождя по жестким листьям пальм и родилась мысль о жизни в лесах, в сельском доме, где ветки вязов заглядывают в окна и в сумерки со двора пахнет самоварным дымком (Л. Леонов).

<i><u>Куэран пәхатъ</u> сёмёрт чечекё –</i>	<i>Смотрит в глаза цветок черёмухи –</i>
<i>Манми савни, вёрман пики.</i>	<i>Незабвенная моя, красавица леса.</i>
<i>Сан имлэхне упрантәм эпё,</i>	<i>Целебность твоя уберегла меня,</i>
<i>Ан хуйхәр, тусәм, ман пирки</i>	<i>Не печалься обо мне, друг мой.</i>

(В. Станьял).

2) глаголы, выражающие движение *стоять, подходить, уходить, толпиться, заходить* и др.):

Налево, цепляясь за отвесные гранитные стены, вздымался лес, такой же загадочный, каким он казался издалека. Позади нас шуриали осыпи. А направо я боялся даже смотреть: там, рванувшись к небу, остановился, весь напряженный, казалось, до медного стона в своих жилах, угрюмый, непостижимый Марух.

Я ушел. Ко мне от дома Зузенко вела протоптанная в снегу тропинка. Густые ели опустили на нее мохнатые лапы, отягченные снегом. Я задевал их, и снег несколько раз слетал мне за шиворот. Каждый раз я вздрагивал, как от удара ножом.

Я часто оступался в глубокий снег. Лес вокруг трещал и скрипел
(К. Паустовский).

Вәл килнә чух «Савал» районта чи кая юлнә колхозчә. Вәрман сывәхәнчи ялсем. Кермен пек суртсем, вёр-сёнә хапхасемне хўмесем. Сёр мар усә паратъ кунта, вәрман хайён әшй тәләпәне витет. Вәрман пек пуянни, уй пек асли сук. Вәрман нихәсан та пушй ямасть. Пултараканә унтан-кунтан тупкаласах сұлталәкра пёр-икё пура кәларатъ, кам тата курәс сёр аллә пәт таранах хатёрлет, пёр-икё капан утә лартатъ. Акә

сана вунă-вун пилёк пин укşa та. – «Когда он приехал, колхоз «Çавал» (Цивиль) был самым отсталым в районе. Прилесные деревни. Дома как дворцы, новенькие ворота и заборы. Не от земли черпает народ своё богатство, а лес даёт укрыться тёплым своим тулупом. Нет богаче леса, нет шире поля. Лес не отпустит с пустыми руками. Кое-кто умудряется за год один-два сруба сладить, а другой готовит до ста пятидесяти пудов мочала, и один-два стога сена. Вот тебе тысяча десять – пятнадцать денег» (А. Емельянов).

<i>Ав шайпчакё пёччен вёсет,</i>	Вот соловей летит одиноко,
<i>Ав ват юман пёччен ўсет.</i>	Там растёт одинокий дуб.
<i>Каишласё ытти йываёсем,</i>	Шумят разные деревья,
<i>Пайшалтасё тем вёсем</i>	Шепчутся о чём-то меж собой.

(Н. Львова).

3) глаголы, выражающие чувства, состояние:

<i>Шурă тумтир тăхăнса</i>	Одетый в белый наряд
<i>Вăрман лăпкă сывăрать.</i>	Лес погрузился в сон.
<i>Юр пёрчийё таишласа</i>	Снежинка в вихре танца
<i>Çўл тўпере çаврăнать</i>	Кружится в синей мгле.

(С. Быков).

Таким образом, фитонимы входят в пейзажные зарисовки и участвуют в создании художественных образов, с помощью которых проза поэтизируется, а единицы текста приобретают особую авторскую семантику. Ср.:

<i>Тёттём вăрман чёрёлет,</i>	Ожил лес, зеленой
<i>Ешёл тумтир тăхăнать,</i>	Покрывается листвой,
<i>Çеçенхир те ешерет,</i>	Степь вдали зазеленела
<i>Илемёне мухтанать</i>	И гордится красотой.

(К. Иванов).

<i>Ватă йăмра тайăлса</i>	На себя любуясь, смотрит
<i>Тёсне пăхса савăнать.</i>	В заводь старая ветла.

4.7. Ключевые устойчивые единицы-фитокомпоненты в русском и чувашском языках. Ключевые фразеологические единицы-фитокомпоненты, объективирующие фитонимическую картину мира

Ментальность отражается в языке в форме ключевых слов которые создают картину мира, и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества [60. С. 241]. Ментальность отличается от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии тем, что восходит к бессознательным глубинам психики и не рефлексруется сознанием. Обнаруживается она только в научном анализе при сопоставлении с другой ментальностью. Понятие ментальности позволяет объединить развитые формы сознания с полусознанными культурными шифрами. Оно продуктивно используется для анализа архаических структур и мифологического сознания (Там же. 245). Ментальность, по Гуревичу, – это общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о мире.

В русской и чувашской фразеологии продуктивными являются фитокомпоненты, обозначающие:

1) растительные ареалы:

а) фразеологические единицы (ФЕ) с фитокомпонентом *лес* /*вӑрман*. Ср.: рус. *За деревьями леса не видеть* ~ ирон. или неодобр. «не видеть главного из-за множества деталей»; *Чем дальше в лес, тем больше дров.* – «Чем больше углубляешься в работу, тем больше возникает трудностей»; *темный лес* «что-либо совершенно непонятное для кого-либо», рус. *зеленый друг* – публ. о лесе, зеленых насаждениях, отдельных деревьях; рус. *кричать, как в лесу* и др.; кроме того, в русской фразеологии встречается аналогичный фитокомпонент *бор* (т.е. хвойный лес), ср. *с бору да с сосенки* (*и с бору и с сосенки*) / (*собирать*) *с бору по сосенке* – неодобр. «собирать кого попало,

откуда попало (о случайном составе людей)»: *Актёры были с бору да с сосёнки.... Тут были старики, инвалиды, чудаки, страдавшие манией величия* (К. Федин); *Потихоньку ворчат на выставку, собранную по принципу «с бора по сосенке»; Целую жизнь все бегал по просекам, / Целую жизнь я с бору по сосенке / Эти слова собирал, Целую жизнь – / за счастья билетиком...* (А. Розенбаум); чув. *Кам армана, кам вярмана.* – посл. (досл. «Кто на мельницу, а кто в лес») «Кто куда»: *Кам армана, кам вярмана – манян ништа та каяс килмест* «Кто на мельницу, кто в лес, а мне никуда не хочется»; *Пёри утать, тепри чупать – манян ништа та васкас килмест* (П. Эйзин) «Одни идут, другие бегут, а мне никуда не хочется торопиться»; *Лава пёри вярмана, тепри армана туртни тейсёр сырмана сиктерё сес* «Когда один тянет в лес, другой – на мельницу, это приведет к падению бездонный овраг» (Хресчен сасси. 2010. 3 февраля); *Хальхи нек пёри вярмана, тепри армана пулчэ тэк аякка каяймәпәр* (Самант. 2011. 25 марта). – «Если будет, как теперь, один в лес, другой на мельницу, далеко не уйдём»; сравнения: *вярман нек, сём вярман нек, хура вярман нек* (досл. «как лес», «как темный лес», «как лиственный лес»), «во множестве, плотными рядами, густой массой»: *Савна май асәннә ферма юхәнчә, ун таврашәнче хыт хура вярман нек ашкәрма тытәнчә* (Ял пурнәсә. 2010. 26 ноября) «Вышеупомянутая ферма разорилась, вокруг всё заросло бурьяном, будто лес»; *Ләптәксәнче вара хыт хура вярман нек кашласа ларать. Сав ырайнта пиценне вәлтәрен, ытти хыт хура вярман нек кашласа ларатчә* (Тәван ен. 2008. 3 декабря). – «На участках бурьян шумит, как дремучий лес. На том месте крапива, чертополох и другой бурьян шумят, как дремучий лес».

б) ФЕ с фитокомпонентом *поле* /уй, хир. Например: рус. *не обсевов в поле* разг. «стоящий человек; такой, кем не пренебрегают»; рус. *ищи ветра в поле*, рус. *(работы) непаханое поле* и т.п., но чаще в составе пословиц, типа рус. *Жизнь прожить – не поле перейти; Один в поле не воин* и многие др.; чув. *уй тункати* (букв.: «полевой пень», «тупица, остолоп, дурак»; *хир качаки* (букв. «полевая коза» «непоседа; капризуля».

2) общие (родовые) наименования (фитокомпонент выражен, как правило, нарицательным существительным, называющим растение по принадлежности к определенному классу или разновидности и передающим главные свойства и признаки растений этого рода):

а) ФЕ с фитокомпонентом *дерево* / *йываҫ* не так продуктивны, чаще употребляется в значении «древесина» (рус. *твёрдый как дерево*) или ФЕ с компонентом *деревянный*: *Держись за дубок, дубок в землю глубок* и др.;

лав, или *лавровый венок* – символ победы, награда победителям: рус. *пожинать лавры*; см. этимологию *лауреат*; *почивать на лаврах*, В составе русских фразеологизмов наиболее часто встречаются названия лиственных деревьев – *береза* / *берёзка*, *дуб* / *дубок*, *осина*, *тополь*, а также дендрокомпоненты *рябина*, *верба*; названия хвойных деревьев – *ель* / *ёлка*, *сосна* (ср. рус. *заблудиться в трех соснах*), *кедр*; названия фруктовых деревьев – *яблоня* / народн. *яблоне́вый куст*, *груша* ср.: *Яблоко от яблони далеко не падает. Крепкий как дубок* (чув.: *юман нек сирён*) – здоровый, сильный, красивый мужчина, мальчик.

Ывӓлӓрсем юман нек, сар хёрёрсем ҫӓка нек. – «Сыновья ваши как дубы, красны девицы как липы»; *Ват юман нек сирён пул, / Сар чечек нек хитре пул! / Ҫӓлкуҫё нек таса пул, / Атӓл некех анӓл пул! / Пыл хурчё нек ёҫчен пул. / Ҫеҫенхир нек аслӓ пул!* («Улып»). – «Будь крепок, как старый дуб, будь красив, как цветок! Будь чист, широк как родник. Будь щедр, как Волга. Будь трудолюбив, как пчела»; ...*Эс пуринчен те тёне юлтӓн, ялти пёртен-пёр фронтовик. Юман нек паттӓр курӓнатӓн. Мён-ма пулмасть-ши ёмёр икё* (Г. Васильев). – «Ты остался коренным наследником, единственный фронтовик в деревне. Крепким, как дуб, выглядишь. Почему же век не приходит дважды?

б) ФЕ с «дендрокомпонентом *куст* / *тём* (*спрятаться*) в кусты «уклониться от ответственности» и *смотреть* (*глядеть*) в кусты неодобр. «стремиться увильнуть от дела, от ответственности»: *Как до дела дойдет – все в кусты попрячутся* (А. Степанов); *Натворил дел и в кусты! Ефрейтор*

Табуреткин больше не хочет командовать армией; чув. тём хысне пытан (букв. «прятаться в кусты»): *Ёс тума вӑхӑт ҫитсен пурте тём хысне пытанаҫҫӗ* «Когда подходит время взяться за работу – все прячутся в кусты».

3) органы – части растений (корни, листья, ветви, семена и др. издавна приобретали особое символическое значение и связанные с этим функции):

а) ФЕ с фитокомпонентом *сук, сучок, ветка* – ср. рус. *рубить сук, на котором сидишь* – неодобр. «вредить самому себе; поступать недальновидно и неосмотрительно»; *без сучка, без задоринки* – «сделать что-л. очень гладко, без осложнений и помех». Здесь фитокомпонент *сучок* обозначает «остаток от срезанного бокового отростка ствола в бревне, доске»; рус. *задоринка* имеет значение «зацепина на гладкой поверхности доски»; обе идиомы возникли в профессиональной речи столяров, у которых гладкая отделка дерева считалась показателем высокого качества работы; ср.: с этим же фитокомпонентом рус. *сучок в глазу замечать* – «замечать мелкие недостатки кого-л., не замечая своих, более крупных» ФЕ восходит к библейскому тексту.

б) ФЕ с фитокомпонентом *пень /тунката*. Например, *пень берёзовый* (чув.: *уй тункати* (букв. «полевой пень»), *вӑрман тункати* (букв. «пень лесной») «тупица, остолоп, дурак» / чув.: *тӑмсай, ухмах, тӑм пуҫ: Муж с женой встретились, а я сижу, пень берёзовый, и уши развесил* (А. Степанов); *А я-то, пень берёзовый, развесил уши, повелся на его посулы да обещания, за что и пострадал* [135]; *Тӗл пулма чун савнипе / Вӑййа тухрӑм каҫхине. / Хама тивӗҫлӗ качча / Эп шырарӑм ҫӗр каҫа. / Пӗрне чӗнтӗм: «Кил, Курти!» / Пулнӑ вӑл уй тункати. – «Чтоб встретиться с любимым, вечерком я вышел на хоровод. Я искала парня, который бы мне нравился. Позвала одного: «Гордей, поди сюда!» Но оказался он несмышлёнышем (дураком)». *Анчах та упӑшка пус та кас килӗшмерӗ. Питӗ кӗвӗҫ ҫынчӗ вӑл, уй тункати ҫумне те хушма пултартчӗ пуль. – «Но супруг мой не согласился. Был он весьма ревнивым, мог приревновать и к полевому столбу». *Вӑл пӗр самантлӑха уй тункати нек хытса ларать. – «В одно мгновение он остолбенел как полевой столб».***

в) ФЕ с фитокомпонентом *лист, листок* (встречаются преимущественно в устойчивых сравнениях, включающих в свой состав словосочетания *осиновый лист, банный лист, фиговый листок, лист перед травой*; чув. *ăvās şulşi pek (чётре, чётреме ер)* «дрожать (задрожать, трястись, затрястись) как осиновый лист».

г) ФЕ с фитокомпонентом *корень*, ср.: рус. *смотри (зри) в корень; подрубить под корень* – разг. «полностью уничтожить что-л. (зло, дурную привычку и т.п.) или кого-л.»; *пресечь зло в корне, корень зла или корень всех зол*. В русской идиоматике этот фитокомпонент довольно часто встречается в составе пословиц. Сергей Миронов: *Игорную заразу пора вырвать с корнем. ...Следовало совсем запретить бизнес на азарте, без всяких зон, а не создавать иллюзию, что в принципе с такого рода «предпринимательством» наше государство готово мириться; В Туве продолжается операция «Мак» – вырвать с корнем; Дмитрий Соин: «Коррупция – это зло, которое надо вырвать с корнем!» Вырвать бы боль вместе с корнем из сердца, / Чтобы чуть-чуть, но всё ж стало б легче*; чув.: *тымарёпех тăпăлтар* (вырвать с корнем) «решительно освобождаться от чего-либо, устранять что-либо»: *Сан улпутла хăтланкалашусене тымарёмёпех тăпăлтарса немелле.* – «Надо вырвать с корнем твои барские замашки».

д) ФЕ с фитокомпонентом *росток*, рус. *молодая поросль* – книжн. или шутол. о молодежи; чув. *şamrăk хунав* – «*дети, молодежь*».

4) экзотические растения (названия экзотических для России деревьев *смоковница, кипарис, пальма, лавр, олива /маслина* (рус. *масличная (оливковая) ветвь* – символ мира), появление которых в русской идиоматике связано с античной и библейской символикой, как в русских, так и в чувашских ФЕ встречаются редко), например: рус. *у кого-л. в ушах бананы* – шутол. или презр. «о плохо слышащем или очень невнимательном человеке»; *ни банана не понял* – фам. «вообще ничего не понял» – современный вариант ФЕ по модели рус. *ни хрена не понял*, рус. *ни черта не*

понял и т.п. Фитокомпонент *изюм* всегда символизирует нечто особенное, редкое, ценное, ибо в старину в России сушеные ягоды винограда были иноземным, восточным товаром, рус. *не фунт изюму* – разг. «не пустяк, не шутка; дело вовсе нелегкое». А вот ФЕ с фитокомпонентом *пальма* продуктивны в русской фразеологии: часто используются в книжно-поэтической речи, а на разговорном уровне большинство из них считаются устаревшими, рус. *завоевать пальму первенства* – высок. «победить»; *оспаривать (бороться, сражаться за) пальму первенства* – высок. «бороться за первое место»; *присудить кому-л. пальму первенства* – высок. «признать кого-л. победителем». Но в целом группа «экзотических» фитокомпонентов в русской фразеологии относительно непродуктивна, а в чувашской и вовсе отсутствует.

4.8. Эмоционально-аксиологический компонент в семантике флористических фразеологических единиц

Особое место в языке занимают фразеологические единицы (ФЕ) – наглядное свидетельство его тесной взаимосвязи с культурой и менталитетом этноса. Устойчивые выражения языка не только отражают наиболее характерные явления действительности, но и передают отношение говорящего к той или иной реальности, явлений служат ярким средством её оценки. Анализ чувашских и русских флористических идиом показывает, что большинство фразеологических единиц является неисчерпаемым источником экспрессии и речи, для них характерно наличие эмоционально-аксиологического компонента семантики.

Исследование языкового материала даёт выделить несколько особых групп флористических ФЕ, имеющих наиболее яркую эмоционально-оценочную окраску:

1) флористические фразеологизмы с религиозными и нравоучительными оттенками значения. Данной группе русских и чувашских

флористических идиом свойственна давняя традиция: образным ядром таких ФЕ является возникшее ещё в эпоху мифопоэтического и пантеистического сознания представление об изоморфизме растений человека, позже заукрепившееся в сознании носителей сравниваемых языков благодаря образности библейских текстов и текстов церковных проповедей, в которых используются множественные сопоставления человека и растений. Как правило, такой параллелизм либо подчеркивает временность и преходящность существования всего живого (растений / людей), а также обозначения стадий человеческой жизни, аналогичных стадиям развития растений: рус. *рост* – *расцвет* – *увядание*; либо служит для создания убедительных аналогов или контрастов при описании образа жизни людей.

Флористические фразеологизмы с религиозными оттенками значения либо являются цитатами из Библий, например, рус. *отделить зёрна от плевел* и т.п.; либо имеют в своем составе библейские символы, например, фитокомпонент *роза*: рус. *нет розы без шипов* (< лат. *rosa sine spinis*) – разг. «нет ничего абсолютно совершенного, во всём есть дурные стороны»);

2) флористические ФЕ с положительной коннотацией (с мелиоративным значением), главная функция которых – нести экспрессивно-эстетическую информацию, рус. *румяный (красный) как пион*; рус. *стройный (строен) как кипарис* и т.п., во многом продолжают традицию библейских сравнений.

К флористическим устойчивым выражениям без религиозного образного основания, но также имеющим нравоучительные оттенки значения, относятся главным образом пословицы и поговорки: рус. *Корень учения горек, а плод сладок* < лат. *Radix doctrinae amara est, fructus vero dulcis* и т.п.; а также крылатые выражения, так называемые фразеологизмы-афоризмы, как рус. *Смотри (зри) в корень* (выражение принадлежало Козьме Пруткову – это вымышленное имя, под которым выступали три поэта) и т.п.

В современном русском языке большинство флористических идиом названной группы относится к пассивной лексике, часть из них устарела,

часть относится к высокому стилю и употребляется преимущественно в книжной речи (реже в разговорной речи, когда назидательность сменяется иронией, а мелиоративное значение пейоративным);

3) флористические фразеологизмы с негативной коннотацией (с пейоративным значением).

Потребность общества в разнообразных языковых средствах, выражающих негативную оценку явлений окружающей действительности растёт, В.М. Мокиенко отмечает «пейоративную доминанту» в семантике фразеологических единиц. Эта тенденция существует и в чувашском, и в русском языках: появилось множество флористических идиом с отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией, т.е. имеющих пейоративное значение. Сферы их применения может быть самая разнообразная. С помощью их образно и ярко раскрываются те или иные качества предметов, черты характера, физические свойства, психологическое состояние и поступки человека происходит характеристика ситуации т.п. Флористические идиомы этого типа обнаруживают многообразие синонимических отношений, долго сохраняются в разговорной речи, продуктивно участвуют в процессах образования новых ФЕ.

Приведем примеры флористических фразеологических единиц с резко выраженной негативной коннотацией (они обозначают самые порицаемые в данной языковой среде качества и поступки человека) из нескольких наиболее обширных смысловых групп:

- ФЕ с общим значением «внезапно сбежать / исчезнуть / потеряться»
рус. *чуть что, так /спрятаться/ в кусты*; чув. *тёмсем хыçне пытан*;
- ФЕ с общим значением «сильно пить / выпивать (об алкоголизме)»
рус. *натянуться (напиться, налиться) как клюква / как клюковка, (напился так, что) лыка не вяжет, быть под хмельком*; чув. *пăх пек ўсёр* «пьяный вдрызг».
- ФЕ с общим значением «сводить счёты с кем-л. / «избить»

рус. *задать на орехи, задать перцу, накормить березовой кашей, дать берёзовой каши:*

Вот как вспрыснуть берёзовой кашей, так до новых веников не забудут... (Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монреп); ср. чув.: *сёмёрт кукли ситер* «угостить пирогом с черемухой», перен. «высечь, наказать» [18. Т. 13. С. 70];

– ФЕ с общим значением «обманывать, дурить, использовать кого-л.»:

рус. *провести на бобах, ободрать как липку, трясти как грушу,*

– ФЕ с общим значением «быть глупым человеком; иметь бессмысленные идеи или невероятные планы»:

рус. *голова как соломой (мякиной) набита, в голове опилки (каша);* чув. *пусёнче хывах анчах* «в голове только мякина» (т.е. глуп); *хывах пус* «мякинная голова».

Для носителей русского языка специфичной является группа флористических ФЕ, обозначающих бедность, крайнюю нужду и голод: рус. *остаться на бобах, есть (перейти на) хлеб с лебедой (лебедю),* ср. с пословицей *Не беда, что в хлебе лебеда – то беда, когда нет ни хлеба, ни лебеды;* рус. *перейти (сесть) на хлеб и воду, девятый хрен глодаем (с солью),* рус. *(во рту) ни маковой росинки* и др.; чув. *мăкăнь вăрри те (сăвара) хыпман;* «в рот не брал ни крошки» (букв. «зернышко мака»); *белены объелся;* чув. *тилпёрен синё* «потерял рассудок, ведёт себя как ненормальный, безумный»:

– *Что ты, баба, белены объелась?* (Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке);

«Гелетей (начальник Госохраны. – Ред.), что, белены объелся? – негодовал советник министра (Сегодня». 2008. 31 июля); Эсё тилпёрен симен пулѣ-ске? [332]. «Ты что, белены объелся?»; Тепрехинче клубран пёрле тухсан сапла ыйтрё. – «В следующий раз при выходе из клуба сказал»:

– *Нумай калаşмастăп: мана качча пыратăн-н? Акă ман философи.*

– «Много не буду говорить: выйдешь за меня замуж? Вот моя

философия».

– *Тилпёрен симен-ха*.

– «Я пока белены не объелся».

Как особенность русского языка следует также отметить наличие флористических идиом-эвфемизмов, используемых для смягчения резких и грубых выражений, т.е. заменяющих инвективную лексику. Потребность в таких оборотах в русском языке гораздо ярче выражена, поскольку в нем существует не только слой вульгарной, бранной лексики, но и мат, т.е. абсолютно табуизированные инвективы, ср. рус. ФЕ с фитокомпонентами *хрен, ёлки* и *ёлки-палки, фи́га, цвето́к*. Например:

ёлки зелёные прост. экспрес. (То же, что *ёлки-палки*) – выражение досады, восхищения, недоумения и т.п.;

ёлки-палки (то же, что *ёлки зеленые*) – выражение досады, восхищения и т.п.:

Елки-палки! Руководство Бишкека этой зимой бьет рекорды непрофессионализма (из Интернета).

Кроме того, объектом специального социолингвистического изучения является эвфемизмы-фитонимы в составе устойчивых сочетаний из городского аргота, ср. рус. *бамбук* «глупый, легкомысленный человек» (экзотический фитоним с пейоративной окраску), или из воровского жаргона, всё чаще проникающих в русскую бытовую речь [124. С. 198], ср. *липа* (подделка), *лопух* (простак, дурак), *редиска* (плохой человек), *груша* (жертва насилия или грабежа), *бакла[жа]н* (простак < неопытный вор), *апельсин* (преступник, купивший титул вора в законе) и др.

Говоря о метафоризации словосочетаний, мы не должны забывать о метонимии, ибо фразеологизация словосочетания частенько бывает связана с переносным значением по смежности. Идиоматические сочетания, названия лиц данной группы дают весьма тонкую и меткую характеристику людям, которые имеют склонность поступать легкомысленно, несерьезно. Ср.:

А́йс су́лси «ветренная голова» (букв. «осиновый лист»).

Върман тункати «дурак» (букв. «лесной пень»).

Уй тункати «дурак» (букв. «полевой пень»).

Ѕава тункати «болван, олух» (букв. «кладбищенский пень»).

Тёнче върманё «олух» (букв. «мировой лес»). *Вят тёнче върманё! Эсё мён, върманта пурьнатан-и, сав япалана та пёлместён* [18. Т. 15. С. 56] «Вот олух! Ты что, в лесу живёшь? Не знаешь такие простые вещи».

Как видим, в данных ФЕ проявляется отрицательная экспрессия, эмоция и оценка личности, а негативную коннотацию выражают фразеологические единицы (идиоматические сочетания, относящиеся к разговорному и просторечному стилям, в словаре они отмечены как бранные выражения). У таких идиоматических сочетаний функция вторичной номинации сливается (совмещается) с экспрессивно-эмоционально-оценочной функцией характеристики лица.

4.9. Компаративные флористические фразеологические единицы в системе русского и чувашского языков

Компаративный оборот с флористическим (растительным, фитофорным) компонентом, один из самых древних элементов образности. Данный вид тропа, возник ещё в эпоху мифопоэтического и пантеистического сознания и существует как средство, наиболее ярко и полно передающее особенности мировосприятия и самосознания народа – носителя того или иного языка. Среди множества флористических фразеологических образований компаративные обороты имеют сильно выраженное эмоционально-аксиологическое содержание и, следовательно, позволяют сделать интересные выводы по поводу отражения национально-культурных явлений во фразеологии языка.

Специфическим признаком данных оборотов, как показывает сопоставительный материал русского и чувашского языков, является присущая им функция интенсификации т.е. особый характер семантического

перевоплощения компонентов (абстрагирование от конкретного значения сравнительной группы, приобретение ею роли показателя интенсификации действия и качественной характеристики). Функция интенсификации особенно ярко проявляется в тех фразеологических единицах, где сравнительная группа связана с именем прилагательным. В таких словосочетаниях сравнительная часть, выраженная почти всегда одним именем, предстаёт как «эталон» качества, выраженного прилагательным; компаративная часть как бы повторяет информацию, переданную прилагательным, и поэтому по смыслу сближается с наречиями меры и степени («очень, крайне, совершенно»). Например, рус. *стройный как тополь* (*кипарис*) «очень стройный»; чув. *тирек нек яштака* «стройный как тополь».

Сравнительная же группа, подчинённая глаголу, помимо функции интенсификации, имеет в той или иной степени функцию качественной характеристики, например: рус. *ободрать* (*обчистить, ободрать, облупить*) *как липку* «ограбить, отобрать у кого-либо всё».

Следующий признак – это структурный, иначе говоря, компонентный состав ФЕ – они бывают однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные. Представление о трехкомпонентном составе ФЕ обусловлено логическим построением «операции сравнения», включающей в себя 1) объект сравнения, 2) образ сравнения и 3) признак сходства. Однако следует помнить, что объект сравнения в сравнительном обороте не является постоянной, конкретной величиной, поэтому его включение в состав ФЕ противоречило бы одному из главных признаков фразеологических единиц – постоянству лексического состава. Большинство лингвистов оптимальным признает двухкомпонентный состав ФЕ, где постоянными являются признак сходства и образ сравнения. Флористический сравнительный оборот *дрожать как осиновый лист* – сравнительная группа *как осиновый лист* имеет значение «очень сильно» только в сочетании с глаголом *дрожать*, т.к. именно эта отличительная черта листвы осины

получила отражение в сознании человеком при его наблюдении за окружающей действительностью и затем нашла отпечаток в языке, в т.ч. в христианских преданиях.

Соотношение компонентов СФЕ (сравнительной фразеологической единицы) можно представить в виде следующей схемы: внешний элемент сравнения (предмет /субъект сравнения) – *он* + основание сравнения – *пристал* + сравнительная часть (сравнительный союз (или союз уподобления) – *как* + образ-эталон сравнения– *банный лист*.

В свою очередь по составу сравнительное словосочетание может быть простым и сложным:

1) простые, когда образ сравнения выражен одним номинативным членом, например: рус. *тощ как хвоц, лежать как бревно*, чув. *пёрене нек выртать* «лежит как бревно», *тополь нек яштака* «стройный как тополь».

В простой идиоме сравнение, как правило, предметно; оно непосредственно создаётся на основе свойств, качеств предмета или явления, образ которых служит базой для сравнения или прямой аналогии;

2) сложные, когда сравнительная группа выражена каким-либо словосочетанием (в этом случае образ создаётся на основе опосредованной соотнесённости данного предмета с другими предметами и явлениями реального мира, на основе сложной диалектической связи и взаимозависимости. Например:

рус. *семь пятниц на неделе; запретный плод*; «заманчивый, привлекательный / манит»; *(он ведёт себя) будто белены объелся*; чув. *тилпёрен синё нек* «будто белены объелся».

В данной группе сложных ФЕ можно также выделить компаративные пословицы и компаративные поговорки: рус. *Человек без друзей как (что) дерево без корней*, чув. *Тăлăх пурнăç çул хĕрринчи пăрçа нек, кашни иртен-çўрен таптат* «Сиротливая жизнь подобна придорожному гороху, каждый прохожий топчет».

Следующим дифференциальным признаком рассматриваемых

оборотов является оценочный признак:

а) косвенное отрицание.

Выражение негативной оценки в сочетании с яркой экспрессивной окраской (ирония, насмешка, презрение, порицание и т.п.) – одно из самых характерных функциональных свойств флористических ФЕ, например:

рус. *тонкий (худой, тощий) как лучинка* – неодобр. «очень тонкий»;
голова как тыква, голова как арбуз.

чув. *пуçё кавйн нек* «голова как тыква», *шалча нек имиер* «тощий, как шест».

Следует отметить особенности другого компонента подобных ФЕ – «образа-эталона». Главными семантическими критериями, служащими основанием для использования растительного образа в качестве сравнения, являются существенность, несомненность в данном предмете качества, свойства, по которому проводится сравнение, например, чернота древесины у эбенового дерева, колючесть кактуса пр.; чув. *армути йўççи* «горечь полыни».

Отражением этого может служить наличие у существительного, являющегося в составе квалификатора опорным словом, определения (эпитета), соответствующего прилагательному, входящему в сравнительную конструкцию, например:

рус. *глупый как пень*, чув. *хурйн нек яштака* «стройный, как береза»,
юман нек çирён «крепок, как дуб».

4.10. Лингвокультурологическая характеристика состояния субъекта, ситуации флористическими фразеологическими единицами

Во многих флористических ФЕ русского и чувашского языков можно увидеть не только отражение особенностей национальной культуры и менталитета, но и следы давних представлений об изоморфизме растений и человека, возникших ещё в эпоху мифопоэтического и пантеистического

сознания. Данный изоморфизм выражается следующими способами:

1) флористические соматизмы:

рус. *тыква, репа, кочан (капусты)* – флористические соматизмы, входящие в состав ФЕ, служащих для описания внешнего облика человека; *покраснеть до корней волос* (растение человек) или *картошка в мундире* (человек растение); чув. *кав'ян пуç*, букв. «пустой, глупый человек» «голова из тыквы», *куп'аста пуçё*, букв. «белобрысый человек» «кочан капусты»;

2) флористические символы, связанные с характеристикой внутреннего мирачеловека – результат метафорического переноса и давних представлений об изоморфизме растений и человека, например:

рус. *крепкий орешек* «человек с твёрдым и сложным характером»; *Криво дерево, да яблоки сладки* «под грубой оболочкой часто скрывается мягкое сердце», чув. *юман нек çирёп*, «здоровый, сильный человек», букв. «крепок как дуб», *çака нек çемсе*, букв. «мягок, как липа», «слабохарактерный человек»;

3) гендерная соотнесенность флористических компонентов ФЕ.

Особенности мира флоры издавна проецировались на мир женщин. Так, изоморфизм «женщина = растение / цветок» – крайне распространенное явление на уровне культуры: подобные параллели встречаются в мифологии (например, сказания, в которых героиня превращается в растение и т.п.), в фольклоре (например, в народных песнях женские образы часто уподобляются цветам и деревьям), в изобразительном искусстве (цветы выступают как символ женственности, а также как религиозный атрибут богини или святой), в художественной литературе (особенно в поэзии) и т.д. Ср. образ Нарспи:

Аслă Силти ялĕнче.

А в Сильби растёт девица

Нарспи ятлă хĕр йĕсет. <...>

С редким именем Нарспи. <...>

Пичĕ-куçĕ пит хĕхĕм,

На лицо она прекрасна,

Хирти сарă чечек нек.

Как цветочек полевой.

(К. Иванов)

(Перевод П. Хузангая)

Ср: рус. *ягодка моя* и т.п.; модели «женщина – дерево / цветок», например, ФЕ с общим значением «о женщине, склонившей голову и стоящей в печали; об изнемогающей под тяжестью жизненных невзгод женщине»: рус. *как плакучая ива*, рус. *гнутья (шататься) как рябина / как рябинка (на ветру)*; чув. *пилешём* «рябинушка моя», *чечекём* «цветочек мой».

Кроме того, во многих устойчивых выражениях с фитонимами содержится отражение определённых социальных установок и стереотипов:

– представлений о женском жизненном предназначении и предубеждений против незамужних женщин, например: рус. *пустоцвет* или рус. *бесплодная смоковница* – библич. неодобр. «о бездетной женщине»; *сидеть маком, (одинокая) как рябина*, рус. *одна, что хмелинка без тычинки* – народн., неодобр. «об абсолютно одинокой, незамужней, не имеющей родных и близких женщине»; чув. *пуш чечек, пуш пучах* «о бесплодной женщине»; чув. *пёччен кукук* «одинокая кукушка»; *Пёччен хулй хушйлать* «Одинокая лозинка быстро ломается»;

– представлений о женщинах как о «слабом поле», например:

рус. *Торгуй мужик пшеницей, баба чечевицей*;

– представлений о женском характере, например:

рус. *цвести как фиалка, нежна (свежа) как ландыш*; *чиста (чистая) как лилия* и *скромна (скромная) как лилия, скромна (скромная) как мимоза*; *жить как милый цвет уединенья* – в данных ФЕ фиалка, ландыш, лилия, мимоза и просто цветок выступают как символы скромности, застенчивости и целомудрия – главных женских достоинств (согласно социальным стереотипам прошлых лет). В современном обществе взгляды на положительные качества женщин изменились, поэтому теперь эти идиомы меняют коннотацию, например, с оттенком иронии употребляются в шутовском контексте (иногда даже по отношению к мужчинам); ср.: *Хёр (каччй) ёмёр мён тетёр эсир? – Пурт умёнчи шёшкё майри чечек нек* [18. Т. 15 С. 178] «А что думаете о девичестве? – Это наподобие цветения орешника перед домом»;

– возрастных предрассудков, например:

рус. *срезайте розы, пока не увяли*, (ее) *красота увяла*; чув. *чечеке çеçке сурнй чух татмалла* «рвать цветы надо при цветении» (т.е. девушек брать замуж в молодости (т.е. при цветении)).

Под влиянием эмансипации в настоящее время взгляды на роль женщины в обществе и представления о её личностных качествах сильно изменились: можно говорить о такой общей тенденции в области флористических ФЕ, соотнесенных с женскими образами: их употребление в повседневном общении становится ограниченным в связи с переходом их в разряд устаревших выражений, либо их коннотация приобретает дополнительные оттенки (ирония и юмор). Кроме того, постепенно возникают новые флористические ФЕ, отражающие современное положение вещей.

Выводы. Фрагменты любой языковой картины мира отражают определенные закономерности в семантическом развитии концептов-фитонимов, ибо культурный коннотативный потенциал, обусловленный фольклорным контекстом, основывается на соответствующих оценочных наращениях, отражающих семантические оппозиции (*малина* «сладкая жизнь», «веселое»; *ива* «тоска, печаль»; *верба* «наступающая весна», «здоровье» и т.д. Основные особенности базисных номинантов-фитонимов (БНФ) основываются на следующих признаках:

а) средство внешнего состояния БНФ характеризуется бытием узуального субъекта;

б) особая роль причинных и локальных факторов.

Синтагматические свойства базисных номинантов-фитонимов в сопоставляемых языках связаны с их валентностью, с признаком «интенсивности». В русском и чувашском языках встречаются следующие модели:

1) БНФ + вербальный компонент со значением звучания (*Сильно шумит зимний лес – жди оттепели*);

2) БНФ + вербальный компонент со значением состояния (*Лес чернеет к оттепели, сереет – к морозу; Вӑрман кӑвакарсан ҫанталӑк ӑшӑтатӑ*);

3) БНФ + адъективный компонент со значением цвета (*Лес зимой красен – к оттепели*);

4) БНФ + интенсификаторы «много мало» (*Много желудей на дубу – к теплой осени; Йӗкел нумай пулсан кӗр ӑшӑ пулатӑ*).

5) БНФ + интенсификаторы, выраженные атрибутивными компонентами (*Изобильный урожай рябины – к мокрой осени; Пилеш нумай пулсан кӗр йӗпе килет*);

6) БНФ + интенсификаторы, выраженные предикативными компонентами (*Если будет хороший урожай на черемуху, как и на рожь*);

7) БНФ + интенсификатор «качество листопада» (*Раннее опадение листвы – к ранней зиме; Ҫулҫӑ ирех тӑкӑнсан хӗл ир ларатӑ*).

Образную основу паремий в паремиопространстве составляют бинарные композиции паремиологических конструкций (ПК) со значением «растительный мир». Изучение бинарных композиций, являющих собой их внутреннюю структуру, образную основу паремии, требуют ответа на вопросы какие биномы используются для выражения тех или иных смыслов, какие паремийные смыслы реализуются конкретными биномами. Национальное их своеобразие проявляется в совершенно различном использовании отдельных культурных кодов. Так, в русском и чувашском языках бином *дерево – лист / йывӑҫ – ҫулҫӑ* образует паремии с общим логическим смыслом «При внешнем сходстве всё же очень разные». Бинарные композиции со значением «растительный мир» представлены значительным количеством паремийных кластеров.

Микрополе «Субъект ситуации» представлено в русской и чувашской паремиологической картине мира как сложное концептуальное единство, формирующееся по внешне проявляющимся и зрительно воспринимаемым признакам. Важное место в паремиологической картине мира двух этносов занимают следующие кластеры, являющиеся элементами этнического

портрета; их семантическая представленность в русской и чувашской паремиологии совпадает и одновременно различается:

а) сущность, внешность (*Дуб как будто хорош, но дуплом каков – Юман аван та, варри хăвăл*);

б) человек и труд (*Дерево познаётся по плоду, а человек по делу; – Йывăçа сĕмĕçĕне, этеме ёсĕне хаклаççĕ*);

в) человек и семья (*Рано вставший мед, ягоду поел, проспавший – калину. Ир тăракан пыл, сырла сине, кая юлакан палан сине*);

г) дети и родители (*Ломи дерево, пока молодо; Хулă чухне авмасан йывăç пулсан аваймăн*);

д) муж и жена (*Кабы куст был не мил, соловей гнезда бы не вил; Йывăç сĕмĕçлĕ пултăр, этем сĕмĕллĕ пултăр*) и др.

Микрополе «Причинность флористической ситуации» представлено следующими кластерами:

а) всему бывает причина (*Ударь обухом в дерево – дупло само скажется; Йывăç туратти епле, тымарё те çапла*);

б) что иному мило другому постыло (*Дуб да осина – разные деревья; Юманпа аывăс – ик тёрлĕ йывăç*).

В микрополе «Ментальность в ситуации» входят такие кластеры, как счастье, горе (*Дерево жучок точит, а сердце горе разъедает; Хурăн хулли шăпăрлăх, телей сукки – йывăрлăх; Йывăçа шĕкĕ сĕет, чĕрене – хуйхă*).

Анализ лексико-семантического уровня флористических текстовых единиц (ФТЕ) представляет большой интерес, поскольку слова играют ведущую роль в образовании тех или иных смыслов как результатов языковой (текстовой) культурной деятельности. Во ФТЕ грамматическая выраженность основных компонентов ключевым словом может выступать как субстантивными, так и адъективными и вербальными компонентами.

ФТЕ имеют всепроникающий характер в творческой картине мира русских и чувашских писателей и поэтов. Особенно ярко и многообразно

в их произведениях представлена информация, не выраженная эксплицитными средствами, а содержащаяся в символических структурах: *старый дуб, белые березы и осины, русский лес; çăкалăх, юманлăх, йăмралă ял, Сурăм вăрманĕ, çамлăх, е çам вăрманĕ* и т.д. Эти и многие другие образы, как правило, понимаются ими как национальные символы. Это так называемая «земная символика» (наряду с минералами и животными), которая наиболее ярко показывает психологическое восприятие человеком мира природы.

Анализ символического содержания таких ключевых компонентов, как *дуб (юман), береза (хурăн), ветла (йăмра)* в составе ФТЕ дает возможность овладеть недоступными чувственно-наглядной выраженности понятиями посредством перевода их в область простых, конкретных, чувственно-осознаваемых смыслов.

Как показывает анализируемый материал, и в русской, и в чувашской литературе общий смысл древесной символики, используемый в контексте мировой мифологии, фольклора, литературы, представлен очень широко. Образ дерева в них чрезвычайно богат по содержанию, является важным художественным средством выражения человеческих чувств. В образности их выявляются связи, выраженные адекватным параллелизмом жизни человека и дерева. Образ этот наделяется антропоморфными чертами. В чувашской прозе образ дерева создаётся с опорой на богатую традицию тюркской мифологии.

Текстовая темпоральность и локальность – это категории, с помощью которых содержание текста соотносится с осью темпоральности и локальности. Фитонимы, используемые в текстах, помогают автору точнее обозначить, а читателю представить себе место время действия описываемых в литературном произведении событий. Фитонимы в эстетическом мире писателя отражают информацию разного характера. Создавая тот или иной пейзаж, автор через семантику флористических текстовых единиц указывает на место действия. Передавая информацию о пространстве произведений

автора, дендронимы с помощью ключевых единиц указывают на время действия.

Во ФТЕ и ФЕ наблюдается антропоморфизм, под которым традиционно понимают перенесение присущих человеку свойств и особенностей на явления природы. Поэты и писатели, олицетворяя, метафоризируя образы природы, наделяют растения свойствами частей тела человека. Человек определяется через природу, в сравнении с нею обретает свое место в мире, сближаются человеческое и природное. В творчестве русских и чувашских писателей через вербальную лексику осуществляется антропоморфизм (в частности, с помощью вербальных компонентов в составе ФТЕ, ФЕ происходит одушевление объектов растительного мира: через глагольные лексемы читатель видит метафоризированные образы растений). Языковое кодирование, функционирование концептосферы «фитонимы» в фольклорном и художественном дискурсах, в ФТЕ и ФЕ позволило обозначить ассоциативно-образный индекс, обусловленный системой фольклорного и художественного мира и его языка.

ГЛАВА 5. АССОЦИАТЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «ФИТОНИМЫ»

5.1. Методы анализа данных ассоциативного эксперимента

Одним из способов изучения типов ассоциаций и их связей является методика ассоциативного эксперимента, достаточно, глубоко разработанная техника семантического анализа. В процессе ассоциативного эксперимента у участников эксперимента устанавливаются ассоциативные связи между двумя объектами, которые основаны на личном опыте, и этот опыт исходит из общественного формата культуры и традиций, т.е. в данном процессе происходит усвоение социального опыта и его трансформация в сознании индивида, что является главным в понимании механизма картин мира, в частности фитонимической картины того или иного языка. Испытуемый в данном эксперименте, как носитель того или иного языка, выступает одновременно «экспертом» в области его употребления и передает экспериментатору нужную в данной ситуации информацию о продукте своего языкового сознания.

Направленный ассоциативный эксперимент, как один из типов ассоциативного эксперимента, распространен как метод анализа семантики слова дает очень важные сведения для описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка. В ходе направленного ассоциативного эксперимента экспериментатор направляет ассоциации реципиентов в определенное русло, и уточняющие вопросы дают возможность получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки семантики исследуемого слова [227. С. 166].

При проведении подобных экспериментов особое внимание следует уделять подготовке заданий для стимулов, потому что стимулы в данном случае не могут быть одинаковыми для всех слов определенной части речи или для какой-либо семантической подгруппы, не могут быть стандартными для всех лексических групп: вопросы-стимулы связаны с конкретной семантикой исследуемого слова. И для выявления эффективных вопросов-стимулов для направленного ассоциативного эксперимента, в частности, могут быть использованы данные словарей сочетаемости. Наиболее распространенные сочетания исследуемого слова, которые зафиксированы в словаре, могут быть интерпретированы как актуализация семантических компонентов значения ключевого слова, что позволяет сформулировать соответствующий вопрос-стимул для верификации данного семантического компонента в значении исследуемого слова. Данная гипотеза была проверена на материале русских частотных глаголов и их сочетаемости, отраженной в словаре сочетаемости русского языка под редакцией П.Н. Денисова, В.В. Морковкина [274]. Например, исходя из сочетаемости можно формировать для реципиентов следующие вопросы-стимулы, связанные с фитонимом «дерево».

- 1) (посадить, пилить, беречь...) дерево;
- 2) (зайти, спрятаться...) за дерево;
- 3) (влезть, залезть, забраться...) на дерево;
- 4) (сесть, лечь, поставить...) под дерево;
- 5) (ствол, ветка, верхушка...) дерева;
- 6) (слезть, упасть...) с дерева;
- 7) (наблюдать, выглядывать...) из-за дерева;
- 8) (сидеть...) на дереве;
- 9) (ухаживать, спрятаться...) за деревом;
- 10) (стоять, сидеть, лежать) под деревом.

Аналогично следует формировать вопросы-стимулы для остальных значений, в частности, для слова *дерево* в значении «древесина»:

- 1) (ценное, редкое, твердое...) дерево;
- 2) (мебель, гарнитур, рояль...) из дерева;
- 3) (выпиливать, вырезать...) из дерева.

По результатам анализа сочетаемости фитонимов во всей совокупности их значений для направленного ассоциативного эксперимента может быть сформулирован полный набор вопросов-стимулов. При обработке результатов, ассоциации на разные вопросы-стимулы можно свести в одно описание на основе чего можно сформулировать ассоциативное поле слов-стимулов с фитонимическим значением в соответствии с общепринятой процедурой обработки результатов ассоциативных экспериментов. Далее полученное ассоциативное поле можно обработать методом семантической интерпретации, т.е. ассоциативные реакции можно переформулировать и интерпретировать как вербализованные компоненты значения слов-стимулов. Для определения семантических компонентов слова-стимула – фитонима «дерево» (*йыва́с, вя́рман*) используем его ассоциативное поле:

а) в русском языке:

жизни 68	бревно 6	раскидистое 3
зеленое 44	жизнь 6	сосна 3
дуб 38	ствол 6	тупой 3
высокое 29	лист 5	цветок 3
береза 17	дрова 4	яблоня 3
большое 13	желаний 4	быстро 2
растет 12	живое 4	гнилое 2
старое 11	крепкое 4	дубовое 2
куст 8	липа 4	железо 2
лес 8	растение 4	засохшее 2
сухое 8	тополь 4	зеленеет 2
ветвистое 7	древнее 3	зелень 2
листья 7	корень 3	камень 2
баобаб 6	познания 3	клен 2

корявое 2	вековое 1	лето 1
красивое 2	величественно 1	лимонное 1
красное 2	вечности 1	листва 1
кудрявое 2	вечность 1	лиственное 1
леса 2	вишня 1	листок 1
молодое 2	вырастить 1	лодка 1
огромное 2	выросло 1	любви 1
одинокое 2	генеалогическое 1	материал 1
пальма 2	груша 1	металл 1
пень 2	дерево 1	могучий 1
полено 2	деревянное 1	мореное 1
посадить 2	дождь 1	на острове 1
развесистое 2	дом 1	на поляне 1
расти 2	дубина 1	небо 1
сад 2	его место в саду 1	облако 1
солнце 2	ель 1	одно 1
срубили 2	желание 1	осень 1
срубить 2	желтое 1	осина 1
тупость 2	житье белок 1	офицер 1
цветет 2	зареве 1	палка 1
человек 2	засохло 1	парк 1
аксакал 1	звенело 1	печальное 1
армия 1	зеленый дуб 1	плита 1
банана 1	земное 1	плодоносящее 1
без корней 1	и бетон 1	поколений 1
брат 1	и я под ним 1	полковник 1
бук 1	калина 1	посадили 1
бумага 1	кора 1	пустое 1
в лесу 1	крест 1	расцветает 1
в пустыне 1	кустарник 1	рубить 1

ручка 1	сталь 1	тупица 1
с корнями 1	стоит 1	тупое 1
с листьями 1	столб 1	ты 1
с плодами 1	столетнее 1	улица 1
садить 1	стук 1	упало 1
свежесть 1	стучать 1	хороший материал 1
синее 1	сук 1	целей 1
сирень 1	сучок 1	шкаф 1
совсем 1	счастья 1	шумит 1
солдат 1	твердое 1	яблоки 1
спиленное 1	тепло 1	ясень
спилить 1	толстое 1	
срубленное 1	травы 1	

б) в чувашском языке:

вӑрман (лес) халӑх пуянлӑхӗ (9), чӑрчунсен хӗтлӑхӗ (4), Вӑрман хӑлхалӑ, вӑрман пуян (6); Вӑрман кайсассӑн нӑхӑшан та пушӑ алӑна тухмастӑн; Вӑрман пуян (3), хӗтлӑх вырӑн (11), Вӑрман тӑтӑм (9), чӑтлӑх (9), пуян ҫӑр, ырлӑх, тупра.

Ял хӗтлӑхӗ, Лӑпкӑлӑх, кайӑк сасси, уҫӑ сывлӑш;

Ешӗл (12), илемлӗ (5), хӑрушӑ, хура (7), Пысӑк вӑрман (6), асамлӑ (13),

Кӑмпа ӗсекен вырӑн (6); Ҫимӗҫ паракан вырӑн, тискер вырӑн, юрату, туслӑх, ҫуннӑ вӑрман; Канмалли вырӑн (42), вӗҫсӗр-хӗрсӗр (10), тӑрантаракан (13), Уҫланкӑ, ылтӑн вӑрман (15), ҫӑткӑн вырӑн (3).

На этапе семантической интерпретации сходные по смыслу ассоциативные реакции: могут быть обобщены и сформулированы обобщающие семы с объединением их показателей частотности (например, ассоциативные реакции расти – 3, растет – 2, вырастить – 1, расти вверх – 1, расти под окном – 1 – обобщаются в сему «расти» с частотностью актуализации 3). Эксперимент с формулой «дерево – какое?»: (дерево –

величественное, сказочное, красивое и др.) может выявить разные архисемы, которые сигнализируют о наличии разных значений. Анализ остальных ассоциатов в других формулах позволит дополнить значения, выделенные другими формулами.

Проведя анализ данных эксперимента, можно выявить значения исследуемых лексем и сопоставить их с унифицированными лексикографическими значениями фитонимов в наиболее авторитетных толковых словарях русского и чувашского языков.

Следующие значения, выявленные в ходе эксперимента, совпали со значениями, зафиксированными толковыми словарями:

- 1) многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону;
- 2) древесина.

В ходе эксперимента были выявлены дополнительные значения данной лексемы, присутствующие в сознании носителей русского и чувашского языков, но не отраженные в толковых словарях (использовать кого-либо для своих корыстных целей и др.), а некоторые значения, зафиксированные в толковых словарях, не нашли своей реализации в ходе эксперимента.

Проведя сравнительный анализ данных, полученных в результате свободного и направленного экспериментов, выясняем, что направленный эксперимент дает более однообразные реакции как семантически, так и морфологически. Для иллюстрации эксперимента приведем собранные реакции по базовому концепту в фитонимической картине мира – слову «тополь» – сравним свободный эксперимент и направленный эксперимент (заметим, что численность студентов, принявших участие в эксперименте, составила 550 человек (240 мужчин и 310 женщин), родным языком информантов были русский, чувашский языки, больше половины участвующих в эксперименте владели русским и чувашским языками):

Форма эксперимента	Ассоциативное поле стимула
1. Свободный эксперимент	Стимул «тополь»

	пух 18 стройный 7 дерево 12 зеленый 5 аллергия 1 белый 1 в поле 1 в пуху 1 ветвистый 1 возле дома 1 воплъ 1 вырос 1 вяз 1 двор 1 и пух 1 кислород 1 красивый 1 красота 1 кудрявый 1 лето 1 липа 1 листик тополя 1 листья 1 мужчина 1 облетает 1 отцвел 1 пилить 1 пушистый 1 растет под окном 1 серебристый 1 у дома 1 цветет 1 Стимул <i>тирек</i> «тополь» шурă мамăк (15)
--	---

2. Направленный эксперимент	мамăк (7) хура тирек пичче вăрăм ҫын пек мăнаҫлă яштака ҫўллĕ хитре ал ҫупакан йывăҫ йывăр чухне ăнланакан таса мар йывăҫ, ҫёрнĕ сарлака Стимул «тополь» дерево 12 стройный 7 зеленый 5 высокий 4 большой 3 тонкий 2 барьер 1 белый 1 в поле 1 ветвистый 1 возле дома 1 вырос 1 красота 1 кудрявый 1 лето 1 листик тополя 1 листья 1 отцвел 1 пушистый 1 растет под окном 1 у дома 1
------------------------------------	--

	Стимул <i>тирек</i> мӑнаҫлӑ 9 яштака 7 ҫӗллӗ 7 ал ҫупакан йывӑҫ пичче вӑрӑм ҫын пек мамӑк
--	---

Данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов, как видно из таблиц, свидетельствуют о несовпадении представлений о фитонимах в языковом сознании испытуемых – носителей языка. Так, например, самый частотный ассоциат на приведенный в качестве примера стимула «тополь» в свободном эксперименте: в русском языке «пух» – 18, в чувашском языке – «шурӑ мамӑк» – 15, в направленном – в русском языке «дерево» – 12, а в чувашском «мӑнаҫлӑ» – 9.

В ходе следующего, цепного ассоциативного эксперимента, лингвист-экспериментатор использует цепные ассоциации реципиентов. Под цепной ассоциацией понимают спонтанное протекание процесса воспроизведения содержания “свободной” мыслительной деятельности субъекта, или так называемого “поток подсознания” [58]. Структурному анализу цепных рядов посвящена работа А.А. Леонтьева [152]. В одной из своих работ он констатирует «... данные экспериментов не позволяют рассматривать ассоциативный ряд как простую сумму отдельных ассоциаций (раздражитель-реакция). Наоборот, в результате исследования автор вынужден признать наличие сложного взаимодействия отдельных моментов ассоциативного процесса, который превращает ассоциативные ряды в некие единства, понимание которых возможно лишь на основе специального анализа их общих структур» (Там же. С. 53).

В ходе эксперимента реципиентам предлагают говорить все, что им вздумается по предложенной тематике (для надежности результатов можно

предлагать произносить любые пришедшие им в голову отдельные слова) за некоторый период времени, что будет составлять цепочку ассоциативных реакций – ассоциативную цепочку (АЦ). Составленные слова экспериментатором объединяются в семантические гнезда (СГ) (размер семантических гнезд указывает на индивидуальные особенности реципиентов). В частности, в АЦ «орешек» может быть много слов: *твердый, грецкий, для Золушки, вечер, знания, кедровый, мудрости, трудный, хрупкий*, и на их основе можно выделить несколько СГ по 3–4 слова в каждом.

Качественным показателем цепных ассоциаций является структура ассоциативного ряда. В ходе анализа данных исследования на основе длины L (количество слов, записанных за 1 мин) определяют структуру L (подсчитывается вначале число СГ с помощью логической соотнесенности между собой рядом расположенных слов, определяется средний размер СГ (количество слов во всей цепочке разделяется на количество гнезд, даются названия крупным СГ; а затем определяется средний размер ассоциативной цепочки при нескольких экспериментах, среднее количество СГ, их средний размер и наиболее частые названия. Полученные данные можно обобщить в соответствующей таблице.

№	Количество слов	Количество СГ	Средний размер СГ	Средний размер АЦ
---	--------------------	---------------	----------------------	----------------------

Эксперименты по фитонимическому лексикону подтвердили показатели теории психолингвистики, что для человека, хорошо знающего данный язык, средняя длина ассоциативной цепочки за 1 мин составляет 19–21 слово, нормой считается образование 3–4 гнезд за 1 мин со средним размером 5–6 слов в гнезде [26].

Метод семантического дифференциала используется для выявления субъективных (индивидуальных) семантических полей, в качестве объекта

исследования могут выступать слова и словосочетания. Семантический дифференциал – «это метод количественного и качественного “индексирования” (оценки) значения слова с помощью двухполюсных шкал, на каждой из которых имеется градация с парой антонимических прилагательных» [363. Р. 171]. В ходе эксперимента на основе этой методики реципиентам предлагается слово, а они должны отметить цифру, обозначающую соответствие их представлению о слове как о семантической единице (на каждой шкале нанесена градация от +3 до –3 или просто 7 делений). Предлагая впервые данную процедуру эксперимента, Ч. Осгуд пытался получить от реципиентов оценку слов-понятий разных понятийных групп. Действительно, как показала математическая обработка результатов эксперимента, по некоторым показателям оценки были схожи между собой.

Если мы попросим испытуемых оценить, допустим, понятие «дерево» (дерево как вид растительного мира, древо жизни, древо познания и т.д.) и понятие «ветка», то реципиенты будут исходить из своего личного жизненного опыта, и данные понятия могут оказать в разных точках семантического пространства. Однако при большом числе реципиентов в среднем будет фиксирована стереотипная оценка явления, обозначенного данным понятийным словом, а разница в оценках и покажет семантическую дифференциацию слов. В некоторых случаях экспериментатор может предложить оценить саму номинацию шкал для слов с целью получить новые сведения для определённых понятийных групп (параметры шкалы должны сохранить свою преемственность с вариантом, предложенным Осгудом).

Методика семантического дифференциала применима и для изучения фонетического значения слов, о чем будет сказано далее. В современной лингвистике данный метод практикуется в исследованиях, связанных с восприятием и поведением того или иного субъекта, с анализом социальных установок и личностных смыслов, ибо все это дает исследователям возможность определять латентные процессы (отношение

человека к внешнему, социальному окружению и самому себе), что важно для решения проблем, связанных с экспликацией уровней субъективной семантики.

Метод градуального шкалирования можно рассматривать как промежуточный этап между ассоциативным экспериментом и методом семантического дифференциала. В ходе использования данного метода испытуемым предлагается расположить слова одной семантической группы “по порядку”. Основная задача этой методики заключается в том, чтобы «использовать представления носителей языка о возможном расположении слов в семантическом пространстве, которое не дается в словаре» [26. С. 225]. Как мы видим, в ходе эксперимента по данному методу реципиент оценивает в баллах какое-либо понятие, слова и т.д. с точки зрения степени выраженности в нем предложенного экспериментатором признака или признаков. Данную методику мы использовали при анализе концепта «дерево»/«йывăç» в русском и чувашском языках. В ходе данного эксперимента 203 реципиентам (именно это объясняет дробность показателей) было предложено расположить ряд слов данного концепта “по порядку”.

Ранг	Слово	Показатель (русский язык)	Показатель (чувашский язык)
15	высокое	1,7	2,15
11	раскидистое	2,9	2,79
13	кудрявое	2,3	2, 5
10	развесистое	3,9	3,5
3	вековое	12,3	12,7
8	величественное	4,4	4,2
7	могучее	5,7	5,3
4	столетнее	9,7	9,9
2	дремучее	15,3	15,1

9	огромное	4,8	5,3
14	ветвистое	1,92	3,3
5	многолетнее	8,3	8,4
6	сказочное	7,9	7,7
12	красивое	2,8	2,9
1	древнее	17,3	17,1

Экспериментатор может использовать представления носителей русского и чувашского языков о возможном расположении слов в семантическом пространстве выше анализированного концепта (которое не даётся в словаре) в составлении частотного (градуального) словаря разносистемных языков, представляющего практическую ценность (в частности, для составления текстов рекламного характера).

В ходе работы по этой методике нами практиковались экспресс-эксперименты, в частности, с заданием – Составить градуальную шкалу (только по нескольким словам и по одному концепту). К примеру, 5 слов, связанных с концептом «береза», были расположены следующим образом:

Ранг	Слово	Место на шкале (русский язык)	Место на шкале (чувашский язык)
4	Белая	2,9	2,9
3	Белоствольная	3,2	3,7
5	Белесая	1,7	1,3
2	Восхитительная	4,3	4,3
1	Сказочная	5,7	5,7

По данным соответствующих экспериментов можно определить семантическое расстояние между словами, в частности, ассоциативного поля концепта «дерево» по следующей шкале:

	Слова (1) для определения семантического расстояния	Слова (2) для определения семантического расстояния	Семантическое расстояние
--	--	--	-----------------------------

(4)	Столетнее	Вековое	2,4
(12)	Красивое	Кудрявое	0,3
(11)	Раскидистое	Развесистое	0,6

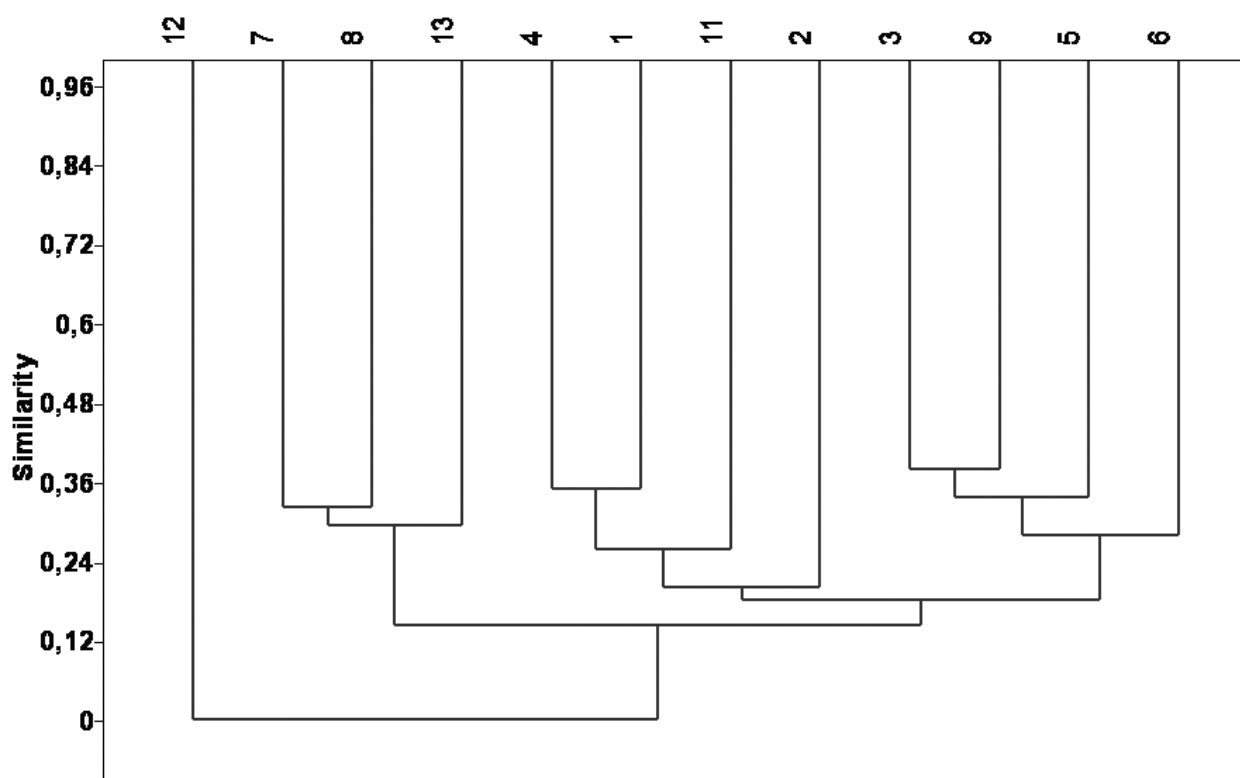
Кластерный метод в целом связан с построением различных классификаций, и соответствующие результаты ассоциативных экспериментов показывают ход когнитивных процессов: как реципиент выделяет признаки, формируя определённые группы, обобщает их. В середине XX в. в работах Дж. Миллера была выдвинута гипотеза о том, что «формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала и, следовательно, структура этих связей может быть выражена в самой процедуре классификации» [234. С. 271].

По этой методике реципиентам предлагается классифицировать слова-фитонимы (заметим, ни в количестве групп, которые могут образовать реципиент, ни в количестве слов-фитонимов в той или иной группе ограничения не допускаются). Результаты эксперимента отражаются в кластерограмме. На основе кластер-анализа все объекты объединяются в последовательные кластеры: на первом этапе объединяются семантически близкие слова, на следующем этапе вновь созданные подкластеры объединяются с теми группами, что стоят ближе к ним, и т.д. Таким образом организуются ряды кластеров, организующие фитоматериал на разных семантических уровнях. Кластер-анализ на основе обширного материала по фитонимике позволяет выявить важные семантические закономерности в фитонимической картине мира в сопоставляемых языках. В частности, нами был проведен данный эксперимент, связанный с символами рассматриваемой нами картины мира, ибо фитонимы являются одним из самых универсальных символов духовно-нравственной культуры человека. Как уже было сказано в главе 4, фитонимы символизируют центральную ось мира, соединяющую Небо и Землю; вечное обновление Вселенной; таинственную Мудрость и универсальные законы бытия; человека и его

путь к духовно-нравственным вершинам.

Сравнительный кластерный анализ результатов фитонимической символики в русской и чувашской картине мира позволил распределить на четыре кластера, которые в свою очередь подразделяются на подкластеры:

- 1) символ плодородия и света.
- 2) сакральное дерево:
 - а) защищает от ведьм, отгоняет злых духов;
 - б) заговоренное дерево
- 3) символ женственности
 - а) знак девственности, непорочности или чудесного девственного зачатия;
 - б) олицетворение женской грации, красоты, счастья;
 - в) символизирует несчастливую любовь;
- 4) является символом духовно-нравственных качеств личности:
 - а) долголетия, силы и выносливости;
 - б) смелости, цельности и честности;
 - в) мудрости;
 - г) прямоты, силы характера;
 - д) бессмертия;
 - е) достоинства, источника силы и опоры, какими является Святое Писание для верующих.

Кластерограмма «Символы в фитонимической картине мира»

5.2. Комплексное исследование данных ассоциативного эксперимента

Нами был проведен ассоциативный эксперимент со стимулами-фитонимами с группой информантов:

а) со студентами филологического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (500 человек);

б) с жителями Чебоксарского, Моргаушского, Янтиковского, Аликовского, Козловского, Шемуршинского, Батыревского районов Чувашской Республики (1000 чел.);

в) с представителями чувашской диаспоры вне территории (в настоящее время в 55 субъектах Российской Федерации насчитывается от 1000 и более: в Поволжье (75 %), на Урале (10 %), в Западной Сибири (5,3 %). Для определения национально-культурного компонента семантики слов-фитонимов каждый информант получил следующую инструкцию:

1. Внимательно прочитайте нижеприведенные слова, выражающие

деревья, кустарники, и переведите их на чувашский язык.

2. Напишите рядом с каждым словом слова, которые приходят Вам в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая: быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в нашем эксперименте. В дальнейшем Ваши результаты в ассоциативном эксперименте могут иметь применение в самых разнообразных сферах Вашей деятельности – от реализации контекстного поиска в сети Интернет до составления наиболее убедительных рекламных текстов на русском и чувашском языках. И информанты напротив предложенного слова-стимула должны были записать первое слово, которое придет им в голову. Отметим, что в качестве стимулов используются не только целые слова, но и сочетания букв или звуков, а также словосочетания.

По характеру способа ассоциирования слова-реакции можно разделить на парадигматические и синтагматические. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы (парадигматические ассоциации подчиняются принципу минимального контраста, согласно которому, чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Синтагматическими ассоциациями называются ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула. Ср.:

а) **ель** –

лес 30, высокая 25, в лесу 20, голубая 16, пушистая 12, Новый год 11, елка 6, растет 6, береза 5, дуб 5, колючая 5, пень 5, мохнатая 4, праздник 4, хвоя 4, вечнозеленая 3, густая 3, запах 3, зелень 3, иголки 3, новогодняя 3, осина 3, разлапистая 3, Ельцин 2, зеленый 2, зимняя 2, и сосна 2, канадская 2, колючки 2, красивая 2, красота 2, молодая 2, пихта 2, снег 2, старая 2, стоит 2, темная 2, шишка 2, шишки 2, большая 1, бор 1, бумага 1, величественная 1, ветвистая 1, ветер 1, ветки 1, высока 1, Гёте 1, гибкая 1, голубой 1, гриб 1,

грибы 1, деревня 1, дереву 1, доска 1, дрель 1, дрова 1, дятел 1, еж 1, елки-палки 1, елочка 1, жемчужина 1, залезть 1, засохла 1, заяц 1, зеленеет 1, зеленая 1, зеленое дерево 1, зима 1, и палки 1, игла 1, игра 1, игрушка 1, игрушки 1, к Новому году 1, кедр 1, клен 1, колючка 1, красива 1, красивое дерево 1, крепка 1, лиловая 1, лом 1, мальчик 1, мель 1, место 1, могучая 1, мое дерево 1, низкорослая 1, новый 1, огромная 1, остроконечная 1, отдых 1, палка 1, под 1, под снегом 1, прямая 1, Пушкин 1, росла 1, с елкой 1, с иголками 1, с шишками 1, седая 1, серебристая 1, сибирская 1, синяя 1, смерть 1, смола 1, спилена 1, сруб 1, стройная 1, сумрак 1, Тарту 1, тополь 1, топор 1, тяжелая 1, у дома 1, упала 1, усталая 1, хвойное 1, чаща 1, щель 1.

б) **чъръш** (ель) –

въл яланах симёс (19), *тёсне улайштармасть; Чъръш нек чъркъш; Сёне сул уявё* (14),

чъръш ласси; Сулла та хёлле симёс;

пус кил, нихъсан сўнми ёмёт (13),

сўллё (12), *нихъсан ватълма пёлмен йывъс, йёплё* (8),

капър; Йёптисем чъръшън треугольник формъллâ.

В ходе ассоциативного эксперимента также нами были использованы такие методы, как метод шкалирования, метод семантического дифференциала, метод построения и моделирования семантических пространств.

Семантический дифференциал ассоциативного поля фитонимов, связанный с методом семантического дифференциала, может состоять из антонимичных пар.

Построение семантического дифференциала основывается, в первую очередь, на постулате о существовании систем личностных смыслов, через призму которых каждый человек воспринимает окружающую его действительность. (см. табл.).

*Фоно(звуко)-семантические параметры
слов-фитонимов по антонимическим парам*

	Дуб	Липа	Вяз (хурама)	Береза	Ель	Сосна	Рябина	Калина	Черемуха	Клен	Тополь
Символ	100(96),90	60(2),50	50(9), 10(14),	55,70	5,2 (5),	4,5,	15,80,6	10(23),6	8,40 (12),	2,8,10	3,30
культуры –	(12),20,4(2),	(11),40	30(22),90,70	(17),	10(2),30	20(13),1	0,20,40	0(12),30	20,10(4),3	(13),	(12),
название	1,70,50,10,2	(10),100	(15),100(12),6	40,30	,80,	0,30,	(2),90	(3),80(3	0(2),80(13	5(3),	10(5),5
деревя	8	(21),90	0,1(3), 75,95,	(4), 90(4),	95,50	80(8),	(7),50(1	),95,89(	),	30(12),	(2),50
		(3),99,	40,80,98,38,2	99(2), 100	(4),	100,	2),70,1	2),20,10	85(5),100	70(2),	(12),
		98,80	0	(23),	20,1,3,6	1(2),	00	0(2),1	(2), 3,1	85,75,	60,20,
		(12),10		50,10, 1,2,	0 (15),	55,2,	(13),10	(5),2,40,	(6), 2,25	1(7),	100,
		(13),1		60,95,	35,70	60,71,	(10),1	70,99,9	(2)	4,40,	1(13),
		(12),9,85,7		45,66	(13),75	75,94,	(12),50,	7,82	53,45	20(4),	40,80,
		0,40				26,2	0,1,22			00,25	60,56

Рассмотрим формально грамматические особенности ответов-реакций.

По нашим наблюдениям, выделяются четыре основных типа реакций:

а) реакции – ситуанты-словоформы:

Стимул	Ассоциаты – ситуанты-словоформы
ель	зеленая дерево высокая в лесу голубая пушистая колючая вечнозеленая густая иголки новогодняя красивая темная шишка могучая остроконечная серебристая сибирская
чёрш	симёс

	йывăç çўллĕ вăрманти кăвак кăпăшка йĕплĕ çăра йĕпсем хитре тĕттĕм йĕкел пысăк кĕмĕл Çĕпĕр
--	--

б) реакции-словосочетания:

Стимул	Ассоциаты-словосочетания
ель	зеленое дерево к Новому году красивое дерево еловая ветка еловая иголка
чăрăш	симĕс йывăç Çĕнĕ çул хитре йывăç шĕвĕр тăрăллă яланах симĕс чăрăш лăсси чăрăш йĕппи

в) реакции-сказуемые:

Стимул	Ассоциаты-предикаты
ель	стоит зеленеет

	растет нарядная
чърăш	търать симѣсленет ѹсет чипер

г) реакции-предложения:

Стимул	Ассоциаты-предложения
ель	растет в лесу стоит вечно зеленая
чърăш	върманта ѹсет тѣсне улаштармасть хѣлле те, џулла та симѣс ларать

Анализ ответов-реакций позволяет сделать следующие выводы:

а) наиболее распространенным видом реакций является ситуанты-словоформы (около 87 %): согласованные со словом-стимулом словоформы составляют примерно 33 % всех ответов, несогласованные – 54 %; около 47 % ответов-реакций – ситуанты-существительные в именительном падеже);

б) реакции-словосочетания приблизительно 8 %;

в) реакции-предикаты – 7 %;

г) реакции-предложения – 1,5 %.

Такое соотношение видов реакций обусловлено, с одной стороны, требованием задания, с другой – лексико-грамматическими особенностями слова-стимула.

В современной теории ассоциаций в последнее время стали больше внимания уделять изучению текстообразующей роли словесных ассоциаций. Стимул и ассоциат как две крайние точки процесса ассоциирования, а также все то, что стоит между ними и за ними, можно трактовать как субъективный микроконтекст, или микротекст, обрабатываемый индивидуальным сознанием

как в плане его понимания, так и в плане порождения. Действительно, в ассоциативном эксперименте поступки испытуемых можно квалифицировать как речевые акты, которые можно отнести к тем или иным текстам-примитивам, т.е. «языковая личность» проявляется на основе ассоциативного эксперимента и анализа лексикона, созданного личностью. Все это позволяет психолингвисту вскрыть лексико-семантические связи, существующие в сознании человека, и выявить некоторые фрагменты социально значимого лексикона. В частности, анализ реакций на слова-стимулы в русском языке фитонима *береза*, а в чувашском языке *йăмра* (ветла) показывают (близкие ассоциаты для билингвов ЧР), что данная экспериментальная ситуация максимально приближена к естественному процессу порождения коммуникативных текстов-высказываний – случаи порождения ими не заданных специально экспериментатором реакций-предложений (*береза* – милое дерево, *йăмра* – *чуна уşăлтаракан йывăç* – около 1 % ответов и реакций-сказуемых (*береза /йăмра* – близкое для души создание) – 5,3 % ответов. Поведение информантов максимально приближено к естественному. Ср. ассоциаты:

а) береза –

белая 16, стройная 7, русская 6, дерево 4, лес 3, белоствольная 2, высокая 2, зеленая 2, кудрявая 2, почки 2, стоит 2, тонкая 2, баня 1, белесая 1, белый ствол 1, в лесу 1, веник 1, восхитительная 1, высокая 1, дерево лесное, зебра 1, зелень 1, карельская 1, кора 1, кривая 1, молодая 1, одинокая 1, осень 1, парк 1, плакучая 1, растет 1, родина 1, Россия 1, Русь 1, свежесть 1, светлая 1, Сибирь 1, сказочная 1, сок 1, спилена 1, стояла 1;

б) йăмра: *ял илемё, упракан, хунавля, çирёп, тăван, кёçён йăмăк, канашлакан çын, тăванля çын; чăваш халăхё, çăмăлттай, çўллё, лёпсёркке, тунсăхля.*

Однако, бесспорно, между действиями экспериментируемых и действиями, осуществляемыми в процессе общения людей в естественных условиях с точки зрения процессов текстопорождения и текстообразования

существует и принципиальное различие. Как уже отмечалось, полностью отвечают условиям эксперимента согласованные и не согласованные со словом-стимулом реакции-словоформы (около 86 % реакций). Но именно стратегия их порождения менее всего может быть расценена как стратегия, направленная на порождение собственно текста-высказывания. В естественном речевом общении людей текст практически никогда не создается ради самого себя, а лишь в тех или иных целях общения и всегда рассчитан на коммуникацию (с другими людьми или с самим собой), на передачу мысли и чувства, выполняет регулятивную и прагматическую функции. Всего этого лишены тексты-выражения, получаемые экспериментатором от испытуемых; и отношение к ним как к искусственным моделям текстов-высказываний представляется нам наиболее правомерным, ибо АЭ есть искусственно вызванная речевая деятельность людей, спровоцированное экспериментатором проявление индивидуального и общественного языкового сознания, тогда как речевые действия и операции, реально общающихся людей являются не чем иным, как естественным, поставленным самой реальной жизнью экспериментом. Все это свидетельствует о взаимосвязи и взаимодополнительности экспериментальных и текстовых исследований процессов речемышления и коммуникации, в том числе, несомненно, и явлений ассоциативного плана.

В анализе ассоциативных пар нами учитывались следующие уровни.

А. Уровень конкретных ассоциатов:

1) уровень отношений, существующих между содержанием слов-ассоциатов, так как все виды вербальных ассоциаций представляют собой случаи следующих типов:

а) ассоциации по смежности, не имеющие в своем содержании общих существенных признаков:

Береза (хурӑн) – деревня (ял), дом (пӗрт), дорога (çул) поле (уй), река (юхан шыв), озеро (кӗлӗ), птицы (кайӑксем), небо (тӗне), солнце (хӗвел), ветер (çил), весна (çуркунне)... ;

б) ассоциации по сходству – ассоциаты, в которых содержание одного члена входит в содержание второго в качестве одного из признаков этого содержания: *береза – белая, стройная, кудрявая... стоит, растет, качается.*

2) уровень порождения ответов-реакций: если в непосредственных реакциях на слово-стимул ассоциативные пары имеют непосредственные отношения со словом-стимулом, то в опосредованных реакциях ассоциаты не имеют непосредственных отношений со словом-стимулом и связаны с ним посредством некоего третьего (формально не выраженного) члена, например:

Береза (хурй̣н) – листья (сул̣сайсем) – опадают (ўке̣с̣с̣ё̣);

береза – [человек] – босоногий;

береза – [небо] – голубое;

береза – [стоит] – грациозно...

В опосредованных реакциях встречаются ассоциации с совмещенными значениями, где виды отношений слова-реакции со словом-стимулом нечеткие. Например:

а) *дуб, осина (береза рядом с дубом, осиной и береза, дуб, осина – виды деревьев; девушка, красавица, подруга (человек возле березы и традиционное сравнение и уподобление девушки и березы);*

б) *тик (дерево – ткань – мышечное сокращение)* – многозначные (или омонимичные) слова, конкретные значения которых не могут быть выявлены вне условий контекста;

в) *девичья (существительное – прилагательное), светло (наречие – категория состояния)* – грамматические омонимы (слова, представляющие собой неопределенную часть речи): *тепло (наречие – категория состояния), вокруг (наречие – предлог).*

Если отношения смежности и сходства, отражающие основные виды отношений между явлениями объективной действительности, лежат в основе возникновения и закрепления в языковом сознании людей подавляющего большинства словесных ассоциаций, то существует значительное различие прежде всего в порождении единичных (индивидуальных) ассоциатов (24,3 %),

которые как в русском, так и в чувашском языках чаще всего выступают как ассоциаты в формате стандартных реакций, но с иной формой:

а) словообразовательной: корневище (ср.: корни – 3, корень – 2); ласка (ср.: ласковая – 3); травка (ср.: трава – 11); солнечное утро (ср.: солнце – 12) – члены словообразовательных гнезд в разных реакциях; ср. в чув. *тымар*: (*йывăç тымарĕ* – 10), (*йăх тымарĕ* – 3), (*курăк тымарĕ* – 5); *пилеи* (*пилешĕм* – 5); *хурăн* (*хурăнлăх* – 9).

б) грамматической: высокий (ср.: высокая – 15); сережка, в сережках (ср.: с сережками – 2, сережки – 9); в лесу, лиственный лес, опушка леса, символ русского леса, береза – типичный представитель наших лесов, украшает лес (ср.: лес – 20); в чув. *хурăн* (*вăрман* – 12) – единичность таких реакций обусловлена прежде всего грамматической формой (грамматические формы слова в разных реакциях).

В индивидуальных ассоциатах иногда просматриваются тенденции, характеризующие «ценностный регистр» рассматриваемого фрагмента языковой картины мира.

Соответствующие ассоциаты иногда не содержат близких связей с другими ассоциатами и выступают как члены тематических рядов и групп. Например: *бук, ива, кипарис, ольха, пихта, секвойя, ясень* (ср.: *дуб* – 9, *осина* – 7, *сосна* – 5, *клен* – 4, *рябина* – 2).

Как мы видим, константой оказывается не та или иная конкретная реакция, а целый тип реакций, порождаемых по определенной модели, например, наименованиями других деревьев.

Б. Уровень ассоциативного (текстового) поля: ассоциативные – функционально-семантические поля позволяют выявить целый ряд общих закономерностей в их устройстве, ибо ассоциативное поле как текстовый примитив является аналогом соответствующих ситуативно-тематических полей и на таком уровне элементы ассоциативного поля как по отношению к слову-стимулу, так и по отношению друг к другу объединяются на основе собственно тематических отношений. Ср.: ассоциации *белая, стройная,*

зеленая, растет, стоит, плачет ничуть не менее «тематичны», чем реакции *дерево, ствол, роца*, и уже только в пределах тематических отношений проявляются в ассоциативном поле все остальные связи и отношения:

а) синонимические:

грустная – печальная (береза); *тунсăхлă – салху* (хурăн)

светлая – белоствольная (береза); *шурă – шур вулăллă* (хурăн)

могучий – крепкий (дуб); *хăватлă – сирĕн* (юман)

б) антонимические:

высокое – низкое (дерево), *сĕллĕ – лутра* (йывăç)

корявая – стройная (сосна), *кукăр – яштака* (хыр)

тонкая (рябина) – толстый (дуб), *синсе (пилеш) – хулăн* (юман)

в) гипогиперонимические:

лес – лиственный лес, *вăрман – сулсăллă вăрман*

осина – серебристая осина, *ăвăс – кĕмĕлăвăс*

рябина – красная рябина, *пилеш – хĕрлĕ пилеш*

г) словообразовательные:

дерево – деревце; *йывăç – йывăçăм*

яблоня – яблонька; *улмуçси – улмуçсийĕм*

дубрава – дубравушка; *юманлăх – юманлăхăм*

Реакции как семантические множители, как мы видим, отражают понятийный компонент рассматриваемой нами языковой картины мира. Следует отметить, что значимое место в структуре фитонимической картины мира принадлежит ценностному (эмоционально-оценочному) компоненту. Например, результат ассоциативного эксперимента с заданием «Составьте синонимический ряд фитонимов, выражающих положительные и отрицательные эмоции человека» позволил нам полученные словесные ассоциации распределить по следующим семантическим группам:

1) «человек легкомысленный, несерьезный»: *йывăç, тунката* (15), *турат* (8), *йăмра* (12), *уртăш* (13), *хăрнă йывăç* (13), *турпас нек, вĕлтрен тăрри* (6), *ухмах* (12) чечекки, *вĕлтĕр сулсă* (17), *сухăр* (17), *дубина*,

җәмәлттай (26), тымар (3), кукуша пуҗ (27), сысна куракъ (2), хура җырла, пиҗен тәрри (12), кәмпә, тәмә, сәлә шерепи, пуш пучах, вәрене вәрри (26);

2) «человек беспорядочный, бессовестный»: кәлтә, сәлә кәлти, арәш-пирәш җын, пиҗен, җәрәк тунката (12), ыраш (15), намәссәр, хәва пек (10), куришанак пек (11), йыт пыриши (19), пушаннә кәлтә, вәлтрен (16), вәрә, хывәх, хытә чунлә җын, хывәх пуҗ (19), мәян (16), мәкәнә, сурәх, уй пыйти, сәлә пәрчи, кушак хури;

3) «человек жадный»: хыт кукар (43), кассан та юн тухмасть, хыт пәрҗа (59), тимәр пәрҗа (16), катәлман мәйәр (4), шәлан җырли, хытнә мәйәр (24), борцевик, еврей, вәлтрен (13), крижовник (16), кактус (13), хәмлә җырли (13), хыт җын (14), пиҗен, кәрәҗ хытти, хура эрәм, хыт хура;

4) «человек легкомысленный, несерьезный»: йывәҗ тунката (34), җил вәрет ун пуҗәнчә, сәлә шәрки, вәлтрен, йәмра павра, турпас (13), пилеш, чулмак, мәян, арпа пуҗ (12), җил вәрет (15), җәмәлттай (28), вәлтәр-вәлтәр анланман җын, хура хәмлә җырли, одуванчик (13), якәлти, пушә пучах;

5) «человек глупый, тупой, недалекий»: арпа пуҗ (12), вәрман тункати, уй тункати (13), тәм пуҗ (14), шапа хупаххи, җирәп тунката (17), шәтәк пуҗ, бамбук (8), йәмра, пиҗен (2), үкнә турат (13), тәмана, хәвәл йывәҗ (24), уй вәрманә (5), сәлә арпи, хыр вәрманә (2), тулә уйә (12), тал пиҗен пек арпаишәчәк, тәм пәшал (14), тәнсәр юман, ухмах (15), җум куракъ, анра җарәк (5), кукуша пуҗ, тилпәрен;

6) «человек неаккуратный, неряшливый»: пәрҗа мәлки, саланнә кәлтә, мәян (җум куракъ) (12), тирәк (22), урпа җыххи, җүҗә, хәяр мәлки (19), уй вәрманә (24), йәмра (13), сысна, йывәҗ турачә пек аллусем, анра җарәк, ана пыйти (14);

7) «человек смешной, насмешник, скалозуб»: йәпә шәши, шәшкә (3), пәрҗа (2), ухмах куракъ (4), мәкәнә җеҗки, мәкәл җемҗи (2), юман, йыт пыриши (2), кукурус, җирәк җулҗи (17), тилпек җүҗә (12), куришанак (2), кукуша пуҗ, акаци хутаҗҗи, әвәс җулҗи пек шапәлти;

8) «сухопарый человек»: *хытнӑ юман, хытнӑ пӑрҫа* (13), *типсе кайнӑ курӑк, шӑннӑ йывӑҫ, ҫӗрӗк йывӑҫ* (5), *ҫирӗк, йӑмра, хӑрнӑ тунката* (15), *хыт хура* (8), *тирек, кедр* (12), *хыт турат* (12), *хытнӑ хурама* (12), *вилнӑ йывӑҫ, армути* (12), *чикен, юман, типнӑ хурӑн хуппи пек*;

9) «человек красивый, стройный»: *хӑва пӗ* (3), *яштака* (19), *хурӑн пек* (88), *тырӑ кӗлти пек, ӑвӑс пек, хыр пек тӗрӗ* (17), *ҫӗмӗрт, хурӑн вулли, чӑрайш* (12), *хурӑн ҫырли пек, улмуҫҫи, хитре хӑва* (12).

Рассматриваемый компонент также имеет так называемые когнитивные слои – совокупность признаков, отражающих сквозное членение содержания концепта по определенному когнитивному классификатору [289. С. 4–23]. Тот или иной когнитивный слой может доминировать в структуре фитонимической картины мира, т.е. происходит акцентуация когнитивного слоя. Яркость когнитивных признаков может определить полевую стратификацию анализируемых нами фитонимов. В современный когнитивный слой могут войти признаки, присущие современному когнитивному сознанию народа. В частности, один и тот же ассоциативный ряд может быть связан с эмоциональными переживаниями.

1а) дерево L – реакции, связанные с положительными эмоциями: *крепкое 7, ветвистое 5, живое 4, раскидистое 3, цветок 3, яблоня 3, зеленеет 2, зелень 2, красивое 2, кудрявое 2, молодое 2, посадить 2, развесистое 2, сад 2, цветет 2, величественно 1, выросло 1, любви 1, могучий 1, лето 1, звенело 1, небо 1, облако 1, плодоносящее 1, расцветает 1, садить 1, свежесть 1, счастья 1, трава 1, шумит 1*

1б) вӑрман L – реакции, связанные с положительными эмоциями: *пысӑк 7, аслӑ 7, симӗс 7, ешӗл 7, халӑх пуянлӑхӗ 5, чӗрчунсен хӗтлӗхӗ 4, вӑрман пуян 6, хӗтлӗх 5, пуян ҫӗр, ырлӑх, тупра, ял хӗтлӗхӗ, лӑпкӑлӑх, кайӑк сасси; уҫӑ сывлӑш, е ҫӗр; илемлӗ* (5), *пысӑк вӑрман* (6), *асамлӑ* (13), *ҫимӗс паракан вырӑн, юрату, туслӑх, канмалли вырӑн* (42), *тӑрантаракан* 13, *ылтӑн вӑрман* 15

2а) дерево L, связанное с отрицательными реакциями на стимул: старое 11, сухое 8, бревно 6, ствол 6, лист 5, дрова 4, древнее 3, корень 3, гнилое 2, дубовое 2, засохшее 2, корявое 2, огромное 2, одинокое 2, полено 2, расти 2, срубили 2, срубить 2, без корней 1, бумага 1, вековое 1, вырастить 1, деревянное 1, дубина 1, ель 1, засохло 1, кора 1, крест 1, кустарник 1, листва 1, лиственное 1, листок 1, на поляне 1, палка 1, печальное 1, посадили 1, пустое 1, рубить 1, с корнями 1, спиленное 1, спилить 1, срубленное 1, стоит 1, столб 1, столетнее 1, сук 1, сучок 1, толстое 1

2б) вярман L– реакции, связанные с отрицательными эмоциями: хура 7, вярман хълхаллă вырăн 7, тёттём (9), чйтлăх (9), хърушă, хура (7), кăмпа йусекен вырăн (6), тискер вырăн, çуннă вярман, вёссьер-хёрсьер (10), усланкă, çйткăн вырăн 3

1) калина L: красная 64, ягода 11, малина 9, цветет 2, брусника 1, вкусная 1, вязко 1, горькая 1, дерево 1, кисло 1, кислота 1, красивая 1, красная 1, красные ягоды 1, куст 1, невкусная 1, осень 1, сладость 1, цвет 1

2) Палан (калина) L:

Çак йывăçăн сырлисем чир-чёртен усăллă (9); Кайăк-кёшёке те хёллехи сивё кунсенче вилёмрен çалать (13); Ёлёрех вăл кашни килтех пулнă, палана сахăрна пăтратса та лартнă; Сиплех (8) йывăçси пек курăнса тăрат; Палан пек хёрлэ (3) тутасем; Йўсё (43) сырла йўсёе çитсен хёрлэ тёсёне йăмăхтарать; тутлă мар (6), пылак; хёр пек хитре (9), тăшман, шăрçа пек, вут-кавар евёр, сырлисемпе илёртекен (29).

1) Ветка L: сирени 19, дерева 11, дерево 5, вербы 4, персика 4, ивы 3, тонкая 3, березовая 2, березы 2, весна 2, зеленая 2, лист 2, палка 2, рябины 2, сирень 2, ствол 2, тополя 2, яблони 2, ветер 1, голая 1, дуба 1, жасмина 1, железнодорожная 1, жимолости 1, и листья 1, ива 1, красивая 1, лоза 1, на дереве 1, одиночество 1, осины 1, отросток дерева 1, персик 1, растение 1, с листиками 1, сломалась 1, сухая 1, сучок 1, толстая 1, трамвая 1, хлещет 1, хрустеть 1, черемухи 1, щепка

2) *Турат* L:

Начар сывлӑхлӑ ӑын; Турат тата та темиҫе пая пайланнине кура ӑна ӑӑхна танлаштарма пулат; пӑр пӑччен (13); ачасӑр ӑын – туратсӑр ӑывӑҫ; тӑлӑх (19), ҫӑрӑк (9), тунсӑхлӑ (7); пурнӑҫ пӑтнӑ (туратӑн кун-ҫулӑ вӑҫленнӑ); туртакан турат, ҫакланакан, илемсӑр, пысӑк (13), ҫирӑп (15), ватӑ, кӑске, ҫӑҫхе, хуҫӑк (25), хулам турат; Ҫамрӑк турат ҫинче ҫурӑлнӑ ҫулҫӑ – ҫӑнӑ пурнӑҫ

Ассоциативный эксперимент позволяет выявить некоторые гендерные и возрастные особенности в восприятии исследуемых концептов. Но в зависимости от половой идентификации одни из этих концептов оказываются более значимыми по сравнению с другими, их семантическое наполнение различно. Так, ассортимент реакций (вслед за Л.О. Чернейко [335] мы обозначаем его как L) у мужчин в целом шире и разнообразнее, чем у женщин. Для сравнения: на стимул «растительные ареалы (лес, бор...)» мужчины дали 17 разных реакций (23 % от общего количества ассоциатов), женщины – 12 (19 %), на стимул «части растений L» у мужчин составляет 12 (28 %), а у женщин – 7 ассоциатов (19 %). В то же время на стимул «родовое наименование фитонимов (дуб, сосна, липа...)» реципиенты женского пола привели большее число разнообразных слов-ассоциатов (27), чем реципиенты мужского пола (21). Очевидно, это связано с тем, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, мужчины больше привязаны к различным ареалам, чем женщины.

У реципиентов обоих полов явно преобладает однословный способ выражения реакций, но у женщин, по сравнению с мужчинами, выше процент описательных номинаций фитонимов концептов «береза», «калина», «рябина...» и др. (в среднем 17 % против 15 %) (к примеру, реакция у женщин – *белая береза, стройная береза, белоствольная береза*, у мужчин – *дерево, почки, веник ...*) и т.д.

Если в качестве реакций в ответах реципиентов обоих полов

субстантивные формы доминируют, то вербальные реакции у мужчин присутствуют незначительно. Например, на стимул «ель» из 300 реципиентов женского пола 212 привели как ассоциаты имена, из 300 реципиентов мужского пола – 215.

Также следует отметить, что у информантов-женщин реакции-вербальные компоненты отсутствуют, а у мужчин такие реакции присутствуют, хотя число их и незначительно (растет 12, посадить 2, срубить 2, спилить 1, стоит 1, стучать 1, упало 1, гулять 1, повырубили 1, шумел 1, хлещет 1, сохранить 1) – все это говорит о том, что у женщин взгляд на мир статический, а у мужчин – динамический.

В количественном отношении атрибутивных компонентов в реакциях у реципиентов-мужчин меньше, чем у женщин (13 % по сравнению с 23 % у женщин). В качестве ассоциатов в описании концептов-фитонимов женщины используют чаще *адъективные компоненты*: *зеленый дуб 12, дремучий лес 23, темный лес 27, восхитительная береза 22*.

На основе измерения меры стандартности наиболее частой реакции, которая в психолингвистике обозначается как F1 (отношение числа испытуемых, давших самую частую реакцию, к общему числу испытуемых) можно описать гендерную конфигурацию L-языковой картины мира [113. С. 36–38]. В частности, в гендерной конфигурации L-фитонимической картины мира F1 на стимул «дуба» у женщин составляет 0,1, и у мужчин – 0,09; F1 на стимул «береза» соответственно 0,027– 0,0523; на стимул «сосна» F1 у женщин 0,1973, у мужчин – 0,0517 и т.д. Как мы видим, стандартность наиболее частой реакции у женщин значительно выше, чем у мужчин, и это указывает на то, что ядро женского L составляет 1/3 ассоциатов, а у мужчин ядро конфигурации L небольшое, но периферия ядра синкретичная и пространная. Таким образом, комплексный ассоциативный эксперимент позволил выявить также гендерную специфику фитонимической картины мира в языковом сознании русских и чувашей. Полученные данные ассоциативного эксперимента служат практическим подтверждением

полисегментности и многоуровневой структуры фитонимической картины мира в русском и чувашском языках и позволяют проверить некоторые теоретические положения, рассматриваемые в сопоставительной и когнитивной лингвистике в целом, поскольку ассоциативная связь определяется «именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом, в котором мы не отдаем себе отчета», изучая ассоциации, мы «апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» [324. С. 192].

5.3. Определение национально-культурного компонента семантики слов-фитонимов в ассоциативном эксперименте

I. 1а. Согласно матрице (приложение), со словами-стимулами нужно привести примеры, которые приходят в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая: быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в нашем с Вами эксперименте. В дальнейшем Ваши результаты в ассоциативном эксперименте могут иметь применение в самых разнообразных сферах Вашей деятельности – от реализации контекстного поиска в сети Интернет до составления наиболее убедительных рекламных текстов на русском и чувашском языках.

1б. Кунта эсир тёрлĕ вариантсем, литература тĕслĕхĕсемпе пĕрлех вырăнти калаçура (диалектра) усă куракан вариантсем пулсан сирĕн хурав тата та вайлăрах пулат. «Приведите различные варианты, наряду с примерами из художественной литературы дайте образцы диалектной лексики».

Йывăç (дерево)	
Япала ячĕ (имя существительное)	1) йывăç пурт «деревянный дом» (букв. «дерево-дом»), йывăç кашăк «деревянная ложка» (букв. «дерево-

	ложка»), <i>илемлӗ хурӑн</i> «красивая берёза»
<i>Паллӑ ячӗ</i> (имя прилагательное)	<i>лутра йывӑс</i> «низкорослое дерево», <i>лаштра йывӑс</i> «развесистое дерево», <i>хитре, шурӑ, хура, майнаслӑ йывӑс</i> «красивое, белое, черное, величественное дерево»
<i>Сӑмах майлашӑвӗсем</i> (словосочетания) <i>Метафорӑсем</i> (метафоры)	
• <i>Вӑрман</i> (лес)	•
<i>Халӑх пуянлӑхӗ, чӗрчунсен хӗтлӗхӗ</i>	<i>халӑх пуянлӑхӗ</i> – богатство народа (9); <i>чӗрчунсен хӗтлӗхӗ</i> – укрытие животных (4)
<i>Вӑрман хӑлхалӑ, вӑрман пуян, вӑрман кайсассӑн нӑхӑсан та пушӑ алӑна тухмастӑн</i>	– лес ушаст (6) – лес богат (6) – из леса никогда не возвращаешься с пустыми руками
<i>Вӑрман пуян, хӗтлӗх вырӑн. Вӑрман тӗттӗм</i>	– лес богат (3) – защитное место (11) – темный лес (9)
<i>Чӑтлӑх</i>	– лесные дебри (9)
<i>Ял хӗтлӗхӗ</i>	– защита деревни
<i>Лӑпкӑлӑх, кайӑк сасси, уҫӑ сывлӑш, е ҫӗр</i>	– спокойствие (уют) – гомон птиц – чистый воздух
<i>Ешӗл, илемлӗ, хӑрушӑ, хура</i>	– зелёный (12), красивый (5) – опасный, тёмный (7)
<i>Пысӑк вӑрман, асамлӑ</i>	– большой лес (6) – таинственный (13)

<i>Кампа ўсекен ыра́н</i>	– место, где растут грибы (6)
<i>Ѕимёс паракан ыра́н, тискер ыра́н</i>	– плодоносящее место – дикое место
<i>Канмалли ыра́н</i>	– место для отдыха (42)
<i>Вёссьёр-хёрсёр</i>	– бескрайний (10)
<i>Тярантаракан</i>	– кормящий (13)
<i>Усланка́, ылта́н вярман, җатка́н ыра́н</i>	– поляна лесная (15) – золотой лес (15) – хищническое место (3)
• <i>Тура́т</i> (ветка, сук)	
<i>Начар сывла́хля җын</i>	– человек болезненный
<i>Тура́т тата та темиҗе пая пайланнине кура йна йа́хна танлаштарма пулатъ</i>	– множество веток напоминает род
<i>Пёр пёччен, туратса́р йыва́с – ачаса́р җын</i>	– один-одиошенек (13) – дерево без веток как человек, не имеющий детей
<i>Тала́х, җёре́к, тунса́хля</i>	– сирота (19), гниль (9), скукота (7)
<i>Пурна́с пётнё (туратя́н кун-җулё вёсленнё), туртакан тура́т, җакланакан, илемсёр</i>	
<i>Пыса́к, җирёп, вата́</i>	– большая ветка (13) – крепкий сук (15)
<i>Кёске, җу́хе, ху́са́к, хула́м тура́т</i>	– короткий сук, сломанный сук (25)
<i>Җамра́к тура́т җинче җура́лна җулҗа́ – җёне́ пурна́с</i>	– на ветке появились листья – это начало новой жизни
• <i>Юман</i> (дуб)	
<i>Җирёп, патвар җын</i>	– человек крепкого телосложения (37)
<i>Юмана җирёп җынна танланташтарасҗё, кил хуҗине, аттене танлаштарна́</i>	– человека сравнивают с крепким дубом (2)

	– с дубом сравнивают отца, хозяина дома (10)
<i>Хытай йываҫ, саванла, маттур</i>	– крепкое дерево (4) – праведное (2)
<i>Паттарлах, хастар, патварлах</i>	– мужественность (10) – могучий (2)
<i>Ҫирең, ҫўллё, асла ҫын</i>	– крепкий (16), высокий (4) – старший (3)
<i>Сарлака, шанасла</i>	– широкий (11) – надёжный (4)
<i>Нумай ҫунать, ҫулҫисем сарлака, нумай пуранать, манасла</i>	– горит долго, листья широкие, живёт долго, величественный (3)
<i>Сывлах</i>	– здоровье
• <i>Ҫака</i> (липа)	
<i>Ҫакана ёлкренпех ҫемсе чёрелле аннепе танлаштарна</i>	– мягкосердечного человека (маму) (9) издревле сравнивали (3) с липой
<i>Унан чейё те пите сиплё</i>	– чай из цветков липы целебный
<i>Вярәм, яштака, илемлё; пике</i>	– высокая (5), прямоствольная (7) – красивая (18); красавица
<i>Ҫепёслёх</i>	– нежность (9)
<i>Яштака хёр, илемлё хёрарам, тўрре чунла ҫын</i> (3)	– девушка высокого роста, красивая женщина, человек с открытой душой (3)
<i>Аша кәмәл-туйәм</i> (9)	– приветливость (9)
<i>Йәпатма пёлекен</i>	– утешительница
<i>Ҫирең йываҫ</i> (8), <i>капәрләх</i> (2)	– прочное дерево (8) – нарядность (2)
• <i>Йәмра</i> (ива, ветла)	
<i>Йәмрана ёлөкөх икё пўрт хушинче</i>	– издревле ветлу сажали на улице

<i>урамра лартнӑ. Вӑл пушар пуласран сыхланӑ. Ҫавӑн некх вьльӑха тӑрантарнӑ.</i>	между постройками (21) как защиту от пожара, а также использовали липу как веточный корм для домашних животных
<i>Йӑмрасене ытларах чухне урамсене лартнӑ, ҫырма-ҫатралӑ вырӑнсене</i>	– ветлу сажали на улице и в оврагах
<i>Ӑратлӑ йывӑҫ, ял илемӗ</i>	– породистое дерево, краса деревни с обильной порослью(13)
<i>Шыв енелле сулӑннӑ йывӑҫ</i>	– клонится к воде
<i>Кукӑр, упракан, хунавӑ</i>	– кривое, защитное
<i>Ҫирӗп, тӑван, кӗҫӗн йӑмӑк, канашлакан ҫын, тӑванлӑ ҫын</i>	– крепкое дерево (5) – младшая сестра
<i>Йӑмра – ҫӑваши халӑхӗ</i>	– ветла символизирует чувашский народ
<i>Ҫӑмӑлттай, ҫӑлӑ лӗпсӗркке, тунсӑхлӑ</i>	– ветреный человек (23) – развесистое дерево (19) – печальное (7)
<i>Темиҫӗ туратлӑ, унӑн хӑйӗн вӑрлӑхӗсем ӳсесҫӗ</i>	– ветвистое (9)
• <i>Хурама (вяз)</i>	
<i>Тӳрех япӑх ассоциаци ума тухса тӑратӑ. Маншӑн яланах пӗччен ларакан йывӑҫ киремет йывӑҫҫи нек курӑнса тӑратӑ</i>	– Вызывает негативную ассоциацию. Одинокое дерево напоминает мне дерево-киремель (5)
<i>Хӑрушӑ вӑхӑт, ҫамрӑк хӗрарӑм</i>	– Опасное время, молодая женщина
<i>Таса мар вӑй, хура</i>	– нечистая, тёмная сила (12)
<i>Хурама пушӑчӗ, патвар, ҫирӗп</i>	– лык из вяза; – здоровый, крепкий (человек)
<i>Вӑрӑм, хуньӑм, хурлӑхлӑ</i>	– высокий (4), мой тесть; – печальный (11)

<i>Хярушлăх</i> (таса мар вырăн),	– опасность (нечистое место (9))
<i>Яштака</i> (43), <i>илемлĕ</i> (28), <i>пĕччен</i>	– стройный, красивый, одинокий
• <i>Палан</i> (калина)	
<i>Çак йывăçăн сырлисем чир-чĕртен усăллă</i> <i>Çавăн пекех кайăк-кĕшĕке те сивĕ хĕллекхи</i> <i>кунсенче вилĕмрен çăлат.</i>	– ягоды полезны при болезнях (9), в стужу птицы спасают от голода ягодами калины (13)
<i>Ėлĕкрех вăл каини килтех пулнă, вĕсене</i> <i>сахăрна пăтратса та лартнă.</i>	– раньше она была в каждом дворе, (на зиму) готовили протёртую с сахаром
<i>Сиплĕх йывăçи пек курăнса тăрат.</i>	– как целебное дерево (8)
<i>Палан пек хĕрлĕ тутасем</i>	– губы алые, как ягодки калины (3)
<i>Йўçĕ сырла йўçсе çитсен хĕрлĕ тĕсĕне</i> <i>йăмăхтарат</i>	– горькая ягода при спелости слепит глаза красным цветом (43)
<i>Тутлă мар, пылак</i>	– не вкусная, сладкая (6)
<i>Хĕр пек хитре, тăшман, шăрса пек, вут-</i> <i>кавар евĕр</i>	– как красна девица (9), враг, как бусинки, похожа на огонь
<i>Сырлисемпе илĕртекен</i>	– привлекает своими ягодами (29)
• <i>Вĕрене</i> (клен)	
<i>Çулси хитре, юлташ, кĕркуннехи илемлĕ,</i> <i>ăнланакан йывăç</i>	– красив кленовый лист (9), друг, по-осеннему красив, понимающее дерево
<i>Типтерлĕ, лăпсăрка</i>	– аккуратный, развесистый
<i>Пысăк çулçăллă йывăç</i>	– с крупными листьями (6)
<i>Кукăр ўсекен йывăç</i>	– криво растущее дерево
<i>Илĕртўллĕ</i>	– привлекательный (14)
• <i>Тирек</i> (тополь)	
<i>Мамăк, шурă мамăк</i>	– пух (4), белый пух (11)
<i>Хура тирек, пичче, вăрăм çын пек</i>	– осокорь, как старший брат, как высокий человек

<i>Майнаçла, яштака, çуллĕ</i>	– величественный, стройный, высокий
<i>Хитре ал супакан йывăç</i>	– красиво рукоплещущее дерево
<i>Йывăр чухне йнланакан</i>	– понимающий, когда трудно
<i>Таса мар йывăç, çĕрнĕ</i>	– нечистоплотное дерево, гнилое
<i>сарлака</i>	– широкое дерево
• <i>Пилеш</i> (рябина)	
<i>Пилеш чăвашсен сăваплă йывăçĕ, кĕтŭ пĕрремĕш хут кăларнă чух та пилеш турачĕне хăваланă.</i>	– у чувашей рябина священное дерево (13), скот выгоняли на пастбище первый раз веткой рябины
<i>Çепĕç çын, çырлалă</i>	– приветливый человек; с ягодами (16)
<i>Усалтан сыхлатă</i>	– оберегает от злых духов (16)
<i>Хĕрлĕ пилеш, аппа, шăрçалă йывăç</i>	– рябина красная – это старшая сестра (9), дерево с бусами
<i>Йўçĕ, пысăк йывăç мар</i>	– с горечью (12); невысокое дерево
<i>Чирсенчен пулăшатă</i>	– полезна при болезнях (14)
<i>Тутлă çимĕç</i>	– вкусный плод (16)
• <i>Çĕмĕрт</i> (черемуха)	
<i>Çĕмĕрт чечеке ларнă вăхăтра качча каякан шурă пĕркенчĕкпе витĕннĕ хĕр евĕр</i>	– цветущая черёмуха (2) как невеста в белом (8)
<i>Çĕмĕрт сивви аса килет</i>	– вспоминаются черёмуховые холода (4)
<i>Ырă шăршă</i>	– благодатный запах (7)
<i>Ача-пăчана çимĕçĕне илĕртет, ай-чик валли усăллă</i>	– детей привлекает своими плодами; полезна для желудка
<i>Хура пуçлă тус</i>	– друг-брюнет (23)
<i>Тутлă çырла</i>	– вкусная ягода (9)

<i>Хёрён хура куşёсемпе танлаштарма пулать</i>	– ягоды черёмухи можно сравнить с чёрными глазами девушки
• <i>Каврăç</i> (ясень)	
<i>Каврăç пек çирĕп</i>	– крепок, как ясень
<i>Кăврăç вăрманĕ, кукаç</i>	– ясеневый лес; дедушка
<i>Хитре</i>	– красив (19)
<i>Кĕреçе аври, яштака</i>	– пригоден на черенок лопаты, стройный
• <i>Кедр</i>	
<i>Кедр пек вăрăм</i>	– высок, как кедр
<i>Майăр, çурçĕр çимĕçĕ, асатте пек</i>	– кедровый орех (24), – северный плод (2), как дедушка
<i>Сывлăх (28), тутлă</i>	– для здоровья вкусен (28)
<i>Вĕçсĕр курăк, вĕçсĕр уçлăх</i>	
<i>Чир-чĕртен сыватакан</i>	– исцеляющий от болезней
<i>Пысăк та илемлĕ, çĕллĕ</i>	– крупный и красивый, высокий
• <i>Хурăн</i> (береза)	
<i>Яштака, илемлĕ хĕрпе танлаштарнă</i>	– стройная, как красивая девушка (15)
<i>Хурлăхлă хурăн, тăлăх хурăн</i>	– печальная берёза, сиротинушка
<i>Пĕчченлĕх</i>	– одиночество
<i>Шăпăр, милĕк, хитре (30)</i>	– пригодна для метел, веников (30)
<i>Вăтанчăклăх, сăпайлăх, чăваши хĕрарăмĕ</i>	– стеснительность, скромность чувашской женщины
<i>Хуняма</i>	– свекровь
<i>Пĕчĕк хуйха ирттерме пулайать</i>	– поможет справиться с небольшой бедой
<i>Вайлă çунса пĕтет</i>	– горит с жаром
• <i>Чăрăш</i> (ель)	

<i>Вӑл яланах симӑс, тӑсне улаштармасть.</i>	– вечнозелёная (19), не меняет цвет
<i>Чӑрайш пек чӑркӑш</i>	– язвительный, как ель
<i>Сӑнӑ сул уявӑ, чӑрайш лӑсси</i>	– новогодний праздник (14); еловая хвоя
<i>Сулла та хӑлле симӑс, пускил</i>	– зимой и летом зелена; сосед
<i>Нихӑсан сӑнми ӗмӑт, сӑллӑ</i>	– неугасающая мечта (13); – высокое дерево (12)
<i>Нихӑсан ватӑлма пӑлмен йывӑс</i>	– нестареющее дерево
<i>Йӑплӑ (8), капӑр</i>	– игольчатая (8), нарядная
<i>Йӑпписем чикес, треугольник формӑллӑ</i>	– иголки колючие, по форме напоминает треугольник
• <i>Хыр (сосна)</i>	
<i>Хыр лӑсси, вӑрманӑ, усӑ сывлӑш</i>	– сосновая хвоя (4), лес сосновый (14), чистый воздух
<i>Йӑплӑ йывӑс, чӑрайш тӑванӑ, сывлӑх</i>	– хвойное дерево (29), родственна с елью – дает здоровье (10)
<i>Сарлака, парка, илемлӑ</i>	– широкая, раскидистая, красивая
<i>Сухӑрла хыр, ешӑл (16)</i>	– смолистая сосна, зелёная (16)
• <i>Улмуçси (яблоня)</i>	
<i>Турӑ сӑмӑсӑ, панулми – кӑрпеклӑ сӑмӑс</i>	– яблоко – дар Божий; крупитчатый плод
<i>Тутлӑ (36), сӑмӑс паракан улмуçси (45), кил умӑнче пахчара ўсекен йывӑс</i>	– с вкусными плодами (36), плодоносящее дерево (45), растёт в саду перед домом
<i>Кукам</i>	– бабушка со стороны матери
<i>Маттур хӑрарӑм, ачаллӑ хӑрарӑм</i>	– осанистая женщина, женщина с детьми
<i>Тӑванлӑх</i>	– родство

• <i>Катъркас</i> (боярышник)	
<i>Унән җимёҗё уйрамах чёре чирёсенчен усалла</i>	– плоды боярышника полезны при болезнях сердца (14)
<i>Тирекен япала</i>	– с шипами
<i>Катъркас җырли</i>	– ягоды боярышника
<i>Хёрлө тиркеллө, йўҗё, тутла мар</i>	– красно-тёмные, горькие
<i>Лекарство тавакан йываҗ</i>	– лекарственное растение (11)
• <i>Шалан</i> (шиповник)	
<i>Шывё усалла</i>	– настой шиповника полезный (16)
<i>Чей, пиҗсе җитнө хёр нек</i>	– чай из шиповника (18); как девушка на выданье
<i>Чир-чёртен пулшакан</i>	– целебный (19)
<i>Йёплө</i>	– с шипами (16)
• <i>Уртайш</i> (можжевельник)	
<i>Хёлле җырла парать</i>	– ягоды можно собирать и зимой
<i>Шаллам нек, усалла</i>	– напоминает младшего брата (5); ягоды полезны (19)
<i>Капәр, еиёл</i>	– красивый, зелёный
• <i>Хәва</i> (ива)	
<i>Хәва хулли нек пў, йышла</i>	– статью как лоза ивы
<i>Вәрәм җўҗлө</i>	– длинноволосая (9)
<i>Хёр тилөкө нек җўхе</i>	– лоза тонка как стать девушки (8)
<i>Карҗинкка яваҗҗө</i>	– плетут корзины
<i>Чуна уҗса парса аңланакан йываҗ</i>	– которое поймёт, когда раскроешь душу
<i>Илемлө, лапсәркка</i>	– красива, развесиста
<i>Йёрекен йываҗ</i>	– плакучее дерево
<i>Кўлө хёрринче ўсекен йываҗ</i>	– растёт на берегах озёр

<i>Хәва хуппи, куҫсуль</i>	– кора ивы; слёзы
• <i>Шёшкё</i> (орешник)	
<i>Трубина Мархви юмахё – (вәрмана маййара кайни)</i>	– Сказка Марфы Трубиной (как в лес за орехами ходили) (10)
<i>Вәрман</i>	– лес
<i>Каччә, шәлләм</i>	– парень; младший брат (16)
<i>Арсын пуян пулни</i>	– богатство мужчины
<i>Хунавлә, йышлә, тутлә ҫимёҫ</i>	– имеющий побеги, с вкусными плодами многочисленный (14)
<i>Пуләшма пёлекен</i>	– способный помочь
<i>Усәллә</i>	– полезный (14)
• <i>Ҷирёк</i> (ольха)	
<i>Ҷирёк хуппи, хура Ҷирёк, арәм, хёрлө вут</i>	– кора ольхи; черная ольха; красная древесина – жена
<i>Анне евёр әшә, ҫепёҫ, яштака</i>	– как мать, ласкова, нежна; стройная
<i>Усәллә, хуҫәлнә хәва</i>	– полезное растение (24), сломанная ольха
<i>Ҷырмари Ҷирёк</i>	– овражная ольха (16)
<i>Ҷирёп</i>	– крепкое дерево

II. Пополнить синонимический ряд фитонимов, выражающих положительные и отрицательные эмоции, внешний облик и внутренний мир черты человека:

1) «человек легкомысленный, несерьезный»: *йываҫ* – дерево, *тунката* – пень (15), *турат* – сук (8), *ветка* (8), *йәмра* – ветла (12), *уртәш* – можжевельник (13), *хәрнә йываҫ* – сухостой (13), *турнас нек* – как щепка (6), *вёлтрән тәрри* – зяблик (букв. «крапива верхушка») (6), *ухмах чечекки* – белена (букв. «дурака цветок») (12), *вёлтёр ҫулҫә* – сухие листья, листопад

(17), *сухър* – смола (17), *тәмнай* – дубина, *җәмәлттай* – ветреник (26), *әвәс җулси* – осиновый лист (5), *тымар* – корень (3), *кукиа пуҗ* – одуванчик (букв. «плешивая голова») (27), *сысна курәкә* – подорожник (букв. «свиньи трава») (2), *хура җырла* – ежевика, *унәте* – обезьяна, *пиҗен тәрри* – осот, бодяк (букв. «бодяка верхушка») (12), *кәмпа* – гриб, *тәм* – куст, *сәлә шерепи* – метелка овса, *пуш пучах* – пустозвон (букв. «пустой колос»), *вәрене тәрри (вәрри)* – чиж, верхогляд (букв. «клёна верхушка») (26);

2) «человек беспорядочный, дураковатый, бессовестный»: *кәлте* – сноп, *сәлә кәлти* – сноп овса, *арәш-пирәш җын* – пустомеля, *пиҗен* – бодяк (12), *җәрәк тунката* – гнилой пень (12), *ыраш* – рождь (15), *намәссәр, хәва пек* – как ива (10), *куришанак* – репейник (11), *йыт пырши* – вьюнок (19), *пуш кәлте* – пустой сноп, *вәлтәрен* – крапива (16), *вәрә* – семя, *хывәх* – отруби, *хытә чунлә җын* – чёрствый человек, *хывәх пуҗ* – остолоп (букв. «мякина голова») (19), *мәян* – лебеда (16), *мәкән, сурәх, уй пыйти* – репей, *сәлә пәрчи* – зерно овса, *кушак хури* – тимopheевка (букв. «кошачий хвост») (16);

3) «человек жадный»: *хыт пәрса* – скряга (букв. «твердый горох») (59), *тимәр пәрса* – скупец (букв. «железный горох») (16), *катәлман, хытнә мәйәр* – алываем скупец (букв. «нерасколотый орех») (4), *хура эрәм* – чернобыльник, чёрная полынь, *хыт кукар* (43) – скряга, *кассан та юн тухмасть, хыт пәрса* (16) – скупец, *шәлан җырли, хытнә мәйәр* (24) – затвердевший орех, *борицевик, вәлтрен* (13) – крапива, *крыжовник* (16), *кактус* (13), *хәмла җырли* (13) – малина, *хыт җын* (14) – скряга, *пиҗен, кәрәс хытти* – подгруздок, *хура эрәм, хыт хура* – бурьян;

4) «человек легкомысленный, несерьезный»: *пуш пучах, пичке* – пустозвон, *вәлтрен* – крапива, *йывәс тунката* (34), *җил вәрет ун пуҗәнче, сәлә шәрки, йәмра навра, турнас* (13), *пилеш, чулмак, мәян, арна пуҗ* (12), *җил вәрет* (15), *җәмәлттай* (28), *вәлтәр-вәлтәр әнланман җын, хура хәмла җырли, одуванчик* (13), *якәлти, пуш пучах*;

5) «человек глупый, тупой, недалекий»: *арна пуҗ* – мякинная голова (14), *шапа хупаххи* – мать-и-мачеха (17), *уй вәрманә* – роща в поле (5), *тал*

пицен – чертополох (14), *зум курăкĕ* – сорняк (5), *анра сарăк* (5) – олух (букв. «глупая репа»), *тăнсăр юман* – глупец (букв. «глупый дуб») (15), *кукиша пуç* – одуванчик (5), *тилпĕрен* – белена (5), *вăрман тункати* – лесной пенёк, *уй тункати* (13) – полевой пенёк, *тăм пуç* (14) – глиняная голова, *сирĕп тунката* (17) – крепкий пенёк, *шăтăк пуç* – дырявая голова, *бамбук* (8), *йăмра* – ветла, *пицен* (2) – осот, *ўкнĕ турат* (13) – упавшая ветка, *хăвал йывăç* (24) – дублистое дерево, *сĕлĕ арпи* – овсяная мякина, *хыр вăрманĕ* (2) – сосновый лес, *тулă уйĕ* (12) – пшеничное поле, *тал пицен нек арпашăнчăк* – спутанный, как чертополох, *тăм пăшал* (14) – глиняное ружьё, *тăнсăр юман* – глупый дуб, *зум курăкĕ* – сорняк;

6) «человек неаккуратный, неряшливый»: *пăрса мĕлки* (12) – гороховое чучело, *саланнă кĕлте* – развязавшийся сноп (12), *урпа сыххи* – ячменный сноп (12), *уй вăрманĕ* – полевой лес (24), *йăмра* (13) – ветла, *йывăç турачĕ нек аллусем* – руки, как ветки дерева, *анра сарăк* – дикая репка, *ана пыйти* (14) – липучка;

7) «человек смешной, насмешник, скалозуб»: *шĕшкĕ* (3) – орешник, *пăрса* (2) – горох, *ухмах курăкĕ* (4) – белена, *мăкăнь сески* – цветок мака, *йĕкел семси* (2) – мякоть жёлудя, *юман* – дуб, *йыт пырши* (2) – вьюнок, *куккурус*, *сирĕк сулси* (17) – лист ольхи, *типек сўсĕ* (12), *куршанак* (2), *кукиша пуç* – одуванчик, *акаци хутаçси* – стручок акации, *ăвăс суси нек шапăлти* – будто осиновые листья, болтливый;

8) «сухопарый человек»: *хытнă юман* – затвердевший дуб, *хытнă пăрса* (13) – засохший горох, *типсе кайнă курăк* – засохшая трава, *шăннă йывăç* – замёрзшее дерево, *сĕрĕк йывăç* (5) – гнилое дерево, *сирĕк* – ольха, *йăмра* – ветла, *хăрнă турат* (15) – засохшая ветка, *хыт хура* (8) – бурьян, *вĕпеме тирек*, *кедр* (12), *хытнă юман* – затвердевший дуб, *хыт турат* (12) – сухая ветка, *хытнă хурама* (12) – засохший вяз, *вилнĕ йывăç* – мёртвое дерево, *армути* (12) – полынь, *чикен курăкĕ* – синеголовник, *юман*, *типнĕ хурăн хуппи нек* – как гора засохшей берёзы;

9) «человек красивый, стройный»: *хăва пў* – стать как у ивы, *яштака*

(19), *хурӑн нек* (88) – как берёза, *тырӑ кӗлти нек* – как сноп, *ӑвӑс нек* – как осина, *хыр нек тӑрӑ* (17), *хурӑн вулли* – ствол берёзы, *чӑрӑш* (12), *хурӑн ҫырли нек* – земляника, *улмуҫҫи* – яблоня, *хитре хӑва* (12) – красивая ива, *ҫёмӗрт* – черёмуха.

III. Необходимо привести 2–3 примера пословиц (поговорок) о растительном мире на русском и чувашском языках

Вӑрман (лес):

1) *вӑрманта пурӑнсан тунката та юлташ* – для живущего в лесу и пень товарищ;

2) *вӑрман нихӑҫан та пушӑ ямасть* (2) – из леса никогда не уходят с пусыми руками;

3) *вӑрмантан туясӑр ан кил* (3) – из леса без палки не уходи;

4) *вӑрман – ял хӑтлӑхӗ* (3) – лес – защитник деревни;

5) *вӑрман касма вӑй кирлӗ* (3) – лес рубить нужны силы;

6) *вӑрман ҫулӗ – йывӑр ҫул* (4) – лесные дороги непроходимы;

7) *вӑрман ҫур тӑлӑп теҫҫӗ* – лес говорят, – половина тулуца;

8) *вӑрман ӗҫӗ вӑйран ярат* – работа в лесу сил лишает;

9) *уй куҫлӑ, вӑрман хӑлхаллӑ* (78) – поле глазасто, лес ушасть;

10) *вӑрманна вут тиесе каймаҫҫӗ* – в лес дрова не везут;

11) *вӑрман ҫулне пӗлмесен ҫурт ӑшӑтса кураймӗ* – не зная дороги в лес, не согреешь свой дом;

12) *вӑрман сывлӑшӗ сывлӑхшӑн усӑллӑ* – лесной воздух полезен для здоровья;

13) *вӑрман пуян* (18) – лес богат;

14) *чӑвашира вӑрман та чӑвашла калаҫать* – у чувашей и лес говорит по-чувашски;

15) *вӑрман йӑви – таркӑн йӑви* – лес – убежище для беглых и бродяг;

16) *вӑрман кайӑксӑр пулмасть* (13) – лес не без птиц;

17) *вӑрман витӗр тухса арӑмне хӗнеме хулӑ тупман* – прошёл через

лес и не нашёл прут, чтоб жену отстегать;

18) *вӑрман тӑрантарать* – лес кормит;

19) *вӑрман аслӑ пулсан та йывӑҫҫисем пӗр нек мар* – хотя лес и велик, но одинаковых деревьев нет;

20) *вӑрман нек аслӑ* (13) – велик как лес;

21) *вӑрман ҫур тӑлӑп теҫҫӗ* – говорят, лес заменяет полтулупа;

22) *вӑрман вӑл ман тусӑм* – лес – мой друг;

23) *сӑмса айӗнчи курӑнмасть, вӑрман хӗрринчи курӑнать* (14) – под носом не видно, а на краю леса видно;

24) *вӑрман тӑрри тикӗс* – верхушка леса ровная;

25) *вӑрманатпа та кайӑкпа пуян* – лес богат едой и дичью;

26) *вӑрман пулмасын шӑпчӑксем килмеҫҫӗ* – если б не было леса, не было бы соловьёв.

Йӑмра (ветла):

1) *йӑмрасӑр ял та хир* (2) – деревня без вѣтел – поле;

2) *йӑмран йӑмра, навран навра* – от ветлы, от пустомели – пустомелья;

3) *йӑмра ялта ўсет, ҫирӗк – ҫырмара* (34) – ветла растёт в деревне, ольха – в овраге;

4) *йӑмра ҫулҫи йӑмра ҫинче илемлӗ* (20) – лист ветлы красив на ветле;

5) *йӑмран улми пулас ҫук* (31) – от ветлы не родятся яблоки;

6) *йӑмра яштака мар, лаитрака ўсет* (19) – ветла растёт не стройно, а раскидисто;

7) *йӑмра пӗкӗ авӑнмаст, турта ҫумне ҫыпҫӑнмасть* (13) – дуга из ветлы не гнётся, к оглобле не приложится;

8) *йӑмрасӑр ял илемлӗ мар* (61) – без ветлы в деревне нет красоты;

9) *йӑмралӑхра курак та ҫавар тулли кӑшкӑрать* – в ветельнике и грач кричит во всё горло;

10) *йӑмра таврана та илем кўрет* – ветла – краса округи;

- 11) *чӑваш йӑмрана юратать* (19) – чуваш ветлу любит;
- 12) *пӗччен йӑмра час хӑрать* (15) – одинокая ветла быстро засохнет;
- 13) *йӑмра пулсан чӑваш пурӑнать* (14) – пока есть ветла, жив чуваш;
- 14) *йӑмра лартса ўстерьӗр, хӗр ҫуратса киленӗр* – ветлу сажайте, чтоб росла, дочь растите, чтоб любоваться.

Палан (калина):

- 1) *палана йӗҫӗрен паллаҫҫӗ, наяна ёҫӗнчен паллаҫҫӗ* – калину узнают по горечи, а лентя – по работе;
- 2) *палан пиҫет пӑрланса* (13) – калина вызревает морозом;
- 3) *паланран пан улми пулас ҫук* (27) – от калины яблоки не родятся;
- 4) *палан хыҫҫӑн тилеи те тутлӑ* (39) – после калины и рябина сладка;
- 5) *палан хӑйне хӑй мухтать* (17) – калина сама себя хвалит;
- 6) *палан ҫисен сывлӑх ҫирӗпенет* (12) – ешь калину – будешь здоровым;
- 7) *палан йӗҫӗ пулсан та усӑ нумай* – калина горька, но пользы много;
- 8) *палан – сиплӗхлӗ ҫырла* (15) – калина – целебная ягода.

Пӑрҫа (горох):

- 1) *пӑрҫана хӗрачана курмасӑр иртмеҫҫӗ* – мимо гороха и девушки не пройдут, не заметив;
- 2) *пӗр пӑрҫа пин ылтӑн теҫҫӗ* (18) – говорят, одна горошина как тысяча граммов золотых;
- 3) *пӑрҫа хуралҫи пӑрҫа ҫиетех* (18) – стерегущий горох – горох ест;
- 4) *пӑрҫа пӑхтарать, ясмӑк астарать* (9) – гороха взор манит, чечевица привлекает;
- 5) *пӑрҫа умӗнче кашниех пуҫ таять* (18) – гороху каждый кланяется;
- 6) *пӑрҫа ҫӑтнӑ автан пек* (12) – как петух, проглотивший горошину;
- 7) *арҫынна пӑрҫана кӗтсе илеҫҫӗ* – мужчину встречают с горохом;
- 8) *пӑрҫа пулсан виҫи пулать* (14) – будет горох, мера найдётся;
- 9) *пӑрҫа пучахӗнче тулли пулсан тырпул тухӑҫлӑ пулать* – если горох в

стручках, то и хлеб уродится.

Пилеш (рябина):

- 1) *пилеш хѣресѣ пин усала хѣратать* – крест рябиновый от тысяч зол;
- 2) *пилеш нумай пулсан ыраш лайӕх пулатъ* (2) – при обильном урожае рябины рожь родится славно;
- 3) *пилеш пӕхма хѣрлѣ те, ҕиме йӕҕсѣ* (38) – рябину с виду красна, да на вкус горька;
- 4) *пилеш шывѣ сиплѣхлѣ теҕсѣ* (10) – сок рябины полезен, говорят;
- 5) *пилеше пиллѣх йывӕсѣ теҕсѣ* (17) – рябину считают деревцем на счастье;
- 6) *пилеше сѣрѣм тивесрен ҕиеҕсѣ* (15) – ягоды рябины едят от угара;
- 7) *пилеш йӕҕсѣ ҕапнӕ нек* – рябина будто налилась горечью;
- 8) *пиччѣшѣ пилеш нек, шӕллѣ шӕлан нек* (14) – старший брат как рябина, младший как шиповник;
- 9) *пилеш нумай пулсан хѣл сивѣ килет* (22) – когда ягод на рябине много – то к холодной зиме;
- 10) *пилешрен армути те хѣратъ теҕсѣ* (16) – говорят, рябины даже полынь боится.

Җӕка (липа):

- 1) *Җӕка йывӕсҕине тимѣр ҕине карт тӕваймӕн* (3) – липой на железе метку не сделаешь;
- 2) *Җӕка юман пулас ҕук, кулак ырӕ тӕвас ҕук* (18) – липа не станет дубом, кулак не станет бодрым;
- 3) *Җӕкара ҕирѣплѣх ҕук, ҕамрӕкра хисеплѣх ҕук* (9) – в липе нет прочности, в молодости – почёта;
- 4) *Җӕка ҕѣрѣкне чавмасӕр карас пылне ҕиеймӕн* (7) – не удалив гниль липы, не соберёшь меда;
- 5) *Җӕка ҕулҕи ҕаврака* (9) – лист липы круглый;
- 6) *хѣрѣ Җӕка нек, ывӕлѣ юман нек* (23) – дочь словно липонька, а сын как дубок;

7) *юман – атте, сӓка – анне* (24) – Батюшка – дуб, матушка – липа;
8) *сӓка чей пин чире чӓртет* (22) – чай липовый от тысячи болезней
лечит;

9) *сӓрнӓ сӓка сӓр сул тӓрать* (5) – гнилая липа сто лет стоит;

10) *хыр ситерет, сӓка тӓрантарать* – сосна кормит, липа насыщает.

Сирӓк (ольха):

1) *сирӓк кӓчки пулсан сӓлӓ пулать* – если есть у ольхи почки, то будет
урожаи овса;

2) *сирӓке усьме те ирӓк кирлӓ* (3) – ольхия для роста нужен простор;

3) *сирӓк йывӓсси сирӓп ларать* (22) – Ольха крепко стоит;

4) *сирӓк йывӓсси те пур чухне те сирӓп мар* (16) – и ольха не всегда
прочная;

5) *сирӓкӓн вырӓнӓ сирмара* – место ольхи в овраге;

6) *сирӓк усьнӓ вырӓнта утӓ та нумай* – где растёт ольха, там много
травы;

7) *сирӓк кӓчки тухиччен хӓл те сивӓ пулать* – до появления почек
ольхи будут холода.

Панулми йывӓсси (яблоня):

1) *улмуссинчен улми аякка укмест тессӓ* (2) – яблоко от яблони
недалеко падает;

2) *улмуссие хӓрӓк туратпа сынмассӓ* (7) – к яблоне сухую ветку не
прививают;

3) *улма йывӓсси те пӓхмасӓр укмест* (18) – и яблоня не вырастет без
заботы;

4) *пан улми вӓл турӓ симӓсӓ* (17) – яблоко – дар Божий;

5) *улма йывӓссинчен улми сикмест* (16) – от яблони яблоко не
отскочит;

6) *улма кӓмен улмуссин усси сук* (15) – от бесплодной яблони толку нет
пользы;

7) *панулми пӑхма хитре те шалта хуртлӑ пулать* – яблоко хоть с виду привлекательно, но бывает и червивое;

8) *пан улми пулнӑ сул тырӑ пулмась теççӗ* (15) – когда яблок много, говорят, хлебне уродится.

Чечек (цветок):

1) *пӗр майра пуçне пилӗк пурçӑн тутӑр сыхнӑ* – одна барышня повязала пять шёлковых платков;

2) *чечек çине пыл хурчӗ вӗçет* (22) – на цветок летят пчёлы;

3) *чечек пурнӑç суллӑ тет* (20) – время цветения кажется благодатно;

4) *чечек иртсен чечеке каймаççӗ* (5) – когда цветы отцветают, за цветами не ходят;

5) *чечек пыл парать* (4) – с цветка собирают мёд;

6) *чечек куçа савать, сӑмах чӗрене тивет* (3) – цветок глаз радует, слово сердцу ранит;

7) *çынна, таврана чечек савӑнтарать* – людей и природу цветы радуют;

8) *чечек евӗр илемлӗ пырать* – идет красивая, словно цветок;

9) *хитре чечек такама та астарать* (13) – красивый цветок всех привлекает;

10) *кашни чечекӗн хӑйӗн вӑхӑчӗ* (13) – каждому цветку свое время.

Хурӑн (береза):

1) *Хурӑнлӑх сулӗ – хурлӑх сулӗ* – Берёзовый тракт – дорога страданий;

2) *хурӑнна хурамана çамрӑк чух аваççӗ* – берёзу и вяз гнут, пока они молоды;

3) *хурӑн милки чун кӳрет* (14) – от берёзового веника душа молодеет;

4) *хурӑн лартакан хур курать тет* (13) – сажающих берёзу ждёт страдание;

5) *хурӑн хуппинчен хут пулмась* (14) – из коры берёзы бумагу не добудешь;

6) *хурӑн шура та, тикӗчӗ хура* (15) – берёза бела, но дёготь её чёрн;

7) *хурӑн хулли шӑпӑрлӑх, телей ҫукки йывӑрлӑх* – ветки берёзы годятся на метлу, а несчастье только трудности несёт;

8) *хурӑн шыв савать, хурӑн шыв тӑвать* – берёза любит влагу, берёза даёт сок;

9) *тӑшман валли хурӑн та хӑрушлӑ* – для врага и берёза опасна.

Юман (дуб):

1) *юман йывӑҫ та пурне те юрайман* – даже дуб не всем угодил;

2) *юман –аслӑ, таса йывӑҫ* (14) – дуб – могучее, священное дерево;

3) *юманна ӑвӑс – ик тёрлӗ йывӑҫ* (13) – дуб и осина – два разных дерева;

4) *юмансӑр юрӑ та ҫук, Турӑ та ҫук* (12) – без дуба и песни нет, и бога нет;

5) *юман та ёмёре чӑтман* (14) – и дуб не весь век выдержит;

6) *юман – авалхи чӑваш палли* – дуб – древний символ чувашей;

7) *юман йывӑҫ та хӑн курасть* (12) – иногда и дубу приходится туго;

8) *юман аван та, варри хӑвӑл* (15) – на вид дуб хорош, да изнутри сгнил;

9) *ватӑ юман – асатте, пысӑк юман – анне* (17) – старый дуб – дедушка, большой дуб матушка;

10) *юман ҫирӗп пулсан та хурӑнтан купӑс тӑваҫҫӗ* – хотя дуб и крепок, но скрипку делают из берёзы;

11) *юман пуриҫӗн те атте* – дуб – всем батюшка;

12) *юман та ҫиле май тайӑнать* – и дуб клонится по ветру;

13) *пӗччен юман та хӑрасть, вӑрман вара ёмӗрӗпе пурӑнать* – одинокий дуб сохнет, а лес целый век живёт;

14) *ватӑ юман, ҫапах та тымарӗ ҫирӗп* – дуб стар, но корни крепки;

16) *юман пек паттӑр пул* – будь могуч, как дуб.

IV. Заполним таблицу «Фоно(звуко)-семантические параметры слов-фитонимов по антонимическим парам:

	Дуб	Липа	Вяз (хурама)	Береза	Ель	Сосна	Рябина	Калина	Черемуха	Клен	Тополь
Символ культуры – название дерева	100(96),90 (12),20,4(2), 1,70,50,10,2 8	60(2),50(11),4 0 (10),100(21),9 0 (3),99, 98,80 (12),10 (13),1 (12),9,85,70,49	50(9),10(14),3 0(22),90,70 (15),100(12),6 0,1(3),75,95, 40,80,98,38,2 0	55,70 (17),40,30 (4),90(4),99 (2),100(23), 50,10,1,2, 60,95,45,66	5,2 (5),10(2), 30,80,95,50 (4),20,1,3,6 0 (15),35,70 (13),75	4,5,20(13),1 0,30,80(8),1 00,1 (2),55,2,60, 71,75,94,36 ,3	15,80,60,20, 40(2),90 (7), 50(12),70,10 0 (13), 10 (10),1 (12), 50,94,23	10(23),60(1 2),30(3),80(3),95,89(2),2 0,100(2),1 (5),2,40,70,9 9,97,82	8,40 (12),20,10(4), 30(2),80(13), 85(5),100(2), 3,1 (6),2, 25 (2) 53,45	2,8,10(13),5 (3),30(12),7 0(2),85,75,1 (7),4,40,20 (4),90,35	3,30(12),10 (5),5 (2),50 (12),60,20,1 00, 1(13), 40,80, 69,56
Райский сад - сад	4, 2,10 (16), 80(2),90(15) ,100(11),5 (2)-60,4 (2), 1 (2), 89, 15,59	3,10,40 (13),20 (3),70,90(22),8 0,100(9),60,1,2 ,5,78,9,91,49	5(2),2,10(13), 30(15),80(12), 100 (14),1 (2),20,2(3),56, 60	10(3),80,20 (14),90(12), 100 (29),70,30, 1,2,550,79, 99,72	7,5,30(2),5 0(12),60(12 ,100(12),1, 10(2),2(2),5 6,20,25,77, 69	10 (14), 5,30 (12), 60 (13), 100,50,65,2 (3), 70(3), 25,76,22	70(14),90(1 2),40(2),100 (12),20(2),9 9,75,2 (2),10,56(6), 15,50,92	90(2),70,10 (14),50(12), 99,85,100(1 9),33,1(2),15 ,20,80,60,93, 42	100 (19), 60, 80,50 (12), 90,98 (2), 35,10 (2),1 (2),70(2),20,3 7	9,10 (4), 20, 30(132),10 0(2),1 (2), 13,2, 19, 15,65,73,88	2,20(4),10(15), 70,100 (13),2,1,60, 71, 50,61, 57
Языческое верование-христианское верование	40, 80, 10 (12), 20, 100 (23), 60-20, 90(16), 30, 4 (12), 70, 9,1,5,35	30,50,10(14),2 0 (22),100(18),9 0 (3),2(2),1,60,9 8,5,81	100 (29),60,20,10 (13),30,70(12) ,90,2 (13),3, 1,95	20 (13), 10 (16), 100 (20),30(12), 80,90,2,3, 50,98,95,7	6,2,10(4),2 0,80,50,100 (14),1(9),2, 3,70,90,99, 46	4,8,10(12),5 ,20,80(12),6 0,50,90(12), 1,3,85,48	5,70,10(12), 20,100(10),8 0,90,40,99,1 (22),3,75,28 6	7,60,10(13), 20,80(12),60 ,98,100 (3),1(13),2,3 6	10 (13),40(2),20 (21),700,5,10 0(2),90,2,1,2 8,19	2,5,10(13),2 0,70 (12),100 (12),90,1,2, 40,15,90	3,4,10 (14),20,70(3), 90,1,2, 100,58
Суеверие-вера	90 (14), 30 (12), 40, 80, 100(14), 50- 50(2), 4(2), 5,95,10(15), 1,46	80,60,10(12),3 0 (13),1,100(16), 90,50,1,2,73	100 (29),80(14), 2,5,10,30,1,2, 6	70 (12),50,10,2 0,2,100(18), 80,99,40,1, 2,35,18	20(13),10(3 ,2,70,60,10 0(19),50,1, 2,90,8	50(12),15,1 0(3),2,70,40 ,65,100(8),1 ,2,45,51	50 (12),70(12), 10(3),2,95,7 5,1,2,100 (2),85,25	60,40,10(13) ,2,50(2),100(24),85,99,1, 2,70,17	30(2),10 (5),2,50(12),9 5,100 (17),1,2,17,5 6	10 (14),5,2,50(12),0,40,100 (14),1,2,26, 57	40,2,10 (13),80,50(13), 1,2,100,39, 66
Нечистая сила-удача	15, 80 (12), 100 (16), 20, 2(12), 50, 10 (2) 60, 90 (3), 50, 4(2), 1,88	8,40,10 (3),2,100(14),8 1,90,20,2,4,80, 1,20,56	100(29),50,70 ,35,80(12),10, 20(12),2,1,53	2(12),20,40, 10 (12),100 (12),90(22), 30,1 (2), 60,23	9,2(12),20(21),100(13) ,80,40,90,5 0,2,1,30,78, 32	4,5,30(12),1 0,2,80,60,1 00(12),90(1 2),50,2,1,20	4,30 (3),10 (12),2,100 (19),35,90,9 5,90 (2),1(12),88	3,15,10(12), 20(12),2,80, 30 (2), 100(15),90,1 (2),95,25	6,25,80 (12),10,2,30(2),100 (12),90,20,2, 1,99,17	7,10 (12),40,5,2, 50,60,100 (10),90,2,1, 98,56	5(13),4,70(12), 80,50 65,100 (18),90,10,2 ,1,67
Красивое-корявое	10(3),60 (12), 100 (3), 40, 20, 50(21), 70- 40, 30, 4(2), 75,73	3,50(3),100,70 (13),20,100(31 ,40,2,1,80,10	30(2),40,50(1 3),100(22),1,3 ,10,45	2,90 (22),80,100 (32), 1,3	15,50,70,80 ,100(15),60 ,1,3,90	6,20,30(12), 70,100(12), 50,2,3,45	6,10 (13),90,60,1 00 (14),2,3,45	100 (91),15,60,5 0,20(12),2,3, 90	4,25,50,90,10 0 (19),80,20,2, 3,5	30(3),20,50, 100 (18),65,2(3)	20,2,10 (13),30 (6),100 (16),1,4,95
Метериал-растительность	100(31),100 - 40,90(17),70 (6),4(2),3	50,90 (12),60,100 (32),80,20,70,4 ,2,92	30,2,10(12),4 0,50,100(18), 4(2),90,1	80,50,90 (13),100 (15), 1,2,97	4,30(21),50 ,100(2),70, 80 (2),100 (7),2,3,98	2,20,40(12), 100(15),25, 1,2,6	2,5 (12),30,10 (12),100 (17),20,1,98	3,10(31),30, 50,60,100(1 8),2,6,80,5	10(4),15,50,4 0,100 (13),1(13),80	9,4,70(2),20 ,50, 35,100(17), 10,2 (12),90	15,8,80 (12), 40, 50 (12), 100 (5), 10,2 (21), 99
Любовь к прекрасному-развлечение	30 (12), 20 (13), 60, 100 (16), 10(2), 4(2),70	90,10(2),70(21 ,40,100 (16), 30,1,4,80,25	20,2,10(13),8 0(12),2,1,70,3 6	100 (33),90,70,1 0,2,1,16	9,70,50(12) ,80,100 (17), 10,1,8,28	70,60,20,50 ,100(14),40, 10,1(12),32	70 (12),80, 30,100(7),40 ,10,2(12),28	60(12),30(1 2),80,100(15 ,10,2(2),62	80 (12), 40,100(12),9 0,10,1,3,99	50 (12), 15, 40 (22), 100 (3), 30,10, 2(12),60	40,25, 50,20, 80,60, 10,2,3, 70
Символ скорби-символ радости	70,50(13),40 ,100(8),60- 10 (2), 4(2),13,5	3,10,90,50,100 (13),40,1,3,98, 12	100(13),80,60 ,50,20,10,2,3, 99	2,70,60,30, 100 (15),50,90 (2),1,3,68,8	20 (2), 60 (2), 30, 50, 100 (28), 2,3,76,1	9,20 (2),10,50,70 ,100(13),2,3 ,79	9,30 (2),70,50 (2),100 (13),1,3,76	5,40(2),20,5 0,90,100(14) ,2,1(2)	6,2,40,30,50, 10,100 (12),20,1,3,1 5,80	8,4(2),80,10 ,50,90(12),1 00 (12),99,2,70	15,5,60,10, 50, 90,100, 1(2),4, 99

Огромное-одинокое	90 (23),60,50,100 (51),4(12),30	4,50(2),90,100 (12),60,10,1,5, 22,71	100(14),80(14), 60,10,2,1,85	5,20,40(2),100 (19),10,90 (2),1,3,98	70,10(4),100 (17),55,1, 2,90,97,94	9,5,70,10(2), 80(3),99,10 (16),1,6,921	9,15,30,10(12), 80,60,100 (13),2,4,97,9 4),2(2),20,40	8,2,50,10(12), 80,70,100(4), 2(2),20,40	10,70(12),80 (12),20(2),10 0 (14),1,4,50,9 5	15,8,20,10, 80,40,100 12),30,2(2), 55,76	60(5), 10,80, 70,100 (17),1 (12),99
Красивый-отгалкивающий	90(8),2,10,2 0,100(35),90 -10,4 (12),5	4(2),90,40,70,5 0,100(13),1(3), 65,71	80(21),70(21), 10,100(18),60 ,90,1,2,3,96	10,20(12),8 0,50,100 (11),1(12), 3,35	20,40(12),3 0,70(2),90, 100(2),1(2), 3	8,30,20,70(12), 60(2),1 00(8),1(2),3	8,50,20,70 (12),90,100(19), 1 (2),2,80	7,100 (15),20,50(12), 40,1,2	15,90,20 (12),50,100(12), 70,1(2),2,4 7	9,60,10,40, 30(21),1,10 0 (12),2(2),68	100(32),20, 10, 40,80, 90,1,2,75
Добрый-злой	100(41),40,5 0,80(2),30:3 0,4 (2),90,95,99, 5	20(2),70,60,10 0 (28),1(1),82,98	80(3),100(34), 10,90(2),2,98	10,80,40,10 0(19),30,50, 2,90,39	9,20,10,100 (17),25,80, 1,99,97	15,50(2),10 2),100(5),7 0(2),1	15,10,20,10 0 24),80(3),45 ,2,99	8,30,10,50,6 0,100 (24),3,20,65	30,90,20,50,8 5,70,100(22), 2,98,40	5,60,10,50 (22),95,100 (23),1(2),2, 65	90,30, 10,50, 80,100 (25),1,3,2,3 8
Светлый-темный	25,20,50(22), 100(9),80,4 0-60,1 (2),4(2),95,3	7,70(2),10(4),1 00(23),1(2),50, 1,68,99	70(2),100(22), 25,1(3),28,98	8,10,30,100 (22),60,1 (4),3,50	15,10(2),10 0(25),95,1(3), 97(2)	9,80,10,100 (25),20,1(3), 3,15	9,10,30,100 (42), 70,60(2),1(3), 3,97	10(2),20,100 (26),50,1(3), 3,25	40,20,30,100 (20),60,1(3),5 0,90	5,30,10,100 (25),80,1(2), 2,3,60	50,30, 10,100(25), 90,75,1(3),3 ,70
Величественный-низменный	100(85),4	5,90(2),60,80,1 0,100,50,85(5), 99	70,10(2),90(2), 80,100(20),5 0,30,97	50(3),20,90 (13),45,99	60(3),30,20 ,90,45,100(15), 80(3),1 ,96	10,90(12),3 0,50,100(12), 70,1,60,71 ,96	3,70 (3),10,60,40, 50(16)	4,40,10(20), 70(13),100(5), 99,48	2,80 (2),10(20),60, 90(12),100,8 1	6,70 (12),10,60,9 0,100 (2),30,1,80, 79	80(12), 60(19),10(2), 90,100
Грубый-нежный	100(33),90,4 ,15	90,100 (9),50(2),10,99 ,80	80(2),30,50(2), 100(14),11,1, 60	10,40,100 (8), 60,1,50	70(3),10(2), 100(5),50,1	60,20(3),10 0(5),40,70,3 0	20 (2),100 (3),50,30,40	80(2),10,100 (7),40,5	10(2),30,100(4), 75,1,45	10(2),100 (5),20,58,1, 89	90(3),100(2), 50 (2),60 (2),78,1,20
Мужественный-женственный	100(58),20,4 ,10	90(4),100(26), 34,1,99	10,40,100(25), 80,70,30	90,30,100 (17),99,100 (26),22,1,86	30,10(22),8 0,75 (2),100 (2)	20(2),80(22), 50,100(12), 90,1	10, (2),80,70,10 0 (22),90,1,85	10,20,80,90, 100(52),1,25	10,20,80,90(3), 100 (22),1	30,20,80,40 ,100 (22),43,90	80(12), 20,70, 100(24),83, 50
Могучий-хилый	100(51),90,5 0,4,6	50(2),100(16), 60,80,90	10,50,100(16), 60,1,89	60,30,100(12), 70,1,80	50,20,100 (21),60,80, 90	30,10,100(14), 60,1,87	10,5,100 (14),70,99,1 5	10,4,70(12), 80,100 (14)	10 (12),70,50,1, 55	10(2),70,80 (2),100(12), 50	50,10, 70,60, 100(18),90
Веселый-грустный	50(3),100(21), 40,4,90,45	50,60,100(16), 70,99,33,1,75(4)	20,40(5),100(10), 80,90,35	10(2),100 (39),50(2),9 0	20(3),70,45 ,100(15),50 ,90,65	10,30,70,75 ,100(13),44, 1,80,60	10 (12),70,80,1 00(4),90,1,5 0,87,95	10,30,60,70, 100 (17), 99,1,50,15,5 5	10,20,60,80(15), 91,100,5 0,70	10(2),60,40, 50 (19),100 (4),81,95	10(12), 60(12), 100,30, 1,55(6)
Легкий-тяжелый	50(2),100(52), 60,99,90, 4,67	50,100 (18),80, 99,90	30,100 (16), 70,1,40	40,100(14), 20,45,1,50, 55	50,80,70,10 0 (12),1,65	30,80,70,1, 90,100	10,100 (13),80,40	10(2),80,50, 100(16),1	10,70,100 (16),1,45	50(3),70,10 0(13)	100,70, 80,95
Чистый-грязный	30,100(28),9 0,4,85	100(12),60,1,6 5	100 (10), 30,40	80(2),100 (16)	70,80,55,10 0 (17),65	30,80,65(2), 100(12)	10,100(12),9 0,1,50	20,80,60,10 0(12),40	40,70,20,100 (16),1,80	50,70,80(2)	10,70 (2),100 (19),1,50
Горячий-холодный	50(2),100(26), 80,99,20, 95	30,100 (14),90(4),99,1 ,55	20,90,50,100 (12), 80,70,40	10,100(16), 90,1,50	10,100 (14),80,1,5 0,90	10,100(13), 80,65,30	30,100 (10),70,1,55, 35	100 (16),90,60,1, 50,45	20,90,60 (2),100(13),1, 75	10,90,30,80 ,60	20,90 (12),100(16), 55,75

V. Перевод текстов, содержащих слова-фитонимы:

1. Дома «Сельхозтехники» выросли за два последних года на северной окраине районного городка, но от самого городка они отделены березовой рощей и потому стоят как бы особо, гордясь своей новизной.

«Сельхозтехника» сурчёсем икё султанах ўссе ларчёс, анчах та хуря́нлăх вёсене хуларан уйăрса тăрать, савăнна та вёсем мăнаслăн каçăрăлса лараçсё».

Или: «Район хулин сурсёр енче юлашки икё сул хушинче «Сельхозтехника» сурчёсем кармашаçсё, анчах та хай хулинчен хуря́нлăхпа уйрăлнă, вёсемк сурсем çак сёнёлёхне мухтанса лараçсё пек».

2. Парится он дубовым веником, хотя Ермолай Петрович и внушает ему, что березовые полезней, а в дубовых – вредные вещества.

«Ермолай Петрович хурăн милки сиплё, юман милёкё́нче япăх элементсем пур тесе вёрентет пулсан та, сапах вăл юман милёкё́не сапăнать».

3. Старик изнемог под березовым веником за какую-то минуту, и Андрей помог ему спуститься с высокого полка.

«Темиçе минут хушинче хурăн милёкё́не сапăнса ват сын ывăнса ситрё, вара Андрей а́на лапка синчен анма пулăшрё».

4. Легкий пар, поднимающийся от запаренных березовых веников, напоминает Любе о жарком летнем дне, когда от огородных грядок пахнет укропом...

«Ислетсе лартнă хурăн милёкё́ синчен хăпаракан пăс Люба́на суллахи айш кун йăран синчи укроп шăршине аса илтерет».

5. Вечером, бывало, придет зять с работы, а у его ворот два дуба лежат на нижние венцы.

«Кёрў ёсрен килнё сёре унăн хапхи умё́нче икё юман выртни пулкаланă».

6. Вот уже и пригородная дубовая роща стала редеть, показались верхние этажи новых девятиэтажных чебоксарских домов.

«Акӑ юманлӑх та сайраланма пуҫларӑ, умра Шупашкарти тӑхӑр хутлӑ ҫуртсен ҫӑлтӑ этажӑсем курӑна пуҫларӑҫ».

7. Конечно, время Лисиных скоро пройдет, поскольку они сами, теряя чувство ответственности, усугубляют положение в государстве, как та свинья под дубом вековым, но ведь пройдет и мое время, мои годы, моя жизнь, иссякнут мои силы...

«Лисинсен вӑхӑчӑ кӑҫех иртрӑ, мӑншӑн тесен вӑсем яваплӑх туйӑмне ҫухатса патшалӑхри пӑлтерӑшине хӑйсемех, ӗмӑрхи юман айӑнчи сысна евӑрехех, йывӑрла, анчах та манӑн вӑхӑт та, ҫулсем те иртеҫҫӑ-ҫке, вӑй чаксах пырат».

8. У нас за деревней в Семендеровском поле стояла старая сосна, и я еще помню, как к этой сосне ходили молиться некоторые наши старики и старухи.

«Ял хыҫӑнчи Сементер уйӑнче ватӑ хыр ӳсетчӑ, австӑватӑп-ха, ҫак хыр патне хӑш-пӑр ватӑсем пуҫ ҫапма ҫӑрӑтчӑҫ».

9. Никогда так сладко и терпко не пахнут тополя, как под весенним дождиком, а всего-то их, этих топольков, посаженных года три назад, штук пять и уцелело, остальные объели козы.

«Виҫӑм ҫул лартнӑ тирексенчен пиллӑкӑшӑ ҫеҫ сывӑ юлнӑ, ыттисене качакасем ҫисе, ҫапах та тирексем ҫурхи ҫумӑр айӑнче асамлӑ шӑршӑ сараҫҫӑ».

10. – Это дикая яблоня, – говорит Ирина Анатольевна. – Выросла сама по себе, папа все время хотел привить что-нибудь, да так и не привил.

« – Ку вӑрман улмуҫҫи, – сӑмахларӑ Ирина Анатольевна. – Хӑй тӑллӑн ҫитӑннӑскер. Атте ун ҫумне тепӑр сорт сыпасиӑнччӑ, сыпаймарӑ».

11. Вот и липы в парке уже стоят желтые, а клены горят багряными кострами.

«Акӑ паркри ҫӑкасем сарӑ тум тӑхӑннӑ, вӑрене ҫулӑм евӑр ялкӑшса ларат».

1. *Йёлтёр патакки вырӑнне Ванюш пӑр аллине вӑрӑм авӑрлӑ юман чукмар, теприне икӗ йӑплӑ сенӑк тытрӑ, «Ыранччен!» – тесе, анкарти хыҫӑне тӑрех ҫула тухрӑ.*

«Вместо лесных палок Ваня взял в руки длинную дубовую палку и двухзубовые вилы, сказав «До завтра!» – вышел за огороды и отправился в путь».

2. *Авалхи патвар юмансемне кутамас хурамасем хушшине кӑртсе тӑратнӑ та хайхи турӑ лашана, вӑренпех кӑкарса хунӑ.*

«Между древними великанами дубами да низкорослыми вязами оставили того самого гнедого, даже верёвкой привязали».

3. *Ватӑ хурамасемне лаштра юмансем хуллен кашлаҫҫӗ.*

«Старые вязы да развесистые дубы тихо колышутся».

4. *Часах ёмӑрхи юмансемне хурамасем ҫийӑн чӑваш юрри янӑраса кайрӑ.*

«Вскоре над вековыми дубами и вязами зазвучала чувашская мелодия».

5. *Ӑна вӑҫӑ-хӑррисӗр кашласа, шавласа ларакан хыр вӑрманӑ уйрӑмах савӑнтарнӑ.*

«Его особенно порадовало, как колышется и шумит сосновый бор».

6. *– Эпӑ ку таврашра ҫу каҫа пурӑнма хатӑр: сывлӑшӑ уҫӑ, хӑрӑсем хыр пек яштак пӑллӑ, – шахвӑртса калаҫрӑ Михалӑ.*

«В этих краях я готов жить всё лето: воздух свежий, девушки стройные, как сосенки, – шутил Михаил».

7. *Каччӑсем каҫхи апат хыҫҫӑн, Михалӑ каларӑшле, хыр пек яштака пӑллӑ Шӑмӑршӑ хӑрӑсем патне тухса шурӑҫ.*

«После ужина парни ушли к шемуршинским девушкам, стройным, как сосенки, как говорит Михаил».

VI. Флора в творческой картине писателя (задания по прозаическим и поэтическим флористическим текстам на русском и чувашском языках:

1. Общая оценка текста

2. Неудачно использованные слова

3. Ваши альтернативные слова, улучшающие текст

4. Семантический объем флорем:

1) исходное значение фитоним, закрепленное в словарной дефиниции,

2) приобретенное в контексте значение,

3) мифологическое, символическое значение,

4) коммуникативное значение, возникающее в результате взаимодействия, по модели: «язык <-> автор <-> текст <-> действительность <-> читатель».

1. Давным-давно это было, в незапамятные ещё времена. В один год осень наступила очень рано. Еще листва с деревьев не опала, но уже Натали морозы. Птицы спешно стали собираться в стаи и потянулись к югу. Змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки с перепугу, забились в свои норки и дупла. Все живое, что осталось здесь перезимовать попряталось. Лишь птичка-невеличка с раненым крылом не смогла улететь и осталась одна посреди чистого поля на пронизывающем ветру. Съёжилась бедная под кустиком полыни, горюет, не знает, как ей быть. Неужто так и придется умереть? За полем начинался большой дремучий лес. «Пойду-ка я туда, может, деревья сжалятся надо мной и пустят на зиму жить в своих ветвях, – подумала птичка и, волоча подбитое крыло, поскакала к лесу.

На опушке росла красавица береза с тонкими длинными ветвями и кудрявой кроной. Птичка к ней с мольбой:

– Березонька, берёза, прибти меня, дай у себя зиму перезимовать.

– Ветвей у меня много, листьев еще больше, за ними уход нужен, до тебя ли? – был ответ.

Поплелась птичка дальше. Смотрит – недалеко развесистый дуб-великан. Стала его молить:

– Пожалей меня, Дуб-богатырь, пусти до весны на свои густые теплые ветви.

– Вот еще придумала, – отвечает дуб. – Если всех вас жалеть, то ни

одного желудя на мне не оставите. Нет, нет, даже не проси, иди своей дорогой.

Бедная птичка дальше по лесу, тащит свое больное крылышко. Подошла к реке, видит – на берегу, спиной к ней, к самой воде припав своими ветвями стоит могучая ветла.

– Добрая ветла, твои ветви густые, уютные, позволь укрыться в них до погожих весенних дней, – просит её несчастная.

– Ступай, я с рекой беседы веду, а со всякими встречными мне болтать ни к чему, – важно ответила ветла.

Бедная пташка совсем отчаялась. Да и есть от чего: никто ее, горемычную не пускает к себе, всем-то она чужая.

Усталая и голодная, побрела она в глубь леса, осторожно ступая, чтобы не причинить боль раненому крылу.

Тут заметила её зеленая ель.

– Ай-яй, бедняжка, куда же?

– Куда иду, сама не знаю, – отвечает та.

– Как это не знаешь? – удивилась ель.

– Не от хорошей жизни одна по лесу бреду, – печально сказала птица – Иду вот, куда глаза глядят.

– А почему же ты от своих отстала?

– Крыло у меня раненое, летать не могу. А в лес пришла, чтобы просить о приюте, но никто меня на зиму к себе не пустил.

– Ах ты, сердечная! – прониклась к ней жалостью ель. – Останься у меня. Вот устройся на эту мохнатую ветку она теплее всех.

Рядом с елью рос старая сосна. Она тоже заметила птаху.

– Ветки мои не такие густые и теплые, но я буду защищать тебя от студеного северных ветров, – сказала она.

Птичка забралась в самую гущу еловых ветвей, а сосна прикрыла ее от морозного ветра.

Не остался безучастным к судьбе птички и можжевельник рос между

елью и сосной.

– Не горюй, дружище, питаться ты будешь всю зиму моими ягодами[...]

(Чуваш. нар. сказки).

2. Лес густой шумит, а ветер
Воеет, как голодный волк.
Лес дремучий освещая,
Всюду молнии блещут.
По тропинке темной чащи
Скачет всадник наугад.
Громко фыркая, несется
Конь горячий напролом;
Устает он, – мчатся двое
На хребте его крутом.
Дуб стоит во тьме, как улып –
Великан, шумя листвою;
Говорит: «Счастливы путь вам!» –
И кивает головой[...] (К. Иванов)

Срубишь – звонко падают.
А березки! Каждый ствол
На оглоблю бы пошел.
У рябин не счесть развилин –
Вот уж, право, вышли б вилы!
Бурей дуб там привалило,
И черемушник прибило.
Но откуда взялся леший,
Что людей пугает здешних? [...](Федоров)

Инçe те мар хыр вярманё кашлать. Сывяхрах ял «Неподалеку шумит сосновый бор. Рядом с ним село».

Выводы. В современной лингвистике в процессе поиска эффективных

методов исследования появляются новые исследовательские парадигмы, связанные с проблемами изучения языкового сознания и образа мира. Среди лингвистических экспериментов особое место в ряду методов реконструкции языкового сознания занимает ассоциативный эксперимент, он позволяет максимально приблизиться к культурным стереотипам того или иного народа. На основе ассоциативных экспериментов можно раскрыть систему культурных стереотипов носителей той или иной культуры.

В проведении подобных экспериментов трудность заключается в выработке заданий для исследовательских стимулов, потому что стимулы эти в данном случае не могут быть одинаковыми для всех частей речи или для какой-либо семантической подгруппы, не могут быть стандартными для всех лексических групп: вопросы-стимулы связаны с конкретной семантикой исследуемого слова-символа. Для выявления эффективных вопросов-стимулов, для направленного ассоциативного эксперимента могут быть использованы данные словарей сочетаемости; в ходе анализа фитонимической картины мира установлены четыре основных типа реакций. Анализ ответов-реакций позволил сделать следующие выводы:

- а) наиболее распространенным видом реакций являются ситуанты-словоформы (около 87 %) – согласующиеся со словом-стимулом словоформы составляют примерно 33 % всех ответов, несогласованные – 54 %; около 47 % ответов-реакций – ситуанты-существительные в именительном падеже);
- б) реакции-словосочетания составляют приблизительно 8 %;
- в) реакции-предикаты – 7%;
- г) реакции-предложения – 1,5 %.

Такое соотношение видов реакций обусловлено, с одной стороны, требованием условий эксперимента (заданиями), с другой – лексико-грамматическими особенностями слова-стимула.

Направленный ассоциативный эксперимент, являющийся одним из типов ассоциативного эксперимента, распространен как метод анализа семантики слова, такое исследование дает очень важные сведения для

описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка. Данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов свидетельствуют о несовпадении представлений о фитонимах в языковом сознании носителей языка (в частности, самым частотным ассоциатом на приведенный в качестве примера стимул «тополь» в свободном эксперименте является: в русском языке «пух» – 18, в чувашском языке – «шурă мамăк» – 15, в русском языке – «дерево» – 12, а в чувашском «йывăç» – 9).

Если качественным показателем цепных ассоциативных экспериментов является структура ассоциативного ряда, то метод семантического дифференциала используется для выявления субъективных (индивидуальных) семантических полей в фитонимической картине мира. Результаты градуального шкалирования дают возможность экспериментатору использовать представления носителей русского и чувашского языков о возможном расположении слов в семантическом пространстве выше анализированного концепта (которое не даётся в словаре) в составлении частотного (градуального) словаря разносистемных языков, представляющего практическую ценность (в частности, для составления текстов рекламного характера).

Кластерный метод в целом связан с построением различных классификаций. Соответствующие результаты ассоциативных экспериментов показывают ход когнитивных процессов: как реципиент выделяет признаки, формируя определённые группы, как обобщает их. Кластер-анализ на основе обширного материала по фитонимике позволяет выявить важные семантические закономерности в фитонимической картине мира в сопоставляемых языках (например, сравнительный кластерный анализ результатов фитонимической символики в русской и чувашской картине мира позволил распределить фон символики на четыре кластера, которые в свою очередь подразделяются на подкластеры).

Построение семантического дифференциала основывается на постулате о существовании систем личностных смыслов, через призму которых каждый

человек воспринимает окружающую его действительность. Семантический дифференциал ассоциативного поля фитонимов, связанный с методом семантического дифференциала, можно представить в формате из антонимичных пар.

В современной теории ассоциаций в последнее время стали больше внимания уделять изучению текстообразующей роли словесных ассоциаций. Стимул и ассоциат как две крайние точки процесса ассоциирования, а также все то, что стоит между ними и за ними, можно трактовать как субъективный микроконтекст, или микротекст, обрабатываемый индивидуальным сознанием как в плане его понимания, так и в плане порождения. Действительно, в ассоциативном эксперименте поступки испытуемых можно квалифицировать как речевые акты, которые можно отнести к тем или иным текстам-примитивам; т.е. «языковая личность» проявляется на основе ассоциативного эксперимента и анализа лексикона, созданного личностью. Все это позволяет психолингвисту вскрыть лексико-семантические связи, существующие в сознании человека, и выявить некоторые фрагменты социально значимого лексикона. В частности, анализ реакций на слова-стимулы (в русском языке – *береза*, в чувашском языке – *йăмра* (ветла) показывает близкие ассоциаты для билингвов ЧР. Данная экспериментальная ситуация максимально приближена к естественному процессу порождения коммуникативных текстов-высказываний – случаи порождения ими не заданных специально экспериментатором реакций-предложений *береза – милое дерево*, *йăмра – чуна уşăлтара кан йывăç* около 1 % ответов и реакций-сказуемых (*береза /йăмра – близкое для души создание*) – 5,3 % ответов. Поведение информантов максимально приближено к естественному.

В анализе ассоциативных пары следует учитывать такие уровни, как

А) уровень конкретных ассоциатов:

1) уровень отношений, существующих между содержанием слов-ассоциатов. Все виды вербальных ассоциаций представляют собой случаи следующих типов:

а) ассоциации по смежности, не имеющие общих существенных признаков в своем содержании (*береза (хурӑн) – деревня (ял), дом (пӗрт), дорога (сул), поле (уй), река (юханишыв), озеро (кӗлӗ)* и др.),

б) ассоциации по сходству – ассоциаты, в которых содержание одного члена входит в содержание второго в качестве одного из признаков этого содержания (*береза – белая, стройная, кудрявая... стоит, растет, качается*);

2) уровень порождения ответов-реакций: если в непосредственных реакциях на слово-стимул ассоциативные пары имеют непосредственные отношения со словом-стимулом, то в опосредованных реакциях ассоциаты не имеют непосредственных отношений со словом-стимулом и связаны с ним посредством некоего третьего (формально не выраженного) члена (*береза (хурӑн) – листья (сулӑсем) – опадают (ӗкеҫсе)* и др.). В опосредованных реакциях встречаются ассоциации с совмещенными значениями, где виды отношений слова-реакции со словом-стимулом нечеткие (*дуб, осина (береза рядом с дубом, осиной; береза, дуб, осина – виды деревьев; тик (дерево – ткань – мышечное сокращение)* – многозначные (или омонимичные) слова, конкретные значения которых не могут быть выявлены вне контекста.

Б) уровень ассоциативного (текстового) поля: ассоциативные – функционально-семантические поля позволяют выявить целый ряд общих закономерностей в их устройстве, ибо ассоциативное поле как текстовый примитив является аналогом соответствующих ситуативно-тематических полей и на таком уровне элементы ассоциативного поля как по отношению к слову-стимулу, так и по отношению друг к другу объединяются на основе собственно тематических отношений (ассоциации *белая, стройная, зеленая, растет, стоит, плачет* ничуть не менее «тематичны», чем реакции *дерево, ствол, ро́ща*, и уже только в пределах тематических отношений проявляются в ассоциативном поле все остальные связи и отношения:

а) синонимические: *грустная – печальная (береза); тунсӑхлӑ – салху*

(хур^ан) и др.;

б) антонимические (*высокое – низкое (дерево), с^ул^лё – лутра (йыв^ас) корявая – стройная (сосна), ку^айр – яштака (хыр)*);

в) гипогиперонимические (*лес – лиственный лес, в^арман – с^ул^са^лл^а в^арман, осина – серебристая осина, а^йв^ас – к^ем^ел а^йв^ас* и др.).

Реакции на фитонимические стимулы, как семантические множители, отражают понятийный компонент рассматриваемой языковой картины мира. Следует отметить, что значимое место в структуре фитонимической картины мира принадлежит ценностному (эмоционально-оценочному) компоненту (результат ассоциативного эксперимента с заданием «Составьте синонимический ряд фитонимов, выражающих положительные и отрицательные эмоции человека» позволил полученные словесные ассоциации распределить по тематическим семантическим группам:

1) «человек легкомысленный, несерьезный»: *йыв^ас, тунката, турат* и др.;

2) «человек беспорядочный, бессовестный»: *к^елте, с^ел^е к^елти, а^раиш-тир^еш с^ын* и др.;

3) «человек жадный»: *хыт кукар, кассан та юн тухмасть, хыт п^арса, тим^ер п^арса* и др.

Семантические множители могут иметь когнитивные слои (совокупность признаков, отражающих сквозное членение содержания концепта по определенному когнитивному классификатору). Тот или иной когнитивный слой в структуре фитонимической картины мира (происходит акцентуация когнитивного слоя) может доминировать. Яркость когнитивных признаков может определить полевую стратификацию анализируемых нами фитонимов. В современный когнитивный слой могут войти признаки, присущие современному когнитивному сознанию народа. В частности, один и тот же ассоциативный ряд может быть связан с эмоциональными переживаниями (в частности, ассоциативное поле «дерево» включает в свой состав реакции, связанные как с положительными, так и с отрицательными

эмоциями – (+) *крепкое, ветвистое, живое* и др.; (–) *старое, сухое, гнилое* и др.).

Ассоциативный эксперимент позволяет выявить некоторые гендерные и возрастные особенности в восприятии исследуемых концептов, однако в зависимости от половой идентификации одни из этих концептов оказываются более значимыми по сравнению с другими, их семантическое наполнение различно:

а) ассортимент реакций у мужчин в целом шире и разнообразнее, чем у женщин: на стимул «растительные ареалы (*лес, бор...*)» мужчины дали 17 разных реакций (23 % от общего количества ассоциатов), женщины – 12 (19 %), на стимул «части растений L» у мужчин составляет 12 (28 %), а у женщин – 7 ассоциатов (19 %);

б) у реципиентов обоих полов явно преобладает однословный способ выражения реакций, но у женщин, по сравнению с мужчинами, выше процент описательных номинаций фитонимов концептов «береза», «калина», «рябина» и т.д. (в среднем 17 % против 15 %) (к примеру, реакция у женщин – *белая береза, стройная береза, белоствольная береза*, у мужчин – *дерево, почки, веник*) и т.д.;

в) если в качестве реакций в ответах реципиентов обоих полов субстантивные формы доминируют, то вербальные реакции у мужчин незначительно присутствуют, чем у информантов-женщин. Например: на стимул «ель» из 300 реципиентов женского пола 212 привели как ассоциаты имена, из 300 реципиентов мужского пола – 215;

г) у информантов-женщин реакции – вербальные компоненты отсутствуют, а у мужчин такие реакции присутствуют, хотя число их незначительно (*растет 12, посадить 2, срубить 2, спилить 1, стоит 1, стучать 1, упало 1, гулять 1, повырубили 1, шумел 1, хлещет 1, сохранить 1*) – это говорит о том, что у женщин взгляд на мир статический, а у мужчин – динамический.

В количественном отношении атрибутивных компонентов в реакциях у реципиентов-мужчин меньше, чем у женщин (13 % по сравнению с 23 %

у женщин). В качестве ассоциатов в описании концептов-фитонимов женщины используют чаще адъективные компоненты: *зеленый дуб* 12, *дремучий лес* 23, *темный лес* 27, *восхитительная береза* 22.

На основе измерения меры стандартности наиболее частой реакции можно описать гендерную конфигурацию L-языковой картины мира (в частности, в гендерной конфигурации L-фитонимической картины мира F1 на стимул «дуб» у женщин составляет 0,1, у мужчин 0,09; F1 на стимул «береза» соответственно 0,027 – 0,0523; на стимул «сосна» F1 у женщин 0,1973, у мужчин – 0,0517 и т.д. Стандартность наиболее частой реакции у женщин значительно выше, чем у мужчин, и это указывает на то, что ядро женского L составляет 1/3 ассоциатов, а у мужчин ядро конфигурации L небольшое, но периферия ядра синкретичная и пространная. Таким образом, комплексный ассоциативный эксперимент позволил выявить также гендерную специфику фитонимической картины мира в языковом сознании носителей русского и чувашского языков.

Полученные данные ассоциативного эксперимента служат практическим подтверждением полисегментности и многоуровневой структуры фитонимической картины мира в русском и чувашском языках и позволяют проверить некоторые теоретические положения, рассматриваемые в сопоставительной и когнитивной лингвистике в целом, поскольку ассоциативная связь определяется «культурой во всем ее многообразии».

Итак, мы констатируем, что матричный лингвистический фитонимический анализ – метод исследования при ассоциативном эксперименте по теме «Дендронимы», т.е. это исследование взаимосвязей между названиями фитонимов (ассоциатами), с их помощью мы можем провести матричное моделирование.

Ассоциат-фитоним – слово, словосочетание, появившееся в сознании испытуемого в ответ на произнесенное или написанное слово, и это регистрируется и фиксируется при матричном лингвистическом фитонимическом анализе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие картины мира (в том числе, естественная и языковая картина мира) вырастает из адекватных представлений человека о мире. Национальная языковая картина мира формируется в процессе отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира, возникает она в ходе исторического развития, вбирающего закономерности познания этого мира.

Концептосфера «Флора» содержит большой потенциал для изучения национальной языковой картины мира и национальной культуры. Фитонимическое пространство в сопоставляемых языках – в русском, чувашском и др. – подразумевает связанный с соответствующим денотатом «растение» фрагмент языковой картины мира; он обладает своими особенностями семантического развития, парадигматическими отношениями, представляющими собой «совокупность частных систем, или подсистем». Чтобы понять сущность того или иного вербально оформленного явления, необходим анализ техники его номинации, в диахронической формирующейся реальности языка. Лексический языковой субуровень объективирует фитонимическое пространство различными номинативными техниками. Среди понятий, связанных с рассмотрением этой проблемы, центральное место занимают понятия синхронического и диахронического подходов, образующие известное противоявление которого одинаково важен как для генетических, так и для типологических и ареальных исследований. При синхронной реконструкции конкретная форма слова предстает в виде конечного продукта определённого акта деривации. Однако синхронная реконструкция непосредственно связана с диахронической, так как язык динамичен; в связи с этим можно говорить о процессе диасинхронии, ибо развитие языка объясняется исторически и функционально.

Поморфемное членение фитонимов разных языков в данном исследовании производилось с целью воссоздания наиболее древнего облика

названий древесных растений. Семантическое варьирование многих односложных связанных корней фитонимов-номинантов в ряде языков позволяет констатировать: 1) семантические модели для древесно-кустарниковых растений во всех рассмотренных в работе языковых группах устойчивы, номинанты-фитонимы сохраняют в основном значения производящих основ; 2) фитонимическая лексика во всех языковых группах образуется аффиксацией (суффиксацией) от именных (очень редко от глагольных) основ (возможно, раньше общие основы (корни) функционировали в «чистом, простом», односложном виде (например, как др.-тюрк. *ī* «дерево»), но получили широкое распространение только после их аффиксации (суффиксации); 3) большей частью корни, как показывает поморфемное членение справа → налево, являются связанными, т.е. на современном этапе развития языков они не употребляются самостоятельно (чув. *юм-ан* «дуб», *пал-ан* «калина», *шай-ан* «шиповник», рус. *кал-ина*, *мал-ина*); на основе вычисления деривационных морфем выявлены во всех языковых группах одинаковые связанные корни: «р»-группа, «л»-группа, «в, к, г»-группы, «д, т»-группы, «м, н»-группы, «с, ж, ш, ч»-группы. Эти группы можно принять за языковые универсалии и доказать одинаковость эволюции структуры корней слов, относящихся к флористической терминологии; 4) модели именного словообразования фитонимов базируются в основном на односложных корнях, которые, естественно, в редких случаях могут быть расчленены. Модели именного коренного словообразования фитонимов в большинстве языков представлены типами ГС, СГ, СГС, ГСС, СГСС, где Г – гласный, С – согласный. Эти модели устойчивы во всех исследуемых нами языках.

В рамках фитонимического семантического микрополя, в рамках конкретной системы фитонимических терминов семантические сдвиги, регулярная многозначность («дерево» ↔ «лес»; «дерево» ↔ «часть дерева»; «лес, дерево» ↔ «материал» ↔ «изделие из дерева» и т.д.) строго лимитированы коррелятивными отношениями. В результате синхронного сопоставления и сравнения разноязычного материала данное явление может

быть интерпретировано как ряд или цепь универсальных семантических сдвигов и шагов. Синхронные универсальные семантические сдвиги могут быть представлены как диасинхронические, как последовательности изменения во времени. В исследовании установлен полный набор семем, относящихся к лексемам-фитонимам различных языков, и выявлен на этой основе ряд новых «семантических цепей», не отмеченных до сих пор в лингвистической литературе.

Выявление изосемантических моделей даёт возможность реконструировать строение семантики многозначных слов в фитонимическом пространстве русского, чувашского и других языков, направление развития семантических сдвигов, а затем, учитывая фактор системности, выработать методику изучения так называемых «семантических законов» разноструктурных языков.

Стереотипы фитонимов, послужившие основой для возникновения фразеологизмов и паремий, позволяют выявить закономерную связь между тем запасом сведений о природных явлениях, зафиксированным в фольклорных текстах, и тем объемом информации, который отражен в идиомах, актуальных для современной языковой личности. В ходе исследования фразеологизмов с компонентом-фитонимом были выделены такие дифференциальные их признаки, как эмоционально-аксиологический, компаративный, акциональность, статальность в оценке состояния субъекта и т.д. Обозначенные группы анализировались с точки зрения наличия в значении ФЕ мелиоративной / пейоративной, коннотативной семы, основанной на фитонимическом стереотипе. Результаты исследования показали, что в фитонимических стереотипах аккумулируется культурная аксиологически значимая информация эмоционально-оценочного характера. Метафорической основой фитокомпонентов, в семантике которых содержится смысловая нагрузка ФЕ, послужили обозначенные нами компоненты, репрезентирующие в языке набор универсальных общечеловеческих черт, а также определяющие образную мотивацию ФЕ.

Анализ фразеологических компаративных образов, формируемых фитонимами в русском и чувашском языках, наглядно продемонстрировал универсальность структурно-семантических моделей КФЕ (компаративных фразеологических единиц) и также их национальную специфику. Обозначенные компоненты свидетельствуют об избирательности фольклорного сознания, направленного на констатацию и репрезентацию в языке явных, наиболее значимых признаков фитонимов. Частные случаи совпадения коннотативных характеристик в сопоставляемых языках объясняются давними связями между народами, общностью мифологических представлений и интернациональных источников заимствования и общностью явлений окружающего мира, схожестью фауны, которая окружает носителей того или иного языка.

Культурный коннотативный потенциал слов-фитонимов, обусловленный фольклорным контекстом, основывается на мелиоративных (положительных) и пейоративных (отрицательных) стереотипных оценочных наращениях, отражающих семантические оппозиции: *калина* – «горькая судьба», «печаль»; *малина* – «сладкая жизнь», «веселое»; *черемуха* – «влюбленность»; *ракитов куст* – «знак печали, гибели»; *верба* – «наступающая весна», «здоровье»; ива – «тоска, печаль» и т.д. Источником обозначенных семантических оппозиций, которые реализуют культурную коннотацию посредством оценочных компонентов значения, послужил уходящий в историю народа, ментальную, духовную сферу стереотип «добро / зло», определяющий многомерность фрагментов фольклорной языковой картины мира. Функционирование семантического поля «фитонимы» в фольклорном дискурсе позволило обозначить ассоциативно-образный ореол, обусловленный системой фольклорного мира и его языка, а также выявить коннотативное содержание, аккумулирующие свойства, которые характеризуют особенности выявленных нами базисных номинантов-фитонимов.

Особое место в ряду базисных фитонимов в русской языковой картине

занимают лексемы *дуб*, *берёза*, а в чувашской – *дуб*, *ветла*, значимость которых подтверждается широким метафорическим потенциалом, обусловленным стереотипностью национального фольклорного сознания. Дуб как доминантная фитонимическая единица в русском и чувашском фольклорном дискурсе отражает народные стереотипы: «сила», «мощь», «крепость», «одиночество», «долголетие», «печаль», основанные на метафорическом осмыслении их дифференциальных компонентов: «многолетний характер», «внешние свойства», «крепкий характер ствола», «свойства растения как атрибута обрядовой деятельности». Так, связанный с фитонимом *дуб* круг представлений формирует образную систему русской и чувашской фольклорной языковой картины мира, помогает выявить особенности фольклорного сознания, связанные с мифологическими воззрениями. Основная мотивация употребления фитонима *ветла* в чувашском языке обусловлена распространенностью называемого растительного организма в природе родного края, а также отражение приобретенной в фольклорных контекстах смысловой значимости, служащей средством для передачи синтеза чувств, эмоций.

Положительное восприятие и метафорическое осмысление *берёзы* в русском фольклорном дискурсе фиксируют деминутивные формы: *берёзка*, *берёзонька*, *берёзынька*, а также колоративные константы: *белая*, *беленькая*, *кудрявая*, *кудреватая*, которые подчеркивают культовое представление о берёзе в народной культуре. В вербальной парадигматике *берёза* отражает стереотипный спектр значений: «девичество», «молодость», «жизненная сила», «красота», «стройность», «печаль», основанный на образном осмыслении мотивировочных признаков: «белый цвет ствола», «внешние признаки растения», «пышный, обильный характер листвы». Исследование семантических особенностей фитонимов-паремий подвело к закономерному изучению фольклорных идиом, поскольку они отражают значительную устойчивость в языковой системе паремиеологического пространства посредством выражаемого коннотативного значения и стереотипных

представлений, характеризующих отношение человека к растительному миру в славянской и тюркской культуре.

Фитонимы являются организаторами текстовой семантики как компоненты в структуре текста, обладающие единым значением и функцией и способные актуализироваться при его порождении и восприятии. Своей совокупностью образуют особую систему единиц текста, позволяющую связывать смысл текста с индивидуально-психологическими факторами или ментальными представлениями автора, а позднее читателя. Флористические текстовые единицы частично реализуют процесс языковой коммуникации автора и читателя, учитывая особенности современной действительности.

Флористические текстовые единицы в творческой картине мира русских и чувашских писателей обладают разноплановой системой способов выражения. Лексическое наполнение флористической текстовой единицы в большей степени отражает индивидуально-авторское восприятие природы, опираясь в то же время на традиционные представления о растительном мире. По лексической выраженности ключевых единиц, входящих в состав фитонимов, выделяются названия растений с ключевыми компонентами, называющими элементами ландшафта деревья и кустарники. Важную роль среди выделенных типов играют флористические текстовые единицы с ключевым словом <<лес>>, которое содержат в себе несколько типов информации: философскую, событийную, психологическую, символическую и др. С точки зрения грамматической выраженности ключевых компонентов продуктивными являются фитонимы, содержащие собирательные, уменьшительно-ласкательные формы существительных. Последние представляют собой одно из средств создания олицетворения растительного мира, которое является отличительной особенностью идиостиля тех и других писателей, а также представляют обилие переносных и образных значений слов при описании героев, событий.

Фитонимы как особый компонент в творчестве писателей играют важную роль не только в произведениях автора, но и отражают дальнейшее

развитие известной информации в системе языка. Они представляют собой чаще всего качественно характеризующие, переносные и образные значения при описании героев, событий, эпохи. Выделенные в работе классификационные типы фитонимов образуют единую систему, отображающую представления писателя о природе вообще и растительном мире в частности. Это позволяет говорить о способности тематической группы «растительный мир» к образованию новых словозначений и словоупотреблений, сохраняющих в большинстве своем образные, символические знания. Символический объем фитонимов в произведениях авторов воссоздает как известные общеславянские или общетюркские знания, так и фундаментальные для русского и чувашского народа ценности, содержащиеся в таких символах, как *сад, дерево, рябина, ива, берёза, осина* и др. Изучение подобного материала также позволяет сделать вывод о потенциале этих слов в создании идиостиля.

Через проведение ассоциативных экспериментов (АЭ) и построение на основе их результатов ассоциативно-вербальной сети в исследовании выявлены системность образа флористического мира носителей русской и чувашской культуры и тем самым система их культурных стереотипов. Исследование данных АЭ показало, что как само ассоциативное фитонимическое поле, так и его минимальная единица – ассоциативная пара – представляют собой достаточно сложные образования, истинная природа которых может быть понятна и объяснена лишь на основе комплексного изучения всех их существенных сторон на лингвистическом, психолингвистическом и психологическом уровнях.

Данные АЭ – благодатный материал для двуязычных или полиязычных ассоциативных словарей. Структура словарной статьи в двуязычном или полиязычном ассоциативном словаре должна быть построена в сопоставительном плане. Например, в русско-чувашской словарной статье за порядковым номером словарной статьи должен следовать слово-стимул и его перевод на русский язык (одним словом или, если необходимо,

несколькими словами); после чувашского ассоциата дается его русский перевод, являющийся более или менее нейтральным, общим по значению словом (при полисемии или омонимии приводятся два слова), причем при выборе русского эквивалента к чувашскому ассоциату прежде всего должна учитываться его ассоциативно-семантическая связь с исходным словом.

Ассоциативное поле, полученное в ходе ассоциативного эксперимента на множественную реакцию, показало себя как адекватный для поставленных нами целей исследования материал, способный иллюстрировать функционирование механизма отражения < характеристик, адресанта в высказывании (реакции). А современный уровень развития когнитивной лингвистики и наличие в её арсенале широкого инструментария для исследования самого разного лингвистического материала позволяют более широко привлекать подобный ассоциативный эксперимент к лингвистическим исследованиям.

Метод анализа ассоциативного поля на основе схемы (фрейма) – структуры для организации и представления знаний – позволил структурировать ассоциативное поле в соответствии с представленными там разными аспектами ситуаций действительности, связанных с референтом слова-стимула. Это делает данный метод пригодным для анализа ассоциативных полей, образованных самыми разными стимулами при ассоциативном эксперименте на множественную реакцию.

Список сокращений и условных обозначений

абаз. — абазинский

абх. — абхазский

авест. — авестийский

адыг. — адыгейский

азерб. — азербайджанский

азерб. диал. — диалект азербайджанского языка

алб. — албанский

алт. — алтайский

алт. диал. — диалект алтайского языка

англ. — английский

англосак. — англосаксонский (англосакский)

арм. — армянский

балк. — балкарский

балт. — балтийские

баск. — баскский

башк. — башкирский

башк. вост. — восточный диалект башкирского языка

башк. диал. — диалект башкирского языка

башк. К — башкирский (слово взято из «Башкирско-русского словаря»
Катаринского, 1899)

белорус. — белорусский

болг. — болгарский

болг. диал. — диалект болгарского языка

брет. — бретонский

булг. — болгарский

бурят. — бурятский
в.-луж. — верхнелужицкий
венг. — венгерский
венг. диал. — диалект венгерского языка
веп. — вепсский
вод. — водский
вост.-слав. — восточнославянские
гаг. — гагаузский
герм. — германские
гр. — греческий
др.-англ. — древнеанглийский
др.-булг. — древнебулгарский
др.-венг. — древневенгерский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-корн. — древнекорнский
др.-монг. — древнемонгольский
др.-прус. — древнепрусский
др.-рус. — древнерусский
др.-сакс. — древнесаксонский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-чаг. — древнечагатайский
др.-чув. — древнечувашский

зап.-фин. — западнофинские
индоевроп. — индоевропейские
инд. — индийские
иран. — иранские
ирл. — ирландский
исп. — испанский
ит. — итальянский; италийская группа языков
к.-балк. — кабардино-балкарский
к.-калп. — каракалпакский
к.-кирг. — каракиргизский
кааб-черк. — кабардино-черкесский
каз.-тат. — казанско-татарский
казах. — казахский
калм. — калмыцкий
карач. — карачаевский
карач.-балк. — карачаево-балкарский
карел. — карельский
кар.-тат. — караимско-татарский
кельт. — кельтские
кимр. — кимрский (валлийский)
к.-кирг. — каракиргизский
кирг. — киргизский
кирг. диал. — диалект киргизского языка
кор. — корейский
крым.-тат. — крымско-татарский

кумык. — кумыкский
лак. — лакский
лапл. — лапландский
лат. — латинский
латыш. — латышский
леб. — лебединский диалект алтайского языка
лезг. — лезгинский
лит. — литовский
луж. — лужицкий
макед. — македонский
манс. — мансийский
манс. в.-лозьв. — верхнелозьвинский диалект мансийского языка
маньчж. — маньчжурский
мар. — марийский
мар. Г. — горное наречие марийского языка
мар. Л. — луговое наречие марийского языка
монг. — монгольский
морд. — мордовские
морд. М. — мокшанско-мордовский
морд. Э. — эрзя-мордовский
нан. — нанайский
нег. — негидальский
нем. — немецкий
нен. — ненецкий
нивх. — нивхский

ног. — ногайский
н.-в.-нем. — нижневерхненемецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
н.-перс. — новоперсидский
общеперм. — общепермский
общеслав. — общеславянский
общетюрк. — общетюркский
ойр. — ойротский
ороч. (орок.) — орочский (орокский)
осет. — осетинский
осм. — османский
остяц. — остяцкие
п.-монг. — письменно-монгольский
пандж. — панджабский
перс. — персидский
полаб. — полабский
польск. — польский
пракельт. — пракельтский
праслав. — праславянский
прус. — прусский
рус. — русский
рус. диал. — диалект русского языка
саг. — сагайский диалект хакасского языка
самоед. — самоедский (самодийский)
сербохорв. — сербохорватский

серб. — сербский
санскр. — санскритский
слав. — славянские
словац. — словацкий
словен. — словенский
сол. — солонский
ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий
с.-в.-рус. — северновеликорусское наречие русского языка
ср.-иран. — среднеиранский
ср.-ирл. — среднеирландский
ср.-лат. — среднелатинский
ст.-кыпч. — старокыпчакский
ст.-слав. — старославянский
ст.-чув. — старочувашский
тадж. — таджикский
тат. — татарский
тат. бараб. — барабинский диалект татарского языка
тат. диал. — диалект татарского языка
тат. кас. — касимовский диалект татарского языка
тат. пенз. — пензенский диалект татарского языка
тат. том. — томский диалект татарского языка
тат. тюм. — тюменский диалект татарского языка
тел. — телеутский диалект алтайского языка
тоф. — тофаларский
тув. — тувинский

тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские
тур. — турецкий
тур. диал. — диалект турецкого языка
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркские
убых. — убыхский
уд. — удэ́йский
удм. — удмуртский
удэг. — удэгейский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
уйг. диал. — диалект уйгурского языка
укр. — украинский
ульч. ульчский
уря́нх. — урянхайский (старотувинский)
фин. — финский
франц. — французский
х.-монг. — халха-монгольский
хак. — хакасский
хак. кач. — качинский диалект хакасского языка
хант. — хантыйский
хет. — хеттский
ц.-слав. — церковнославянский
чаг. — чагатайский
чер. — черемисский (марийский)

чеш. – чешский

чув. – чувашский

чув. диал. – диалект чувашского языка

шваб. – швабский диалект немецкого языка

шор. – шорский

эвенк. – эвенкийский

эст. – эстонский

южнослав. – южнославянские

якут. – якутский

др.-яп. – древнеяпонский

АЦ – ассоциативная цепочка

БНФ – базисный номинат-фитоним

ГС (Г+С) – слово, созданное по модели «гласный + согласный»

МКМ – мифологическая картина мира

ПК – паремиелогическая конструкция

С – страница (езде)

СГ – семантическое гнездо

СГС (С+Г+С) – слово, созданное по модели «согласный + гласный + согласный»

ФЕ – фразеологическая единица

ФКМ – фитонимическая картина мира

ФТЕ – флористическая текстовая единица

ФЯКМ – флористико-языковая картина мира

ЯКМ – языковая картина мира

ЯКМЧ – языковая картина мира человека

прил. – прилагательное

тж – тоже

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов

МК – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк

Замахш. – Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб», I–II. М.-Л.
1938–1939 [Замахшари]

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков

Литература

Научные издания

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Т. 4. / В. И. Абаев. – Л. : Наука, 1958–1989. – 325 с.
2. Агапкина, Т. А. Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания / Т. А. Агапкина // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 29–43.
3. Азарх, Ю. С. О диахронических пластах и диалектных различиях в словообразовательной структуре лексико-семантической группы: (на материале фитонимической лексики) / Ю. С. Азарх // Диалектология и лингвогеография русского языка. – М., 1981. – С. 119–130.
4. Азарх, Ю. С. Словообразовательная структура названий однородных групп деревьев в русском языке / Ю. С. Азарх // Русские говоры. – М., 1975. – С. 234–252.
5. Аквазба, Е. О. Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М. М. Пришвина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Аквазба Екатерина Омаровна. – Тюмень, 2004. – 24 с.
6. Александров, С. А. Поэтика Константина Иванова: вопросы метода, жанра, стиля / С. А. Александров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 191 с.
7. Алешина, Л. В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии / Л. В. Алешина. – Орел : Изд-во ОГУ, 2001. – 172 с.
8. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян; АН СССР, Науч. совет по комплекс. проблеме «Кибернетика». – М.: Наука, 1974. – 367 с.
9. Апресян, Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Язык: система и функционирование: сб. науч. тр.

/ под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 1988. – С. 10–21.

10. Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 128 с.

11. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: в 6 кн. / Ю. Н. Караулов [и др.]; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: ИРЯ РАН, 1994–1998. – (Русский ассоциативный словарь). Кн. 3, 1996.

12. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Соврем. энцикл., 1969. – 605 с.

13. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

14. Ахметьянов, Р. Г. «Лес», «дерево» и «барс» у тюрков / Р. Г. Ахметьянов // Советская тюркология. – 1980. – № 5. – С. 87–95.

15. Ахметьянов, Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка / Р. Г. Ахметьянова. – Казань : Татарстан китап нәшрияты, 2001. – 272 с. – На татар. яз.

16. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1981. – 144 с.

17. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов; отв. ред. М. З. Закиев; АН СССР, Казан. фил., Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова. – М.: Наука, 1989. – 200 с.

18. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки: в 17 т. Т. 5 / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары : Руссика, 1994. – 424 с.

19. Бабушкин, А. П. Возможные миры в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 87 с.

20. Баешко, Л. С. Энциклопедия символов / Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко, А. Н. Гордиенко ; под ред. О. В. Перзашкевича. – М.: Эксмо; Смоленск: Наше слово, 2007. – 302 с.

21. Баскаков, Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: (структура слова и механизм агглютинации) / Н. А. Баскаков; отв.

ред. А.Н. Кононов; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1979. – 274 с.

22. Баскаков, Н. А. Ногайский язык и его диалекты: грамматика, тексты и словарь / Н. А. Баскаков; Акад. наук СССР, Институт языка и письменности. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – 272 с.

23. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. В 2 т. [Т]. 2. Фонетика и морфология. Ч. 1. Части речи и словообразование / Н. А. Баскаков; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 544 с.

24. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

25. Белецкий, А. А. Лексикология и теория языкознания: ономастика / А. А. Белецкий. – Киев: Киев. ун-т, 1972. – 209 с.

26. Белянин, В. П. Психолингвистика: учеб. / В. П. Белянин. – М.: Флинта: МПСИ, 2004. – 227 с.

27. Бенвенист, Э. Классификация языков / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике. – 1963. – Вып. 3. – С. 36–55.

28. Березкин, Ю. Е. Мифологические деревья в лесу культуры / Ю. Е. Березкин // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 3–18.

29. Бертагаев, Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков / Т. А. Бертагаев. – М.: Наука, 1974. – 382 с.

30. Бертагаев, Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках: о фузии, символизации, аналитизме, внутренней флексии, сингармонизме и многозначности аффиксов / Т. А. Бертагаев. – М.: Наука, 1969. – 183 с.

31. Бертагаев, Т. А. Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках / Т. А. Бертагаев // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 301–307.

32. Богатова, Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Г. А. Богатова. – М.: Наука, 1984. – 255 с.

33. Болдырев, Б. В. Словообразование имен существительных, обозначающих названия растений (на материале эвенкийского языка)

/ Б. В. Болдырев // Исследования по языкам народов Сибири: сб. науч. тр. - Новосибирск, 1976. – С. 52–57.

34. Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1977. – 264 с.

35. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: [в 2-х т.] / Л. З. Будагов. – Санкт-Петербург: Тип. императ. Акад. наук, 1869–1871. Т. 1, 1869. – 810 с.

36. Будаев, Ц. Б. О флористической терминологии (на материале бурятского, монгольского и калмыцкого языков) / Ц. Б. Будаев // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 3. – С. 80–88. – (Серия востоковедная).

37. Бурганова, Н. Б. О татарских народных названиях растений / Н. Б. Бурганова // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1976. – С. 125–142.

38. Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов ; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.

39. Бушаков, В. А. Тюркская этноонимия Крыма [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06 / Бушаков Валерий Анатольевич. – М., 1991. – 341 с. – Режим доступа:

<http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-ukraini&author=bushakov-va&book=1991&page>.

40. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 278 с.

41. Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем = Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Н. Р. Романов пухса хатёрленё. – 2-мёш кáларáм – Шупашкар: Чáв. кён. изд-ви, 2004. – 351 с.

42. Верховин, В. И. Деньги в русском фольклоре (опыт социологической интерпретации) / В. И. Верховин // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. – 1997. – № 4. – С. 113.

43. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы

/ В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.

44. Винокур, Т. Г. Речевой портрет современного человека / Т. Г. Винокур // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1982. – С. 361–370.

45. Владимирцов, Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке / Б. Я. Владимирцов // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Санкт-Петербург, 1911. – Т. XX. – Вып. II–III. – С. 153–184.

46. Вопросы ономастики. Вып. 8–9/ отв. ред. А. К. Матвеев. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1974. – 138 с.

47. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 79–95.

48. Воркачев, С. Г. К основаниям сопоставительной лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Лингвистика и межкультурная коммуникация : материалы региональной научной конференции – Волгоград, 2004. – С. 12–15.

49. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : [в 2 ч.] / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 1, 1984. – 428 с.

50. Ганиев, Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке / Ф. А. Ганиев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. – 231 с.

51. Гарипов, Т. М. Башкирское именное словообразование / Т. М. Гарипов. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1959. – 223 с.

52. Глинских, Г. В. Детерминативы в русской топонимике мансийского происхождения в бассейне реки Тавды / Г. В. Глинских // Вопросы ономастики : сб. ст. – Свердловск, 1974. – № 8–9. – С. 39–46.

53. Глухов, В. П. Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – М.: АСТ, Астрель, 2005. – 350 с.

54. Голованевский, А. Л. Лексическая неоднозначность слова и ее

отражение в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» / А. Л. Голованевский // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 82–88.

55. Гольдберг, В. Б. Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека / В. Б. Гольдберг // Концепт. Образ. Понятие. Символ. – Кемерово, 2004. – С. 6–21.

56. Гордеев, Ф. И. Этимологический словарь марийского языка: в 2 т. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979 – 1983. Т. 1. – 256 с.

57. Городецкая, Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях / Л. А. Городецкая // Теория коммуникации & прикладная коммуникация : сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Н. Розиной. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 28–37.

58. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – М.: Ин-т языкознания РАН; Харьков: РА-Каравела, 2001. – 316 с.

59. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 340 с.

60. Гуревич, П. С. Культурология : учеб. пособие / П. С. Гуревич. – М.: Знание, 1996. – 286 с.

61. Гуревич, П. С. Философская антропология / П. С. Гуревич, К. Б. Шокуев. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 317 с.

62. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1978–1980.

63. Дегтярёв, Г. А. Названия дикорастущих растений в низовом диалекте чувашского языка / Г. А. Дегтярёв // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. – Чебоксары, 1991. – С. 66–91.

64. Дегтярёв, Г. А. О номинации трав в чувашском языке / Г. А. Дегтярёв // Советская тюркология. – 1986. – № 1. – С. 75–78.

65. Дегтярев, Г. А. Чувашская народная агроботаническая терминология / Г. А. Дегтярев. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2002. – 135 с.

66.Денисова, И. М. «Ступай к этому древу лазоревому, влезь на него...»: (к вопросу об образе дерева в русских сказках) / И. М. Денисова // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 43–59.

67.Дехнич, О. В. Концепт «дерево» и языковая картина мира (на материале русского и английского языков) / О. В. Дехнич // Мир русского слова и русское слово в мире / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Sofia, 2007. – Т. 4: Язык, сознание, личность. Коммуникация на русском языке в межкультурной среде. – С. 68–72.

68.Дмитриев, Н. К. Грамматика кумыкского языка. / Н. К. Дмитриев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – 206 с.

69. Дмитриева, Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках / Л. В. Дмитриева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С. 135–191.

70.Дмитриева, Л. В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках / Л. В. Дмитриева // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – С. 151–223.

71.Дмитриева, Л. В. Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках / Л. В. Дмитриева // Проблема общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 152–160.

72.Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : моногр. / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.

73.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 1] / Ю. Дмитриева // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары, 1982. – С. 16–32.

74.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 2] / Ю. Дмитриева // Этимологические исследования по чувашскому языку. – Чебоксары, 1984. – С. 33–54.

75.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений

в чувашском языке. [Ч. 3] / Ю. Дмитриева // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. – Чебоксары, 1986. – С. 43–64.

76.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 4] / Ю. Дмитриева // Чувашский язык: история и этимология. – Чебоксары, 1987. – С. 65–82.

77.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 5] / Ю. Дмитриева // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. – Чебоксары, 1988. – С. 36–55.

78.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 6] / Ю. Дмитриева // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. – Чебоксары, 1991. – С. 14–32.

79.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 7] / Ю. Дмитриева // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1997. – Вып. 5. – С. 36–61.

80.Дмитриева, Ю. К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. [Ч. 8] / Ю. Дмитриева // Чувашский язык: история и современность. – Чебоксары, 1994. – С. 43–66.

81.Дмитриева, Ю. К этимологии некоторых чувашских фитонимов / Ю. Дмитриева // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. – Чебоксары, 1986. – С. 143–151.

82.Дмитриева, Ю. Названия деревьев в чувашском языке / Ю. Дмитриева // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. – Чебоксары, 1980. – С. 28–37.

83.Дмитриева, Ю. Семантические параллели в составных наименованиях растений / Ю. Дмитриева // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. – Чебоксары, 1988. – С. 120–123.

84.Дмитриева, Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений: (сравнительно-исторический и ареальный аспекты) / Ю. Дмитриева. – Debrecen : Debreceni Egyetem Kossuth Egyetemi Kiadoja, 2001. – 211 с.

85.Добродомов, И. Г. Загадочная параллель: *бур (бор)* орхонских рунических надписей и *борь* (< **брь*) «Повести временных лет» / И. Г. Добродомов // Turcologica. – Л., 1976. – С. 241–246.

86.Добродомов, И. Г. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие *s ~ š*) / И. Г. Добродомов // Советская тюркология. – 1971. – № 2. – С. 81–92.

87.Дондуков, У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. – 246 с.

88.Древнетюркский словарь / Институт языкознания АН СССР. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.

89.Дроботун, А. В. Поэтика лексики обоняния в художественной прозе М. А. Шолохова / А. В. Дроботун // Текст. Структура и семантика: докл. X Юбилей. междунар. конф. – М., 2005. –Т. 2. – С. 51–60.

90.Дыбо, А. В. Заключение / А. В. Дыбо // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2006. – [Т. 6]: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – С. 818–821.

91. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период / А. В. Дыбо. – М.: Вост. лит., 2007. – 222 с.

92.Дыбо, А. В. О некоторых языковых контактах пратюркского и раннетюркского периода / А. В. Дыбо // Тюркские языки: проблемы исследования. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 57–64.

93.Дыбо, А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2006. – [Т. 6]: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – С. 766–811.

94.Егоров, В.Г. Этимологический словарь чувашского языка

/ В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 356 с.

95. Егоров, Н. И. Историческое развитие чувашской лексики / Н. И. Егоров // Современный чувашский литературный язык. – Чебоксары, 1990. – Т. 1. – С. 128–145.

96. Егоров, Н. И. Чувашская мифология / Н. И. Егоров // Культура Чувашского края: учеб. пособие. – Чебоксары, 1994. – Ч. 1. – С. 109–146.

97. Ермолов, А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / А. С. Ермолов; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. – 880 с.

98. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М.: Русский язык, 1993. – 538 с.

99. Загоровская, О. В. Образный компонент в значении слова / О. В. Загоровская // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1983. – С. 16–20.

100. Зайончковский, А. А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках / А. А. Зайончковский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 28–35.

101. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 382 с.

102. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 323 с.

103. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1968. – 336 с.

104. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.

105. Иванов, Ип. Поэт йӓмри / Ип. Иванов // Кӓрешӓсӓсем, сӓнтерӓсӓсем. – Шупашкар, 1976. – С. 107–112.

106. Иллич-Свитыч, В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) / В. М. Иллич-Свитыч // Этимология. 1965. – М., 1967. – С. 321–373.

107. Иллич-Свитыч, В. М. Опыт сравнения ностратических языков: (семитохамит., картвел., индоевроп., урал., дравидий., алт.): [в 3 т.] / В. М. Иллич-Свитыч; под ред. В. А. Дыбо; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1971. – 412 с.
108. Исаев, Ю. Н. Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем / Ю. Н. Исаев. – Чебоксары : Изд-во ЧГУ, 2010. – 256 с.
109. Исаев, Ю. Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков) / Ю. Н. Исаев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 191 с.
110. Исаев, Ю. Н. Флористическая терминология в языках Туранского союза / Ю. Н. Исаев. – Астана : Сарыарка, 2011. – 267 с.
111. Исаев, Ю. Н. Ассоциативный эксперимент на материале чувашских дендронимов / Ю. Н. Исаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 50 с.
112. Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука. 1979. – 262 с.
113. Кавинкина, И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка: анализ гендерных стереотипов в коммуникации [Электронный ресурс] / И. Н. Кавинкина. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2003 – Режим доступа – elib.grsu.by/katalog/170844-384697.pdf
114. Кайдаров, А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке / А. Т. Кайдаров. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 328 с.
115. Камалов, А. А. Система обозначения, ареалы и терминология топонимии Башкирии / А. А. Камалов // Советская тюркология. – 1984. – № 3. – С. 31–40.
116. Карасик, В. И. Лингвистика текста и анализ дискурса: учеб. пособие / В. И. Карасик. – Архангельск; Волгоград: Перемена, 1994. – 36 с.
117. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж,

2001. – С. 75–80.

118. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: ИТДК «Гнозис», 2004. – 390 с.

119. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – 180 с.

120. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

121. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – 168 с.

122. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение / А. П. Клименко. – Минск: Гос. пед. ин-т иностр. яз., 1974. – 287 с.

123. Ковтунова, И. И. Структура художественного текста и новая информация / И. И. Ковтунова // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 262–275.

124. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург: Петербург. востоковедение, 2006. – 624 с.

125. Комлев, Н. Г. Иностранное слово в деловой речи : крат. слов. новых слов с пер. и толкованием / Н. Г. Комлев. – М.: МКДЦИ, 1992. – 127 с.

126. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 192 с.

127. Комлев, Н. Г. Словарь новых иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 142 с.

128. Кононов, А. Н. Грамматика тюркских рунических памятников VII–IX вв. / А. Н. Кононов. – Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1980. – 255 с.

129. Кононов, А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках: сравн.-ист. этюд. / А. Н. Кононов. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. – 32 с.

130. Константинова, О. А. К характеристике лексического комплекса «очаг → жилище → народ» в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках / О. А. Константинова // Проблема общности алтайских

языков. – Л., 1971. – С. 164–175.

131. Кормушин, И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках / И. В. Кормушин // Тюркская лексикология и лексикография. – М., 1971. – С. 9–29.

132. Корнилов, Г. Е. Евразийские лексические параллели: учеб. пособие: [в 2 ч. Ч. 1.] / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары: [Чуваш. ун-т], 1973. – 297 с.

133. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов ; под ред. Н. А. Баскакова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 184 с.

134. Котвич, В. Л. Исследование по алтайским языкам / В. Л. Котвич. – М.: Наука, 1962. – 367 с.

135. Котова, М. А. Фразеологический словарь русского языка для школьников / М. А. Котова. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 704 с.

136. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: моногр. / Н. А. Красавский. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.

137. Красных, В. В. От концепта к тексту и обратно / В. В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.

138. Крикманн, А. Паремиологические эксперименты Г. Л. Пермякова / А. Крикманн; под ред. С. Мурумetsa. – Таллин: АН Эст. ССР. Отд-ние обществ. наук, 1986. – 60 с.

139. Круглый год: рус. земледел. календарь / [сост. А. Ф. Некрылова]. – М.: Правда, 1991. – 496 с.

140. Крысько, В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 320 с.

141. Куайн, У. В. О. Слово и объект / У. В. О. Куайн ; пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. – М.: Праксис : Логос, 2000. – 386 с.

142. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

143. Куданова, З. М. Определитель высших растений Чувашской АССР / З. М. Куданова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 344 с.
144. Кулакова, Н. И. Внутренние и внешние связи в семантике слова («экспериментальное исследование на материале русского языка») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кулакова Наталья Игоревна. – Санкт-Петербург, 2004. – 185 с.
145. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
146. Ламетри, Ж. О. Сочинения / Ж. О. Ламетри ; общ. ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. – М.: Мысль, 1976. – 551 с.
147. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 225 с.
148. Ларин, Б. А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького / Б. А. Ларин // Словоупотребление и стиль М. Горького : сб. ст. – Л., 1962. – С. 3–11.
149. Ларин, Б. А. Теория и критика перевода / Б. А. Ларин. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1962. – 168 с.
150. Лебедева, Е. А. К этимологии чувашских названий рыболовных снастей / Е. А. Лебедева // Исследования по этимологии чувашского языка. – Чебоксары, 1981. – С. 111–127.
151. Левитская, Л. С. Историческая морфология чувашского языка / Л. С. Левитская. – М.: Наука, 1976. – 206 с.
152. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 288 с.
153. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
154. Лигети, Л. Алтайская теория и лексикостатистика / Л. Лигети // Вопросы языкознания. – 1971. – № 3. – С. 21–33.
155. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф: тр. по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

156. Лурия, А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем / А. Р. Лурия, О. С. Виноградова // Семантическая структура слова. – М., 1971. – С. 27–63.
157. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. – 386 с.
158. Львов, А. С. Славянские слова с корнем *chal-chol* / А. С. Львов // Этимологические исследования по русскому языку. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 27–38.
159. Майзель, С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков / С. С. Майзель. – М.: Наука, 1983. – 308 с.
160. Макаев, Э. А. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания / Э. А. Макаев // Вопросы языкознания. – 1965. – № 4. – С. 6–11.
161. Макаев, Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках / Э. А. Макаев. – М.: Наука, 1970. – 287 с.
162. Маковский, М. М. Теория лексической аттракции: опыт функциональной типологии лексико-семантических систем / М. М. Маковский. – М.: Наука, 1971. – 252 с.
163. Максимов, В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке / В. И. Максимов. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1975. – 224 с.
164. Максютлова, Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении / Н. Х. Максютлова. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
165. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности : тексты и исслед. / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
166. Маркс, К. Сочинения. Т. 14 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1959. – 898 с.
167. Маркс, К. Сочинения. Т. 12 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1958. – 879 с.

168. Мартинович, Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93–99.
169. Мартынов, В. В. Язык в пространстве и времени / В. В. Мартынов. – М.: Наука, 1983. – 243 с.
170. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
171. Маслова, В. А. Лингвокультурология и проблемы преподавания русского языка / В. А. Маслова // Русский язык в образовательном пространстве Центральноазиатского региона СНГ : междунар. науч.-практ. конф. – Бишкек, 2007. – С. 96–101.
172. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 203 с.
173. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
174. Матвеев, А. К. Субстратная топонимика Русского Севера / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 64–83.
175. Матвеев, Г. М. Мифоязыческая картина мира этноса (на примере мифов и языческой религии чувашского народа) : моногр. / Г. М. Матвеев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – 392 с.
176. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М.: Гос. социал.-экон. изд-во, 1938. – 510 с.
177. Мейе, А. Общеславянский язык : пер. с фр. / А. Мейе; под ред. С. Б. Бернштейна. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.
178. Меркулова, В. А. К этимологии слова *пихта* / В. А. Меркулова // Этимологические исследования по русскому языку. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 46–51.
179. Меркулова, В. А. Несколько диалектных названий растений / В. А. Меркулова // Этимология. 1965. – М., 1967. – С. 153–160.

180. Меркулова, В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений / В. А. Меркулова // Этимология. 1964. – М., 1965. – С. 72–87.
181. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений / В. А. Меркулова. – М.: Наука, 1967. – 260 с.
182. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 182 с.
183. Мокиенко, В. М. Большой словарь народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 799 с.
184. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
185. Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтай. кн. изд-во, 1979. – 400 с.
186. Морозов, И. А. Корни дерева: интерпретации архетипического образа «дерева» в современном кинематографе / И. А. Морозов // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 60–72.
187. Морфологическая структура слова в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1963. – 291 с.
188. Мурзаев, Э. М. Гора – лес / Э. М. Мурзаев // Русская речь. – 1967. – № 1. – С. 80–82.
189. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
190. Мусаев, К. М. Лексикология тюркских языков / К. М. Мусаев. – М.: Наука, 1984. – 227 с.
191. Мусаев, К. М. Некоторые вопросы лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков / К. М. Мусаев // Тюркологические исследования. – М., 1976. – С. 138–150.
192. Мухамедова, Р. Г. Татары-мишары / Р. Г. Мухамедова. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
193. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт

психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1990. – 106 с.

194. Надеяев, В. М. Современный монгольский язык. Морфология / В. М. Надеяев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 113 с.

195. Напольских, В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи / В. В. Напольских // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 19–28.

196. Народные приметы: хотите – верьте, хотите – проверьте / авт.-сост. Н. А. Мустаев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. – 208 с.

197. Народный месяцеслов: пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / [сост. и авт. ввод. текстов Г. Д. Рыженков; вступ. ст. и слов. А. Н. Розова]. – М.: Современник, 1992. – 127 с.

198. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 311(1, 2, 3, 4, 5, 6). Инв. № 2166. 1503 л. Н. Васильев (Ытарай). Чувашские народные пословицы (Чăваш халăх каларăшĕсем).

199. Невская, Л. Г. Балтийская географическая терминология / Л. Г. Невская. – М.: Наука, 1977. – 228 с.

200. Никитин, М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании: спецкурс по общ. и англ. лексикологии / М. В. Никитин. – Владимир: Владим. пед. ин-т, 1974. – 222 с.

201. Никитин, М. В. Лексическое значение слова: (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1983. – 125 с.

202. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 508 с.

203. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – 2-е изд., испр. – Минск: Кн. дом, 2001. – 1279 с.

204. Норманская, Ю. В. Географическая локализация пратюрков по данным флористической лексики. I / Ю. В. Норманская // Алтайские языки и восточная филология : памяти Э. Р. Тенишева. – М., 2005. – С. 300–325.

205. Норманская, Ю. В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики / Ю. В. Норманская // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции. – М., 2006. – Т. 6. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – С. 387–435.
206. Норманская, Ю. В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинно-угорского, прафинно-пермского, праугорского, прафинно-волжского) / Ю. В. Норманская // Аспекты компаративистики. – М., 2007. – Т. 3. – С. 716–717.
207. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1973. – 318 с.
208. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
209. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
210. Ономастика Востока : сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т этнографии. – М.: Наука, 1980. – 286 с.
211. Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / под ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1972. – 362 с.
212. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков / отв. ред. О. П. Суник. – Л.: Наука, 1978. – 270 с.
213. Павел, В. К. Лексическая номинация: на материале молдавских народных говоров / В. К. Павел ; отв. ред. Р. Я. Удлер. – Кишинев: Штиинца, 1983. – 231 с.
214. Павилёнис, Р. И. Понимание речи и философия языка / Р. И. Павилёнис // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. –

С. 380–389.

215. Павилёнис, Р. И. Язык. Смысл. Понимание / Р. И. Павилёнис // Язык. Наука. Философия: логико-методологический и семиотический анализ. – Вильнюс, 1986. – С. 212–289.

216. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. ИONOва. Вып. 1–13 / Э. К. Пекарский. – Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1907–1930.

217. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. – М., 1975. – С. 247–274.

218. Пермяков, Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г. Л. Пермяков // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М., 1978. – С. 105–135.

219. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1988. – 235 с.

220. Пермяков, Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока: систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1979. – 671 с.

221. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – М.: Моск. гос. ун-т, 1997. – 245 с.

222. Язык. Текст. Дискурс: науч. альм. Вып. 5 / РАЛК, Ставроп. отделение; под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – 312 с.

223. Пискунова, С. В. Семантика грамматической формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Пискунова Светлана Владимировна. – Тамбов, 2002. – 54 с.

224. Плетнева-Соколова, А. Д. Русско-чувашский словарь названий растений, произрастающих на территории Чувашии = Ёсен-тӑран ячӑсен вырӑсла-чӑвашла словарь / А. Д. Плетнева-Соколова, А. Н. Львова,

К. С. Дмитриевна. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 28 с.

225. Погодовой год припоминается: рус. нар. земледел. календарь / сост. Б. М. Ховратович. – Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1992. – 206 с.

226. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.

227. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

228. Поповичева, И. В. Лингвокраеведение: учеб. пособие для 8–9 классов общеобразовательных учреждений / И. В. Поповичева, С. В. Пискунова, А. С. Щербак. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2005. – 187 с.

229. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. – Харьков: Изд-во М. В. Потебни, 1899. – 663 с.

230. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.

231. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак / И. В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.

232. Проблема исторической лексикологии чувашского языка : сб. ст. – Чебоксары: НИИ яз., лит., истории и экономики, 1980. – 159 с.

233. Проблема общности алтайских языков / Институт языкознания АН СССР; ред. О. П. Суник. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. – 404 с.

234. Психология XXI века: учеб. для вузов / под ред. В. Н. Дружинина. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 863 с.

235. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова = Versuch eines Wörterbuches der türk dialecte von Dr W. Radloff : в 4 т. / В. В. Радлов. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 8495 с.

236. Рамstedт, Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология / Г. И. Рамstedт. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 255 с.

237. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
238. Романова, Г. Я. Наименования мер длины в русском языке / Г. Я. Романова. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
239. Ромбандеева, Е. Этимология названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых географических терминов в мансийском языке / Е. Ромбандеева // Финно-угроведение. – 2000. – № 2. – С. 86–90.
240. Рыбаков, Б. А. Народный календарь / Б. А. Рыбаков. – Чебоксары: Тип. № 1, 1993. – 48 с.
241. Рясянен, М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / М. Рясянен ; пер. с нем. А. А. Юлдашева; предисл. Н. А. Баскакова. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 221 с.
242. Сабанеев, Л. П. Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб. В 2 т. Т. 1 / Л. П. Сабанеев. – М.: А. А. Карцев, 1892. – 405 с. : ил.
243. Саберова, Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке / Г. Г. Саберова. – Казань: ИЯЛИ, 1996. – 130 с.
244. Савенко, А. Г. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: фитонимы / А. Г. Савенко. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 192 с.
245. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 2002. – 240 с.
246. Сальникова, Н. Н. О регулярной лексической полисемии / Н. Н. Сальникова // Слово и предложение : респуб. сб. – Горький: Горьков. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1977. – С. 73–80.
247. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1989. – 184 с.
248. Сахарный, Л. В. К тайнам мысли и слова / Л. В. Сахарный. – М.: Просвещение, 1983. – 160 с.

249. Севортян, Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования / Э. В. Севортян ; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1962. – 643 с.
250. Севортян, Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования / Э. В. Севортян. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1966. – 437 с.
251. Севортян, Э. В. О случаях падения начальных согласных в тюркских языках / Э. В. Севортян // *Turcologica*: к семидесятилетию академика А. Н. Кононова. – Л., 1976. – С. 148–156.
252. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
253. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э. В. Севортян ; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
254. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / Э. В. Севортян; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1980. – 395 с.
255. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й» / [Э. В. Севортян, Л. С. Левитская]; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
256. Седакова, О. А. Метафорическая лексика погребального обряда: материалы к словарю / О. А. Седакова // *Славянское и балканское языкознание: проблемы лексикологии*. – М., 1983. – С. 204–220.
257. Семенова, А. Б. Фитонимия карачаево-черкесского языка [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Семенова Аминат Биляловна. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/fitonimiya-karachaevo-balkarskogo-yazyka>
258. Семенова-Тянь-Шанская, А. И. Мир растений и людей

- / А. И. Семенова-Тянь-Шанская. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 173 с.
259. Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи; пер. с нем. Б. А. Абрамова; под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.
260. Семиотика: антол. / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2001. – 702 с.
261. Сергеев, В. И. Развитие лексической семантики чувашского языка: основные тенденции / В. И. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. – 175 с.
262. Серебренников, Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
263. Серебренников, Б. А. О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1982. – № 4. – С. 3–13.
264. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 247 с.
265. Серебренников, Б. А. Существовали ли в протоуральском языке именные классы / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1969. – № 3. – С. 12–23.
266. Серебренников, Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1974. – 351 с.
267. Сидоркова, Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия / Г. Д. Сидоркова. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. – 250 с.
268. Сидоркова, Г. Д. Прагматические функции поговорок и пословиц / Г. Д. Сидоркова. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. – 145 с.
269. Сидорова, Е. С. Сăнавсемпе паллăсем / Е. С. Сидорова. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1995. – 154 с.
270. Скворцов, М. И. О некоторых особенностях чувашских народных названий растений / М. И. Скворцов // Тюркская лексикология и

лексикография. – М., 1971. – С. 264–275.

271. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева [и др.]. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004. – 792 с.

272. Словарь ассоциативных норм русского языка / Институт рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Моск. гос. ун-т, 1977. – 192 с.

273. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Институт рус. яз., Словар. сектор. – М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1965–1982.

274. Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2 500 слов. ст. / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.

275. Советский энциклопедический словарь: ок. 40 000 слов / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Совет. энцикл., 1988. – 1600 с.

276. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М., 1933. – 278 с.

277. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. с фр. яз. под. ред. А. А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

278. Спиркин, А. Г. Основы философии: учеб. пособие для вузов / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1988. – 592 с.

279. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 558 с.

280. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. слов.: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975–1977.

281. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский; предисл. Г. А. Богатовой. – Репр. изд. – М.: Книга, 1989. Т. 3. Ч. 1 (Р–С). – 910 с.

282. Старинин, В. П. Изосемантические ряды / В. П. Старинин // Проблемы семантики. – М., 1974. – С. 349–354.

283. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь: [более 3 000 лингвист. терминов и понятий] / В. Д. Стариченок. – Ростов на/Д : Феникс, 2008. – 810 с.
284. Стеблин-Каменский, М. И. Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений / М. И. Стеблин-Каменский. – М.: Наука, 1982. – 165 с.
285. Стеблин-Каменский, М. И. Флора иранской прародины: этимологические заметки / М. И. Стеблин-Каменский // Этимология. 1972. – М., 1974. – С. 138–140.
286. Степанов, В. Русские пословицы и поговорки от А до Я: слов.-игра / В. Степанов. – М.: АСТ-Пресс, 1998. – 240 с.
287. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. – 824 с.
288. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58–64.
289. Стернин, И. А. Основные компоненты структуры концепта и проблема сопоставления концептов / И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2008. – Вып. 10. – С. 4–23.
290. Суник, О. П. К актуальным проблемам алтаистики / О. П. Суник // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 18–30.
291. Суник, О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках: в сравнении с другими алтайскими языками / О. П. Суник; отв. ред. С. Н. Иванов. – Л.: Наука, 1982. – 247 с.
292. Сыромятников, Н. А. Как отличать заимствования от исконных общностей в алтайских языках? / Н. А. Сыромятников // Вопросы языкознания. – 1975. – № 3. – С. 50–61.
293. Сыромятников, Н. А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках / Н. А. Сыромятников // Проблема общности алтайских языков. – Л., 1974. – С. 51–64.

294. Сыромятников, Н. А. О лексике, общей у японского языка с индонезийским и тагальским языками / Н. А. Сыромятников // Вопросы японской филологии. – М., 1970. – Вып. 1. – С. 109–119.
295. Сыромятников, Н. А. Семантические компоненты родственных корней в японском языке / Н. А. Сыромятников // Проблемы семантики. – М., 1974. – С. 355–364.
296. Тарланов, З. К. Язык. Этнос. Время: очерки по русскому и общему языкознанию / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1993. – 222 с.
297. Татар теленен диалектологик сузлеге. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1969. – 643 с.
298. Татаринцев, Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке / Б. И. Татаринцев; Тувинский НИИ яз., лит. и истории. – М.: Наука, 1987. – 198 с.
299. Татищев, В. Н. История Российская. В 7 т. Т. 2 / В. Н. Татище; под ред. С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова; Акад. наук СССР, Институт истории, Ленингр. отделение. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 349 с.
300. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева; АН СССР, Институт языкознания – М.: Наука, 1986. – 142 с.
301. Тенишев, Э. Р. Перебой S/š в тюркских рунических памятниках / Э. Р. Тенишев // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 283–295.
302. Тепляшина, Т. И. Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках / Т. И. Тепляшина // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. – М., 1978. – С. 266–325.
303. Терёшкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терёшкин. – Л.: Наука, 1981. – 543 с.
304. Тодаева, Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: материалы

и словарь / Б. Х. Тодаев. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

305. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1969. – 262 с.

306. Топоров, В. Н. Прусский язык: слов. В 5 т. Т. 2: Е-Н / В. Н. Топоров; отв. ред. В. В. Иванов. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

307. Трофимов, А. А. Орнамент чувашской народной вышивки / А. А. Трофимов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. – 110 с.

308. Трубачев, О. Н. Из работы над русским Фаснером / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 15–24.

309. Тульцева, Л. А. Рябина в народных поверьях / Л. А. Тульцева // Советская этнография. – 1976. – № 5. – С. 88–99.

310. Туманян, Э. Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке / Э. Г. Туманян. – М.: Наука, 1978. – 369 с.

311. Убийко, В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики / В. И. Убийко // Виноградовские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: тез. докл. науч. конф. – М., 1999. – С. 52–53.

312. Убийко, В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: комплекс. функцион.-когнитив. слов. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1998. – 232 с.

313. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. – М., 1996. – С. 139–161.

314. Уфимцева, Н. В. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н. В. Уфимцева [и др.]. – М.: Ин-т яз. РАН, 2004. – 800 с.

315. Уфимцева, Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65–71.

316. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского

языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2007. – 1239 с.

317. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964–1973.

318. Фаттахова, Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования [Электронный ресурс] / Н. Н. Фаттахова. – Казань, 2009. – 210 с. – Режим доступа: <http://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F2144969873/%CC%C8%CD%C8.DOC>.

319. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 1. (А–Р). – 470 с. Т. 2. (С–Я). – 509 с.

320. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523–538.

321. Философский словарь: основан Г. Шмидтом / пер. с нем.; под ред. Г. Шишкоффа ; общ. ред. В. А. Малинина. – 22-е новое, перераб. изд. – М.: Республика, 2003. – 576 с.

322. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 321 с.

323. Фрумкина, Р. М. «Язык и мышление» как проблема лингвистического эксперимента / Р. М. Фрумкина // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 3. – С. 225–236.

324. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 320 с.

325. Хайдаков, С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков / С. М. Хайдаков. – М.: Наука, 1973. – 179 с.

326. Хайрутдинова, Г. А. Эстетика морфологических средств русского языка / Г. А. Хайрутдинова ; под ред. Э. А. Балалыкиной. – Казань: КГУ, 2004. – 164 с.

327. Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2010. – 453 с.
328. Цинциус, В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского языка). Ч. 1: Фонетика и морфология. – Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1947. – 271 с.
329. Цинциус, В. И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков / В. И. Цинциус // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С. 3–17.
330. Чăваш поэзийĕн антологийĕ. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1962. – 580 с.
331. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 6 томпа тухать. 6-мĕш т., 2-мĕш пайĕ: Мифсемпе халапсем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. – 448 с.
332. Чăвашла-вырăсла словарь: 40 000 сăмаха яхăн / М. И. Скворцов ред. – 2-мĕш, улăштарман кăларăм. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.
333. Черкасова, Г. А. Опыт использования информационной технологии «ассоциативный эксперимент» / Г. А. Черкасова; под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. – М.; Калуга, 2005. – С. 227–244.
334. Черкасова, Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь / Г. А. Черкасова. – М.: Институт языкознания РАН, 2008. – 194 с.
335. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени /Л. О. Чернейко. – М.: Моск. гос. ун-т, 1997. – 320 с.
336. Чернов, М. Ф. Субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-эмоциональной функцией в чувашском языке / М. Ф. Чернов // Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары, 1981. – С. 72–103.
337. Чернов, М. Ф. Фразеология современного чувашского языка / М. Ф. Чернов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 176 с.
338. Чернов, М. Ф. Паха пособи. В. И. Сергеевăн «Хальхи чăваш чĕлхи. Лексика тата лексикологи. Семантика тата семасиологии» (Вĕренÿ

пособийё. Шупашкар, 2000) кёнеки җинчен рецензи // «Ульяновец хаҗат, 2001. Ноябрь.

339. Шагиров, А. К. Этимологический словарь адыгейских (черкесских) языков: в 2 т. / А. К. Шагиров. – М.: Наука, 1977.

340. Шагиров, А. К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков / А. К. Шагиров ; отв. ред. Г. А. Климов. – М.: Наука, 1982. – 164 с.

341. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 541 с.

342. Шмелёв, Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Д. Н. Шмелёв. – М.: Яз. славян. культур, 2002. – 888 с.

343. Щерба, Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба; под. ред. В. А. Звегинцева // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: [в 2-х ч.]. – М., 1965. – Ч. 2. – С. 361–373.

344. Щерба, Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку / АН СССР, Отделение литературы и языка. – М., 1957. – С. 97–109.

345. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: имя / А. М. Щербак; отв. ред. С. Н. Иванов; Институт языкознания АН СССР. – Л.: Наука, 1977. – 192 с.

346. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак; отв. ред. член-корр. АН СССР А. Н. Кононов; Институт языкознания АН СССР. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.

347. Щирова, И. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – Санкт-Петербург: Кн. дом, 2006. – 172 с.

348. Эвенкийско-русский словарь: содержит ок. 25000 слов: с прил. и

граммат. очерком эвенк. яз. / сост. Г. М. Василевич. – М.: ГИС, 1958. – 803 с.

349. Электронный ресурс: Исаев Ю. Н. История изучения флористической терминологии в языках различных систем // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3. С. 220–232. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-floristicheskoy-terminologii-v-yazykah-razlichnyh-sistem>

350. Электронный ресурс: Исаев Ю. Н. Морфемная структура слов со значением «лес» в уральских языках // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 260–262. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/morfemnaya-struktura-slov-s...>

351. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзаж. образов в рус. поэзии / М. Н. Эпштейн. – М.: Высш. шк., 1990. – 304 с.

352. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1963–1985.

353. Этимологический словарь славянских языков / под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Вып. I-XXXIV. – М.: Наука, 1974–2004.

354. Языковая номинация: (общие вопросы) / [А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред. Серебренников Б. А.]; АН СССР, Ин-т яз. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

355. Яцкевич, Л. Г. Структура поэтического текста: учеб. пособие / Л. Г. Яцкевич. – Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ун-та «Русь», 1999. – 240 с.

356. Bang, W. Manichäische Erzähler / W. Bang // *Museon*. – XLIV. – S. 32.

357. Brockelmann, C. Ostürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasien / C. Brockelmann. – Leiden, 1954. – 111 s.

358. Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation* / D. Davidson. – USA: Oxford University Press, 1984. – 292 p.

359. Deese, J. *The Structure of Associations in Language and Thought* / J. Deese. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1965. – 215 p.

360. Grzybek, Peter. K.-D. Seemann (Hg.). *Beiträge zur russischen*

Volksdichtung: [review] / Peter Grzybek. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. – S. 232–234.

361. Hirt, H. Indogermanische Grammatik. T. 3 / H. Hirt. – Heidelberg, 1927. – S. XXII + 350.

362. Osgood, Ch. E. Focus on Meaning. Vol. I. / Ch. E. Osgood // Exploration in Semantic Space. – The Hague-Paris, 1976. – S. – XII + 235 s. [Осгуд, Ч. Е. Средоточие на значении. Т. 1 / Ч. Е. Осгуд // Исследование в семантическом пространстве. – Гаага; Париж, 1976.]

363. Osgood, Ch. E. Semantic differential technique in the Comparative Study of Cultures / Ch. E. Osgood; L. A. Jakobovits & M. S. Miron (eds). // Readings in the Psychology of Language. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1967. – P. 171–200.

364. Pallo M. Die Mittlere Stufe des tschuwaschischen Lautwandel d > δ > r / M. Pallo // Ural-Altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1971. – 43 т. – S. 85.

365. Persson, P. Studien zur Lehre von Wurzelweiterung und Wurzelvariation / P. Persson. – Upsala, 1891. – S. 3–4, 212–213.

366. Radloff, W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. 7 т. / W. Radloff. – St. Peter, 1906. – 35 s.

367. Radloff, W. Phonetik der nördlichen Türksprachen / W. Radloff. – Leipzig, 1882. – 167 s.

368. Serebrennikof, B. A. Zur Frage nach dem Ursprung der protetischen Konsonanten v und j im Tschuwaschischen / B. A. Serebrennikof // АОИ. XIX. I. 1966. – 65 s.

369. Pokorny I. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: A. Francke, 1959. Режим доступа:

<http://www.archive.org/details/indogermanisches/01pokornoft>.

Художественная литература и периодика

370. Алферов, В. Г. Песенный край. - Куйбышев: кн. изд-во, 1981г.

371. Баранов, А. Еще разок взглянуть, 2007.

372. Боков, В. Ф. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. Песни, поэмы. Над

- рекой истермой: записки поэта. М.: Художественная литература. 1984. – 462 с.
373. Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М.: АСТ, 1997. – 304 с.
374. Васильев, Г. Юман пек сирёп Арланов // Хыпар 21 июля 2012 г. № 139-140.
375. Воробьев, А. А. Ветла: стихотворения и поэмы : пер. с чуваш. А. А. Воробьев. – М.: Современник, 1974. – С. 7–28.
376. Воробьев, А. А. Чуптунă вар: савăсем [Дерево дружбы: стихи] // А. А. Воробьев. – Шупашкар 1964. – 48 с.
377. Емельянов, А. В. Разлив Цивиля / А. В. Емельянов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. – 294 с.
378. Ефремова, Н. «Върман– пуянлăх».
379. Зотова, Г. «Сирёклё шур мыскари».
380. Иванов, К. В. Нарспи / К. В. Иванов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1976. – 126 с.
381. Иванов, К. В. Нарспи / К. В. Иванов. – Шупашкар, 2001. – 128 с.
382. Илларионов, И. И. Хурăнлă сұл: калавсем // И. И. Илларионов. – Шупашкар: Чăваш АССР гос. изд-ви, 1946. – С. 8–16.
383. Ильпек, Н. Суйласа илнисем. 1 т. Хура сăкăр: роман.- Шупашкар; Чăваш кĕн. изд-ви, 1996. – С. 137.
384. Кибек, Д. А. Охотники / Д. А. Кибек. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. – 336 с.
385. Леонов, Л. М. Русский лес / Л. М. Леонов. – М.: Молодая гвардия, 1975. – С. 245.
386. Лермонтов, М. Ю.. Стихотворения, 1832–1841 // Сочинения: в 6 т – М.; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1954–1957. – Т. 2.
387. Львова, Н. «Тёттём върман».
388. Максим Ястран «Уйри сăка».
389. Некрасов, Н. А. Коробейники // Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 4. – Л.: Наука, 1982. – С. 69.

390. Паустовский, К. Г. Кордон 273 // Паустовский К. Г. Золотая Роза: рассказы. – Киев: Радянська школа, 1984 г.
391. Паустовский, К. Г. Ночные поезда // Паустовский К. Г.. Время больших ожиданий: повести, дневники, письма. Т. 2. – Н-Новгород, 2002. – С. 78–79. – (Повесть о жизни).
392. Паустовский, К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский. – М.: Сов. Россия, 1967. – С. 695.
393. Паустовский, К. Г. Рассказы для детей. (Аннушка).
394. Петр Эйзин. Пурнăç.
395. Петров, П. Т. Кушкă ачи. Повесть – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1992. – С. 314.
396. Петрова, Ю. Сенкерленчĕ шуçăм. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1962. – 99 с.
397. Пушкин, А. С. Сказки / А. С. Пушкин. – М.: Омега, 2003.
398. Родыгин, Е. П. Уральская рябинушка.
399. Розенбаум, А. Я. Сборник стихов и песен. – 1997.
400. Русские советские песни (1917–1977) / Сост. Н. Крюков. Я. Шведов. – М.: Худ. лит., 1977.
401. Салтыков-Щедрин, М. Е. Господа Головлевы. Убежище Монрепо: романы // Собрание сочинений: в 3 т. – М.: ИПО «Полигран», 1996. Т. 2.
402. Самант. 2011. 25 марта № 3.
403. Сегодня. 2008. 31 июля
404. Сементер, Ю. С. Уçланкăри палан: сăвăсемпе поэма. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. – 95 с.
405. Софронов, А. Ах, эта красная рябина (песня).
406. Станьял, В. П. Хура вăрман // Станьял В. П.. Юрату йĕтесĕ: суйласа илнĕ сăвăсем. – Шупашкар, 2004. – С. 85.
407. Степанов, А. Н. Семья Звонаревых: роман: [в 2 кн.] / А. Н. Степанов. – Калуга: Д.Л.К. : Негоциант, 1993 – Кн. 1. – 524 с.
408. Тăван ен. 2008. 3 декабры.

409. Тургенев, И. С. Свидание // Записки охотника / И.С. Тургенев. – Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1945. – С. 225.
410. Турхан, К. Йӓмралӓ ял: роман. – Шупашкар: Чӓваш АССР Государство изд-ви, 1951. – 368 с.
411. Федин, К. А. Собрание сочинений: в 9 т. – М. : Гослитиздат, 1960. – Т. 6.: Я был актером; Старик: повесть; Первые радости: роман / К. А. Федин [примеч. Б. Брайниной]. – 510 с.
412. Федоров, М. Арӓури / М. Федоров. – Шупашкар: Чӓваш патшалӓх гуманитарн ӓслӓлӓхӓсен институтӓ, 2000. – 36 с.
413. Хресчен сасси. 2010. 3 февраля.
414. Хузангай, П. П. Сӓвӓсем / П. П. Хузангай. – Шупашкар: Чӓваш кӓн. изд-ви, 1982. – С. 22.
415. Чехов, А. П. Чайка // Избранные сочинения // А. П. Чехов. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1946. – С. 396-419.
416. Шведов, Я. З. Смуглянка // Шведов Я. З. Продиктовано временем: стихи, баллады, песни. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 142 с.
417. Шолохов М. Тихий дон. В 4-х книгах. Кн. 2. – М.: Худ. лит., 1968. – С. 313.
418. Шупуӓӓынни, Н. «Шелтӓм-шелтӓм йӓмра ӓулӓи».
419. Элкер С. Кушлавӓш уйӓ // С. В. Элькер. Хурапа шуӓ. Тӓрлӓ вӓхӓтра ӓырнисем. Проза, поэзи, аса илӓӓсем, кун кӓнекинчен, ӓырусем, хаклавсем. – Шупашкар: Чӓваш кӓн. изд-ви, 1994. – С.153.
420. Ял пурнӓӓӓ 2010. 26 ноября.

Матрица для проведения ассоциативного эксперимента. Приложения

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ СЛОВ-ФИТОНИМОВ

Ф.И.О. респондента _____,
проживающего по адресу: _____

Аялта илсе панă сăмахсене вуласассăн сирĕн мĕнле ассоциаци суралать, савна ытти сăмахсемпе тата сăмах майлашăвĕсемпе палăртса сырмалла. Ёсе питĕ хавăрт тумалла. Сирĕн ёсе никам та хак памасть, анчах сирĕн ёс ученăйсене тĕрлĕ сĕрте (Интернет, реклама, словарь тунă ёс) усă курма май парать.

1. Кунта эсир тĕрлĕ вариантсем, литература тĕслĕхĕсемпе пĕрлех вырăнти каласура (диалект) усă куракан вариантсем пулсан сирĕн хурав тата та вайлăрах пулать.

Список слов-стимулов

• Йывăç (Дерево)
Япала ячĕ (имя существительное)
Паллă ячĕ (имя прилагательное)
Сăмах майлашăвĕсем (Словосочетания)
Метафорасем
• Вăрман (лес) (хăрушă вырăн, пуянлăх...)
• Турат (ветка) (хăрăк турат – тăлăх)
• Юман (дуб) (атте, сирĕп сывлăхлă сын)
• Çăка (липа) (анне)
• Йăмра (ветла)
• Хурама (вяз)
• Палан (калина)

• Вёрене (клен)
• Тирек (тополь)
• Пилеш (рябина)
• Ыёмёрт (черемуха)
• Каврăç (ясень)
• Кедр (кедр)
• Хурăн (береза)
• Чăрăш (ель)
• Хыр (сосна)
• Улмуçи (яблоня)
• Катăркас (боярышник)
• Шăлан (шиповник)
• Уртăш (можжевельник)

• Хăва, сусе (ива)
• Шĕшкĕ (орешник)
• Сирĕк (ольха)
•

2. Пополните синонимический ряд фитонимов (названия деревьев и других растений), выражающих положительные и отрицательные эмоции человека:

- 1) «человек легкомысленный, несерьезный»: йывăç, тунката,
.....
- 2) «человек беспорядочный, бессовестный»: кĕлте, сĕлĕ кĕлти,
.....
- 3) «человек жадный»:
- 4) «человек легкомысленный, несерьезный»:
- 5) «человек глупый, тупой, недалекий»: арпа пуç, вĕрман тункати, уй тункати,
.....
- 6) «человек неаккуратный, неряшливый»: пĕрсе мĕлки.....
- 7) «человек смешной, насмешник, скалозуб»:
.....
- 8) «сухопарый человек»: хытнă юман,
.....
- 9) человек красивый, стройный: хăва хулли пек пĕ,
.....

3. Чăвашла тата вĕрĕсла 2-3 ваттисен сăмахĕ е каларăш тупса ырмă тăрăшăр.

Вĕрман (лес)	1) Вĕрманта пурăнсан тунката та юлташ;
2) Вĕрман нĕхăсăн та пушă ямасть;
3) _____
4) _____
Йăмра (ветла)	1) Йăмрасăр ял та хир;
2) Йăмран йăмра, павран павра;
3) _____
4) _____

- Палан (калина)** 1) Палана йўсёрен паллассё, наяна ёсёнен паллассё;
2) _____
3) _____
- Пърса (горох)** 1) Пърсапа хёрачана курмасър иртмессё;
2) _____
3) _____
- Пилеш (рябина)** 1) Пилеш хёресё пин усапа хёратать;
2) Пилеш нумай пулсан, ыраш лайах пулатъ;
3) _____
4) _____
- Сәка (липа)** 1) Сәка йывәсәипе тимёр сине карт тәваймән;
2) _____
3) _____
- Сирёк (ольха)** 1) Сирёк кәчки пулсан – сёлё пулатъ;
2) Сирёке ўсме те ирёк кирлё;
3) _____
4) _____
- Панулми йывәсәи (яблоня)** 1) Улмуссинчен улми аякка ўкмест тессё;
2) _____
3) _____
- Чечек (Цветок)** 1) Пёр майра пусне пилёк пурсән тутәр сыхнә;
2) _____
3) _____
- Хурән (береза)** 1) Хурәнләх сүлө – хурләх сүлө;
2) Хурәнпа хурамана сәмрәк чух авассё;
3) _____
4) _____
- Юман (дуб)** 1) Юман йывәс та пурне те юрайман;
2) _____
3) _____

4. Писательсемпе поэтсен пултарулаһ уәләхәнчи ўсентәрансен ытарлә сәнарёсем.

- 1) Прочитайте текст и ответьте на вопрос: совпадает ли Ваша точка зрения на мифосимволы указанных деревьев-фитонимов с точкой зрения автора текста.
- 2) Определите:
 - а) исходное значение, закрепленное за фитонимом в словарной статье,
 - б) мифологическое, символическое значение.

1) Это было давным-давно, в незапамятные времена. Как-то в один из годов очень рано наступила осень. Еще и листья с деревьев не опали, а уже завернули сильные холода. Птицы начали сбиваться в стаи и заторопились в теплые страны. Змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки, спасаясь от холода, залезли в свои норы и дупла. Все живое или улетело, или попряталось. Лишь маленькая птичка с пораненным крылом не смогла улететь со стаей и осталась одна в чистом поле на пронизывающем ветру. Сидит птичка под кустиком полыни, горюет, что делать – не

знает. Неужто так и придется погибать? А на краю поля начинался большой дремучий лес. “Поскачу-ка я в этот лес, может, деревья сжалятся надо мной и пустят на свои ветки перезимовать”, – подумала птичка и, оберегая свое раненое крылышко, поскакала к лесу.

На опушке леса стояла кудрявая красавица-береза. Птичка к ней с просьбой:

– Береза-березонька, густая и кудрявая, пусти к себе перезимовать.

– Веток у меня много, листьев еще больше, мне за ними надо смотреть, до тебя ли тут, – ответила береза.

Поскакала птичка со своим перебитым крылышком дальше. Глядит – стоит развесистый дуб-великан. Стала она его упрашивать:

– Дуб-богатырь, смилуйся, пусти меня на свои густые теплые ветки до весны прожить.

– Вот еще придумала, – ответил дуб. – Если всех пускать на зиму, вы у меня ни одного желудя не оставите. Нет, нет, не пушу, иди своей дорогой.

Птичка-невеличка поскакала дальше по лесу, оберегая свое раненое крыло. Приблизилась к речке, видит – на берегу, спиной к ней, лицом к речке, стоит, до самой воды уронив свои ветви, могучая ветла.

– Добрая ветла, твои ветки густые, уютные, пусти меня прожить на них до весенних теплых дней, – просит и ветлу бедная птаха.

– Проваливай, я с рекой разговариваю, а со всякими встречными мне и разговаривать-то не к лицу, – гордо ответила ветла.

Бедная пташка впала в отчаянье. Да и было от чего: никто ее, горемыку, не пускает на зиму, все-то разговаривают свысока.

Усталая и голодная, побрела она дальше, в глубину леса, осторожно ступая, чтобы не сделать больно раненому крылышку.

Несчастную птицу заметила зеленая ель.

– Ай-яй, бедняга, куда же ты идешь? – спросила она птаху.

– Куда иду, и сама не знаю, – ответила та.

– Как же не знаешь? – удивилась ель.

– Да ведь не от хорошей жизни одна по лесу хожу, – печально сказала птичка-невеличка. – Иду куда глаза глядят.

– А что же ты со своими подругами не улетила?

– Крылышко у меня больное, не могу летать. А пришла в лес, попросилась у деревьев пустить меня перезимовать – никто не пустил, никто не пожалел.

– Ах, бедняжка! – жалостливо воскликнула сердобольная ель. Тогда поживи у меня. Вот садись на эту мохнатую веточку – она самая теплая.

Рядом с елью стояла старая сосна. Она тоже пожалела пташку.

– У меня ветки не такие густые, не такие теплые, но я буду загораживать тебя от холодных северных ветров, – сказала она.

Птичка забралась в самую гущину еловых ветвей, а сосна прикрыла ее от холодного ветра.

Принял участие в судьбе маленькой птички и росший между елью и сосной можжевельник.

– Не унывай, птичка-невеличка, я тебя всю зиму буду кормить своими ягодами.

2) Срубишь – звонко падают.
А березки! Каждый ствол
На оглоблю бы пошел.
У рябин не счесть развилин –
Вот уж, право, вышли б вилы!

Бурей дуб там привалило
И черемушник прибило.
Но откуда взялся леший,
Что людей пугает здешних?
(Федоров).

5. На основе выполненного пункта 4 заполните таблицу «Фоно(звуко)-семантические параметры слов-фитонимов по антонимическим парам» (эмоциональное пространство Вашего мироощущения делите по шкале от 1 до 100; например: Дуб по шкале 2 – 100 ед.):

шкала от 1 до 100

	Дуб	Липа	Вяз (хурама)	Береза	Ель	Сосна	Рябина	Калина	Черемуха	Клен	Тополь
1. Символ культуры – название дерева											
2. Райский сад – сад											
3. Языческое верование – христианское верование											
4. Суеверие – вера											
5. Нечистая сила – удача											
6. Красивое – корявое											
7. Материал – растительность											
8. Любовь к прекрасному – развлечение											
9. Символ скорби – символ радости											
10. Огромное – одинокое											
11. Красивый – отталкивающий											
12. Добрый – злой											
13. Светлый – темный											

шкала Ч. Осуга

14. Величественный – низменный																								
15. Грубый – нежный																								
16. Мужественный – женственный																								
17. Могучий – хилый																								
18. Веселый – грустный																								
19. Лёгкий – тяжёлый																								
20. Чистый – грязный																								
21. Горячий – холодный																								
22. Твёрдый – мягкий																								
23. Старый – молодой																								
24. Быстрый – медленный																								
25. Противный – приятный																								
26. Активный – пассивный																								

6. Переведите предложения, содержащие слова-фитонимы:

а) с русского на чувашский язык:

1) Дома «Сельхозтехники» выросли за два последних года на северной окраине районного городка, но от самого городка они отделены *березовой* рощей и потому стоят как бы особо, гордясь" своей новизной.

2) Парится он *дубовым* веником, хотя Ермолай Петрович и внушает ему, что *березовые* полезней, а в *дубовых* – вредные вещества.

3) Старик изнемог под *березовым* веником за какую-то минуту, и Андрей помог ему спуститься с высокого полка.

4) Легкий пар, поднимающийся от запаренных *березовых* веников, напоминает Любе о жарком летнем дне, когда от огородных грядок пахнет укропом...

5) Вечером, бывало, придет зять с работы, а у его ворот два *дуба* лежат на нижние венцы.

6) Вот уже и пригородная *дубовая* роща стала редеть, показались верхние этажи новых девятиэтажных чебоксарских домов.

7) Конечно, время Лисиных скоро пройдет, поскольку они сами, теряя чувство ответственности, усугубляют положение в государстве, как та свинья под *дубом* вековым, но ведь пройдет и мое время, мои годы, моя жизнь, иссякнут мои силы...

8) У нас за деревней в Семендеревском поле стояла старая сосна, и я еще помню, как к этой *сосне* ходили молиться некоторые наши старики и старухи.

9) Никогда так сладко и терпко не пахнут *тополя*, как под весенним дождиком, а и всего-то их, этих *топольков*, посаженных года три назад, штук пять и уцелело, остальные обьели козы.

10) Это дикая *яблоня*, – говорит Ирина Анатольевна. – Выросла сама по себе, папа все время хотел привить что-нибудь, да так и не привил.

11) Вот и *липы* в парке уже стоят желтые, а *клёны* горят багряными кострами.

б) с чувашского на русский:

1) Йёлтёр патакки вырăнне Ванюш пёр аллине вăрăм авăрлă юман чукумар, теприне икĕ йўплĕ сенĕк тытрĕ, ыранччен тесе, анкарти хыçĕпе тўрех çула тухрĕ.

2) Авалхи патвар юмансемпе кутамас хурамасем хушшине кёртсе тăратнă та хайхи турă лашана, вĕренпех кăкарса хунă.

3) Ватă хурамасемпе лаштра юмансем хуллен кашлаççĕ.

4) Часах, ёмёрхи юмансемпе хурамасем çийĕн чăваш юрри янăраса кайрĕ.

5) Ăна вĕçĕ-хĕррисĕр кашласа, шавласа ларакан хыр вăрманĕ уйрăмах савăнтарнă.

6) Ёпĕ ку таврашра çу қаça пурăнма хатĕр: сывлăшĕ уçă, хĕрĕсем хыр пек яштак пўллĕ, – шахвартса калаçрĕ Михалă.

7) Каччăсем қаçхи апат хыççăн, Михалă каларăшле, хыр пек яштака пўллĕ Шăмăршă хĕрĕсем патне тухса шăванчĕç.

ЫТТАМА ХУТШАННІШАН ЧАВАШ ПАТШАЛĂХ ГУМАНИТАРИ АСЛАЛĂХЕСЕН ИНСТИТУЧЕН ЁСТЕШЕСЕМ СИРЕ ТАВ ТĂВАÇÇĖ.

Адрес: Шупашкар хули, Мускав пр., 29 сурт, 1 корп. Чăваш патшалăх гуманитари аслалăхесен институтĕ.
Тел.: 45-00-05. Институт сайчĕ: <http://www.chgign.ru> Электронлă адрес: human2000@yandex.ru